

Павел Корнев Сергей Малицкий Александр Матюхин Юлия
 Зонис Роман Суржиков Владислав Выставной Алла
 Гореликова Павел Комарницкий Елена Перепёлкина
 Андрей Тепляков Сергей Фомичев Александр Прокопович
 Владимир Яценко Николай Ерышалов
 Мир фантастики 2010. Зона высадки

«Мир фантастики 2010. Зона высадки/ Сборник»: АСТ, Полиграфиздат, Астрель-СПб;
 Москва, СПб; 2010

ISBN 978-5-17-062247-4, 978-5-403-03122-6, 978-5-17-063612-9, 978-5-403-03119-6

Аннотация

За их плечами тысячелетний опыт войны, миллионы парсеков звездных дорог, сотни открытых миров, и десятки забытых побед. Они высаживались на чужие планеты, и воевали на Земле с пришельцами из далекого космоса. Они теряли друзей. Они находили врагов. Убивали и спасали, нападали и защищали. Они остались в живых.

Всем ветеранам космоса посвящается.

Мир фантастики 2010 Зона высадки

От издательства "Астрель-Спб":

Сопутствующие изданию обстоятельства:

1. Отбор рассказов для сборника проходил на сайте "Самиздат" в течение года.

2. За это время на адрес pier_kvadrat@mail.ru в общей сложности пришло 1284 рассказа, от 473 Авторы.

3. Рассказы, вошедшие в сборник - это компромиссное, и очень непросто принимавшееся решение. Просто ХОРОШИХ и ОЧЕНЬ ХОРОШИХ рассказов мы получили в разы больше. Первоначально заявленный объём сборника был сознательно превышен издательством на 3 А.Л. Это максимум того, что можно было сделать в данной ситуации.

4. В течение 2010 года будет издано ещё два сборника фантастических рассказов сходной тематики. (Пока без конкретики, названия и концепции сборников - на стадии утверждения).

5. Дополнительный отбор рассказов проводиться не будет, так как рассказов, любезно присланных авторами ранее, хватило бы и на десяток подобных сборников.

6. Переговоры с Авторами - потенциальными участниками двух будущих сборников, будут проводиться после утверждения Лонг-листов

**Павел Корнеев
Инквизитор**

04 августа **73 года, 19–15

Земля, федеральный регион Западная Европа,

Новая Вена, торговый комплекс «Врата миров»

Вечер пятницы — время покупок. Время переполненных магазинов и забитых продуктами тележек. Гомона толпы, толчеи меж заставленных всякой всячиной стеллажей и бесконечных очередей. Всякий раз, когда рабочая неделя подходит к концу, армия служащих спешит пополнить запасы, чтобы ближе к ночи, сменив опостылевшую офисную униформу на модные наряды, набиться в многочисленные кафе и бары. Благо — и развлекательных заведений в торговом комплексе хватало с избытком.

— Второй сектор, третий стеллаж, секции с «D» по «L». — Голос в наушнике заставил оторваться от висевшего под потолком экрана, ноги сами собой направились в дальний конец торгового зала.

Тележка, набитая разноцветными коробками с пищевыми концентратами, катилась привычно легко, и лишь необходимость обходить толпившихся меж стеллажей покупателей не давала как следует разогнаться. Выискивавшие нужные товары люди обступали со всех сторон, толкались, перебегали от прилавка к прилавку. Кто-то оставил покупки прямо посреди прохода и мотал нервы заученно улыбавшемуся консультанту, кто-то загородил дорогу и начал возмущаться качеством сервиса. Объезжаю, иду дальше.

Выскочивший откуда-то сбоку молодой парень локтём сшиб пару лежавших в тележке упаковок, одна из них раскрылась, и по полу во все стороны разлетелись разноцветные пакетики. Пришлось опуститься на корточки и записывать их обратно. Пальцы немедленно отдалил тяжёлый ботинок, споткнувшийся охранник выругался и поспешил дальше.

— Кротов, ты там уснул, что ли? — как-то очень уж нервно пропищал голос в наушнике. — Повторяю: второй сектор, третий стеллаж, секции с «D» по «L». Шевелись! Администратор уже интересовался, почему нет товара!

Нужный проход меж стеллажей оказался заблокирован сразу парой тележек; ничего не оставалось, кроме как развернуться, пропустить направлявшихся к кассам покупателей и тащиться с черепашной скоростью вдоль продуктовых рядов, выискивая хоть какой-то просвет в толпе. К счастью, вскоре нашёлся обходной путь: едва не пропоров краями упаковку, тележка всё же прошла меж выстроенных в два ряда коробов с сухим соком.

— Кротов!.. — вновь рывкнул наушник, но продолжения не последовало. Непонятный хрип — и всё. Связь барахлит?

За соседним стеллажом раздался странный хлюпающий звук, будто с полки уронили наполненный вязкой жидкостью пакет, и на миг шум в торговом зале стих; смолкла даже транслировавшаяся по внутренней системе комплекса музыка. А мгновение спустя по нервам ударил чей-то истошный вопль. Не успев толком набраться силы, крик оборвался, но тотчас заголосили в другом конце торгового зала.

Заскочивший в проход молодой парень резко — будто налетев на невидимую преграду, — остановился, изо рта у него хлынула кровь. Вмиг обмякший покупатель сломанным манекеном повалился на пол, и вокруг его головы по искусственному покрытию начало расплзаться грязно-алое пятно.

Тело среагировало самостоятельно: ноги подогнулись, спина прижалась к шершавой упаковке короба. Руки машинально зашарили по поясу. Нет оружия? Ерунда — главное из сектора обстрела ушёл...

Обстрела?! Что за чушь?!

Нет — парню, конечно, могли пальнуть в спину, но рубаха-то у него целёхонькая! Какая чертовщина тут творится?!

Крики стихли почти одновременно. Вот ещё в разных концах зала визжало сразу несколько человек — и вдруг вопли будто обрезало. Странное хлюпанье — и тишина. Только в воздухе повисло едва заметное марево, а кожу закололи лёгонькие разряды статического электричества.

Моментально заслезились глаза, во рту пересохло, застёгнутый воротничок серой спецовки больно врезался в шею. Остаться на месте стало совсем уж невмоготу, но стоило

выглянуть из-за короба, как сразу захотелось спрятаться обратно и зажмуриться. Оно и неудивительно: торговый зал напоминал место недавнего сражения. Лужи крови, безжизненные тела, искривлённые предсмертной судорогой лица...

Приступ рвоты стальным обручем сдавил рёбра, в голове зашумело, и заползти в своё убежище удалось, уже почти теряя сознание. Реальность будто раздвоилась: перед глазами стояли скрюченные тела мертвецов и залитый кровью пол торгового зала, а в ушах звучали дальние отголоски взрывов, шелест полосовавших землю боевых излучателей и надсадный гул проходящих над самой головой флаеров...

Какого чёрта?!

*05 августа **73 года, 10-00*

Земля, Кипр, штаб-квартира

Агентства охраны порядка Земной федерации

— Кротов Сергей Петрович? — уточнил бегло пролистывавший распечатки предыдущих допросов усатый следователь. Среднего роста, в серой, под стать стенам, униформе. На погонах по три серебряных звезды. Его коллега — повыше и куда массивней, — стоял у двери и время от времени поглядывал на экран служебного наладонника.

— Да.

— Вчера в девятнадцать сорок пять вас задержали в торговом комплексе «Врата миров». Что вы там делали? — изучив стенограмму допроса, следователь кинул листы в утилизатор. Царивший в помещении полумрак разогнала голубая вспышка, но серость тут же отвоевала на мгновение было утраченные позиции.

— Работал.

— И?

— Просто работал.

— Расскажите, что происходило в комплексе с девятнадцати двадцати до девятнадцати тридцати, — раздражённо потребовал усатый и закурил.

— Не знаю. — Вряд ли следователь рассчитывал на такой ответ, но другого не было. — Не знаю...

— Да что ты с этим зомби возишься? — фыркнул мужчина, стоявший у двери. — Полный курс психологической реабилитации два года назад. У него самосознание как таковое отсутствует!

— Перестань! — обернулся к коллеге усатый. — Смотри, как получается: при непонятных обстоятельствах из без малого девяти сотен человек выживает только один. Так простое ли совпадение, что это бывший боевик террористической организации «Опорный край»? Который помимо прочего обвинялся в применении отравляющих веществ против мирного населения! Как тебе это, а?

— Как вспомню то мирное население, так мурашки по коже, — усмехнулся здоровяк и вскинул руку, останавливая уже открывшего рот коллегу: — И потом, после полного курса психологической реабилитации человек в принципе не способен на осознанное причинение вреда другим людям.

— Не доверяю я этим новомодным штучкам, — поморщился усатый.

— Никаких следов отравляющих веществ экспертам обнаружить так и не удалось.

— Ну да — посетители комплекса просто сами по себе взяли и умерли. Все девятьсот человек!

— Возможно, применялись высокочастотные излучатели нового поколения... — предположил здоровяк, посмотрел на пикинувший наладонник и как-то очень уж нервно сглотнул: — Две минуты назад из зоны прокола вышел крейсер лингеров.

— Ну и?

— Находящийся на его борту спецпредставитель Совета берёт расследование под свой контроль.

— О, дьявол! Какого чёрта инквизитору понадобилось на Земле? — И крепко

выругавшийся следователь задумчиво уставился на меня: — Может, мы о чём-то не знаем? А, Сергей Петрович? Что скажете?

*05 августа **73 года, 13–20*

Земля, Кипр, штаб-квартира

Агентства охраны порядка Земной федерации

— Мне нужно знать о нём всё. — Переговорное устройство практически не передавало эмоций, и механический голос инопланетянина звучал сухо и безжизненно.

Да и сам спецпредставитель — гуманоид из расы лингеров, затянутый в отливавший голубоватым сиянием герметичный костюм, — больше напоминал робота, нежели существо из плоти и крови. Непрозрачный лицевой щиток не давал понять, куда направлен его взгляд, и следователей этот факт изрядно раздражал. Но куда больше их бесило осознание того, что наделённый немалыми полномочиями посланец Совета не стал бы тратить своё время на расследование заурядного террористического акта. И значит, вчерашнее происшествие обязательно получит большой общественный резонанс. А уж в том, что в скором времени полетят чьи-то головы, сомневаться и вовсе не приходилось: прозвище «инквизитор» прилипло к спецпредставителям Совета вовсе не на пустом месте.

— Его досье закачено в ваш коммуникатор, — тут же напомнил усатый. — Вместе с данными проведённого вчера комплексного анализа крови и снятой сегодня утром психограммой.

— Ваше мнение? — Инквизитор прошёлся от стены к стене. И в движении — невысокий, с вытянутым черепом и бугрившимися под защитным костюмом мышцами, — он весьма напоминал неведомо как выбравшегося на сушу морского хищника.

— Кротов Сергей Петрович, сорок пятого года рождения. На начальной стадии Контакта — боец отряда самообороны. В дальнейшем примкнул к запрещённой ныне организации «Опорный край». Доказано участие в нескольких террористических акциях против переселенцев и руководящего состава администрации Земной федерации. Три года назад был арестован и приговорён к высшей мере наказания. За боевые заслуги помилован, прошёл полный курс психологической реабилитации в исправительном учреждении закрытого типа Зета-8. После освобождения депортирован в федеральный регион Западная Европа. Последние два года работал по распределению грузчиком в торговом комплексе «Врата миров». Нарушений режима не отмечалось, анализ крови на содержание запрещённых препаратов и веществ двойного назначения результатов не дал.

— Зафиксировано ли его присутствие в торговом комплексе во время инцидента документально? — уточнил лингер и, наконец, соизволил сделать лицевой щиток прозрачным.

— Да. Имеются записи с камер службы безопасности и показания проверявших помещение спецназовцев, — подтвердил стоявший у дверей следователь. — Проблема в том, что в ходе психологической реабилитации самосознание Кротова было откорректировано до безопасного для общества уровня, а это не могло не сказаться на умственных способностях. Как свидетель он не представляет для нас никакой ценности.

— Не имеет значения, — отмахнулся инквизитор.

— Тогда, быть может, вы просветите нас о природе случившегося? — переглянувшись с напарником, всё же решил уточнить здоровяк.

— Вся необходимая информация в ближайшее время будет передана Агентству по дипломатическим каналам. — Лингер подошёл к двери и приложил четырёхпалую ладонь к датчику замка. — Оборудование с крейсера уже доставлено?

— Да, — проверил информацию в наладоннике здоровяк. — Согласно поступившему распоряжению груз направлен в представительство Совета.

— Мне нужен флаер и двое сопровождающих, — вышел в распахнувшуюся дверь инквизитор и, обернувшись, указал на меня: — Его я беру с собой.

05 августа **73 года, 18—40

Земля, федеральный регион Западная Европа,

Новая Вена, западный сектор Четырёхместный флаер, на котором стараниями технической службы не осталось никаких следов принадлежности к Агентству, прочёсывал Новую Вену третий час подряд. С улицы на улицу, от квартала к кварталу. На черепашьей скорости, по одному инквизитору ведомому маршруту. От центра к окраинам и от окраин к центру. А потом по новой.

Занявшие передние сиденья летательного аппарата оперативники Агентства всю дорогу молчали, лишь изредка уточняя у лингера нужное направление. Тот столь же немногословно отвечал, не отрывая взгляда от прибора, связанного с нацепленными на мою обритую наголо голову датчиками.

Виски нещадно ломило, немного подташнивало, а от сделанных перед вылетом инъекций клонило в сон. Но забыться не получалось — стоило зажмуриться, как перед глазами вновь начинали мелькать обрывки давным-давно позабытых воспоминаний. Жутких и безумно притягательных одновременно.

— Остановите на углу, — неожиданно распорядился лингер, когда флаер миновал несколько стоявших наособицу высоток. — Оставайтесь здесь, мы пойдём вдвоём.

Обычный спальный район. Обычные обшарпанные дома с загаженными подъездами и собирающимися по вечерам во дворах малолетними правонарушителями. Ничего из ряда вон, ничего примечательного. И всё же инквизитор без колебаний направился к дальней многоэтажке. С ходу выбрал подъезд, по лестнице поднялся на третий этаж и остановился у одной из квартир. Ещё раз взглянул на мягко светившийся в полумраке экран прибора и спрятал служебный разрядник в кобуру. А потом без колебаний толкнул оказавшуюся незапертой дверь и заглянул внутрь.

В комнате на незаправленной кровати лежал мужчина. Должно быть — мужчина, по ссохшемуся лицу так сразу и не разобрать. Судя по силному дыханию, живой. Но явно — не жилец.

— Встань туда, — указал инквизитор в дальний от двери угол и принялся споро обшаривать скудную обстановку. Шкаф, ящики стола, панель пищевого комбайна. Так и не отыскав ничего интересного, лингер активировал переговорное устройство и скомандовал оставшимся во флаере оперативникам: — Поднимайтесь в сорок четвёртую. — Отключил микрофон и указал на дверь: — На выход.

Напоследок окинув взглядом тесную комнатку, инквизитор вслед за мной вышел в подъезд, но прежде чем прикрыть дверь, кинул в квартиру серебристый цилиндр размером со стандартную аккумуляторную батарею разрядника.

Глухой хлопок, звон стекла, вздрогнувший под ногами пол.

— Что случилось? — с игломётом на изготовку взбежал на этаж оперативник Агентства и прижался спиной к стене. Его напарник и вовсе остановился пролётом ниже.

— Зачистил органику, — как-то очень уж по-будничному объяснил инквизитор и начал спускаться по лестнице на первый этаж. — Вызовите экспертов, пусть проведут комплексное обследование помещения и установят личность владельца.

— Но...

— Остаётесь здесь, — не стал слушать возражений лингер. — Флаер мне ещё понадобится. Кротов, пошли...

Устроившие засаду в одной из квартир на первом этаже парни поторопились. Дождись они, когда мы спустимся с лестничной клетки и превратимся в узеньком коридорчике в отличную мишень, — и всё бы у них получилось в лучшем виде. А так...

...Когда из распахнувшейся прямо передо мной двери выскочил невысокий парнишка с силовым ножом в руке, уже ступивший на лестницу лингер сделать ничего не успевал. Даже обернуться. И сдохнуть мне с перерезанным горлом, да только неожиданно тело вновь припомнило вбитые бесчисленными тренировками движения.

Захватить запястье; выкручивая руку, развернуть противника спиной к себе; зажать в сгибе локтя голову... И одним резким движением свернуть шею...

Выронивший нож парень ещё только оседал к моим ногам, когда лингер неуловимым движением распластался на ступеньках. И вовремя: прошедшая чуть выше очередь из игломёта впустую продырявила железную дверь и вдребезги разнесла короб домофона. Прицелиться получше у стрелка уже не получилось — выхвативший разрядник инквизитор открыл ответный огонь.

В квартире гроыхнуло, гул игломёта моментально оборвался, но стремительно взлетевший по ступенькам лингер на всякий случай выстрелил ещё несколько раз и только после этого осторожно приблизился к настежь распахнутой двери. Внимательно оглядел задымлённое помещение и обернулся ко мне:

— С твоим что?

— Я... — Взгляд остановился на неподвижно замершем теле. Я?! — Я его... Он мёртв...

Примчавшиеся на звуки стрельбы оперативники Агентства моментально сориентировались в случившемся и, прикрывая друг друга, заскочили в квартиру. Лингер молча проскользнул вслед за ними.

А я ошалело огляделся по сторонам и провёл ладонью по лицу. Непонятно с чего начал бить озноб, доносившаяся от распахнутой двери гарь и вовсе заставила прикрыть рукавом спецовки нос, пережидая, когда отступит подкатившая к горлу тошнота. С трудом понимая, где нахожусь, я медленно опустился на корточки и вытянул из пола глубоко засевший в бетоне нож. Щёлкнул переключателем, и светившееся голубоватым сиянием лезвие потускнело. Второй щелчок — и с тихим шорохом оно спряталось в рукояти.

И эти простые действия словно вывели меня из ступора. Заполнявший голову туман сгинул без следа, и впервые за долгое время я вновь стал самим собой.

«Не такая уж надёжная штука психологическая реабилитация, выходит»... — Именно эта мысль пришла в голову, когда я кое-как очухался и, потирая ушибленный об пол при падении лоб, поднялся на ноги. Тело было будто чужое, никак не удавалось отдышаться и унять колотившую меня дрожь.

Появившийся из квартиры инквизитор молча опустился рядом с лежавшим в подъезде мертвецом и ухватил его за волосы. Пальцы легко пробежались по затылку покойника, а уже через пару мгновений лингер вытер ладони об одежду убитого и направился к входной двери.

— Пошли, — не оборачиваясь, бросил он, и меня передёрнуло от отвращения.

Иди с этим?! Пальцы сжались на рукояти ножа, но я сумел пересилить себя и спрятал выкидуху в карман. Несколько раз глубоко вздохнул и обречённо поплёлся вслед за лингером. Желание загнать в спину инопланетному выродку силовой клинок никуда не делось, но...

Но... ты ведь не хочешь опять загреметь в Зета-8 и закончить жизнь безвольной куклой?

Нет? Тогда заткнись и делай, что говорят!

Лингер дождался меня у флаера. Внимательно оглядел с ног до головы, но ничего говорить не стал и молча залез на место пилота. Невольно поёжившись от чуть ли не физически давившего на плечи серого неба над головой, я уселся в соседнее сиденье и провёл рукой по облепившим голову датчикам:

— Можно снять?

Инквизитор указал на люк утилизатора.

— А теперь куда, э... достопочтенный? — зашарил по карманам серой спецовки я. Ни сигарет, ни кредиток. Бесправное существо, да и только.

— В Агентство, — приложив ладонь к сканеру системы безопасности, активировал антигравитационный движок инквизитор.

Я проводил взглядом приткнувшийся к торцу жилого дома магазинчик, несомненно способный обеспечить меня и куревом, и выпивкой, тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Да гори оно всё синим пламенем! И особенно эта страхолюдина рядом! И зачем он только меня в это дело втянул?

А действительно: зачем?

— Ты ксенофоб? — неожиданно нарушил затянувшееся молчание инквизитор.

— С чего бы это? — От неожиданности я даже опешил. Ксенофоб ли я? Ну, скорее, как в старинном анекдоте: ненавижу всех одинаково. — Не замечал за собой. А с какой целью, достопочтенный, интересуетесь?

— Не могу понять, — то ли транслятор не передал явственно прозвучавшую в моём ответе издёвку, то ли лингер просто решил не обращать на неё внимания, — почему человек с твоими данными оказался на курсах психологической коррекции, а не в Агентстве?

— Не повезло, — усмехнулся я. — Связался с плохой компанией.

— Да? — и не подумал удовлетвориться таким ответом инквизитор. — А судя по досье, ты намеренно сделал свой выбор.

— Сделал, чего уж там, — не стал спорить я. Хотели ли мы изменить мир? Чёрта с два! Не знаю, как остальные, а уж я-то был до конца откровенен с самим собой. Нам просто ничего другого не оставалось. Кучкой выроdkов, которым больше незачем жить, вот кем на самом деле мы являлись. Только это вовсе не означало, что наши тогдашние оппоненты — ангелы в белых одеждах. Вовсе нет. Скорее даже наоборот...

В этот момент флаер резко ушёл влево, и ослепительный луч боевого лазера на пару ладоней разминулсЯ с прозрачным куполом кабины. Не теряя ни мгновенья, инквизитор бросил машину в другую сторону, и второй выстрел тоже впустую истаял в сером небе.

— Что за чёрт?!

Мой возглас так и остался без ответа — у лингера появились куда более важные дела, чем отвечать на дурацкие вопросы: из-за соседних домов вынырнул флаер, как две капли воды похожий на наш. Вот только устраивать гонки никто не собирался: оставляя позади себя белый выхлоп, к нам устремилась самонаводящаяся ракета. Штука хоть и устаревшая, зато безотказная. Радовало одно: по лётным характеристикам с флаером ей тягаться не по силам.

Тем не менее, лингер принялся набирать скорость как-то очень уж неторопливо и лишь в самый последний момент избежал попадания, заложив крутой вираж. Едва не шаркнув стабилизатором по пронёсшейся мимо стене дома, мы свернули в узенький переулок, и тут же сзади рванула не сумевшая повторить этот маневр ракета.

Короткая судорога нагнавшей нас взрывной волны потрянула машину, но разворачивавший летательный аппарат инквизитор не обратил на болтанку никакого внимания. Резко набирая высоту, он направил флаер обратно на улицу.

Мелькнул сбоку развороченный взрывом торец высотки, и в следующий миг мы выскочили из переулкА на уровне восьмого этажа. Понадеявшийся на ракету пилот нёсшегося за нами флаера слишком поздно осознал в прямом смысле слова нависшую над ними опасность и ничего предпринять уже не успел: наложением гравитационных полей чужую машину буквально вдавило в асфальт. Громыкнул взрыв, во все стороны полетели искореженные обломки летательного аппарата и куски дорожного покрытия.

И всё же радоваться чудесному спасению оказалось рано — по куполу кабины будто хлестнула стальная плеть. Бронестекло вмиг покрылось трещинами, но очередь из крупнокалиберного игломёта всё же выдержало. Бронестекло выдержало — а вот обшивка оказалась не столь надёжной преградой для расплосовавших брюхо флаера снарядов. И, резко дёрнувшись, машина стремительно ухнула вниз.

Впрочем, как выяснилось буквально мгновенье спустя, столь резкое снижение было делом рук инквизитора. Выведя нас из-под обстрела, он в метре от земли прервал стремительное пикирование, распахнув дверцу, метнулся наружу. Я — следом.

И вовремя: рубином полыхнувший луч боевого лазера раскромсал флаер ещё до того,

как транспорт рухнул на газон перед многострадальной высоткой.

Едва успев откатиться от проредившей газонную траву очереди из ручного игломёта, я бросился к дому, но, не добежав пару шагов до спасительного угла, распластался на земле. Чутьё не подвело: выбивая бетонную крошку, по стене прямо над моей головой хлестнули стальные иглы.

Где-то на другой стороне улицы засверкали вспышки разрядника, и, выгадав момент, я перекатился вплотную к дому. Заскочил за угол и чуть не врезался в парня с тубой одноразового лазера на плече. От неожиданности тот замешкался и пропустил прямой в челюсть. Голова его мотнулась, лазер полетел на землю, и всё же бандит моментально разорвал дистанцию и сунул руку под куртку. В последний момент мне удалось полоснуть ему по правому предплечью силовым клинком; взывший от боли парень машинально зажал неглубокий, в общем-то, порез и пропустил удар рукоятью ножа в висок. Аут.

Выудив из кобуры надолго отправленного в забвение бандита игломёт, я осторожно выглянул из-за угла и тут же спрятался обратно: прямо перед лицом во все стороны брызнуло бетонное крошево. Схоронившийся где-то на той стороне улицы стрелок про меня не забыл.

Отодвинувшись от угла, я прислонился спиной к стене и вытер покрывшийся испариной лоб. Проверил индикатор заряда трофейного игломёта, начал прикидывать, как быть дальше, но краем уха уловил странный гул и насторожился.

О, чёрт!

Из-за разгоревшейся перестрелки шум двигателей тяжёлого транспорта удалось расслышать, только когда из-за крыши соседнего дома уже выплыло серое брюхо полицейского флаера. Машина зависла над улицей, покачнулась, и тотчас по нервам ударил визг парализаторов.

Надо ли говорить, что на этом перестрелка и закончилась?

*05 августа **73 года, 20–20*

Земля, федеральный регион Западная Европа,

Новая Вена, западный сектор Голова болела просто жутко. Будто весь день пил, а потом не от большого ума употребил какую-нибудь химическую гадость. Или прикладом автомата по затылку получил. Бывало и такое. Бывало, но не в этот раз: лучи полицейских парализаторов, разумеется, зацепили и меня. Уж лучше б, право слово, прикладом...

Нет — первую помощь мне оказали. Что-то вкололи, что-то влили. И оставили валяться на вытоптанном газончике. Сейчас всё внимание специалистов Агентства было приковано к задержанным боевикам. Точнее — боевику. Тому самому, из которого я выбил дух. Остальные или покинули этот бранный мир, или успели слиться, пока их менее удачливые коллеги отвлекали на себя внимание инквизитора.

— Пошли. — Лингер вырвался из круговерти желавших выяснить, что здесь стряслось, официальных чинов, когда меня только-только начало отпускать.

— Куда ещё? — Я со стоном поднялся с земли и огляделся по сторонам. От мундиров в глазах так и зарябило.

— Продолжим поиски.

— К чёрту поиски. — Я скривился и кое-как отряхнул спецовку.

— Предпочтёшь поездку в Зета-8? — Инквизитор деланно уставился куда-то мимо меня.

— Можно подумать, потом этой поездки удастся избежать... — Особой надежды на спецпредставителя Совета не было, но чем чёрт не шутит?

— Всё решается, — заявил лингер.

— Поехали, — не стал больше колебаться я. В самом деле — уж лучше сдохнуть, чем опять безмозглым зомби стать. Не хочу...

*05 августа **73 года, 22–45*

Земля, федеральный регион Восточная Европа,

окрестности Белграда, «пятно» JR45 На этот раз инквизитору выделили бронированный десантный флаер. Оно и не удивительно: присоединившееся к нам отделение охраны земного представительства Совета в стандартной машине было не разместить.

Вообще, шестерым дюжим охранникам и в десантном флаере оказалось тесновато. Бронекастюмы, заплечные ранцы, оружие. Да и сами скрай-ши создания габаритные. Уж из пятёрки скраев точно каждый под два метра ростом будет. А вот единственный ши, с помощью врождённой способности к телепатии и превращавший своих туповатых от природы подчинённых в слаженную команду, телосложением от человека практически не отличался. Разве что голова заметно больше.

— Сюда-то зачем? — разглядывая в иллюминатор окрестности «пятна», поинтересовался я. Лезть на заражённую территорию без специального снаряжения не хотелось: повышенный уровень радиации; остаточные следы поражения биологическим и химическим оружием; местные обитатели, которым нечего терять...

Уже перед самым арестом я всерьёз подумывал перебраться в одно из подобных местечек, благо до их дезактивации у администрации Земной федерации никак не доходили руки. Потом пообщался со знающими людьми, подсобрал информации, да и оставил эту затею. Никто точно не мог сказать, чем таким под конец Контакта бомбили места размещения наших ракетных комплексов корабли пришельцев, но и через полтора десятка лет там не работала радиосвязь, а со спутников местность виделась сплошным серым пятном. Отсюда и название.

И чтоб какой-то чужак туда по своей воле полез? Да никогда! Они ж к повышенной радиации настолько все чувствительны, что и в куда более благополучных районах Земли предпочитают не задерживаться. А тут...

— Обстрелявшие нас люди оказались жителями этого «пятна», — некоторое время спустя соизволил отозваться лингер.

— И что? — вспылil я. — Думаете, мы сможем ввосьмером справиться с их приятелями?

— Думаю, во всём «пятне» теперь не найдётся ни одного живого человека.

— Тогда зачем нам туда соваться?! — Не дождавшись ответа, я тяжело вздохнул и оторвался от иллюминатора. — Или есть связь между «пятном» и вчерашним инцидентом?

— Есть, — к моему немалому удивлению, на этот раз не стал отмалчиваться инквизитор.

— С обитателями «пятна» приключилось то же самое? — решил я добиться хоть какой-то определённости. — Так всё-таки, что это было? Высокочастотные излучатели?

— Паразит, — как-то весьма буднично заявил лингер. — Существо, питающееся биоизлучением мозга разумных форм жизни.

— Э-э-э... — задумчиво протянул я. — Ну питается он, и что с того?

— Проблема в том, что отходом жизнедеятельности при таком симбиозе становится негативная энергия, разрушающая организм носителя, — пояснил инквизитор.

— И паразит должен время от времени подыскивать новую жертву?

— Именно. А высвобождающаяся в момент смены тела ментальная энергия разрушает головной мозг у достаточно разумных для её восприятия существ.

— Но зачем устраивать шоу в торговом комплексе? Там же полно народу! Забрался бы куда подальше...

— Негативная энергия должна быть погашена, иначе её воздействие на новое тело приведёт к преждевременной смерти носителя...

— Ясно, — кивнул я. — А гасит эту энергию биоизлучение мозга разумных форм жизни...

— Именно. — Лингер отметил на дисплее место предполагаемой высадки у самой границы «пятна», и сидевший за штурвалом скрай начал снижать высоту. — В твоём случае мозговая активность находилась на слишком низком уровне. Простое везение. И не исключено, что именно воздействие ментальной энергии в совокупности с пережитым

шоком в итоге и разрушило блокировки психологической коррекции.

— Да уж, повезло, так повезло, — буркнул я и затянул на запястье ремень автоматического инъектора. Без него в «пятне» точно делать нечего. — Одного понять не могу: не проще нагнать военных и устроить нормальную зачистку?

— И позволить паразиту взять под свой контроль вооружённых людей? Ну нет, это существо и в обычном состоянии чрезвычайно опасно.

— А нас оно не того?..

— Меня и скрай-ши защищают спецкостюмы. — Лингер сменил разряженную батарею разрядника на новую. — У тебя, пока ментальные колебания не затухнут, к этой гадости иммунитет.

— А! Поэтому и датчики нацепили?.. — Я осторожно прикоснулся к саднившим отметинам на голове.

— Да, ту квартиру как раз через синхронность колебаний мозговых волн отыскать удалось, — не стал отрицать очевидного инквизитор и протянул мне новую упаковку одноразовых датчиков. — Жаль, не успели на планету более мощный сканер доставить...

— Лучше бы пару сотен десантников в этих самых спецкостюмах доставили!

— У меня нет полномочий нарушать декларацию о дислокации вооружённых сил Совета в Солнечной системе. — Лингер распахнул люк флаера, приземлившегося на пустыре меж двух порядком обветшалых пятиэтажных зданий, осторожно спустился вниз и добавил: — Если что-то пойдёт не так, крейсер расстреляет «пятно», не заходя в атмосферу...

Вдобавок к этому заявлению флаер дёрнулся, и я едва не сорвался с лесенки. Удержаться от падения удалось в самый последний момент, да и то исключительно благодаря ухватившему меня под руку лингеру.

— Благодарю. — На мгновенье повиснув у него на плече, я спрыгнул на землю и хлопал себя по спецовке, утряхивая сунутый в карман нож. — Кстати, что насчёт оружия?

Прежде чем инквизитор успел озвучить своё решение, ближайший из скраев протянул мне ручной игломёт — не иначе, командовавший отделением ши пришёл к выводу, что ещё один вооружённый боец сейчас лишним не будет. К тому же усиленную броню солдат из этой игрушки не прострелить даже в упор.

— Это дело, — кивнул я и проверил маркировку на заполненном иглами магазине. Заряды оказались с нейротоксином. Самое то...

Впрочем, как выяснилось некоторое время спустя, инквизитор оказался прав, и местные обитатели, действительно, словно вымерли. Куда больше беспокойств доставляло «пятно» само по себе: поначалу отрубилась связь, потом один за другим начали выходить из строя навигационные приборы. Вскоре загудели медицинские блоки защитных костюмов скрай-ши, да и мой автоматический инъектор принялся вкалывать один препарат за другим.

— Идём вон к той башне, — распорядился лингер, в очередной раз глянув на периодически отключающийся сканер, который обрабатывал информацию с вновь облепивших мою голову датчиков. — Начинаем с нижних этажей...

Первыми в подвал спустились скрай-ши. Следом, минут через пять, пришла и наша очередь. За всё время — ни выстрела, ни звука. И всё же на душе было муторно. Гадко было на душе, чего уж там.

Подвал, в котором мы очутились, больше напоминал заброшенный цех. В темноту уходили ржавые рельсы, под потолком замерла махина крана. У стен — раскуроченные механизмы. Может, и в самом деле какое ремонтное производство размещалось раньше, кто его знает.

Прекрасно ориентировавшийся в непроглядной тьме лингер поспешил вслед за скрай-ши, но как только прошёл в следующее помещение, тотчас замер на месте. Да тут уж я и сам различил едва заметное мерцание у одной из стен — тускло флюоресцировала жидкость, натёкшая из порядком проржавевшего и перекорёженного станка. Всё бы ничего, но между двух шестерён торчала словно изжёванная перчатка защитного костюма скрай-ши. Ох, ты!

Впрочем, на инквизитора это зрелище не произвело никакого впечатления, и он спокойно отправился дальше. Я поспешил вслед за ним и в очередной раз проверил заряд батареи игломёта. По счастью, на экранированном оружии местная энергетическая аномалия никак не сказалась — индикатор аккумулятора горел зелёным огоньком. Порядок.

— Это ещё что такое? — неожиданно насторожился я, когда откуда-то из темноты послышался едва различимый полускрип-полусорох. На мгновение странный звук оборвался, а потом с новой силой царапнул по нервам.

— Увидим, — как-то очень уж спокойно ответил лингер и активировал химический светильник. Яркий луч пробежался по коридору и высветил распростёртое на полу тело.

Второй обнаруженный нами скрай выглядел, будто угодил в мясорубку, но чудом сумел из неё выбраться. Переломанные конечности, погнутые, а местами и вырванные пластины бронекостюма, треснувший шлем.

Неожиданно правая рука солдата метнулась вперёд, уцелевшие пальцы вцепились в выщербленный бетон пола, а потом изогнувшееся тело с неприятным скрипом переползло на полметра вперёд.

— Идём, — поторопил меня инквизитор и выстрелом из разрядника снёс бедолаге голову.

— А стоит ли? — не сдвинулся я с места. — Что здесь происходит?

— Неужели ты думал, что паразит способен лишь перепрыгивать из одного тела в другое? — обернулся ко мне лингер. — Смотри, сейчас твоя помощь уже не нужна, но не стоит забывать про наш уговор...

— Пошли. — Намёк на Зета-8 был яснее некуда, и я по широкой дуге обошёл мёртвое тело посольского охранника. — Но...

И в этот миг где-то вдалеке гроыхнул взрыв. Ударная волна, поднимая в воздух годами копившуюся здесь пыль, прокатилась по подземелью, шибанула в грудь, заставила замереть на месте, напряжённо вслушиваясь в скрип и железный скрежет под потолком. А вскоре вернулась эхом и с удвоенной силой зазвенела в ушах.

— Бегом! — тут же сорвался с места куда раньше меня сориентировавшийся в происходящем лингер.

Не знаю, каким чудом, но мне удалось от него не отстать: инквизитор остановился перед заполненным едким дымом помещением за мгновение до того, как я врезался в дверной косяк и заглянул внутрь.

Заглянул — и порадовался, что хватило ума поостеречься: в комнате вовсю плясали ослепительные всполохи ярко-белого пламени. Не иначе, зажигательную гранату рванули. И не просто зажигательную: в носу засвербило от резкой вони химикатов, на глазах выступили слёзы. И ещё — пространство здесь было буквально пронизано какой-то странной энергией; оно дрожало и тёкло, а вместе с ним, казалось, менялась сама геометрия подвала...

Что за сражение, хотелось бы мне знать, устроили скрай-ши? И самое главное — с кем?

Вопрос отпал сам собой, когда вспышка разрядника высветила несколько непрерывно перемещавшихся в дыму силуэтов. Цель — худощавый мужчина самой обыкновенной наружности, — неуловимым движением сместился в сторону, энергетический разряд, обогнув его, прошёл мимо и вдребезги разнёс стоявший у стены ржавый электрошкаф.

Промахнувшийся скрай шагнул вбок, обходя перекрывающую линию стрельбы железобетонную колонну, но тут искривлённое пространство словно сдвинулось, и стоявший неподалёку станок всей своей массой впечатал стрелка в стену.

Не обратив никакого внимания на раздавшийся хруст костей, два сослуживца погибшего солдата открыли бешеную стрельбу из игломётов. И тут я не поверил собственным глазам: невзрачный человек, не сделав ни единого шага, исчез из виду и тотчас возник в противоположном конце комнаты. Как раз позади координировавшего действия подчинённых ши.

Командир отделения стремительно развернулся и выстрелил практически в упор, но энергетический разряд истаял в окутавшем носителя инопланетного паразита сиянии.

Неуловимым движением сместившийся вперёд человек толкнул ши раскрытой ладонью в грудь; из-под смявшихся броневого пластин защитного костюма брызнула белёсая жидкость, а уже безжизненное тело отлетело в заваленный всяким хламом угол.

Забывшие про осторожность скрай принялись опустошать магазины игломётов в противника, но тот и не подумал прятаться: окружившее человека сияние поглотило все вспыхивавшие ослепительными огонёчками иглы.

Магазины у лишившихся командира солдат опустели практически одновременно, и тогда, легко оторвав от пола порядком раскуроченный аккумулятор, один из скраев со всей силы швырнул его через всю комнату. Уж лучше бы он этого не делал — искривлённое чужой волей пространство выплюнуло метательный снаряд обратно. Сбитый с ног солдат, несколько раз перекувыркнувшись, неуверенно поднялся на ноги и приложил ладонь к треснувшему лицевому щитку шлема. Заполонившая помещение энергия вмиг окутала его голову тусклым свечением, через трещину выступила белёсая жидкость, и обмякший скрай грохнулся на пол.

И всё же он сумел выгадать несколько драгоценных мгновений для своего напарника — последний скрай-ши стремительным рывком подскочил к не успевшему среагировать противнику и активировал сразу две сорванные с разгрузки гранаты.

Вздрыгнул пол; с потолка посыпалась бетонная пыль; изувеченное тело инопланетянина отлетело к противоположной стене. А вот человек, к моему немалому удивлению, и в этот раз умудрился уцелеть: основную силу взрыва принял на себя защищавший его энергетический кокон. Но всё же он «поплыл» и на какое-то время утратил связь с действительностью. Инквизитор не преминул этим воспользоваться. Не обращая внимания ни на дым, ни на валявшиеся на полу тела скрай-ши, он метнулся в комнату и споро выволок слабо брыкавшегося мужчину в коридор.

Отвёл в сторону уткнувшуюся в лицевой щиток шлема руку, ловко прицепил на шею пленника автоматический иньектор. Выждал, пока человек окончательно отключится, натянул ему на голову эластичный мешок и...

С трудом сдерживая рвоту, я отвернулся, упёрся спиной в дверной косяк и осел на пол.

— Вот и всё, — с мешком в руке отошёл от обезглавленного тела инквизитор.

— Замечательно. — Я отшвырнул в сторону последний из отцепленных с головы датчиков, и тот весело разлетелся на куски, ударившись о бетонную стену. — И что теперь?

— Осталось ещё одно небольшое дело. — Лингер вытащил из кобуры разрядник и замолчал.

— И почему меня это не удивляет? — Невесело усмехнувшись, я кивнул на скрая, из трещины в глухом шлеме которого сочилась непонятного цвета жидкость. Кровь у них такая, что ли? — Так полагаю, нечто подобное случилось и с людьми в торговом комплексе?

— Именно, — после недолгой заминки соизволил ответить взявший меня на прицел инквизитор.

— И какое же в таком случае у нас осталось дело? С меня какой спрос?

— Очень немногие разумные существа остаются в живых, оказавшись в подобной ситуации. Слишком уж специфичной должна быть мозговая активность у тех, кто способен принять энергетический слепок паразита и не умереть от шока.

— Слепок, говорите?.. — не так чтобы очень уж и удивился я. — А почему тогда до сих пор?..

— Паразиту в твоём случае требуется на развитие куда больше времени, чем обычно. Думаю, никак не меньше двух-трёх земных суток. У людей слишком низкий уровень биоизлучения головного мозга. А вот в случае несовместимости это наоборот приводит к практически мгновенной смерти.

— Занятно, — хмыкнул я. — Выходит, и под мою голову припасён мешок?

— Не могу сказать, что испытываю хоть какое-то удовольствие, но и скорбеть по этому поводу не собираюсь. — Лингер посмотрел на обезглавленное тело и вдруг совершенно по-человечески пожал плечами: — Ксенофобия недостойна разумного существа.

— Да это понятно, — кивнул я. — А на каком, кстати, уровне биоизлучение головного мозга лингеров?

— На среднем, — машинально ответил инквизитор и, почувствовав подвох, уставился на вытащенный мной из кармана спецовки нож. — А...

— Да уже, пожалуй, не важно, — улыбнулся я.

И в самом деле: лицевой щиток шлема лингера вдруг окрасился изнутри красным; мгновение ничего не происходило, а потом тело спецпредставителя Совета замертво грохнулось на бетонный пол.

Не зря, выходит, когда из десантного флаера вылезал, ему защитный костюм силовым клинком пропорол. Лингер и не заметил ничего — много ли надо, чтобы герметичность нарушить? — а вот паразит до него таки дотянулся...

Ладно, надо шевелиться, времени осталось всего ничего.

*06 августа **73 года, 00–30*

Земля, федеральный регион Восточная Европа, окрестности Белграда, «пятно» JR45

К десантному флаеру я возвращаться не стал. Вместо этого сделал порядочный крюк и вышел на границу «пятна» гораздо севернее места высадки.

Остановился, огляделся.

Из космоса не засечь — слишком облачность высокая. На полицейских риск нарваться тоже невелик: при всём желании оцепить периметр «пятна» никаких сил не хватит.

Что остаётся? Автоматические средства обнаружения? Как-нибудь справлюсь.

А вот в течение суток убраться с Земли — задача посерьёзней.

Но без этого никак. Пусть мой паразит на других планетах порезвится, чего уж там.

Нет — я не ксенофоб.

Просто надо по старым долгам рассчитаться.

Око за око, и всё такое...

Сергей Малицкий

Пыль

1

По стене ползла муха. Корпус челнока подрагивал, и лейтенанту Уру казалось, что и муха слегка приседала и ловила равновесие, чтобы не свалиться с плекса. Как она здесь оказалась? И перенесет ли стужу, когда распахнется шлюз? В далеком детстве Ур отрывал мухам крылья и насаживал еще живых насекомых на иглы кактуса. Давно уже сгинул и тот дом, и окно, и кактус, а мухи, насаженные на его иглы, остались. Сопливый белобрысый мальчишка с ободранными коленками канул в прошлое, через пару лет в прошлом останется и седой лейтенант, которого многие бойцы базы считают неплохим парнем. Все проходит и растворяется в пустоте, только мухи по-прежнему шевелят ножками на желтых иглах. Интересно, отчего ему всегда становилось холодно именно от этих воспоминаний, а не от тех, в которых приходилось убивать людей? — Действительно, Белая! — хмыкнул сержант Бак. Ур бросил взгляд в иллюминатор и с досадой заморгал. Не следовало отщелкивать фильтры, но ледяное царство хотелось рассмотреть, не приглушая его сияния. Ориентировка была точна. Глубокое синее небо с ярким, но крошечным шариком светила раскинулось над белой пустыней. Редкие скалы в счет не шли. Единственный материк холодной планеты, которую когда-то без долгих раздумий назвали Белой, да изрядную часть омывающего его океана покрывал сверкающий панцирь. Ледяной мирок по экватору кольцевали темные пятна открытой воды, но здесь, в центре безмолвной тверди, морем даже не пахло. «Море», — пробормотал Ур, судорожно сглотнул и представил, что вышибает дверь челнока и вдыхает колющий воздух. Сколько за бортом, если у поверхности до минуса сорока? Вот

такое местное лето. Нет, здесь он бы не согласился остаться надолго.

— Все будет в рамочке, лейтенант! — Бак бросил в рот пластинку тоника. — У вас же подобное не в первый раз? Или в первый? Слышал я про эти контакты! Шутки и шуточки! К тому же второй доклад тревогу отменил. Парнишка какой-то пошалил. Или я что-то не понял?

В глазах молодцеватого сержанта поблескивала насмешка. Ур шевельнул сухим языком, погладил заветную фляжку, прикрепленную к запястью, но откупоривать не стал. Поймал углом рта мундштук увлажнителя и сделал глоток воды. Да, все должно пройти как обычно. Рутинка. Опрос очевидцев, которые ни черта не видели. Осмотр места предполагаемого контакта. Потом сочинение обязательного и бессмысленного рапорта. Тоска, которая, к счастью, имеет предел. Как и жизнь, собственно. А вот персоналу заброшенной во льдах станции не позавидуешь — от дюжины комиссий и тщательного расследования им уж никак не отвертеться!

— Вы что-то сказали, лейтенант? — прищурился Бак.

В глазах сержанта продолжали мерцать веселые искры, вот только губы скрывал шлем. Наверное, смеялся паршивец. Неужели, правда, что командир базы отправил на этого служаку представление? Вот кто тебя сменит, Ур. Конечно, у кого еще так блестят ботинки и кто умеет так выпячивать грудь и стучать каблуками при докладе? Ты греешь на груди крысу, капитан Стив Мартон.

На мгновение лейтенант представил, как вбивает всегдашнюю ухмылку в глотку мерзавцу, стиснул кулаки, но тут же мотнул головой и, с удовлетворением поймав ненависть в глазах сержанта, медленно окинул взглядом отсек. Не считая двоих пилотов, которые аккуратно вели десантную посудинку вдоль зубьев замороженного в лед горного хребта, на внутренних релингах замерли девять человек. Ур был десятым. Еще столько же бойцов остались в планетарном разведчике, который завис на орбите. И остались лучшие: если бы Ур сам набирал команду, то, несмотря на неприязнь к сержанту, взял бы из приданного ему отряда одного Бака, остальных заменил бы проверенными ребятами, этих даже в резерв бы не зачислил, но список утверждал Стив. Когда-то именно лейтенант Мартон натаскивал зеленого еще Ура, гонял его по полосе препятствий и проверял на прочность ребра в спортзале. Теперь уже и капитанские нашивки стерлись на петлицах Стива до серебра, побелели так же, как и его виски, и он давно мог бы вернуться домой, даже отправиться на Землю, но отчего-то продолжал спускать собственную жизнь в сливное отверстие спецбазы сектора, словно его все еще некому заменить. Что он теперь делает на орбите? Сберегает персональную гвардию из десяти человек, пока его бывший ученик разгребает очередную кучу дерьма? Отчего же он тогда не остался на базе?

Ур сглотнул колючий комок и вернул светофильтры на место. Что-то не давало ему покоя, или уж слишком спокойным показался взгляд Стива перед командой к десантированию? Следовало бы переброситься с ним парой слов, но что-то заставило Ура прикусить язык, а теперь и возможности для разговора не было. Экстренный контроль — есть экстренный контроль. Внезапный выход к объекту, исключение локации и, естественно, молчание в эфире.

— А девчонки там есть? — подал голос верзила Тик.

— Непременно! — хихикнул красавчик Шор. — Забыл про сигнал о контакте? Или ты не знаешь, что все иномиряне женского пола?

— Ага! — нервно рассмеялся новичок Вик. — Потому-то иномирян и называют ушедшими! Ни одна не смогла выдержать любовный пыл такого великана!

— Да я... — сдвинул брови Тик.

— Тихо! — рявкнул Ур.

— А может быть, и нет никаких ушедших? — прищурился Бак. — Что скажешь, лейтенант? Я имею в виду — вовсе нет. Не могли же они уйти отовсюду? Ну, травка там странноватая попадает, мушки, рыбки, кое-где живность так вообще кишит, а этого... венца творения нигде нет! Кроме нас.

— Нет и не надо! — буркнул Вик.

— А как же сожженные города на мертвых планетах? — оживился остроносый Рав. — А следы катастроф?

— А это мы сами, — с готовностью объяснил Бак. — Из тьмы samozабвения в космос, потом, по обстоятельствам, снова во тьму и опять в космос. От катаклизма к катаклизму! Вот сорвется наша цивилизация в каменный век, покроется, к примеру, вот такой шапкой льда, потеряет память, а потом опять выберется к звездам и что? Будем заново открывать собственные города? Что думаешь, лейтенант?

— Только нам катаклизмов не хватало, — зевнул обладатель бронзового загара Кельм.

Ур вздохнул и включил герметик броника.

— Готовимся. На точке через три минуты.

— Ну, так что, командир? — продолжал с едва различимой издевкой щуриться Бак.

— Станция на Белой устроена в бункере ушедших, — отрезал Ур.

2

Они высыпали на сухой снег в двух километрах от цели. Челнок замер в ледяной ложбине, а боевая группа двинулась к крохотному плоскогорью, оставив с пилотами троих — самых болтливых и безнадежных, как решил Ур, — Кельма, Вика и Рава. «Поганая инструкция!» — прочитал лейтенант по губам злое бормотанье остроносого, но остался непреклонен. До официального отбоя программы контроля на четверть отряда возлагалась охрана базового лагеря. Семерых для отработки сигнала было достаточно, тем более что второе сообщение не оставляло сомнений — на станции все в порядке.

Бежалось легко. Снег чуть пружинил и скрипел под ногами, оживляя в памяти Ура шелест изолятора, вывалившегося из разорванных взрывом перегородок. Ур даже метнул взгляд вниз, ожидая увидеть, как и двадцать лет назад, лужи крови. Не слишком гладко прошла та давняя операция. Первая операция, в которой Ур командовал отделением. Что тогда ему сказал Стив, скрипя зубами от боли в простреленной ноге? Подбери сопли, сержант? Да, именно так Стив и сказал. Выходит, он, Ур, так и не сумел их подобрать, если все еще щеголяет в лейтенантских нашивках? А что он сам скажет этим юнцам, когда доведется оказаться рядом с ними в каком-нибудь пекле? И успеет ли он им что-нибудь сказать?

Наручный дисплей моргал зеленым. Индикатор гравитации подрагивал на уровне девяноста процентов, температуры — на минус тридцати, состава атмосферы... Состав атмосферы ничем не удивлял, разве что кислорода отстукивало почти в половину от азота (видно, не просто так колыхались волны океана на Белой), хотя давление могло быть и более привычным. Впрочем, приходилось и забираться выше, и дышать чаще.

Группа уже поднималась по склону, когда Ур, чувствуя удары молоточков в висках и затылке, но так и не включив усилители экзоброника, все-таки обогнал бойцов. Нет, Стиву это уже никак бы не удалось. Хотя, на главном подъеме он по-прежнему впереди.

Успокаивая дыхание, Ур зажмурился, стряхнул с ресниц капли пота. К счастью, светофильтры не только защищали глаза, но и не давали разглядеть их снаружи. Сдавать стал. Неужели уйдет на пенсию раньше непотопляемого командира? Ему-то на приличную планету рассчитывать не приходится. Добро бы уж осесть в месте, где можно будет из дому выйти без дыхательного аппарата.

«Стоп», — поднял он руку.

Бак тут же прошипел что-то за спиной. Лейтенант оглянулся. Шестеро, кажущиеся в боевых костюмах боевыми роботами, замерли, прижались к изломам льда. Прозрачные перчатки и перстни на пальцах — фронт Шор. Верзила с плазменным кассетником на плече — Тик. Обвешанный оружием, как каботажный лоточник боксами с товаром, — Ком. С неуставным ножом на поясе — Сом. С тяжелым ранцем сканера — медлительный, вечно

сонный Олл. Ну и Бак, куда ж без него.

— Шор! Опять музыка в ухе?

Голос звучал через маску глухо, но Ур был уверен, что его услышали бы, даже если бы он говорил шепотом. Шор оттопырил большой палец и, Ур готов был поклясться, расплылся в улыбке.

— Музыка в левом ухе, командир! В режиме фона! Музыка — разрешенный наркотик! Мое правое ухо в вашем полном распоряжении! Лучшее ухо, командир!

— Ловлю на слове. Только имей в виду, парень, ухо на трупе меня не устроит; ни правое, ни левое.

Ур приоткрыл клапан, чтобы его слова звучали отчетливее, поймал губами ледяной ветер и принялся отрывисто командовать:

— Последний участок склона — тридцать пять градусов, подъем — около пятисот метров. Движемся быстрым шагом. Дыхание не сбивать. Готовность — один. Станция сразу за гребнем, наземной локации, штатных охранных датчиков нет. Ориентировка на гребне — десять секунд. Затем Тик, Ком и Шор берут периметр, Олл осматривается снаружи, мы с Баком идем внутрь. Сейчас первым поднимается Бак. Ясно?

Никто из команды не шелохнулся. «Дурак, — обругал себя Ур. — Зачем повторять команду? Все решено было еще на разведчике! Задергался? С чего бы это? Или, в самом деле, пора спарывать нашивки?» Замерший в двух метрах Бак отщелкнул светофильтр, и Ур увидел спокойный взгляд. «А ведь перещегооляет меня парень, не зря его Мартон привечает», — почему-то равнодушно подумал лейтенант и махнул рукой в сторону подъема. А через пять минут начался бой.

3

Бак первым поднялся над гребнем и тут же упал, окутанный сгустком плазмы. Ур метнулся вправо и в доли секунды успел заметить взлетевшие к плечам десантников импульсники и замерцавший раструб кассетника в руках Тика. Команд больше не требовалось, отряд заработал, как безотказный механизм, пусть даже его части не были отборными. Все-таки ежедневная «соковыжималка и костедробилка» Мартона не могла не дать результата. В одно мгновение секторная рейд-группа обратилась в боевую машину, подобную оставленному под тушей челнока броневику, который считался среди бойцов почти неуничтожимым. Размышления сменились рефлексам, расчеты — действиями. Уже падая в снег и включая систему связи, Ур успел подумать, что правила контроля придуманы идиотом и гибель Бака — достаточная жертва за спасение остальных ребят, но чрезмерная по всем прочим обстоятельствам, когда заработал кассетник Тика. Небо окрасилось пламенем, и волна жара накрыла лейтенанта даже через плекс брони. Там, возле станции, теперь не должно было остаться никого.

Откатившись в сторону, Ур приготовился к рывку. Нет, он еще докажет, что ничем не хуже старикакапитана! Пусть Мартон составляет команду из никчемных бойцов, старшим рейдовым все равно остается он, Ур, а это кое-что да значит! Да и кто может его заменить? Бак?

Секунды сравнялись с минутами, растаяли ломота в коленях и сухость в горле, и почти забытые сила и быстрота словно снова наполнили чашу, которую лейтенант давно уже выхлебал почти до дна. Ур приподнялся над гребнем и увидел море огня, залившего площадку, раскаленные колпаки климатсканеров, оплывающий остов вездехода, черный колпак станции и зеленоватые фигуры иномирян, движущиеся к отряду по пояс в плазме. Куда там Тик! Он дышал бы любому из этих парней едва ли не в живот! Иномиряне выглядели великанами даже издали, хотя из-за ширины плеч казались почти безголовыми! Странноватые устройства в их ручищах поливали гребень плоскогорья голубым пламенем, фигуры двигались в полный рост, но желтые штрихи импульсников десанта не причиняли им

никакого вреда. Выпустив в одного из монстров разряд, Ур откатился в сторону, вздрогнул от полыхнувшего рядом синего сгустка и уже приготовился расстаться с жизнью, когда сквозь рев пламени и неразборчивый рык Стива в ушах почувствовал толчок в плечо. Лейтенант изогнулся, чтобы сбить напавшего, но крепкая рука перехватила удар, а в следующее мгновение Ур узнал Бака.

— Это шоу, лейтенант! Картинка! Объемка! Лазеры! Монстры из игрушки «проклятая планета»!

— Ну? — наконец прорезался в ухе раздраженный голос Стива. — Навоевался? Дальше без происшествий или продолжишь в том же духе?

Ур медленно поднялся на ноги. Луи воды, образовавшиеся от пламени, парили на морозе, и уродливые фигуры медленно таяли в клубах пара.

— Ты бы включил экзоброник, командир, — посоветовал ему Бак. — Тут никому ничего не нужно доказывать.

— Темп! — хрипло скомандовал лейтенант.

4

Стив дал отбой через три часа. К тому времени медлительный Олл отсканировал все этажи многоярусного сооружения, Ур в присутствии обвешанного оружием Кома опросил с применением тон-детектора персонал, Тик и Сом вместе с коротконогим техником станции Хардом обследовали пустующие уровни едва ли не на ощупь, а Бак и Шор изучили жилые отсеки. Никаких следов «контакта» или чего-то подобного, за исключением строящего кислые гримасы подростка, объявленного виновником неуместной шутки, обнаружить не удалось. Но Стив пробурчал «отбой» только тогда, когда Ур передал ему просьбу супругов Уильямс забрать на большую землю их сына-озорника, который изнывал от безделья в подземельях станции.

— Что ты медлишь, Стив? — напрямую спросил Ур, услышав раздраженное сопение шефа. — Рядовой случай. Разве мы в первый раз вылетели на ложный вызов? Не понимаю, почему подобные шуточки не приравняют к ложным сообщениям о терактах?

— Ты солдат, Ур, — проворчал Стив. — И я солдат. Не наше дело обсуждать закон. Закон — это не насос, который гонит нас по узкой трубе. Закон — это логика. Маршруты мы прокладываем самостоятельно.

— Тебя понесло, Стив, — обреченно вздохнул Ур. — Хотя насчет узкой трубы...

— Это тебя понесло, лейтенант! — отрезал капитан. — А у меня ноет нога! И ты знаешь, что ноет она не к перемене погоды!

Ур скрипнул зубами. Он знал, что лодыжка Стива ноет к будущим неприятностям. Злые языки говаривали, что Стив и возглавляет базу до сего дня только из-за ноги. Ни у одного из прочих претендентов на хлопотную должность не нашлось подобного индикатора. Оставалось только определиться с причиной недуга. Впрочем, с причиной шеф как раз и разговаривал. Иначе отчего бы он кривился, сталкиваясь с Уром в коридорах базы? Более того, именно с Ура и началась когда-то история знаменитой лодыжки!

— Веселую компанию ты мне подобрал! — процедил лейтенант, когда Стив напомнил, что отбой тревоги и даже приглашение начальника станции к праздничному столу не означает свертывание рейда.

— Ребята, которых я тебе дал, конечно, не отборные бойцы, но и не отбросы какие-нибудь, — заметил Стив. — Да, у каждого имеется небольшой изъян, но их недостатки важнее, чем их достоинства! Ты на серьезном участке, Ур, и тебе не нужны десять пар глаз, которые будут смотреть так, как будто принадлежат одному человеку. Тебе нужны именно десять пар разных глаз, только так ты сможешь хоть что-нибудь разглядеть!

— Так отбой или нет, черт возьми?! — вскричал Ур. — И что это за продолжение рейда за праздничным столом? Что мы должны разглядеть? Или операция продолжается, и мы все еще ищем иномирян?

— Операция никогда не останавливается, — пропел капитан. — Даже если ты, парень, валяешься в своем отсеке на базе, потягиваешь крепленое вино из фляжки и мечтаешь о собственном домике на планете земной группы. Операция началась до того, как ты родился, и, надеюсь, не закончится с твоей смертью. Она будет продолжаться столько же времени, сколько существует наша база, бездна ее задери со всем содержимым! И лучше, если еще дольше! Ты не молчи, дорогой мой, не молчи! Ведь ты хотел поговорить со мной? Или уже передумал? Ребяткам дай команду еще раз осмотреться, пусть обращают внимание на все необычное. На все, даже если это рисунки на обоях! Да, и не отказывайся от угощения, не отказывайся. Пусть тот же Тик уменьшит продовольственные запасы станции, он это умеет лучше других. Потяни время. А я пока поищу девицу, что, по словам начальника, покинула станцию пару недель назад. Не нравятся мне случайные отлучки. Да не торопи хозяев, пусть основательно подготовятся к застолью. Переговори с каждым еще раз. Соври им, что я сам спущусь к угощению.

— А что мне им еще соврать? — помрачнел Ур.

— Ну, — хмыкнул Стив. — Скажи, к примеру, что ты скоро станешь капитаном.

5

Начальник станции Барни оказался седым крепышом. Бывший военный, он продолжал держать выправку и через много лет после отставки. Пока семейная пара Уильямсов занималась сервировкой стола в кают-компании, Барни готовил кофе, укоризненно косился на монитор, на котором дымился сгоревший вездеход, проклинал судьбу, занесшую его в забытый богом и теплом угол вселенной, и сетовал на Сенда — третьего Уильямса среди его подопечных. Виножник сидел тут же, причем даже тени вины не появилось на прыщавом лице вертлявого подростка, разве только легкое сожаление по поводу незавидной судьбы лазерного проектора, который все-таки спекся от залпа кассетника и лишил парня возможности и дальше окружать базу на Белой виртуальными чудовищами.

— Скучно тут, — еще час назад гнусаво тянул сутулый метеоролог станции — старший Уильямс, время от времени бросая на собственное чадо испепеляющие взгляды. — Что тут делать молодому парню? А на большой земле оставить его было не с кем, набор в колледж намечался только через полгода, вот мы и взяли его на Белую. Тем более что Райва изначально подписалась не на весь сезон! Вы не думайте, что мой парень только в носу ковыряет, Сэнд в штате, уборщик и, временами, повар. Вот, ремонт затеяли на нижних ярусах, хотели спортзал устроить. Надо парня к реальной жизни приучать! Что бы он сейчас делал на большой земле, в носу ковырял в каком-нибудь пансионате?

— У тебя получается, Боб, — пробурчал тогда Барни. — Приучать к реальной жизни! Реальнее не бывает! Лучше бы твой отпрыск ковырял в носу! И на чем теперь предлагаешь выезжать к дальним сканерам? Тем более что ближних больше нет!

— Да ладно, Бар, — попытался успокоить шефа старший Уильямс. — Зато теперь новый вездеход пришлют, не ты ли жаловался, что старый разваливается на ходу? Да и прочее оборудование пора уже обновить. А с дальними сканерами связь пока в порядке, нечего туда мотаться! И что тут случится в ближайшие полгода? Зима? Холодней все равно не будет, потому как что в минус сорок, что в минус семьдесят особо не погуляешь!

Разговоры ничего не дали, и, вдыхая кофейный аромат, Ур снова и снова прокручивал в голове беседы с Барни, с Уильямсами, с Хардом. Конечно, нога у лейтенанта не болела, но что-то ему не давало покоя. Ур раздраженно вздохнул. Запах кофе высверливал скулы, наполнял рот тягучей слюной, но глотнуть напитка лейтенант не мог. Инструкции. Что бы там ни говорил Стив, но на чужой территории хотя бы один член отряда не должен был принимать пищу и напитки кроме тех, что принесены с собой. Хотя, какой в этом смысл, если он уже дышит здешним воздухом? Хорошо еще, что фляжка на запястье опустошена лишь на половину, Стив разрешил скинуть броники, да и Бак, который вызывал у лейтенанта

глухое раздражение, сам попросился во внешнее охранение. Засел, конечно же, в бронемашине, которую пригнал Рав.

— Так и не глотнете? — горестно приподнял брови Барни, придерживая толстыми пальцами чашечку.

— Нет, Барни, — покачал головой Ур и, уже шагнув к двери, обернулся. — Так почему все-таки не сообщили сразу?

— Виноват, — вздохнул начальник станции. — Не отследил вовремя записи эфиров. Этот паршивец же не сказал никому, что послал сигнал о контакте. Он и иномирян специально для вас вокруг базы нарисовал. Да если бы я знал...

«А здорово получилось, правда?» — вспомнил Ур глупую улыбку подростка, покосился на вновь расплывшегося в улыбке парня и не в первый раз подумал: «Будь моим сыном, выпорол бы», — но вслух сказал другое.

— Я не об этом, Барни. Почему не сообщили об отъезде Райвы?

— Думал, обойдется, — в сердцах расплескал кофе начальник и присел на стул. — Да и обошлось бы, если бы не... Не хотел девке табель портить. Она ж самовольно умчалась. Сговорилась с капитаном ближайшего каботажника и улетела. Если бы Магда не видела, как Райва садилась в шлюпку, я, может быть, еще и в розыск ее объявил. Да и практику я ей заранее отметил, еще по приезде, по-всякому инструкцию нарушил, чего уж было усугублять? Беда с этими детьми!

— Виноват все равно командир, — хмуро заметил Ур.

— По-разному случается, — горько усмехнулся Барни. — Но отвечать командир будет, кто же спорит?

— А чего тут спорить? — буркнул Ур и, уже наклонившись, чтобы выйти из опутанного световодами логова старика, вздрогнул. Холодная капля упала ему на шею.

— Конденсат? — растер лейтенант воду.

— Он самый! — оживился Барни. — Это ваш сержант машинку разогревает, скорее всего! Станция ж по форме бур напоминает. Ну, словно опрокинутый конус с рукоятью! Так вот площадка перед шлюзом как раз у нас над головой!

6

Станция и в самом деле напоминала бур. Над скалами и льдом торчал округлый холодный бункер, в котором начиналась лестница, змеились кабели и трубы. Ниже шел обширный первый уже жилой этаж, еще ниже второй, затем третий и так до самого последнего, крохотного, который вовсе не имел пола, завершая диковинное строение нелепой воронкой.

Олл уже через час работы начал подсчитывать, с какой скоростью в основании станции будет повышаться уровень нечистот, если обитатели станту справлять естественные надобности внутри сооружения, поискал на схемах возможные следы инженерных сооружений и пришел к выводу, что система обмена веществ иномирян не имела ничего общего с человеческой. По ощущениям Ура ничего общего с человеческой цивилизацией не имело само сооружение. Непонятная тяжесть поселилась в затылке и плечах лейтенанта с первой секунды, едва он вошел в бункер, а уж когда спустился под землю, стала почти невыносимой. Закругленные своды, низкие, не выше полутора метров, дверные проемы, извилистые хоботы коридоров вызывали почти тошноту. Не остался бы Ур в таком месте по собственной воле ни на минуту, хотя его бойцы бродили по неровному, словно выщербленному полу весело и каждое предположение о росте или бытовых привычках покинувших в незапамятные времена странное сооружение иномирян встречали дружным хохотом. Слишком громким хохотом, по мнению лейтенанта.

Между тем обитатели станции словно не замечали мрачности обживаемых помещений и даже пытались придать обиталищу подобие уюта. На стенах коридоров светились забавные

стрелочки с названиями улиц, на дверях в каморку Барни было выбито грозное предупреждение о мнимых кровожадных склонностях начальника станции, и тут, и там тянулись из контейнеров к плафонам ветви корабельного плюща.

— Еще раз осмотри подкупольное пространство, — прошелестел в ухе капитан.

Ур вздрогнул и начал крутить головой, позволяя шефу через нашлемную камеру изучать внутренности залов.

Стены и своды станции напоминали спекшуюся чешую гигантской змеи, если бы ее обожгли плазмой, а затем вывернули наизнанку. Неизвестно, как выглядели иномиряне, хотя вряд ли они могли похвастаться высоким ростом, но пожар ушедшие устроили в собственной или чужой резиденции знатный. Камень оплавился во всех коридорах и отсеках, словно кто-то обходил ярус за ярусом и тщательно выжигал каждый сантиметр поверхности. И внутри, и снаружи. Пожалуй, даже Тик не справился бы с такой задачей.

— Долго мне еще крутить головой? — не выдержал Ур.

— Не меньше пары часов, — пробормотал Стив. — Каботажник, на котором, по уверениям Барни, отбыла Райва, разбился. Никто не выжил.

— И она? — споткнулся Ур.

Совпадений не бывает — он знал это точно.

— Выясняем, — ответил Стив. — Но в общих сводках информация о крушении была, значит, персонал станции мог о нем знать. Знать и использовать... для создания легенды. В отчетах диспетчеров нет данных о шлюпочной связи с Белой, но и на практике не все контакты фиксируются. Я попробую добраться до закрытых файлов секторного контроля. Проверь ее комнату.

— Бак и Шор осматривали ее, — заметил лейтенант.

— Ур, — Стив редко называл его по имени. — Шор способен осматривать только самого себя, а Бак пока еще щенок. Зубастый и наглый, но щенок. Нужно еще раз осмотреть всю станцию. Ты — проверь комнату Райвы. Остальные пусть поменяются секторами и обследуют их еще раз. Думаю, что она никуда не улетала. Как тебе персонал?

— Они все спокойны! — остановился Ур. — Пытаются казаться испуганными, но на самом деле абсолютно спокойны! И этот Барни, и техник... Хард, и супруги Уильямсы, и даже их отпрыск абсолютно спокойны! Тон-детектор определил в них образцы хладнокровия!

— Странно, не правда ли? — задумался Стив. — Готов поспорить, если ты протестируешь любого обитателя большой земли, один твой вид вызовет учащение пульса!.. Спокойны, говоришь? Чем они там занимались?

— Обслуживали климатическое оборудование, запускали зонды, исследовали магнитное поле Белой, ковырялись в бункере.

— Понятно. Бездельничали, значит. А где безделье, там и криминал. Запомни, парень, служба безопасности не сбрасывает сырые блюда на стол полиции. Проверь комнату Райвы, Ур. И будь осторожен. Обдумывай все, что увидишь. Ты ведь всегда славился способностью задумываться? Или все еще полагаешься на инстинкты?

— Если ты о своей простреленной ноге... — ледяным тоном начал Ур.

— Забудь о ноге! — перебил его капитан. — Просто смотри вокруг и соображай! Знаешь, почему ты все еще лейтенант, Ур? Потому что тащишь за собой прошлое, и те, кто движутся налегке, тебя обгоняют!

7

— Бак!

Ур заглянул в ванную комнату, полоснув по стенам сканером, осмотрел крохотную спальню и включил канал связи с сержантом.

— Да, лейтенант, — отозвался в ухе Бак, торопливо прожевывая что-то. Интересно, что он мог найти в продовольственном комплекте бронемшины?

— Что скажешь о комнате Райвы?

— Ничего, — прокашлялся Бак. — Обычная комната, там у всех такие закутки, просто кусок коридора, перегороденный плексом. Кровать, полки, шкаф, пара стульев, монитор вместо окна. Кондиционер. Картинки на стенах. В основном спортсмены, девчонка была равнодушна к красивым парням. Да я обнюхал каждый сантиметр ее жилища! Даже отсмотрел виды на мониторе. Парочку с удовольствием бы переписал и себе.

— Это все? — спросил Ур, выдвигая ящик шкафа.

— Нет, лейтенант, — недовольно напрягся Бак. — Белье на кровати чистое. Постелено примерно с неделю назад. Наверное, кем-то из оставшихся на станции. Но уезжала в спешке, если вы сейчас гремите ящиком, то видите комплект интимных тряпочек. Он остался у задней стенки. Девчонки забывчивы.

— Ты знаток! — заметил Ур, отбрасывая пакет с трусиками. — А что можешь сказать относительно раковины на полке?

— Обычная раковина, — раздраженно буркнул Бак. — Да такие рядами лежат в магазинчиках в космопортах! Девчонки любят насаживать на их шипы кольца и сережки. Я сам таких раздарил с десяток! Она ничего не стоит!

— Но сам ты подобной забавой не пользовался, — заключил Ур.

— Я не Шор, перстни на пальцах не ношу, — хмыкнул Бак.

— Я не о перстнях, — протянул Ур и выщелкнул перламутровую пятку, некогда служившую диковинному моллюску надежной дверью жилища. На ладонь упал комоч ткани.

— А о чем же? — не понял Бак.

— О сережках, — проговорил Ур, развертывая сверток. — О двух серебряных сережках с астероидной бирюзой. Ты думаешь, я поверю, что ты все еще не подключился к моей камере? Полюбуйся.

— Не слишком дорогой камень, — заметил Бак. — Да и серебро...

— Однако Райва их оставила, — задумался Ур. — И у меня такое чувство, что камешки мне знакомы...

— Да безделушки с такими камнями в любом космопорте... — начал Бак.

— Как там, в бронемашине, тепло? — перебил сержанта Ур.

— Нормально, — осекся Бак.

— Приходи за стол, — хмуро бросил Ур. — Если проголодался. Я найду подмену. Хочешь, сам подежурю за тебя? А то ведь еще что упустишь.

8

— Ну?

Ур построил бойцов в кладовой. Негромко урчали холодильные шкафы, поблескивал пластик боксов, заполняющих уходящие во тьму стеллажи. Тут же лежали снятые бойцами экзоброники. Норматив на срочное облачение — десять секунд. Или восемь с половиной, если питание уже включено. Почему он чувствует себя, глядя на разложенную защиту, как черепаха без панциря? Только ли потому, что у Стива Мартона ноет простреленная лодыжка? Простреленная когда-то еще сержантом Уром?

— Ну? — повторил лейтенант. — Что скажете?

— А чего говорить? — прогудел Тик, скользнув тоскливым взглядом по холодильным шкафам. — Стол уже почти накрыт. Эта Магда Уильямс — хорошая хозяйка, запах даже здесь чувствуется! Спросила, что я люблю, а я...

— Стоп, — оборвал гиганта Ур. — Я спросил, что вы нашли подозрительного?

— Старший Уильямс просто пластиковый болван, — заметил Сом. — Его жена явно не однолюбка. Вот только не знаю, кого предпочитает — Барни или Харда, а укромных уголков тут сколько угодно. Тем более что спортзал для отпрыска Уильямс затеял на нижних ярусах, пока туда доберешься, можно и двоих обслужить...

— Брось, Сом, — скривился Тик. — Ты ее за ноги не держал, так и нечего зря языком трепать...

— Это все подозрительное? — зловеще качнулся с пяток на носки Ур.

— За какой бездной они затеяли спортзал на нижних ярусах? — поежился Вик. — Я вот тоже прогулялся туда с Равом, так все проклял по дороге! Это ж и вентиляцию туда тащить, и тепло вести, и все коммуникации! И лифта нет! Рядом что ли помещений не нашлось подходящих? Да хоть вот этот склад! И на десятую часть не используется!

— Так я и объясняю... — ухмыльнулся Сом.

— Тик, — повернулся к великану Ур. — Что там внизу?

— Ничего, — вздохнул гигант. — Ну, залиты легким плексом с десятков коридоров вокруг такого же грота, как этот. Свет проведен. Холодно там еще. Тут хоть пол выровнен, а там в буграх весь. Далеко им еще до спортзала. Да и нечем тут особенно ровнять камень, тот же Хард жаловался, что камнерез у них чуть живой, испорчен. Не лазерным же выбуром камень плавить!

— Выбур имеется! — подал голос Ком. — Кассетного типа. Узконаправленный, пучок до двух градусов. В минимуме мощности дальность до пятидесяти метров. Из пяти зарядов использованы два. Пол ровнять не подойдет. Вот если дыру пробить в монолите, то вполне.

— Да вон он! — кивнул Тик на стеллаж. — Игрушка! И десяти килограмм не весит, мой кассетник-то мощней будет!

Ур метнул взгляд на поблескивающий хромом раструб и снова повернулся к переминавшимся с ноги на ногу бойцам.

— Все?

Отряд молчал. Даже тени бойцов на обугленной стене замерли.

— Соberись, лейтенант, — прошелестел в ухо Стив. — Почему сержанта в охранение выставил?

— Бак вызвался сам, — коротко бросил Ур и по дрогнувшим лицам понял: Стив вещает в общем режиме. Подумал с досадой: — Так, может быть, ты еще и ведешь группу через мою голову?

— Не везде так, — шмыгнул носом Рав.

— Что «не везде»? — не понял Ур.

— Стены обожжены не везде, — доложил боец. — Там внизу есть несколько комнат с гладкими стенами. Станция же на схеме словно конус...

— Знаю, — перебил бойца Ур. — Опрокинутый конус с рукоятью!

— Усеченный конус, — качнулся Рав. — Без верхушки. На схеме так. А на самом деле верхушка есть. Коридор и комната с воронкой. Внизу. Там гладкие стены.

— Нет там ничего, — буркнул Сом. — Хард нам показывал и те помещения. Они только недавно в них ход пробили. Вот этим вырубом и пробили. Поэтому и на схеме их нет. Только там пустота. А стены гладкие... так то, что выжгло тут все, туда не добралось. Может быть, жара не хватило, только и там ничего остаться не могло. Хард так и сказал, только пыль была и все.

— Олл? — повернулся Ур.

— Все верно, — зевнул оператор. — Объемное сканирование показало законченный конус. Дальше только материковая порода. Больше ничего.

— Пакуй сканер, — приказал Ур. — Возьмем пробы на месте. Еще раз.

— Командир, — сдвинул брови Тик. — А как же стол? Остынет!

— Потерпи пока, парень, — отозвался лейтенант. — Тик, Рав и Олл со мной. Сом присматривает за Барни. Вик охраняет склад. На Кельме — сорванец. Шор и Ком ведут остальную компанию. Ясно?

— Магду беру на себя! — крутанул перстень на пальце Шор.

— Что здесь было, Барни? — спросил Ур начальника через час, когда, борясь с искушением зайти в душ и смыть с себя пот и копоть, вернулся с нижних ярусов в командирскую рубку.

Старик с подозрением покосился на принесенный Уром тяжелый сверток и вытянул губы в трубочку.

— А бездна его знает. Тут до нас не одна экспедиция перебивалась. Следов-то никаких не осталось, кроме выжженных помещений. Сначала ведь как думали — вся эта система была выстроена в скале, ну то есть сначала вырезали котлован, потом построили ходы и залы, а уж что потом случилось, никто не знает. Пожар, наверное. А дальше оказалось, что материал этих стен или сводов тот же самый, что и скала, в которую наш конус забит. Тут уж начали думать, что ходы просто вырезаны в скале. Или даже выгрызены. Опять же все и проходы, и двери имеют округлую или овальную форму. Может быть, тут гнездо какой-то нечисти было или, к примеру, термитник какой. Не знаю. Но выжигали тот термитник тщательно.

— Я не об этом, Барни, — прищурился Ур.

Лейтенант сбросил ткань с выруба, вытащил спусковой блок и сунул его в карман.

— Не понимаю, лейтенант, — сдвинул брови старик.

— Два заряда, — показал два пальца Ур. — В кассете было пять, осталось три. Одним были вскрыты нижние помещения. Перегородка оказалась внушительной, дверь тоже, да и оплавилась она когда-то вместе со стеной, неудивительно, что полости не были обнаружены раньше. А вторым зарядом был выжжен кусок перемычки между параллельными коридорами в районе будущего спортзала. Зачем? Причем оба коридора залиты пеноплексом доверху. Бессмысленная работа на первый взгляд, если бы не необходимость скрыть следы. Мы выжгли пеноплекс. Или запах гари здесь не чувствуется?

— И что требуется от меня? — все так же спокойно смотрел на лейтенанта Барни.

— Правда, — твердо сказал Ур. — В идеале хотелось бы понять, зачем неглупому парню, а Сенд парень не глупый: выставить на открытом воздухе лазерный проектор не так просто, — совершать глупость? Зачем он послал сигнал о контакте? Но согласен услышать сначала о стрельбе из выруба.

— Так я уже говорил... — почесал затылок Барни. — Осточертело ему тут, а выбраться раньше срока на большую землю отсюда можно только с оказией. Вот он и придумывал... оказию. Да вы бы лучше его и спросили. А что касается выстрелов... Я ведь и сам не рад, что разрешил Уильямсам привезти на полгода парня. Вы вон сразу опечатали сейф со штатным оружием станции, — старик кивнул на стальной шкаф, — а ведь Сенд и к нему подбирался. Просто не парень, а наказание, прореху всегда найдет. Подсмотрел, как Райва вскрывает нижние отсеки, молодец ведь девка, в голове их своей вычислила, хотя теперь-то даже мне это яснее ясного кажется. Ну, так Сенд пригляделся к вырубам, да и захотел сам... пульнуть. Райва не доглядела, он и умыкнул прибор. Пульнул, а там уже мы его с Хардом скрутили, да и мамаша руку к воспитанию сыночка приложила. Жалко, что поздно. У нее рука тяжелая, это папаша у Сенда мямля. Вот парень и обиделся, а куда отсюда денешься? Сообразил, однако, код передал. Все точно рассчитал, стервец. Вы уж заберите его отсюда, а то ведь и у меня нервы могут не выдержать!

«Нервы?» — недоверчиво покосился на старика Ур. Ни одна морщина не дрогнула у того на лице. И тон-детектор на запястье выводил ровную уверенную линию.

— А если придется забрать и вас? — спросил лейтенант после короткой паузы.

— А это уж как вам будет угодно, — улыбнулся Барни.

— Хорошо, — Ур положил руку на импульсник. — Чья кровь на входе в новые отсеки?

— Райвы, — не моргнул Барни. — Там же перегородка оказалась в полтора метра толщиной, раскалилась от выруба. Хард притащил охладитель, но девчонке же не метается, кричала, что совершила важное открытие! Хотя я ей говорил, что с вырубом на такое дело идти — все равно что молотком микроскоп чинить. А она только верещала, чтобы я не лез в

археологические изыскания! Сама зато полезла, стала сбивать сосульки, что от охладителя образовались, да об каменную кромку руку и рассекла. Так, кожу чуть повредила, зажило уже, наверное. А слез-то было! Да не из-за раны, а из-за того, что в комнатах тех ничего не нашла. Ее кровь, да вы проверьте, найдите в комнате волос какой-нибудь, наверняка же есть, Магда там не перестаралась с уборкой, сделайте анализ.

— Уже сделали, — хмуро бросил Ур.

— Лейтенант, — старик опустил в кресло. — Я ведь понимаю, что просто так это происшествие мне с рук не сойдет. Только пенсия моя заработана не здесь, она от этого моего прокола не уменьшится. Да и увольнением меня не напугаешь. Домик под не слишком хмурым небом старика давно ждет. Ты бы закрутился с расследованием, лейтенант. Все одно придут еще следы из межпланетного, и закрутится все тут не на один день! Каждую царапину рассмотрят и опишут.

— Насчет царапин тоже вопросы есть, — кивнул Ур. — Пеноплекс же не только дыру прикрывал. Там же еще и надпись на стене была. Непонятная, правда. Только пять слов. «Я не хочу в сумерки».

— Смотри-ка! — чмокнул губами Барни. — Вот кто, оказывается, камнерез испортил! Вы на меня только это не вешайте! Пеноплекс Уильямс клеил. Еще и клялся, что его сыночек камнерез не брал, а перегреть прибор дело простое, особенно на этих подтеках.

— Что значит эта фраза? — спросил Ур.

— Помилуйте, — заморгал старик. — У парня и спрашивайте, я тут причем? Может, он темноты боялся! Все у вас? Или еще вопросы есть? А то уж за стол пора. Ваши ребятки измаялись, думаю.

— Где пыль? — бросил вопрос Ур.

— Какая пыль? — улыбнулся старик.

— Хард обмолвился, что в новых отсеках ничего не было кроме пыли, — высек слова Ур. — Теперь там стерильная чистота.

— Ну, порядок прежде всего, — поднялся Барни. — Я еще, когда сам был военным, пыли не переносил. Боролся с ней. И успешно, кстати. Но вы не волнуйтесь. Она в надежном месте. Магда собрала все до последней пылинки. На складе она, там, где образцы пород и прочее. Да она сама вам скажет. И покажет. Может быть, все-таки за стол, командир?

10

По всему выходило, что Магда должна была оказаться разбитной дамой при мужелухе, но как старший Уильямс не выглядел олухом, так и его жена ничем не подтверждала сложившееся о ней у лейтенанта представление. Точнее, внешне она подтверждала его всем; и комбинезоном с неожиданно глубоким декольте, обнажающим высокую грудь, и манерой двигаться так, что нельзя было оторвать от нее взгляд, и ярким, вызывающим космобразом, и низким грудным с легким придыханием голосом, но вместе с этим она не была такой, какой выглядела. Она была слишком выдержанной для собственного облика и отвергала внешнее впечатление одним взглядом холодных глаз. Хотя ее голос все-таки сводил с ума.

— Не часто так бывает, что накрытому столу предпочитают пыль, — заметила она без тени улыбки и кивнула Тику. — Ставь сюда.

Гигант водрузил перед лейтенантом черный полимерный бокс. Магда приложила к замку шайбу ключа.

— Запираете? — удивился Ур. — Пыль от кого запираете?

— От Сенда, — усмехнулась Магда. — Не поладил он с Барни. Досаждают начальству. Старик ненавидит пыль и грязь, привык, наверное, к казарменной чистоте, так вот парень повадился набирать пыль, да вдувать ее в каморку старика. Достал он нашего ветерана, до животных колик достал!

— Сомневаюсь, — пробормотал Ур. — Не может тут ни у кого быть животных колик,

согласно тестам с вашим здоровьем хоть завтра на полосу препятствий.

— Отбор, — поджала губы Магда, — построже будет, чем в ваш отряд. Правда, стрельбе нас не учат.

— Однако стреляете, — покачал головой Ур. — Как с сынком справляться думаете? Или на большой земле он паинькой становится?

— Не то что паинькой. — Она словно задумалась на мгновение. — Нет. Но там простора больше. Да и в школе, в которую я собираюсь его определить, ему не дадут расслабиться. Загрузят так, что запищит. Праздность портит... людей, праздность.

— Я слышал, что Сенд тут и уборщик, и повар... временами, — заметил Ур.

— Ерунда, — отрезала Магда, опуская пробник в сыпучую субстанцию. — Пытался быть поваром, да. От скуки. А потом уборщиком, когда от егостряпни отказался даже всеядный Хард. У Сенда лучше всего получается пакостить. Подслушивать, подглядывать, затевать всякие каверзы. Да хоть тех же виртуальных монстров, что бродили вокруг станции. Наш старичок едва не обделался, когда увидел их в первый раз. Однако ящик с оружием, как рассчитывал Сенд, не открыл. Решил выждать! Хотя почти отправил кодированное послание о контакте. Не знаю, что его удержало, заподозрил что-то. А уж когда Боб раскрыл старику затею сыночка, Барни был в бешенстве. А Сенд тем временем вместо того, чтобы сканировать код от оружейного ящика, сканировал систему запуска кода. И воспользовался этим.

— Зачем? — не понял Ур.

— За тем же, зачем и стрельнул из выруба, — усмехнулась Магда. — Чтобы убраться отсюда. Чтобы его отослали прочь! Как пакостника, которого не могут больше терпеть! Или тебе, лейтенант, нравится в этих тоннелях?

— Остальным, значит, нравится? — поднял брови Ур.

Она хмыкнула, пробежала по скулам лейтенанта холодным взглядом и повернула к нему экран анализатора.

— Вот. Обычная пыль, аналогичная материковой породе. Кремнезем и прочее. Ничего особенного

— Понятно, — кивнул Ур. — Сенд уже собрал вещи?

— Я их собрала. Бокс давно у меня в комнате стоит.

Магда захлопнула контейнер, стянула с длинных пальцев перчатки, едва не разодрав одну из них о перстень, поднялась, оказавшись одного роста с лейтенантом.

— Муж притащил его сюда, думал найти с парнем контакт, захотел почувствовать себя отцом, но есть вещи, которые даны не каждому. У тебя есть дети, лейтенант?

— Нет пока, — ответил Ур.

— У меня тоже пока нет, — прогудел великан Тик.

11

Хард, веселый чернобородый здоровяк, шириной плеч, пожалуй, мог сравниться даже с Тиком, вот только ростом едва возвышался над поясом великана-десантника, зато проходил в низкие дверные проемы станции, не нагибаясь. Напомнил он Уру гнома из детской сказки, да и выглядел он в компании двух парней в экзоброниках забавно, особенно когда попытался ради шутки пробить броню на животе Тика кулаком. Орал громко и тряс разбитой кистью долго. Впрочем, с таким же успехом он мог ударить любому бойцу Ура в живот и после того, как они сняли броники.

«Интересно, что нашла в коротышке Магда Уильямс, — подумал лейтенант, — или все измышления Сомы полная ерунда? Впрочем, какая разница? Главное было другое, — веселость Харда казалась напускной, глаза наполнились льдом».

«Они здесь все заморожены, — отметил про себя Ур. — Насквозь заморожены Белой».

— Что это значит? — спросил лейтенант. — «Я не хочу в сумерки»?

— Вы об этой надписи? — хмыкнул Хард. — Говорил я Уильямсу, нечего заливать пакости сына пеной, хочешь что-то спрятать, не прячь. Брось на видном месте. Никто не найдет. Хотя, что искать-то? И так все на виду. Разве это семья? Мрак один. То-то, что сумерки. Парень недолго любил собственную мать, она ж все по вахтам, а сыночка сызмальства по пансионатам держала. Да и за отца был обижен, Магда-то из его папеньки за долгие годы рохлю вылепила. И еще кое-что не устраивало. Из того, что не спрячешь, как ни прячь. Вот и вырезал в камне... крик души! Да вы бы самого Сенда спросили!

— Спрашивали, — развел руками Ур. — Молчит. Замыкается и молчит.

— Это он из-за Райвы, — прищурился Хард. — Влюбился. Вот и бежать отсюда решил вслед за ней. Она красивая была, да только и смотреть на мальчишку не хотела. Она ни на кого смотреть не хотела. Вся в науке! В мечтах о признании! Поставила его, значит, на место. Тут парня и понесло. Дети на презрение остро реагируют. Я знаю. — Взгляд Харда оставался спокойным. — Помню, точнее. Мне с детства доставалось за маленький рост.

— Отчего не поправили? — заинтересовался Ур. — В детстве рост поправить не проблема. И не дорого.

— Зачем? — выпятил нижнюю губу Хард. — Жизнь — как маятник. Качнешь в одну сторону, отлетит в другую. Кто мог знать, во что мне высокий рост обойдется? Зачем лишние волнения? Главное — спокойствие. Жди, все нужное рано или поздно будет в твоей власти.

— И Магда? — глотнул из фляжки Ур.

— И Магда, — кивнул Хард. — А она хороша, кстати. Не для души, конечно, но хороша. Хотя пацана от Боба родила. Все по-честному. Одно лицо. Правда, вот и Барни, кстати, не отказывала. Шокирует?

— Все тут у вас... — Ур помедлил, — не как у людей.

— Именно как у людей, — отрезал Хард, не стирая с лица усмешку. — И Уильямс знал, кстати. И Сенд знал. Это ли не причина для выброса гормонов?

— Почему была? — вспомнил Ур. — Вы сказали, что Райва была красивая. Теперь, значит, уже некрасивая? Или ее уже нет?

— Здесь ее нет, — наклонился вперед Хард. — А красивая она или нет... Не было от ее красоты никакой пользы, понимаешь, лейтенант?

12

— Вот, командир.

Рав притащил коробку пайка.

— Бак отказался от смены. Сказал, что неудобно чувствует себя в подземельях.

Ур поднял взгляд на монитор. Овал бронемашины оставался на том же месте, у входа в станцию. Где-то за гребнем замер челнок, подогнанный пилотами. Им Стив выходить к столу запретил. Бак сменяться отказался, но он был вне станции, значит, потчеваться угощением Магды не придется именно Уру. Инструкции следует соблюдать, в противном случае всегда наступают неприятности. Точно такие же, как на том лайнере, когда Ур командовал отделением и, ворвавшись в коридоры с заложниками, обнаружил, что там творится ад. Пытаясь уйти от спецназа, преступники распылили дурманящий газ, и все сто пятьдесят пассажиров лайнера, включая уцелевшую часть экипажа, превратились на время в обезумевших животных и ринулись на спецгруппу с оскаленными зубами. Стив действовал по инструкции. Даже временная угроза подлежала уничтожению. Капитан, который тогда еще был лейтенантом, резанул импульсником по первому десятку, по второму, а потом упал сам, потому как Ур прострелил ему ногу и тут же заорал, запрещая стрельбу. Пальцы стиснула судорога, прижатый к животу импульсник дернулся, и шальной разряд пронзил Стиву Мартону лодыжку. Случайно, как заключила экспертная комиссия, и как со временем решил для себя Ур. Он и сам помнил все как в тумане до того момента, как начал рвать

связки, запрещая стрельбу. Концентрации газа хватало еще на минуту, конечно, люди могли покалечить кого-то из отряда, но убить голыми руками бойца в экзобронике....

Тогда все обошлось. Комиссия настаивала на отставке неудачливого сержанта, но, видимо, среди пассажиров, уцелевших благодаря поступку Ура, оказалось достаточно важных шишек. Но отношения со Стивом испортились, хотя наказывать подчиненного тот не стал и даже представил к званию. Когда Ур пришел к нему в госпиталь, не успевший еще поседеть шеф долго молчал, потом выставил перед собой ладони и с хлопком соединил их друг с другом.

— Весов нет, парень. Запомни. Весов нет. Точнее есть, но на них только одна чашка. Вторая или пуста, или неважна. Чушь. Ерунда. Пустяк. Выбора нет. Есть инструкция, которая продумана холодными мозгами, не глупее твоих. Ты думаешь, что спас сотню изнеженных личностей? Сотню индивидуальностей? Да, пожалуй. А скольких ты подставил? Тех, на ком ускользнувшие бандиты будут вновь отрабатывать удачный приемчик? Бойцов, которые научатся сомневаться в приказах? Рано или поздно они подставят не только тебя самого, но и что-то большее!

— Что большее? — только и вымолвил тогда Ур.

— Все, парень, — прошептал Стив и раскинул руки в стороны. — Все!

— Ешьте, — разорвал упаковочную ленту Рав, возвращая Ура из воспоминаний. — Ешьте, лейтенант. Я знаю инструкцию, вам нельзя. А то сложно придется за столом на пустой желудок. Магда ругается, что уже устала разогревать, но приготовила она что-то восхитительное.

— Иди, Рав, — пробормотал Ур. — Я сейчас.

Лейтенант дождался, когда пластиковая дверь, врезанная в чешуйчатый, зловещий дверной проем захлопнется, и встряхнул фляжку. В емкости, защищенной вакуумными стенками, способными не только предохранить напиток от пламени, плазмы, космического холода, но и защитить самого хозяина от прямого выстрела из импульсника, плеснулся последний глоток. Ур скovyрнул пробку, опрокинул в рот терпкую жидкость и подумал, что домик, который он себе построит, должен обвивать виноград. Ползти по стенам, накрывать крышу и даже затягивать трубу. Обязательно трубу, вдруг там, где он его построит, случится такой же холод. И еще должны быть окна. Чтобы видеть, что там происходит за окнами. Никаких мониторов.

— Не хочу, — отодвинул паек Ур.

— Соberись, парень, — заскрипел в ушах голос Стива. — Я получил внешнюю лоцию и расшифровку на тот каботажник. Райвы на нем не было.

— Значит, убийство или несчастный случай, — удивился собственному спокойствию Ур. — Это уже не по нашей части.

— Может быть, — согласился Стив. — Хотя, боюсь, это уже не так и важно. Впрочем, у тебя есть еще час. Попробуй разобраться.

13

Ур вошел в кают-компанию в экзобронике. Расстегнувшие уже и легкую форму, раскрасневшиеся от застолья бойцы посмотрели на него с недоумением, но из-за стола выскочил сияющий Барни.

— Ну, наконец-то! Садитесь, лейтенант! Шеф ваш, похоже, с орбиты уже не спустится? Ну, да ладно. У нас тут скромно. А что это вы вырядились как на войну? Или еще с какой-нибудь базы пришел сигнал о контакте? Эх, в наше время все было проще! Знаю, знаю уже, что не будете ничего есть, хотя я бы подтерся такими инструкциями, или в спецотряде не так, как в армии?

— В спецотряде все на высшем уровне! — расплылся в широкой улыбке Тик.

— Не скажи! — поморщился Олл и взгромоздил на стол ранец сканера. — Техника

могла быть и получше. Старье! Весит, бездна его задери, что твой кассетник, Тик, а толку? Да те же функции может выполнять прибор размером с ладонь! Да возьми хоть любой анализатор с местного склада! А зачем мне запас питания на два года? Зачем?

— Потом о питании! — замахал руками Барни. — Хотя, как можно не о питании с такой кухаркой-чудесницей? Но лейтенант-то прощаться пришел, меня не обманешь. Эх, как-то все не по-людски. Хотя, одна радость все же присутствует, — старик кивнул на бокс, который Ур сжимал в руке. — Никак вещички Сенда? Так вот, объявляйте меня старым сухарем, но сожалеть об отъезде молодого Уильямса не буду.

— И не надо, — сквозь громовой хохот бойцов буркнул насупившийся Сед.

— Подожди, Барни, — энергично поправила грудь Магда. — Не пройдет и года, как он вернется сюда же. На каникулы.

— Не! — вытаращил глаза старик. — Тогда я на пенсию! — и под второй приступ хохота потянулся к пластиковой бутылки. — Вы не ругайтесь, лейтенант, мы тут чуть-чуть легонького. Для ваших молодцов это, что укус какого-нибудь комара, а нам в радость. Хорошие у вас ребятки, хорошие! Я любого бы на место Райвы взял. Жаль только Тик у вас в каждом проеме пополам наклоняться надо! А остальные — в самый раз!

— Не! — сдвинул брови Хард, похрустывая поджаристым куском мяса. — Со мной никто не сравнится.

— Даже я не пытаюсь, — под невольные смешки кисло заметил старший Уильямс.

— Я вообще не наклоняюсь! — окончательно развеселил бойцов пояснением Хард.

— И все-таки не понимаю! — не унимался Барни. — В самом деле, лейтенант! Чем вы их прикармливаете? Откуда таких берете? Ну, Тика мы пока оставим...

— Да, — пробубнил Тик с набитым ртом, — оставим пока. Если тут так кормят хотя бы через день, я бы остался. Как, командир?

— Вариант! — кивнул Ур. — Кого бы еще взяли?

— Да у меня глаза разбегаются! — воскликнул Барни. — Олл — чудесный техник, пеленгатор мне за пять минут отладил! Шор — кладезь анекдотов и мелодий! Музыку извлекает из всего, да хоть из вентиляционных труб! Сом со своим тесаком управляется как бог!

— Кухонный бог! — с улыбкой заметила Магда.

— И не только кухонный! — ухмыльнулся боец, и обнаженный нож оказался у него в руке мгновенно, словно вырос из ладони.

— Да что я говорю? — старик едва не прослезился. — А Рав, Кельм, Вик? Лучшие кадры собираете по вселенной, лейтенант, лучшие!

— Так кого бы ты взял на место Райвы? — прищурился Ур и повернулся к Сому. — Ты положи нож, положи. Я ведь нашел кое-что.

Сом в тишине положил нож на стол, и Ур вытряхнул из тряпочки сережки с астероидной бирюзой.

— Перстенок-то на мизинчик надела, — он улыбнулся Магде. — На безымянный не налез? Мал? У Райвы рука была тоньше?

— Такая глупость! — безучастно заметила женщина, стянула с пальца перстень и швырнула его Уру. — Да и дешевка, в общем-то. Хотя, что не поносить, если Райва его бросила...

— Подождите... — поднялся Барни.

— Сидеть! — рявкнул Ур. — Бросила? Райва не уезжала, не уходила и не улетала с Белой! Я уж не знаю, что с ней, но вряд ли она могла прогуляться на время в соседний поселок. Их же ведь просто нет на Белой? Никого кроме вас на Белой нет? Так или не так?

Никто не сказал ни слова, но бойцы начали понемногу трезветь. В ухе лейтенанта напряженно дышал Стив. Только работники станции оставались спокойны, тон-детектор не выдал ни одного тревожного всплеска. В накатившей тишине Ур медленно поднялся, потряхнул боксом.

— Вещи Сенда. Сказать, что я в них обнаружил? Кто вы на самом деле, друзья мои?

— Минуту... — снова попытался встать старик, но Сенд его опередил. Он метнулся вперед и сделал это мгновенно; растворился на стуле и оказался посередине стола, и только гримасы на лицах бойцов, толчок в грудь и нож Сома в руке младшего Уильямса подсказали Уру, что паршивец непостижимым образом успел чиркнуть лезвием каждого. В полной тишине Сенд бросил нож и, ожидая выстрела, закрыл глаза.

— Все еще мальчишка, — спокойно вымолвила Магда.

В недоумении замерли бойцы, на рубашках которых появились пятна крови, вскинул руки перед собой Барни, куда-то исчез Хард, и сам Ур словно поплыл в сторону двери, когда понял, что ранец Олла вовсе не обратился вспышкой света и его впечатывает в стену взрывом.

14

Его спасла притолока и экзоброник. Взрывная волна швырнула лейтенанта в дверной проем, притолока нахлобучила ему на голову шлем, и, хотя пламя успело обжечь лицо и теперь казалось, что его нет вовсе, осталась только боль, но глаза видели. И язык слушался, хотя капля воды из мундштука потеряла вкус. К счастью, боль не была чем-то особенным. С болью Уру уже приходилось справляться. Он приподнялся на локтях и в мертвенном свете мигающих аварийных плафонов оглядел костюм. Чтото, покрывающее его, запеклось теми же самыми чешуйками, какими были украшены стены и своды станции. Сколько прошло времени? Судя по сопению аварийной вентиляции — не меньше пятнадцати минут.

— Как ты догадался? — раздался из дыма скрипучий голос, и Ур тут же сорвал с пояса импульсник, но стрелять не стал, потому что из дыма выползал не человек, а часть человека. До пояса это нечто было Хардом, хотя и лишившимся волос, бороды и части кожи, которую заменили вздувшиеся пузыри, но вместо ног за ним волочилось месиво костей и паленого мяса.

— Я живучий, — хохотнул техник, наматывая что-то, чуть ли не собственную кожу на левый кулак. — И маленький. Короткий. А теперь стал еще короче. На время, правда. Почувствовал, но не рассчитал. Нырнул под стул, он из хорошего плекса, а ноги остались под столом. Однако не доверяет вам начальство, не доверяет. На задание отправляет, а собственную погибель за спиной заставляет носить? Как ты догадался?

— Вы были слишком спокойны, — начал подтягивать ноги Ур.

— Недостаточно для догадки, — не согласился Хард. — Мы ведь могли и сойти с ума. И даже, вероятно, съесть эту самую Райву. Дело ведь не в дурацких сережках и колечке, которое Магда взяла, когда еще была человеком. Как ты догадался о главном? И ведь обманул мальчишку, обманул! Не было ничего у него в боксе!

— Я не догадался, — шевельнул обожженными губами Ур. — Я заподозрил. Та фраза на стене «Я не хочу в сумерки» была подправлена. Едва заметно, но у Олла и в самом деле был хороший сканер. Ведь там было написано — «Я не хочу в пыль 1»? Кто обратился в пыль? Райва? Отчего не срубили надпись полностью?

— Ты слишком въедлив, — хмыкнул, пустив кровавые пузыри, Хард. — Хотя и прав. Не успели срубить. Уильямс поторопился, сломал камнерез. Видишь ли, человек не исчезает вовсе, он словно падает в копилку, черты сохраняются. Мальчишка остается мальчишкой. Разумный человек остается разумным... Уж не знаю, что было бы с негодяем... Райва поранилась, когда заходила в пустые отсеки. В рану попала пыль, и она поменялась. Задумалась на мгновение и стала другой. На долгое мгновение задумалась, многое ли, знаешь, нужно обдумать в такой момент, прочувствовать. А паренек следил за ней, подглядывал, можно сказать, равнодушен был к девчонке. Наверное, видел, как она чиркнула мне по запястью ножом. И как я задумался. Или как я сделал другими его родителей. Или как та же Райва сделала другим Барни. Он что-то понял. Не захотел меняться. Или слишком большое значение придал боли. Да, рана необходима, это важно.

Она как жертва. Нельзя без жертвы. Сенд стал прятаться в тоннелях. Сумел передать код о проникновении. Прикончил из выбура Райву, когда она почти загнала его в тупик. Наверное, что-то еще разглядел. Стал

1 Dusk (сумерки) — dust (пыль). вырезать предупреждение. Сам же и поранился, кстати. А там уж... В том контейнере, что ты осматривал на складе, немалая часть того, что когда-то именовалось Райвой. Вот ведь... — закашлялся Хард. — Вот ведь сорванец, захотел целый отряд бойцов обратить! Всех ножом посек, а с пылью не срослось. Ведь ты бы выстрелил в пацана?

— Что у тебя в руке? — спросил Ур.

— Обычный пиропатрон, — сплюнул кровавой сгусток Хард. — Я снял с него предохранитель, но пока он сжат в кулаке, ничего не случится. У тебя есть шанс поучаствовать в вечности. Я скоро поправлюсь, лейтенант, и мы обсудим с тобой происшествие, если, конечно, ты не натворишь глупостей.

Ур прострелил ему голову на последнем слове. Хард, который уже начал покрываться нормальной кожей, замер и осыпался грудой пыли. Патрон сработал и разметал пыль в воздухе.

— Все, — проклянулся сквозь повисшее марево голос Стива. — Служба окончена, парень. Ты действовал выше всяких похвал. Домика не обещаю, но в список героев спецсектора будешь занесен. Да! Ты ведь хотел узнать, почему я не высушил тебя после того случая? Ответ прост. Работа у нас не простая, а тот, кто стреляет в лицо, никогда не выстрелит в спину. Продвигать тебя по службе не следовало, но сберегать приходилось. Вот для такого случая. Они случаются, Ур. Редко, очень редко, но пока еще случаются. Или ты думал, что мы вылетаем только на ложные вызовы? Нет, как видишь. Но теперь нам придется основательно прожарить все логово. Я уже вызвал команду зачистки. Надеюсь, ты найдешь способ оставить этот мир безболезненно?

15

Ур вышел наружу через полчаса. Снег скрипел под ногами, за спиной оставались грязные следы. Бак ждал его у бронемашины и прострелил лейтенанту лодыжку еще в дверях бункера, прострелил в том самом месте, в каком однажды подранил Стива сам Ур. Лейтенант упал, и Бак довольно заорал, откинув плекс шлема:

— Я хорошо стреляю, не правда ли? А ты дурак, лейтенант! Сказали же, сиди внутри! Повесился бы, что ли? Хотя, Стив будет доволен! Он сразу сказал, когда ты снял камеру со шлема и отрезал связь, лейтенант что-то затевает. Правда, не думал, что ты все еще человек. Или уже нет?

— Дурак, — прошептал Ур, глядя, как кровь пропитывает облепившую рану пыль и тут же застывает пластинками красного льда. — Право на жизнь нужно доказывать каждое мгновение. Отсидеться не удастся. Неужели ты думаешь, что Стив оставит тебя в живых? Ведь ты тоже был внутри! Стив слишком осторожен для этого. Ты не на той чашке весов оказался, парень.

— Что ты бормочешь? — выдохнул облачко пара Бак, вновь поднимая импульсник. — Затеваешь что-то или просто собрался прогуляться напоследок?

— Затеваю, — откликнулся Ур и нажал сенсор выруба. Установленный в камерке Барни прибор отозвался мгновенно и выпустил друг за другом все оставшиеся заряды вертикально вверх. Мощности луча не хватило, чтобы уничтожить бронемашину, только раскалить ее, но уцелевшая после первого залпа часть туловища бравого сержанта Бака вспыхнула после второго залпа как свечка. Кроме его головы, которая откатилась в сторону.

Сначала пришел холод. Он не был холодом, который обжигает небытием, он был холодом спокойствия и терпения. Холодом уверенности и знания. Затем наступил жар, словно холод коснулся раскаленного, но раскаленное не исторгло из холода облака пара, оно обратилось холодом, не остывая. «В поступке Сенда не было глупости, он просто все еще оставался Сендом, молодым и горячим», — подумал Ур, потому что он сам, в отличие от молодого Уильямса, не находил сил, чтобы остаться самим собой, и уже стал кем-то иным. Хотя и не перестал быть Уром, пусть даже его не слишком горячее «я» погружалось в холод все глубже и глубже. И он готов был проститься с самим собой без сожаления, потому что его малое сменялось бескрайним, и потому, что вместе с Уром в холоде тонули сомнения, неуверенность, слабость, неуправляемость, уязвимость. Он все еще не понимал того, кем стал, но чужие воспоминания уже клубились на краю сознания и он уже чувствовал, что стал частью силы, которой нет предела.

— Бак? — пробился сквозь гул челнока в уши голос Стива.

— Бака нет, — спокойно ответил Ур, счищая с экзоброника запекшуюся пыль и набивая ею флягу на запястье.

— Тебя тоже не будет, — проскрипел отчужденно Стив.

— Здесь кроме меня двое пилотов, и они все еще люди, — с усмешкой заметил Ур, одним движением поймал муху и отправил ее вслед за пылью во фляжку. — Мы поднимаемся. Впрочем, что тебе жизнь двух человек? Ведь ты составляешь лоцию... Хотя муху я все-таки спасу. Пусть на время.

— Выбора нет, парень, — вздохнул Стив.

— Я понимаю, — ответил Ур.

— Вас когда лучше накрыть; немедленно или повыше? — спросил Стив. — Или предпочитаешь вспышку на орбите?

Ур поднялся и рванул рычаг шлюза. Завыла сирена. Заморгало аварийное освещение. Корпус челнока задрожал. Засвистел улетающий воздух, и экзоброник мгновенно покрылся инеем. Ур бросил в белесое марево фляжку и сделал обожженным лицом улыбку, боли от которой не чувствовал. Он ничего уже не чувствовал.

— Я найду эту фляжку и уничтожу! — закричал ему в ухо Стив.

— А всю планету? — шагнул в пустоту Ур.

Александр Матюхин

Далекая мелодия

1

В то утро по радио передали о нападении пришельцев. Софья Николаевна не спала, погружившись в вязкую темноту слепой полудремы. Она ждала, когда начнется девятичасовая утренняя передача, снова теша себя надеждой услышать далекую французскую мелодию, нежные переливы которой ласкали ее израненную душу и бальзамом проливались на истерзанный неизвестной болезнью позвоночник. Но ближе к девяти сообщили о пришельцах, и сердцебиение Софьи Николаевны участилось. Широко открытыми глазами, жизнь в которых пятнадцать лет назад сожрала вторичная катаракта, она смотрела в ту сторону, где, как предполагалось, стоял старый платяной шкаф. Софья Николаевна слышала, как по крыше шуршит легкий осенний дождь. По радио говорили, что еще ничего не ясно. Комнату наполнял запах вечного старения. Ближе к обеду в комнате должна была появиться Маша, чтобы раздвинуть красные махровые шторы, звонким щелчком распахнуть окно и впустить в комнату свежий весенний ветер.

Но никто не появился.

Чуткий слух девяностолетней старухи, которая провела в этой комнате столько

времени, что пружины ее кровати давно покрылись ржавчиной, а тряпичные тапки, забытые под кроватью, истлели сами собой, уловил за дверью, в коридоре, звуки беспокойных шагов и тихие, встревоженные разговоры. Говорили, ясное дело, о нападении пришельцев.

Радио стояло справа от кровати, на деревянной тумбочке около стакана с водой. Каждое утро Маша протирала поверхность влажной тряпкой, потому что пыль в этой комнате была настоящим стихийным бедствием. Она скапливалась на подоконнике, на тумбочке, в уголках постели Софьи Николаевны, на гладком истертом линолеуме, оседала на радио и на стенках стакана, который приходилось протирать два-три раза в день. Пыль скрипела на зубах несчастной старушки и тонкой пленкой покрывала ее глаза с черными невидящими зрачками. Много лет назад Маша еще боролась с пылью, раз в неделю вооружаясь веником, щетками, пенной благоухающей водой, разнообразными тряпками, ведрами и неутомимой энергией. Но потом даже ей надоело. А с тех пор, как Софья Николаевна слегла окончательно, круг уборки сузился до небольшого участка около кровати и тумбочки.

Радио же никто не протирал целую вечность. Пыль давно забила во все мыслимые щели, а внутри обосновалось семейство рыжих тараканов. В то время, когда сюда его притащил внук Артем, раскопав под грудой истлевшей военной формы, набитых пылью рюкзаков и прочего многолетнего хлама, Софья Николаевна еще могла двигаться и даже два-три раза в день поднималась, чтобы прогуляться по комнате и самостоятельно открыть окно. Много лет назад старость еще не настолько прочно обосновалась в этой комнате, и ее тленный запах не успел поселиться под кроватью и в темных углах. Радио работало отлично, без помех. Оно ловило одиннадцать каналов, из которых Софья Николаевна слушала три. Прогуливаясь по комнате (один маленький шаг, нога едва отрывается от пола, потом десять минут перерыва, тяжелое дыхание и удары сердца в висках), Софья Николаевна слушала новости, слушала песни, слушала прогноз погоды, снова новости, передачи о здоровье, радиовикторины, беседы со слушателями, беседы со специалистами, просто беседы — бестолковые, но иногда занятные. По мере того, как мир погружался в темноту, Софья Николаевна все чаще в своих мыслях возвращалась в прошлое, и радио, неотступно следующее в багаже следом за Софьей на протяжении последних семидесяти лет, было мостиком, такой машиной времени между яркими воспоминаниями о прежней жизни и тусклыми надеждами в жизни настоящей. И даже когда цепкая инопланетная болезнь обглодала нервы на позвонках и навсегда приковала старуху к кровати, радио работало без перебоев, далекой мелодией, нежнейшими звуками скрипки напоминая Софье Николаевне о человеке, который шестьдесят пять лет назад появился на пороге этого дома. По-военному подтянутый, в форме офицера вооруженных сил, в фуражке, с козырька которой капала вода, мокрый и улыбающийся, неуклонно решительный в своем стремлении получить то, за чем пришел, — он казался принцем на белом коне. Он очаровал мать, подружился с отчимом и остался в жизни Софьи Николаевны до самой смерти. И хотя из-за этого человека Софью Николаевну примут за сумасшедшую, хотя именно из-за него она подхватит неизвестную болезнь, сточившую к девяноста годам ее позвоночник, хотя именно он косвенно лишит ее возможности видеться с дочкой и двумя сыновьями, Софья Николаевна, после их встречи и до самой смерти, ни на секунду не сомневалась в правильности своего выбора.

2

Его звали Максим. В тот год он окончил офицерское училище и благодаря отцовским связям устроился на службу в воинскую часть под Санкт-Петербургом. За два дня до их встречи в Питерском аквапарке Максим обмывал первые в своей жизни офицерские звезды. Молодая Софья училась в Ростовском мединституте на третьем курсе. Когда она оканчивала школу, родители, после многих лет скандалов, тайных и явных измен, дележа имущества, угроз и обоюдного поливания грязью, наконец, разошлись. Мать тут же вышла замуж за

давнего друга семьи и переехала в пригород Ростова, в большой двухэтажный дом, который много лет спустя станет тюрьмой для постаревшей и ослепшей Софьи. Отец же, продав часть квартиры, уехал на край света, к Северному Ледовитому океану, где попытался открыть собственное дело и даже купил небольшое рыболовецкое судно. Таким образом, Софье несколько раз в год приходилось выкраивать время, чтобы в шумном плацкартном вагоне сначала одного поезда, а затем, с пересадкой в Питере, в шумном плацкартном вагоне совершенно другого поезда ездить к стареющему отцу в Мурманск.

С учетом разницы поездов Софья проводила в северной столице несколько часов и неизменно пользовалась свободным временем на всю катушку. Как правило, летом в ее списке обязательных посещений значилась какая-нибудь недорогая блинная и любимый аквапарк «Солнечная долина», где были самые высокие водяные горки на свете.

Воздух в аквапарке был пропитан влагой, вода искрилась от ярких лучей летнего солнца. С высоты водяной горки люди внизу казались крохотными, словно муравьи, а в пронзительно голубом небе вальяжно плыли пушистые облака, казавшиеся совсем близкими. И где-то внизу, в пенистой прохладной воде, изумрудной от безвредных красителей, проделав долгий путь на животе, визжа от страха и восторга, думая о том, чтобы не лопнули лямки достаточно открытого купальника, Софья врзалась в Максима. Он заглянул в аквапарк первый раз в жизни, по совету новых армейских друзей, в надежде стряхнуть тяжелое похмелье от двухдневного обмывания звезд на погоны.

Софья сбила Максима с ног, и они, в фонтане ярких брызг, погрузились под воду. Максим неудачно стукнулся головой о кафельное дно бассейна, вынырнул разозленным, но сиюминутно был сражен красотой Софьи, забыл и про рассеченную бровь, и про терзающее похмелье и захворал уже от другой болезни — душевного характера. Стоит отдать Максиму должное — несмотря на кровь, заливающую его глаза, стоя по грудь в воде, он тут же цепко схватил Софью за руку и попросил не отказывать в просьбе сходить вместе в какое-нибудь кафе. Софья растерялась не меньше, к тому же свезла до крови кожу на коленке, но на просьбу ответила согласием, выдвинув встречное условие — сходить не в какоенибудь кафе, а в конкретную блинную, что располагалась всего в квартале от аквапарка.

Оставшееся до поезда время Софья ела блинчики, мороженое, общалась с Максимом и с удивлением прислушивалась к совершенно необъяснимым чувствам, будоражащим ее сознание. До этого времени Софья несколько раз пыталась влюбиться в симпатичных парней сначала в школе, а потом и в мединституте, но она и представить не могла, что любовь обрушит на нее всю свою мощную и неукротимую силу именно здесь, в Питере.

Спустя несколько часов (которые показались Софье стремительным мгновением, словно робкий легкий выдох) настало время расставаться. Максим проводил ее до вокзала и посадил на поезд. Все время они держались за руки, и по их пальцам струилась невиданная ранее энергия. Он прошел следом за ней в тесный прокуренный вагон, помог уложить багаж, склонился на прощанье, нашел ее губы и непринужденно поцеловал, навсегда оставив этот первый поцелуй в ее памяти. Погрузив пальцы в воздушные локоны ее волос, он шепотом пообещал ей сделать все возможное, чтобы увидеться вновь.

Спустя полгода Максим появился на пороге ее дома в Ростове, промокший до костей под проливным осенним дождем, молодой, красивый и влюбленный. Все это время они переписывались, пропитывая листы бумаги безудержной юной любовью. Максим много общался с отцом и обошел немало кабинетов, выбивая перевод в Ростовскую область, порвал с множеством старых связей, завел нужные знакомства и в конце концов добился своего. В тот вечер, когда на улице лил дождь, София сидела в своей комнате на втором этаже и писала курсовую по общей анатомии. В углу на тумбочке играло то самое радио, которое через много лет найдет на чердаке внук Артем, сотрет пыль и решит, что бабушке очень понравится его находка. По радио играла далекая французская мелодия, и звуки ее сливались с шорохом дождя по крыше.

Увидев на пороге Максима (тот приехал без предупреждения), Софья едва не потеряла сознание от нахлынувшего счастья. Они обнялись прямо на глазах удивленной матери и

отчима и с тех пор на протяжении почти сорока лет любили друг друга крепко и безответно, как бывает только в сказках и романтических фильмах.

Максим продолжил службу в войсках РЭБ, а Софья закончила мединститут и устроилась военврачом в госпитале при воинской части, чтобы быть ближе к своему жениху. Тем же летом, по окончании девушки института, они закрепили свою любовь шумной свадьбой.

Еще через два года Максима откомандировали на Урал. Вместе с Софьей они перебрались в маленькую секретную воинскую часть в ста километрах от Челябинска, окруженную болотами и лесами, с однойединственной дорогой, асфальт которой давно превратился в воспоминания. Им предоставили комнату в общежитии и пообещали в течение полугода переселить в собственную квартиру (как только проложат дорогу к городку с древнерусским названием Витязь, что расположился в ста километрах от военчасти).

Их надеждам не суждено было сбыться, потому что чрезвычайно жарким летом следующего года на Витязь упал инопланетный корабль.

3

Кроме пострадавших жителей города и военных почти никто не знал, что произошло. А за несколько лет после происшествия власти настолько усердно перекроили историю, подменили понятия, заменили одну информацию другой, что со стороны стало казаться, будто ничего особенного и не произошло, просто взрыв на заводе, не более. Даже очевидцы случившегося через много лет отрицали свои первые показания, ссылаясь на галлюцинации, нервные потрясения и стресс. «В связи с изношенностью оборудования, на заводе произошло самовозгорание, что привело к цепочке взрывов и полному разрушению существенной части завода», — такова была официальная версия, которая звучала из уст любого высокопоставленного чиновника. А далее говорилось, что изза радиации решено было очистить зону поражения от людей, возвести тройное кольцо изоляции и никого на место происшествия не пускать. О бомбардировке городка и почти полном его уничтожении в эфире говорить было как-то не принято, а свидетельства обычных людей почему-то терялись и замалчивались. Однако вырезать что-то из человеческой памяти невозможно, и в памяти Софьи даже к девяноста годам события тех жарких дней всплывали с невероятной ясностью. Насыщенные подробностями, осязаемые и близкие, словно она только что вернулась из зоны атаки, вся в пыли, задыхающаяся от жары и пепла, с обгоревшими волосами и первой сединой на висках.

Около четырех часов утра земля содрогнулась от страшного взрыва. Максим с Софьей упали с кровати, на головы посыпалась штукатурка. От удара взрывной волны лопнули стекла, горячий ветер вихрем ворвался в комнату, в бешенстве разбил посуду, сорвал со стены полку с книгами, разметал белье. В предрассветных сумерках видно было, как вспухает на горизонте гигантская огненно-красная сфера. А секунду спустя они, разбуженные и перепуганные, едва не оглохли от чудовищного грохота взрыва. Штукатурка снова посыпалась им на головы.

Через десять минут Максима срочно вызвали в часть в полном обмундировании. Еще через пять минут вызвали Софью.

В военном городке паники не было, но в глазах торопливых офицеров читались растерянность и совершенное непонимание происходящего. На плацу строились заспанные солдаты, подъезжали «КамАЗы», в темноте урчали «УАЗы». Воздух пропитался приказами, сухими разговорами, четкими командами, куда идти и что делать. В санчасти спешно собирали взвод для отправки к месту происшествия. Бродили первые слухи о взрыве на заводе, что стоял на окраине Витязя.

Среди ровных колонн солдат, запрыгивающих в кузова грузовиков, Софья безуспешно искала глазами Максима, но не находила. Что настораживало — военные были экипированы

«под завязку»: в касках и бронежилетах, с автоматами и еще дополнительными рожками с патронами в сумке на поясе.

Когда первая колонна, урча моторами, скрылась в предрассветной серости, полковник Стрельников построил у входа в санчасть медперсонал и сухо объяснил, что ничего непонятно. Вроде как полчаса назад было зафиксировано падение неопознанного летающего объекта на завод в городе Витязе. Вроде как есть жертвы. Вроде как местность форсировали два вертолета, и пилоты сообщили о странном космическом корабле, явно неземного происхождения, похожем на вытянутую сигару. Вроде как из космического корабля валил густой черный дым, а по поверхности бегали яркие сполохи огня. Вот это самое «вроде как» нервировало больше всего. Также сообщалось, что из города по двум дорогам пустились бежать первые перепуганные жители. До выяснения обстоятельств решено было дороги перекрыть, а жителей выпускать только после медицинского, личностного, психического и прочих обследований. Их, медиков, задача состояла в том, чтобы оказать помощь в обследовании, а в случае доставки пострадавших — оказывать помощь и им. В общем, как и было сказано вначале, ситуация складывалась совершенно туманная.

Закончив объяснять, полковник Стрельников приказал начать посадку.

Пока они ехали в душном кузове грузовика, человек двадцать, притихших в ожидании неизвестного, рассвет начал робко брать власть в свои руки. Через какое-то время грузовик притормозил, за деревянный борт ухватился военный в каске и сообщил, что впереди сплошная стена из пыли, чем-нибудь прикрыть рот, нос и, желательно, глаза. Затем он спрыгнул в сухую траву, чтобы, как видела Софья, задержать следующий грузовик. А еще чуть позже свет померк от пыли. Она нахлынула, словно волна, окутала грузовик, мгновенно заполнила собой все пространство вокруг. Сразу стало трудно дышать, глаза заслезились. Будто разом нырнули на мутное дно какого-нибудь озера.

Подъехали, выгрузились. В пыли видимость стремилась к нулю, казалось, что утро не наступило, а застыло где-то между светом и темнотой.

Софья разглядела развернутые блокпосты, в спешке сооружавшиеся из мешков с песком и покрывающиеся брезентовыми крышами. Войска разворачивались по периметру местности. Дорога была блокирована, справа и слева тянулась густая чернота — лес. Далеко впереди начинался Витязь. Здесь же о наличии населенного пункта можно было догадаться по телеграфным столбам и высотной водонапорной башне, которая мутным пятном маячила в стороне от дороги.

Блокпост к этому времени атаковали первые беженцы из Витязя. Сигналили автомобили, раздавались возмущенные возгласы. Полковник Стрельников торопил разворачивать полевой госпиталь. Софья почти бегом, закрывая платком лицо, спасаясь от всепроникающей пыли, направилась к месту развертки. Там уже натягивали первые многоместные палатки. Кто-то из военных рассказывал о том, что к месту падения корабля пришельцев отправили четыре грузовых «КамАЗа». Планировалось взять корабль в плотное кольцо оцепления до прибытия ученых и заняться начальным изучением.

Работать начали быстро, несмотря на пыль и зарождающуюся жару, и спустя полчаса смогли принять первых беженцев. Люди злились, люди паниковали, люди требовали объяснить, что происходит, люди ничего не понимали, но стремились поделиться впечатлениями. В основной своей массе люди были живые и здоровые, но не выпавшиеся. Один раз Софью вдруг охватила необъяснимая паника и страх за Максима. Предчувствие непоправимой беды сковало ее сердце и охладило душу. Но оно рассеялось столь стремительно, что оставило в памяти лишь смутную, ничем не объяснимую тревогу.

Поток беженцев увеличивался. Появились первые раненые и те, кто находился недалеко от места взрыва. А еще через полчаса раздались выстрелы.

Софья выбежала из палатки. От пыли ее глаза покраснели и непрерывно слезились, сужая круг зрения до минимума. Но даже сквозь сумрак она различила плотные клубы пыли, поднимающиеся на горизонте по периметру дороги и над деревьями.

Воздух снова разорвал стрекот выстрелов. Люди на дороге в панике бросились к

блокпостам. Кто-то кричал. Военные в растерянности выталкивали людей обратно на дорогу, но те, подстегиваемые страхом, тут же толкались снова. В нескольких местах завязались потасовки. А со стороны завода приближался, нарастал чудовищный гул.

Кто-то пронзительно завопил: «Пришельцы! Пришельцы!»

Военные с блокпостов, вытянувшись в стойки, словно биатлонисты на соревновании, неожиданно начали стрелять в приближающееся облако пыли, хотя там вряд ли можно было что-то разглядеть.

Громкие очереди выстрелов вывели Софью из оцепенения. Она бросилась обратно к медицинским палаткам, а за ее спиной земля сотряслась от оглушительного взрыва. Пыль вокруг вздулась, словно пузырь, и лопнула брызгами ослепительного и горячего пламени. В воздух взметнулись полыхающие обломки, ветер закружил их миниатюрным смерчем. Поток горячего воздуха толкнул Софью в спину, уронил на землю, перевернул, забил горло огненными угольками, разорвал кожу. Софья почувствовала, как отрывается от земли и кружится, неподвластная самой себе. Все вокруг неожиданно наполнилось выстрелами, криками, воплями, бешеной суматохой и паникой. Что-то взорвалось снова — с оглушительным треском, будто мировая материя лопнула по швам. Софья упала на спину, и вихрь поволок ее по земле. За шиворот, в туфли и в рот набился горячий песок, многочисленные ссадины кровоточили. В опасной близости со свистящим шумом упало горящее колесо и, окутанное черным едким дымом, покатилося, вихляя, в сторону палаток. Трава вокруг исчезала в огне, полыхали ветки деревьев. Кто-то бежал мимо, стреляя из автомата и крича.

Когда ветер отпустил, София села, пытаясь справиться с головокружением. Она оглохла от выстрелов. Воздух вокруг стал темным и плотным от гари. Сквозь сухой стрекот выстрелов, словно сквозь вату, слышались приглушенные вопли: «Справа!», «Они просто кидаются и жрут!», «В глаза, в глаза цельтесь!» Потом из темноты вынырнул какой-то военный в расстегнутом кителе и каске, спадающей на глаза. Он был весь в песке, словно восставший из могилы мертвец, только что выбравшийся из-под земли.

— Жива? — спросил он.

Софья нерешительно закивала. Он протянул Софье руку, помогая подняться. Ноги ее подкашивались от боли, глаза пекло. Левый рукав кителя порвался до локтя, и по голой руке сочилась кровь.

— Что происходит?

— Грузовики вернулись, — тяжело дыша, произнес военный, — с пришельцами. Пойдемте, нужно прятаться.

Они, пригибаясь к земле, побежали сквозь плотную пелену пыли. Вокруг то и дело возникали какие-то тени, доносились страшные звуки, словно кого-то прямо так, живьем, рвали на куски. Автоматные выстрелы не прекращались. Слышался рев моторов. Кричали: «Всем по дороге на запад! Кто слышит! Всем по дороге на запад!»

В этот момент где-то совсем близко застрочили автоматы. Пыль взвилась вихрями. Что-то горячее просвистело возле уха Софьи. Военный неожиданно вскрикнул, упал на колено, а потом и вовсе завалился на бок, прижимая руки к животу. Выстрелы наполнили воздух. Пыль, словно состоящая из миллиона бабочек, кружилась и кружилась. Военный сучил ногами, открывая рот, словно рыба, выброшенная на берег. Софья упала на землю, глотая горячую пыль. Вокруг рвали воздух, суетились размытые тени. Тогда Софья поползла. Не зная куда, обжигая израненные ладони песком и грязью, но ползла и ползла подальше от выстрелов, от грохота, от теней.

Через несколько метров она наткнулась на перевернутый и горящий «УАЗ». Жар от него был нестерпим. Вокруг, как будто разбросанные от удачного попадания кегли, лежали солдаты в лужах темной, густой крови. Все они были мертвы. Софью стошнило от ужасного зрелища, она поднялась на ноги и отошла в сторону, в надежде найти глоток свежего воздуха. Ей казалось, что воздух пропитан запахом крови и смерти.

Сквозь туман звуков вокруг, таких далеких и едва слышных, она пыталась различить

человеческую речь, но слышала только грохот взрывов и выстрелы.

Девушка побрела на слабых ногах по выгоревшей земле, совершенно не понимая, куда. То и дело на ее пути попадались мертвые военные и перевернутые машины. Страх становился все сильнее, усталость и боль наваливались, гнули к земле. Софья поскользнулась на странной луже изумрудного цвета и увидела мертвого пришельца. Он валялся на спине, широко раскинув три пары лап и свесив овальную голову, которая из-за твердого и высокого «воротника» не дотягивалась до земли и просто болталась из стороны в сторону. Каждая из двух верхних лап заканчивалась когтем. Длинным, изогнутым, с мелкими зазубринами. Средние лапы были поменьше, на них Софья разглядела по шесть аккуратных пальцев. Задние лапы выпирали заостренными коленями, а широкие стопы были словно обуты в какую-то невиданную обувь. Верхняя челюсть пришельца была усеяна множеством мелких зубов, вместо нижней челюсти (тоже без сомнения зубастой) зияла рваная дыра, из которой сочилась изумрудная жидкость. Поглощенная изучением мертвого пришельца, Софья не сразу заметила, как к ней подошел и встал рядом уставший солдат, лицо которого было покрыто коркой крови и гари, а по шее крупными каплями катился пот. Она почувствовала его дыхание и повернулась. Это был Максим.

— Как я его, а? — спросил тихо Максим, и голос его был наполнен усталостью на много лет вперед. — Полезли, черти, как тараканы.

Софья ничего не ответила, а, поддавшись накатившему из глубины души чувству, заключила Максима в крепкие любящие объятия. В тот момент ей было наплевать на все, что творилось вокруг. Максим поцеловал ее сухими, потрескавшимися губами. А потом повлек Софью за собой, непонятным путем, в безопасное место. По пути он быстрыми короткими фразами начал рассказывать о том, как на построении на плацу офицеров и солдат распределили на несколько групп для выполнения различных операций. Максима назначили старшим отряда, который должен был отправиться на разведку к заводу. Сообщалось о падении инопланетного корабля. Прямо с плаца четыре грузовика отправились к месту падения. Максим ехал в кабине самого первого автомобиля и видел, как в предраассветной дымке поднимается от горизонта к небу ровная вертикальная полоса дыма. Потом показались испуганные люди, в панике бросающиеся под колеса грузовиков с просьбами вывезти их. Грузовики не останавливались, но Максим открыл окно и громко сообщал, что дальше по дороге людей ждут, что будет оказываться первая медицинская помощь пострадавшим, что поводов для паники нет, и еще много всего кричал, лишь бы их успокоить. Потянулись ровные домики Витязя, ощутимо запахло гарью. Пыль, которая и так стояла сплошной стеной, густела с каждым метром. Ожидание чего-то неизвестного сдавливало грудь.

Вскоре подъехали к разрушенному заводу. Здесь было особенно темно. Клубы густого черного дыма закрывали солнце. Пыль, словно взбесившаяся стая мошкар, кружилась вокруг, норовила залезть в нос и забиться в горло. Дорога резко поднималась волной из камней и земли, а дальше срывалась в глубокую воронку, на дне которой в густоте дыма и всполохах огня лежал космический корабль. Он был размером с грузовик и имел овальную форму, словно гигантская сигара. Нос корабля исчезал в темноте. Серебристую поверхность испещряли черные хаотичные полосы, словно корабль держал в когтях какой-то невообразимый зверюга. Вокруг было безжизненно и тихо. Когда заглушили моторы автомобилей, стало предельно четко слышно, как из воронки доносится непонятный скрежет. Будто кто-то там, внутри корабля, пытался выбраться наружу, царапая стены когтями. Максиму совершенно четко представился гигантский консервный нож, вспарывающий поверхность, как банку с зеленым горошком.

Был отдан приказ спуститься вниз и разведать обстановку. Натянув противогазы, несколько человек, в том числе и Максим, начали спуск. От дыма было темно, хоть глаз выколи, но возле корабля сделалось светлее, огненные вспышки от его поверхности хорошо освещали корпус. Под ногами булькала грязь, горячая — чувствовалось даже сквозь сапоги. Вскоре нашли входные люки — круглые, на видимых креплениях. В нескольких местах

вместо люков чернели отверстия, из которых валил густой дым. Обойдя вдоль корабля, обнаружили, наконец, несколько отверстий, через которые хоть и с трудом, но можно было проникнуть внутрь. Максим на всякий случай перекрестился и полез.

Строение корабля изнутри больше всего напоминало подземные лазы кротов — узкие неровные коридоры, по которым можно было идти, только полусогнувшись, с множеством поворотов и неожиданных тупиков. Дверей как таковых не было, а вход в помещения обозначался высоким порогом и взлетающим вверх потолком. Пол под ногами был упругим и теплым. Многих деталей в полумраке, да еще и сквозь противогаз было не разглядеть, но Максим хорошо запомнил, что путь им освещали маленькие светящиеся жучки, вроде светлячков. Они не летали, а лениво переползали по стенам с места на место, часто и надолго замирая.

Хотя снаружи корабль казался небольшим, внутри он был гораздо объемнее. Военные потратили почти час, но не исследовали, видимо, даже половины корабля. В помещениях они обнаружили множество странных предметов, о назначении которых так и не смогли догадаться. Некоторые помещения были заполнены дымом, который струйками полз по коридорам, преследуя исследователей.

Устроившись в одном из помещений, Максим и два сержанта занялись составлением плана исследованной части. Часть военных разбилась на группы и продолжила продвижение в глубь корабля. Хотели еще собрать несколько особенно непонятных предметов для выноса на поверхность, но в это время появились пришельцы.

Они атаковали внезапно. Откуда возникли — непонятно. Но в одно мгновение коридоры вдруг наполнились юркими шестипапыми существами. Они кидались на военных, вспарывали им животы передними лапами, отсекали головы, подрезали ноги. И тут же начинали их есть. В помещение, где находился Максим, ворвалось одно из таких существ, стремительно пробежало по потолку и накрыло ближайшего к ней человека. Раздались выстрелы, в стороны брызнули яркие капли крови. В одно мгновение тварь отсекла ему голову, и сержант обмяк. Пришелец тут же вытянул голову и мощными челюстями начал вгрызаться в шею мертвеца. Максим со вторым сержантом открыли огонь. Существо задержалось, из его тела во все стороны брызнула изумрудная кровь. Она заляпала Максиму противогаз, и Максим сорвал его, ощутив горячий, тяжелый воздух, мгновенно заполнивший легкие.

Все вокруг начали стрелять, возникла паника, воздух сделался вязким от криков и выстрелов. Максим выскочил из помещения и бросился бежать по коридору, отстреливаясь от пришельцев. Он надеялся, что правильно запомнил путь. Светящиеся жуки панически метались по стенам, играя с тенями, разрушая реальность.

Каким-то чудом Максиму удалось выбежать из корабля невредимым, и он тут же попал под шквальный огонь военных, находившихся на поверхности. Тут тоже царила паника. Несколько минут назад по всему корпусу корабля вдруг открылось множество люков, и оттуда хлынули «словно тараканы» пришельцы. Они молниеносно выбрались из воронки, кроша лапами асфальт и гравий, и кинулись в атаку. Большинство военных были убиты в течение первых десяти минут. Пришельцы рвали их на части и тут же кидались на следующую жертву.

Максим бежал, пригнувшись к земле, задыхаясь от гари, пока не добрался до ближайшего грузовика. Два автомобиля уже уехало. В завязавшейся перестрелке и охватившей всех панике трудно было сообразить, что происходит. Водитель в спешке заводил мотор и орал, требуя, чтобы люди прыгали в кузов. Максим перевалился через борт. В кузове сидело несколько человек, отстреливающихся от пришельцев. Максима подняли, дали в руки автомат, и он тоже начал стрелять. Грузовик рванул с места и помчался, трясясь на ухабах. Максим видел стремительно удаляющуюся воронку, разрушенный завод, мелькающие дома... и пришельцев, которые наполняли улицы с фантастической быстротой. Кто-то за спиной кричал в рацию о надвигающейся опасности. Максим захлебывался горячим воздухом, тер глаза, наполненные пылью. Там, на улице, инопланетные твари

бросались на людей, прыгали на брошенные автомобили, вышибали стекла, забирались по стенам дома в окна первых этажей. Хотелось зажать уши руками и закрыть глаза, убежать от реальности куда-нибудь подальше.

Потом в поле зрения Максима и остальных возник один из грузовиков. Он замедлил скорость и вилял по тротуару. Пришельцы облепили кузов, рвали брезент, залезали в кабину. Оттуда доносились выстрелы и вопли. Одна тварь, без сомнения мертвая, болталась на борту, оставляя позади грузовика на тротуаре дорожку изумрудной крови. Автомобиль вильнул еще несколько раз, налетел на камни и перевернулся. В тот же момент он взорвался. Пришельцев раскидало в стороны. Воздух заискрился от дождя изумрудной жидкости — их крови. Пламя вперемешку с черным дымом осталось позади, а потом и вовсе исчезло за поворотом.

В тумане из гари, пыли и пепла грузовик въехал в зону оцепления. Автомобиль остановился, солдаты посыпались из него, пытаясь вести организованный отстрел. Казалось, что пришельцы всюду. И чем больше их убивали, тем больше их становилось. В какой-то миг Максим оказался один на один с инопланетным монстром. Тот кинулся на Максима, целясь когтями в живот. Максим в панике упал на колени и нажал на курок. Ствол задержался, пули разнесли голову и грудь пришельца, оросив землю изумрудными каплями. Пришелец упал на спину, перебирая в воздухе лапами, а Максим побежал дальше, захлебываясь собственным горячим дыханием. Потом он убил еще нескольких. Почему-то Максим был уверен, что выберется отсюда живым. О другом он и подумать не мог. Тем более что впереди их с Софьей ждала долгая и счастливая жизнь...

Неожиданно он наткнулся на небольшую группу уцелевших военных во главе с полковником Майдановым, пытавшимся организовать отступление и вывести бойцов в безопасное место. Полковник сообщил, что сюда уже летят истребители, что ученые решили не задерживаться и прямо из аэропорта в Челябинске тут же отправились обратно и что, возможно, скоро все здесь взорвет к чертовой матери, поэтому нужно убираться. Майданов предложил Максиму отправиться в сторону западного блокпоста, где на грузовиках удерживали атаки пришельцев, а ко времени подлета истребителей собирались эвакуировать, кого получится. Максим согласился, и некоторое время бежали вместе, кое-как ориентируясь в тумане по звукам выстрелов и гулу двигателей автомобилей. Потом из пыли вынырнул край палатки медицинской помощи, и Максим остановился. Где-то тут была Софья. Он почувствовал ее каким-то странным, необъяснимым чувством, которое бывает у многих влюбленных и которому беззаветно доверяют в любой ситуации. Максим отстал от отряда и свернул к палаткам. Они были наполнены кровью и трупами. В пыли кружились большие жирные мухи. Сквозь множественные рваные дыры в брезенте сочились робкие лучики солнца. Максим бродил между рядами мертвецов, с замиранием сердца ожидая в очередном лице, в следующей застывшей маске мучительной смерти увидеть свою любимую. Но ее не было ни в одной из палаток. Максим не обнаружил Софью и среди трупов на улице, раскиданных вокруг, словно сломанные игрушки. Тогда он побежал на запад, к блокпосту, в надежде встретить ее там. Когда до блокпоста оставалось всего ничего, Максим различил в пыли смутную дрожащую тень. Он подошел ближе, и сердце его заколотилось с новой силой. Возле трупа пришельца стояла Софья.

Оставшийся путь они пробежали стремительно, словно несомые на невидимых крыльях любви. Ктото кричал в рупоры, что грузовики больше не могут ждать. Над головой шумно пролетели самолеты. Софья задыхалась от бега, но была счастлива, сжимая вспотевшую руку любимого. Они добрались до блокпоста, забрались в эвакуационный «Газ-66» и успели проехать почти тридцать километров от места происшествия, когда за их спинами раздался чудовищный взрыв.

В свои девяносто лет Софья Николаевна смогла сохранить только чуткий слух. Зрение начало ухудшаться еще в юности, а двадцать с лишним лет назад внезапно атаковала катаракта, сначала сожрав зрачки, затем окончательно погрузив Софью Николаевну в насыщенную звуками темноту. Вероятно, виной всему была пыль. С того самого дня, когда они с Максимом проснулись, разбуженные взрывом падения космического корабля, Софье все время казалось, что из глаз невозможно вымыть пыль. Тонкая пленка, осевшая на глаза, жгла под веками и двоила зрение до тех пор, пока Софья не ослепла совсем. Сейчас она тоже чувствовала пыль на глазах, но та больше не причиняла ей неудобств. Помимо слепоты Софья Николаевна страдала тяжелой одышкой, уже много лет не могла контролировать свой мочевого пузырь, неизвестная болезнь терзала ее позвоночник, впивая мелкие зубки в болевые точки. Иногда Софья Николаевна жалела, что невозможно остановить биение сердца усилием воли. Это избавило бы ее от множества страданий. Единственная часть тела, которая еще подчинялась старушке, была ее левая рука. Софья Николаевна очень ценила возможность самостоятельно переключать радио или брать стакан с водой и пить. Правда, для этого кто-нибудь должен был поставить стакан на тумбочку.

В тот день, когда она услышала шорох мелкого дождя за окном и первые сообщения о масштабной атаке инопланетян на крупнейшие города мира, воды ей никто не принес. Пустой стакан медленно покрывался пылью.

Софья Николаевна протянула руку и щелкнула переключателем радио. Вот уже несколько месяцев любое движение отдавалось в теле острой болью. Неизвестная болезнь, которую подхватил Максим после атаки пришельцев много лет назад, теперь отсчитывала последние дни Софьи Николаевны. Конец был уже близок, она знала о приближении смерти с такой же непоколебимой уверенностью, с какой в свое время знала о смерти Максима, стоя перед дверью гостиничного номера.

По коридорам притихшего дома бродили родственники. Все слушали сообщения о нападении пришельцев, все боялись. Страх пронизывал воздух и проникал острым запахом даже сюда, в комнату с забытой всеми старухой. Наверное, Софья Николаевна была единственной, кто не боялся. Она думала о том, что утка под ней, видимо, уже переполнена, а значит, скоро в комнате начнет вонять мочой.

Радио пронзительно свистнуло, пошли помехи, затем снова все заработало. Софья Николаевна не видела, как по поверхности радио пробежал большой рыжий паук с длинными усиками, но она готова была поклясться, что слышала шорох его лап.

Радио долгое время кочевало вместе с Максимом и Софьей по городам, стояло на тумбочках, журнальных столиках, шкафах и этажерках и было немым свидетелем тех странных вещей, которые происходили с Максимом, стоило ему достать Прибор. Это радио видело, как Максим медленно сходит с ума и разговаривает с пришельцами. Много лет назад из этого радио лилась далекая французская мелодия, наполняя комнату чарующими звуками скрипки и аккордеона, а в коридоре стояла Софья, прислонившись щекой к холодному дереву, и, прислушиваясь к мелодии, понимала, что ее муж умер, что он лежит около кровати, с которой упал, дергаясь в предсмертных судорогах. Потом это радио проделало долгий путь домой и стояло некоторое время на тумбочке, до того, как Софью заперли в комнате, сочтя сумасшедшей старухой, а радио не убрали на чердак, вместе с огромным количеством вещей, напоминавших Софье о Максиме.

Но вот прошло много лет, и многое стерлось из памяти беззаботных потомков. И милый внук притащил радио бабушке, чтобы порадовать ее. И сейчас за окном моросил дождик, бегал таракан, а из радио доносились тревожные сообщения. Пришельцы стремительно атаковали города. К вечеру первого дня войны они захватили сорок процентов населенных пунктов Земли. Системы ПВО в большинстве своем были уничтожены. Космические сигарообразные корабли сыпались на столицы стран, словно гигантские градины.

Софья Николаевна переключала каналы, но везде было одно и то же.
Пришельцы вернулись.

Вернее, о том, что они именно *вернулись*, а не *внезапно напали*, было известно лишь редким, разбросанным по Земле людям, которые много лет назад оказались очевидцами нападения на маленький уральский городок...

Через несколько дней после происшествия, после многочисленных медосмотров, докладов, допросов, множества исписанных листов, поставленных подписей и миллиона пересказов о случившемся, Максим и Софья смогли выбраться в свое общежитие и отдохнуть. В те же дни у Максима стремительно поседел волосы. У Софьи тоже проявилась седина на висках, но естественный цвет волос оставался у нее и до девяноста лет.

Они вымели стекла и мусор, закрыли окна кусками картона, уничтожили любой намек на пыль и выветрили запах гари. Они включили радио, приготовили на пару вкуснейший ужин из мяса и овощей, откупорили бутылку шампанского, припасенного для совершенно другого повода. А потом долго и страстно любили друг друга, словно виделись последний раз в жизни. Недавно они были невероятно близки к тому, чтобы потерять друг друга, и теперь восполняли радость воссоединения невероятной страстью. Каждый оргазм в ту ночь вспыхивал перед глазами Софьи изумрудными брызгами крови пришельцев, которые запросто могли лишить ее и любви, и будущего. И с того момента, с той самой ночи они оба поняли всю ценность каждой прожитой вместе минуты, каждого поцелуя, каждого крепкого объятия или мимолетного прикосновения.

А потом, когда перед самым рассветом они лежали в кровати, потные, испытывающие жажду, изможденные и счастливые, Максим вдруг сказал, что хочет показать Софье нечто необычное. Он рассказал, что за несколько минут до нападения пришельцев, когда он и два сержанта сидели в просторном помещении внутри космического корабля, Максиму было неудобно рисовать план на коленках, и он поднял с пола какую-то плоскую штуку, похожую на затвердевший лист бумаги из школьной тетради, и положил под колено. А уже в тот момент, когда начались выстрелы, Максим вскочил и неосознанно прикрылся странным предметом от забежавшего пришельца, будто щитом. Так и держал его в руках, пока бежал по путаным коридорам корабля к выходу. А когда выскочил на поверхность и попал под шквал пуль от военных сверху, тогда уже прикрывал предметом голову. И бежал с ним некоторое время, пока не сообразил, что держит в руках настоящий инопланетный реликт. В общей суматохе заскочил на борт грузовика, а там думать о реликте времени не было. Тут бы шкуру свою спасти... Когда же наступило относительное затишье, они ехали в кузове грузовика, а за их спинами на город сбрасывали бомбы, Максим засунул реликт в сумку для автоматных рожков. Уже после медицинских осмотров, бюрократической беготни по кабинетам и хаотичных докладов о происшествии Максим о реликте вспомнил и некоторое время противоречиво убеждал самого себя в целесообразности передачи предмета вышестоящим начальникам. Но почему-то отдавать реликт не хотелось. А хотелось, честно говоря, взять его себе. Как военный трофей. Как память. После недолгих размышлений Максим решил отдаться на волю судьбы, и пусть будет так, как будет. То есть специально прятать реликт он не стал, так и оставил в сумке для рожков, но и говорить кому-либо о находке считал ненужным. В итоге сумка оказалась у него дома, вместе с реликтом, и висела сейчас в шкафу, вместе с формой.

Он достал реликт и передал его Софье.

Продолговатый предмет был теплым и шероховатым на ощупь. От него исходило слабое изумрудное свечение. Взяв предмет в ладони, Софья почувствовала что-то странное, необъяснимое. По коже пробежали мурашки, а пальцы задрожали. Ей вдруг показалось, что комнату заволокло пылью. Будто резко встряхнули давно лежащую в шкафу простынь. Софья закашляла. Ей не понравились ощущения, и она передала предмет Максиму, взяв с него обещание никогда не брать реликт голыми руками. Максим пообещал, хотя, как стало известно позже, вовсе не собирался обещание держать.

Когда из радио, словно сухой и безразличный стрекот автоматной очереди, посыпались очередные сводки с мест военных действий, в комнату вошла Маша. Софья Николаевна безошибочно определяла дочь по тяжелой мужицкой походке и по стойкому запаху недорогих духов, которые ей раз в месяц дарил муж. Под ногами Маши жалобно скрипели старые деревянные половицы.

— Ну и вонь, — пробормотала Маша, огибая кровать, чтобы сделать тише радио.

Софья Николаевна следила за ней широко открытыми слепыми глазами, наполненными черной пустотой.

Маша родилась через полтора года после происшествия на Урале. К тому моменту Максим уже боялся каждого шороха, всюду таскал с собой заряженный ТТ и засунул Прибор в коробку, подальше от людских глаз. Всюду ему мерещились пришельцы, в каждой тени он видел монстра, а громкие звуки вызывали у него приступ такого сильнейшего страха, что Софье иногда приходилось запира́ть мужа в комнате, чтобы тот не сбежал.

Маша была их первым ребенком и единственной девочкой в семье. После нее родятся еще Петр и Александр. Оба впоследствии уедут работать в Европу, оставив стареющей сестре все заботы о сумасшедшей матери.

Машу, как и двоих сыновей позже, Софья родила «по залету», наотрез отказавшись делать аборт. Она воспитывала Машу по мере сил, втайне надеясь, что Максим, наконец, придет в себя, и они перестанут кочевать по стране, словно цыгане. Но со временем Максим все больше впадал в паранойю, приходилось чаще переезжать, и когда встал вопрос о том, что делать с ребенком, которому следовало поступать в школу, решили отвезти ее к бабушке в Ростов. Затем туда же переедут и оба сына, которые с возрастом начнут называть бабушку — мамой и практически забудут о своих странных родителях, на много лет потерявшихся в безумном бегстве по городам.

У бабушки Маша быстро освоилась, поступила в школу, которую закончила в девятом классе, и попыталась поступить в институт на биологический. Страсть к растениям зародилась в ней с детства. В институт Маша поступила только с третьего раза. В двадцать один год она задумалась о семье, быстро влюбилась в молодого соседа, только что вернувшегося из армии, вышла замуж и устроилась работать в областную ветеринарную клинику. Когда двадцать лет спустя на пороге ее дома появилась старуха с сединой на висках, с двумя большими клетчатыми сумками, бормочущая что-то о смерти отца, о нападении пришельцев и о трофейном Приборе, через который можно видеть, что происходит на другой планете, Маша не сразу сообразила, что встрети́лась со своей матерью.

Муж наотрез отказывался принять в дом неизвестную старуху, предрекая множество проблем. Но его сопротивление было сломлено Машей, которая неожиданно вспомнила свое кочевое детство, всегда казавшееся ей далеким утерянным приключением. Костлявая старуха, покрытая тонким слоем пыли, словно истлевающая заживо, напомнила ей о давно ушедших надеждах, о первой юной любви, о горячем ветре, который бил в лицо, стоило высунуться из окна автомобиля, несущегося на огромной скорости по пустой трассе где-нибудь между Владимиром и Москвой. Маша разом вспомнила молодого и красивого отца, который в редкие минуты своего душевного спокойствия рассказывал ей забавные сказки и поучительные истории. Запах прошлого, исходивший от матери, был намного приятнее запаха настоящего, в котором уже не было ни надежд, ни мечтаний, ни принцев на белом коне, а была суровая, серая, тоскливая в своем равномерном течении жизнь.

Сейчас, когда возраст Маши стремительно приближался к шестидесяти (она подкрашивала волосы и давно перестала замечать собственные морщины), в голове иногда возникала мысль, что надо было поступить по-другому. Например, послушаться мужа и сдать мать в дом престарелых. Забот Софья Николаевна подкинула намного больше, чем того стоили детские воспоминания. Хотя она старалась вести себя как можно незаметнее, давным-давно заброшенное в ее сознание семя безумия дало ростки и то и дело прорастало наружу. Чаще всего Софья Николаевна рассказывала байки о пришельцах, которых она

видела собственными глазами, которые уничтожили ее мужа и скоро придут за ней. Любимый разговор старуха заводила за обеденным столом, либо подкарауливала кого-нибудь из жильцов дома, цепко хватала жертву костлявыми пальцами за локоть и начинала бурчать на ухо различного рода предостережения.

Иногда Софью Николаевну охватывала паника. Она громко кричала на весь дом, что чувствует приближение пришельцев, запиралась на чердаке, в ванной или у себя в комнате и начинала громко нести всякий бред о падении космического корабля где-то на Урале. При этом она всячески сопротивлялась, когда ее пытались успокоить, кусалась, царапалась и истерично вопила до хрипоты.

Когда же степень сумасшествия старухи-матери достигла ужасающих размеров, Маша решила запереть ее в комнате. К тому времени Софья Николаевна уже почти не ходила — по большей части из-за слепоты, но сама она жаловалась на какую-то неизвестную болезнь, которую подхватил от пришельцев ее муж, а потом и она сама. Один раз у старухи случился очередной приступ, она выбежала в коридор в старой пожелтевшей ночнушке, запнулась о порог и упала на пол. Истошно вопя о том, что пришельцы догоняют ее, старуха ползла по полу, цепляясь длинными ногтями за паркет. В таком состоянии ее увидел младший сын Маши Антон, которому едва исполнилось два года. Он пришел в такой ужас, что плакал почти целый день и еще неделю просыпался по ночам с криками. После этого происшествия Маша начала закрывать дверь на замок. Впрочем, Софья Николаевна не сразу догадалась об этом, а вскоре и вовсе слегла, чтобы уже никогда не подняться...

Несмотря на то, что Маша проветривала комнату каждое утро, в ней всегда стоял стойкий мерзкий запах. Пахло старением, морщинистой кожей, вылезающими волосами, вставной челюстью. Пахло от простыней, от утки, от старой мебели, даже рыжие жирные обои, казалось, источали какой-то противный запах. И еще эта всепроникающая пыль. Маша устала с ней бороться, потому что чувствовала, что проигрывает битву. Поэтому она ограничила свои действия, протирая стакан, тумбочку, иногда — радио, и веки старухи.

Уже несколько лет Маша старалась не заглядывать в комнату без лишней надобности. Утром она заходила, чтобы открыть окно, потом приносила завтрак, тратила двадцать минут, по ложечке скармливая слепой старухе кашу. Потом приносила стакан с водой и не возвращалась до обеда. В обед снова повторяла процесс кормления и убирала в случае необходимости заполнившуюся утку. Вечером был ужин.

В последнее время Софья Николаевна не доставляла сильных хлопот. Она целыми днями молча слушала радио, иногда о чем-то тихонько разговаривала сама с собой и много спала. Бывали дни, когда Маша, заходя в комнату в течение целого дня, каждый раз заставляла Софью Николаевну спать. Если бы не тихий с присвистом храп, то вполне можно было бы предположить, что старушка, наконец, отправилась на небеса...

— Боже, снова пыль! Всюду пыль! — бормотала Маша раздраженно, распахивая окно.

Сегодня из радио лились только негативные известия. Утром на планету внезапно напали пришельцы из космоса. Они возникли из ниоткуда. Тысячи космических кораблей, по форме напоминающих гигантские сигары, обрушились с неба на крупные города земли. «Сигары» падали без разбора и на жилые дома, и на административные здания, и на пустыри. Из кораблей тут же сыпались сотни пришельцев, которые, словно тараканы, разбегались в стороны и начинали хаотично убивать людей. А еще они их жрали. В самом прямом смысле этого слова. Армии не успевали оперативно реагировать на происходящее. Пришельцы уничтожали целые кварталы, проникали в квартиры и частные дома, чтобы сожрать всех, кого найдут.

Маша злилась на себя за то, что боится, злилась на мужа за то, что он тоже боялся. Страх зародился где-то в глубине, дикой звенящей струной впился в позвоночник, холодил пальцы и заставлял шарахаться от каждой тени.

Еще с утра муж предложил собрать самые необходимые вещи и уехать куда-нибудь подальше. Сообщалось, что пришельцы атакуют крупные города, и муж предположил, что если уехать подальше в лес, то, может быть, не достанут. Но Маша предложила подождать.

Она боялась сделать что-нибудь не так, принять неверное решение, как она часто делала в своей жизни. В страхе за себя, за детей и за мужа, она совсем забыла о запертой на втором этаже старухе, а, вспомнив, разозлилась еще больше.

По радио говорили, что на Ростов тоже упало несколько «сигар». В центре идут ожесточенные бои. Пришельцы нападали на воинские части, крушили автомобили и сносили трансформаторные будки. Коммуникации были почти полностью разрушены.

С утра Маша выходила на улицу, чтобы узнать новости от других взволнованных жителей. Пригород охватила паника. Большинство людей в спешке собирали вещи и уезжали на машинах в лес. Прошел слух, будто пришельцы боятся воды. К обеду дорога была забита от автомобилей желающих проехать к Дону. По радио вроде тоже передавали о боязни пришельцев крупных водоемов.

Распахнув окно, Маша вышла в коридор, чтобы занести на подносе горячий обед. Двадцать минут назад они с мужем решили отправиться в лес. Муж настоял на том, чтобы оставить старуху в доме. Он никогда не питал к ней добрых чувств, но тут его логика и Маше показалась правильной. Старуха представлялась серьезной обузой. Ведь речь шла не о простой прогулке на шашлыки, дорога была каждая минута. Страх подстегивал Машу, терзал ее, словно зубная боль. В конце концов, Маша согласилась с мужем, который убедил ее, что другого выхода попросту нет. Все-таки жизнь детей дороже жизни девяностолетней старухи.

И вот Маша ворчала на пыль, на ветер, на вонь, забывая стыд внутри себя. Она поставила поднос с картофельным пюре и мягкой котлетой — последним обедом в жизни старухи-матери.

Обычно Софья Николаевна ела спокойно. Она давно уже не могла жевать, поэтому втягивала мягкую пищу с противным сосущим звуком. Но сегодня она неожиданно отказалась есть, замычала, вращая слепыми глазами, — это было мерзкое зрелище. Маша что-то бормотала себе под нос, стараясь засунуть ложку с пюре между приоткрытых челюстей и не обращать внимания на гнилой запах изо рта. А старуха вдруг подняла руку и указала на шкаф, что стоял напротив кровати, ближе к окну. Видимо, старухе стоило невероятных усилий сжать руку в кулак, оттопырив указательный палец. Она недвусмысленно давала понять, что хочет что-то из шкафа.

Сердце Маши сжалось. Что-то светлое слабо пробилось сквозь плотный туман страха, злости и стыда. Сиюминутная доброта к матери.

— Что там? — Маша оставила поднос и подошла к шкафу. — Внутри?

Старуха замычала, вращая глазами. Замычала сильнее обычного, словно из всех сил старалась произнести какое-то слово. Маша открыла шкаф, оттуда дыхнуло застоявшейся старостью.

— На полках? — спросила она.

Рука старухи затряслась.

Маша начала медленно перебирать стопки старых вещей, покрытых пылью и паутиной. Здесь не убирались много лет. С тех пор, как Софья Николаевна слегла окончательно, никто не открывал дверцы этого шкафа. Мычание старухи перешло в какой-то слабый стон, полный отчаяния. Маша заторопилась, нагнулась, перебирая вещи. Она не знала, что искать, но почему-то подозревала, что сразу узнает то, что нужно.

И она не ошиблась. На нижней полке, среди стопок аккуратно сложенного нижнего белья, ее руки нащупали какой-то твердый продолговатый предмет. Она вытащила его на свет. Предмет был странный на ощупь, и от него исходило невероятное тепло. Он походил на крышку от чего-нибудь, или на внезапно затвердевший лист бумаги.

— Это? — спросил Маша, вложив в руку матери свою находку.

Старуха замычала в ответ. Из горла ее хрипло и тихо вырвалось слово: «Это».

Софья заметила, что с Максимом что-то не так, спустя полгода после их переезда с Урала. Максим начал чего-то бояться. По вечерам он плотно задергивал шторы, несколько раз за ночь вскакивал, чтобы проверить, действительно ли заперта дверь. От каждого шороха он становился напряженным, словно прислушиваясь к звукам вокруг. Он стал избегать людных мест, перестал ходить в кинотеатры и на рынок. А однажды вечером он спросил у Софьи, готова ли она переехать жить в другой город.

— Здесь невозможно находиться, — пожаловался он, — здесь слишком большие окна и много света. Я все время на виду.

В тот же вечер Софья начала настойчиво расспрашивать мужа о том, что происходит. Конечно же, виной всему оказался реликт. Максим несколько недель держал его в шкатулке на дне шифоньера, но как-то раз не выдержал и, когда никого не было дома, достал и принялся разглядывать, положив на ладонь. И в тот момент произошло нечто странное.

Мир перед глазами Максима расплылся, сделался словно прозрачным, а потом вдруг собрался из миллиона осколков в нечто целое, но совершенно чуждое. Максим словно оказался в теле кого-то другого. Он видел чужой мир глазами чужака. Вокруг была пустыня, тянулись рыжие холмы, ветер гонял по холмам горячий песок. И всюду сновали, суетились те самые шестилапые пришельцы, которых Максим убивал в Витязе. Их были сотни, а может, и тысячи. Они таскали какие-то арматуры, общались между собой, рыли траншеи, настраивали сложные механизмы, вроде огромных самоходных машин на гигантских лапах. Пришельцы перемещались на двух задних лапах, втягивая верхние — с когтями — и ловко управляясь средней парой, которые заканчивались шестипалыми ладонями. Максим вдруг сообразил, что смутно, на уровне каких-то инстинктов знает, о чем они общаются. Речь шла о подготовке к войне.

Чужак, в теле которого оказался Максим, занимался отладкой орудий дальнего радиуса действия. Максим чувствовал горький привкус на губах чужака, ощущал его сердцебиение (у чужака было три сердца, одно основное и два вспомогательных, чтобы равномерно гнать кровь по кровеносной системе), усталость. На секунду показалось, что Максим даже может прочитать его мысли... Но в тот же момент Максима вдруг вышибло из тела пришельца, мир потемнел и растворился, и Максим пришел в себя в комнате на полу, крепко сжимая в руке реликт.

Странное явление заворожило Максима. Спустя несколько дней он снова взял Прибор (ведь это же, без сомнения, был какой-то Прибор пришельцев, устройство непонятного назначения). Через минуту тепло от Прибора наполнило его тело, он покинул комнату и оказался в теле чужака, настраивающего орудие. Чужак был весел, напевал какую-то мелодию себе под нос и общался с другими чужаками. Вокруг шла гигантская стройка. Собирали первые космические корабли. Через много лет здесь должна будет выстроиться армада боевой техники, готовая устремиться в космос для завоевания планет. Во второй раз Максим задержался в теле чужака подольше. Он успел заметить множество других странных существ, которые находились в подчинении у шестилапых. Некоторые, судя по всему, принадлежали к представителям других завоеванных рас. Чужак подсвечивал себе жучком, похожим на светлячка, которых видел Максим внутри упавшего космического корабля. Несколько раз по громкоговорителю передавали сообщения об очередных достижениях в войне против внепланетных рас. Каждое сообщение сопровождалось общим бурным ликованием. Казалось, эти существа жили только ради войны. Те обрывки мыслей, которые успел перехватить Максим, целиком и полностью были посвящены войне.

Затем он снова вылетел из тела чужака и пришел в себя в комнате на кровати, с колотящимся сердцем, вспотевший и взволнованный. Стерпеть и не заглянуть снова он уже не мог.

Через два дня Максим взял Прибор с собой в воинскую часть, куда перевелся с Урала. После событий в Витязе многих перевели в разные концы страны и «затеряли», чтобы люди не дай бог не объединились и не рассказали правду. За молчание, правда, платили надбавку к

жалованию и обещали солидную пенсию.

Запершись в кабинете, Максим взял Прибор в руки и приготовился к перемещению. Мир вздрогнул, глазами чужака он увидел помещение с покатыми потолками, плохо освещенное жучками, с мокрыми разводами над головой и лужей под ногами-лапами. Его обступили чужие, и все их внимание было приковано в тому, в чьем теле находился Максим. Как оказалось, чужак был крепко связан по рукам и ногам. До Максима донеслись панические обрывки его мыслей. Чужак догадался, что в его голове побывал кто-то другой. Он называл Прибор — таэном и чего-то очень сильно боялся.

«Вытащите это из меня!» — вопил он на языке чужих.

Пришельцы, стоящие вокруг, тоже держали в руках Приборы, молчаливо протягивая их в сторону чужака. Максим забеспокоился, и в то же мгновение чья-то невидимая цепкая лапа схватила его сознание и начала душить. Максим почувствовал, что задыхается. Воздух сделался тугим и горячим. Чужак, в теле которого он находился, задержался и застонал.

«Мы видим тебя, пришелец, — донесся до Максима ровный хор одинаковых голосов, — как ты смел пробраться к нам? Как ты смел разнюхивать здесь? Как ты смел?»

«Я знаю, с какой он планеты, — неожиданно раздался еще один голос, — держите его крепче, сейчас попробую выяснить, кто он такой».

Максим задержался, подобно чужаку. Хватка не ослабевала, воздуха становилось все меньше. В тот момент, когда чей-то голос торжественно сообщил: «Я знаю, кто это», чужак проглотил свой язык.

7

Максим очнулся на полу, жадными глотками напиваясь воздухом. Прибор отлетел в сторону, под стол. В голове звучали слова: «Я знаю, кто это»...

С тех пор он засунул Прибор подальше в коробку и уже до конца своей жизни не смог избавиться от ощущения, что пришельцы преследуют его.

После того, как Софья заставила мужа все рассказать, она поняла, что исправить что-либо уже невозможно. Бросить любимого она тоже не могла. И она приняла верное на ее взгляд решение — быть с мужем до последнего его или ее вздоха. Софья подозревала, что Максим не скоро отойдет от чудовищного, животного страха, какой он испытал от последней встречи с пришельцами, но она и представить не могла, насколько ее мужа сточил испуг. Это был уже не Максим. Это была оболочка Максима, нутро которой до краев заполнил Страх.

Так началось безумное бегство по стране. Максим не мог задерживаться в городе больше чем на пару недель. Ему постоянно казалось, что пришельцы идут по его следу. Ведь они же знают, кто он. Максим часто смотрел на ночное небо, пытаясь разглядеть летающие корабли. Он запирал двери на все замки, зашторивал окна и никогда не включал верхний свет — только настольные лампы.

Через год и Софье стало казаться, что кто-то невидимый, но чрезвычайно опасный преследует их. Она чувствовала дыхание пришельцев за спиной, ощущала эту скрытую угрозу, это незримое преследование. И она тоже стала бояться открытых окон и большой толпы, стала осматривать номера в гостиницах, которые они снимали, открывать двери в ванную и туалет. Постепенно подходили к концу деньги, которые выплатили Максиму (и всем военным, участвующим в операции в Витязе) за молчание и в качестве компенсации. В конце концов, они вынуждены были жить на военную пенсию, которой едва хватало на панические переезды.

Спустя еще несколько лет у Максима начал болеть позвоночник. Он жаловался на то, что кто-то цепляется за его нервы и рвет их. Ему казалось, что это пришельцы нашли способ уничтожить его. Он говорил, что это те самые светлячки, которых он видел внутри корабля. Один из этих светлячков забрался ему под кожу и теперь питался волокнами нервов на позвоночнике — такими вкусными, что просто объеденье. И Софья тоже начала так думать.

Обследования врачей в нескольких городах кряду не дали никаких результатов. Врачи жали плечами и предлагали провести длительное обследование. Максим и Софья отказывались, ехали в другой город и там слышали то же самое.

В один из вечеров в маленьком городе, где была всего одна гостиница, Софья спустилась в ресторан, оставив мужа отдыхать, и заказала себе чашку кофе. Максим чувствовал себя плохо, и ей казалось, что стоит положить его в больницу на лечение — может быть, даже против его воли.

Она взяла газету, села за уютный столик, но, сделав всего два глотка, вдруг почувствовала, что случилось непоправимое. Сердце ее бешено колотилось в груди. В коридоре она услышала звуки далекой французской мелодии, нежнейшие переливы скрипки, и в этот же момент поняла, что муж ее мертв. Она замерла перед дверью, глотая слезы, поглаживая теплое дерево. Она боялась зайти так сильно, как не боялась в жизни ничего. Она не хотела верить в предчувствия. Она не хотела верить в тишину за дверью, которую нарушала только далекая мелодия, много лет назад связавшая навсегда их судьбы. И Софья беззвучно плакала, и слезы текли из голубых, еще видящих глаз, и она понимала, что все прошло и все закончилось. Потом она зашла в номер, чтобы в последний раз посмотреть на самого любимого человека в своей жизни. Смерть искажила черты его лица, но Софья, словно не замечая, долго гладила и целовала его щеки, губы и веки. Потом она вызвала врачей.

Спустя полгода Софья Николаевна вернулась в Ростов к дочери, чтобы в тишине и спокойствии завершить свою жизнь. Стремительно стареющая и впадающая в безумие, она отчего-то решила посвятить дочь в причины своего бегства. Она испытывала острейшую вину за то, что не дала ни дочери, ни двоим сыновьям достойного воспитания. Но чувство тревоги не проходило. Ей все еще казалось, что пришельцы высматривают ее через свои космические телескопы, ищут, вынюхивают. Вскоре она обнаружила, что тоже подвержена той таинственной болезни, от которой умер Максим. Кто-то терзал ее позвоночник. Наверное, светлячок. Она в панике решила рассказать все Маше, но дочь приняла ее рассказы за безумный старушечий бред и заперла мать в комнате. Вскоре паралич сковал все ее тело, и Софья уже не могла двигаться. Она лежала в кровати, слушала радио и то и дело возвращалась к давно ушедшему прошлому.

Прибор лежал в коробке, под стопками белья. Ни Максим, ни позднее Софья не могли избавиться от него, точно так же как не могли избавиться от ощущения гнетущего страха. Максим вообще не мог представить, что когда-нибудь вновь дотронется до коробки, а Софья не могла найти в себе силы выбросить ее. Больше всего она боялась, что кто-нибудь другой найдет Прибор и воспользуется им.

В то утро, когда из пыльного радио раздались первые сообщения о нападении пришельцев, Софья Николаевна оживилась. Она давно ждала этого. С момента смерти мужа, а, может, даже раньше, но уже не помнила об этом.

Слушая, как дождь шелестит по крыше, Софья Николаевна мечтала только о том, чтобы кто-нибудь зашел в комнату. И когда пришла Маша, Софья была вне себя от счастья.

8

Едва Маша вложила странную плоскую штуку в ее руку, Софья Николаевна почувствовала, как ее выдергивает из тумана слепоты на яркий свет. Наверное, это были те ощущения, которые испытывал Максим, путешествуя между мирами.

Свет приближался, словно Софья Николаевна стремительно летела по длинному тоннелю. Она не слышала, как Маша, тихо положив коробочку у изголовья кровати, вышла из комнаты, чтобы больше никогда сюда не вернуться. Она не слышала звуков пустеющего дома, шарканья тапочек по коридору, хлопанья дверей, тихих разговоров и шума автомобиля.

Свет окутал Софью Николаевну, и она впервые за много лет обрела зрение. Зрение чужака. Зрение пришельца.

Так, как видел Максим и как он это ощущал.

Софья много лет размышляла над тем, стоит ли попробовать проникнуть в разум чужака и посмотреть, что там происходит. Но у нее не хватало сил перебороть свой страх. Ведь пришельцы могли увидеть и ее тоже. Но теперь страх прошел. Пришельцы уже были на Земле, они захватывали города и пожирали людей. И не было смысла бояться, потому что теперь рано или поздно они придут сюда, ворвутся в запертую комнату и обнаружат на кровати парализованную девяностолетнюю старуху. Слава богу, если она к тому времени успеет умереть...

Софья увидела улицу, всю в осколках кирпича и стекла, увидела горящие машины и разрушенные дома. Из огромных дыр вместо окон стремился к небу густой черный дым. Еще она увидела трупы людей и пришельцев. Пыль смешалась с красной и изумрудной кровью. Всюду слышались треск автоматов, взрывы, чьи-то вопли, скрежет металла.

Чужак, глазами которого Софья Николаевна видела, бежал вдоль улицы, прячась в темноте. Он думал о том, что пора соединять кольцо окружения и уничтожить последние очаги сопротивления в Москве. Еще он радовался тому, что хитрая дезинформация о пришельцах, которые боятся воды, отлично сработала, и теперь будет вдвое легче перебить гражданское население. Чужак дышал дымом войны, его ноздри улавливали где-то среди пыли и мусора запах свежей человеческой крови, и это его невероятно возбуждало. Аж под животом чесалось.

Из-за куска бетонной стены с торчащими вверх арматурами раздались выстрелы, озарившие темноту яркими вспышками света. Чужак метнулся в сторону, но его зацепило пулей, фонтаном брызнула светящаяся изумрудная кровь. Кто-то радостно закричал из-за обломка стены. Чужак замер, насторожившись. Стал слышен шорох камней под ногами приближающегося.

— Левее заходи, — шептал кто-то, — таракан тут где-то затаился...

— Может, гранатой его?

Слева показался темный силуэт военного. В одной руке он держал автомат, второй держался за арматуру, пытаясь сохранить равновесие. Он слишком поздно заметил чужака. Пришелец стремительно кинулся на него, вспорол живот когтем и рассек шею. Военный захрипел, падая на землю, а пришелец уже навалился сверху, вдавливая несчастного в пыль, осколки и бетонную крошку, впиваясь клыками в голову, с хрустом ломая череп. Через секунду все было кончено. Путь свободен. За спиной раздались выстрелы, пришелец метнулся в сторону и побежал на четырех лапах в темноту, в дыры.

Выстрелы стихли, и пришелец остановился у стены, тяжело дыша. Из раны сочилась кровь, но он не боялся, потому что быстро регенерировал. Он испытывал чувство невероятного удовлетворения от недавнего убийства. Этим чужак жил, к этому стремился. Он хотел еще.

И тут чужак насторожился.

Софья Николаевна почувствовала, как сознание чужака нащупывает ее сознание в глубине своего мозга. Но почему-то она уже не боялась. Она твердо знала, что этот пришелец не сделает с ней ничего. А вот она... Она тоже хотела испытать сладкое чувство мести. За мужа. За уничтоженную жизнь. За любовь, которая началась и закончилась под звуки французской мелодии. За саму себя, прикованную к постели, сошедшую с ума от гнетущего много лет страха... Да неужели мало причин убить этого чужеземного выродка?!

Софья стремительно выпрыгнула из темноты сознания и взяла под контроль тело пришельца. Сознание чужака панически заметалось. Времени было немного. Софья подняла непослушное тело на задние лапы и повела его по осколкам на середину улицы, под яркий свет от огня горящего здания. Камешки хрустели под лапами. Пришелец пытался что-то сделать. Средние лапы дергались. Но вот она вышла на свет, и сразу несколько очередей разом разорвали беспокойную столичную ночь. Софья не чувствовала боли, но сознание

пришельца взвыло дико, предсмертно. Тело отказалось повиноваться дальше и начало заваливаться на бок, сочась кровью.

Когда чужак упал на землю, он был уже мертв. Темнота подхватила Софью и вышвырнула обратно, в привычный мир.

Она лежала на кровати, в мокрой от пота ночной рубашке. Боль терзала ее позвоночник, поясницу, ее умирающие органы. Она ощущала вонь собственного умирающего тела. Она чувствовала, как нестерпимо жжет веки далекая пыль похороненного в огне города. Она уже не могла дотянуться до стакана. Но старушка улыбалась. Вся тяжесть прожитой жизни, вымученных страхов, бегства по стране и одинокой старости свалилась с нее, осыпалась, словно труха с дерева.

В смерти пришельца она чувствовала свою маленькую, важную победу над захватчиками. Она поняла, что только что выиграла войну, которую вела вместе с мужем почти полвека. А до другой войны ей уже не было никого дела.

В тот же момент она выпустила из рук Прибор, и он, скользнув по одеялу, с глухим стуком упал на пол.

Софья Николаевна замерла, затаив дыхание, наслаждаясь победой. Он слышала, как затихают последние звуки в доме, как, урча мотором, отъезжает автомобиль.

Вскоре в доме осталась только она — молчаливая, одинокая старуха. И тишина принялась робко прибирать власть к своим рукам. Дождь все еще бился в закрытое окно. Тихо заскрипели ступеньки, но это был не живой звук. Софья Николаевна, погруженная в темноту и скованная болезнью, где-то там, в глубине своего сознания, улыбнулась облегченной улыбкой. Потому что она знала того, кто поднимался на второй этаж. К ней наконец-то пришла Смерть.

И в свой последний миг жизни Софья Николаевна хотела только одного. Чтобы по радио перестали передавать надоевшие сообщения о пришельцах, и в тишине комнаты вдруг заиграла бы скрипкой и аккордеоном нежнейшая французская мелодия из далекого прошлого.

Юлия Зонис **Зачем собаке пятая нога?**

Двое на веранде распивали куаровый сок из высоких граненых стаканов. Солнечные лучи пробивались сквозь навес из листьев пальмакации и ласково щекотали физиономию одного из собеседников — плотного краснолицего сержанта Кунни Бабушка. Его тропический шлем лежал на столе, а сам сержант постоянно смахивал выступающие на лбу капли пота тыльной стороной ладони. Второй мужчина был поджар и смугл, с седоватыми висками и насмешливым ртом. На базе его не звали иначе как Док Дулитл, хотя настоящее имя его было Ирвин Ричардсон.

— Жарко сегодня, а? — пропыхтел сержант.

Хозяин дома улыбнулся.

— Добро пожаловать на Таилти. Ничего, через пару деньков привыкнете. Хотите свежего сока, из холодильника? Ваш-то, наверное, уже нагрелся. Я попрошу Ольгу принести.

Сержант изумленно хмыкнул.

— Ольгу? Вы привезли сюда жену, Док?

Улыбка Ричардсона стала шире.

— А вот сейчас увидите.

Он обернулся и прокричал внутрь дома:

— Дорогая! Пожалуйста, принеси сержанту еще сока. И виски со льдом для меня.

По прохладным темным комнатам прокатилось эхо. Сержант крикнул.

— Тоже не прочь выпить виски? Как ваш новый практикующий врач, не советую. Первые дни лучше воздержитесь от спиртного. Надо по привыкнуть и к климату, и к

обстановке.

Бабушка почесал в затылке.

— А скажите, что случилось с моим предшественником? Мистер Маевник, когда мы подписывали договор, дал понять, что моя должность... как бы это сказать... пожизненная.

— Ах, Роберт? Бедняга погиб на рыбалке. Кажется, его сожрал какодил.

Сержант содрогнулся.

— Не переживайте, — приободрил его доктор, — вам это вряд ли грозит. Боб был страстным рыбаком, так что единственное, что удивляет меня в этой истории, — как его не съели раньше. Здешние речки кишат всякой гадостью. Местные, впрочем, мажутся соком златовласки и лезут в воду без страха, но я не могу перенести вонь. Полагаю, и какодилы не могут. Я вырыл бассейн за домом, так что, если захотите поплавать — милости прошу.

Внутри дома слышались шаги.

— А вот и Ольга с вашим соком.

Сержант оглянулся и так и замер с открытым ртом...

(Спустя две недели.) Сержант топал по тропинке, тянувшейся вдоль окраины поселка и через заросли вододендрона поднимавшейся к газиенде доктора Ричардсона. Запыхавшийся Бабушка сдвинул шлем на затылок и обмахивался фикусовым листом. Тяжелые ботинки сержанта при каждом шаге взбивали пыльные облачка. На полянке, ярдах в пятистах от дома Ричардсона, маленькая девочка-туземка пасла крупную ящерицу. Ящерица смачно хрумкала зеленью. Девочка почесывала босую, облепленную грязью ногу пяткой другой ноги. Вместо носа на круглом личике малышки красовался задорный свиной пятачок. Заметив сержанта, девочка улыбнулась и помахала землянину четырехпалой ладошкой. Бабушка с трудом выдавил ответную улыбку и в сотый раз упрекнул себя за то, что никак не может привыкнуть к Дулитловым кадаврам. Трехрукие и хвостатые уродцы были еще ничего, но при виде туземца, со щеки которого подмигивал большой слезящийся глаз, Бабушка ринулся в кусты и долго там оставался. Чешуйчатые гребни, когти, плавники и прочие мелкие отростки скоро перестали его удивлять. Такая уж тут завелась мода. Изначально вполне человекообразные, таильтяне радостно обзаводились новыми органами. Любопытства ради Бабушка даже поинтересовался расценками. Жена старосты, недавно нарастившая верхнюю челюсть и сделавшая пересадку хвоста, охотно его просветила. Док брал по пять шершней за мелочь вроде тех же гребней или перепонки между пальцами. За операции посложнее туземцы расплачивались шриком.

В дни сбора бобового урожая над деревней плыл густой сивушный дух. Женщины и дети сидели во дворах, увлеченно пережевывая бобы. Жвачку сплевывали в тыквенные калebasы. Часть потом пересыпалась тростниковым сахаром, заливалась водой и через пару недель брожения превращалась в неплохое пиво. А часть сосудов закупоривалась и перекочевывала на корабли мистера Маевника. На Земле содержимое калebasов — смесь слюны и бобовой жвачки — перегоняли, обогащали и разливали в тонкие стеклянные ампулы с надписью «МайТай». Или, попросту говоря, шрик.

Сержант одолел последний, самый крутой подъем. За деревьями показался дом Ричардсона — просторный, с плоской крышей и двумя боковыми пристройками. Дорожки сада были посыпаны толченым кирпичом, а на перилах веранды рядом выстроились пустые бутылки из-под рома и джина. Сам доктор был на заднем дворе. Из-за дома доносился его голос и резкое, гортанное уханье. Похоже, Док давал последние напутствия Верзиле Джо перед матчем.

— Эй, Док!

Бабушка вскарабкался по ступенькам на веранду и уже собирался обессилено рухнуть в кресло, но Ричардсон отозвался:

— Кунни, это вы? Идите сюда. Проклятая птица не в духе, я пытаюсь ее умаслить.

Пройдите через столовую и захватите виски — там на буфете стоит бутылка.

Сержант вздохнул, тоскливо глянул на привычное местечко в тени и поплелся в комнату.

Док стоял у загона. В загоне жила пара бойцовых торгов — местных страусов — Верзила Джо и Долговязый Суслик. Обычно они мирно выклевывали корм из корыта или разбрасывали солому, но сейчас обстановка накалилась. Суслик забился в угол и пощелкивал оттуда клювом, сердито шипя. Верзила носился по загону, ухая и хлопая крыльями. Временами он подпрыгивал футов на пять в воздух, будто собирался улететь — хотя куда улетишь на таких культяпках. Док топтался у решетки и приговаривал: «Джо хороший, Джо умница, Джо славный мальчик». Рядом стояла жена Дока, Ольга. В верхней паре рук у нее было зажато ведро с тухлой рыбой, а нижняя теребила длинную юбку. Увидев сержанта, женщина приветливо кивнула.

Док обернулся и сердито мотнул головой в сторону загона:

— Видите, что делается. Никак не могу его успокоить. Знает, паршивец, что у него сегодня встреча с Хохлатым Любимчиком. Вы думаете, он в ярости? Как бы не так. Он трусит, отсюда и все прыжки и вопли. Утром наложил огромную кучу, ничего не ел. В обед чуть не разорвал беднягу Суслика. Видите, куда он его загнал? И все от страха.

Верзила Джо щелкнул клювом и пошел на следующий круг. Док опять обернулся к решетке и засюсюкал:

— Джо хороший, Джо умный, Джо победит. Джо из Хохлатого кишки выпустит. Правда, Джо? Папочка поставил на Джо двадцать шершней, мы же не хотим подвести папочку, а?

Верзила задрал хвост и обгадился. Док врезал по прутьям кулаком.

— Не знаю, что с ним делать. Похоже, он окончательно спятил.

Ольга поставила ведро и тихо предложила:

— Давай я пойду в загон. Я поглажу его, и он успокоится.

Как и все местные, Ольга не выговаривала «л», так что у нее вышло «погражу». И имя свое она произносила как «Орья». Это выходило у нее трогательно и чуть картаво.

Док обернулся к жене.

— Ну куда ты пойдешь? Он же тебя искалечит.

— Не искалечит.

Ольга говорила негромко, но настойчиво. Ходили слухи, что она основательно прибрала Дока к рукам и тихо, незаметно ведет за него все дела.

— Я умею обращаться с торгами, а ты — нет.

Бабушка решился вмешаться:

— Может, и в самом деле... Все-таки у вашей супруги... хм-м... больше опыта.

Сержант поставил на схватку Верзилы и Хохлатого пять шершней, и ему вовсе не хотелось потерять деньги из-за неявки бойца.

— А, делайте что хотите.

Док безнадежно махнул рукой и пошел в дом.

— Так-то лучше. Держите ведро, — деловито сказала Ольга.

Бабушка принял у нее ведро. От рыбы невыносимо несло тухлятиной. У местных с обонянием было не очень, взять хоть ту же златовласку — но этим запахом стену можно было пробить. Сержант постарался дышать ртом.

Ольга распутала веревку, привязывающую дверцу загона, и бесстрашно прошла внутрь. Верзила остановился и подозрительно уставился на гостью. Сержант напрягся. Все-таки это вам не воробушек, а полтонны живого веса. Ольга подняла руку ладонью вверх и заворковала-заухала, очень похоже на самого торго. Птица вытянула шею и прислушалась. Через минуту глаза у нее полузакрылись, а встопорщенные перышки на шее улеглись. Казалось, что страус сейчас замурыкает. Ольга подошла и почесала его под подбородком. Оглянувшись, женщина позвала:

— Ну что же вы, сержант? Несите рыбу. Спустя полчаса Бабушка и Док сидели в шезлонгах у бассейна и пили виски. От загона пахло, но удовольствия это не портило. Справа в садке бил о воду хвостами ручной какодил Пульхерия. После того, как Док пересадил зверюге эпифиз¹ своего любимца-коалы, какодил питался исключительно листвою эвкалипта и часто просился на ручки.

— Док, — задумчиво сказал Бабушка.

Он поднял стакан к глазам и прищурился на солнце.

— Вы ведь так и не рассказали мне, как здесь очутились.

Док завозился в шезлонге и хмыкнул.

— Это довольно длинная и глупая история. Странно, что вам еще не разболтали. Видите ли... Хотя все здесь называют меня врачом, по профессии я ветеринар. Окончил ветеринарный факультет Королевского колледжа. Как выяснилось после выпуска, я выбрал не самую удачную профессию. С домашними животными уже тогда было туго, на весь Лондон хватало пары клиник. К счастью, мой дядя был членом городского магистрата в Бреттоне — это такой городишко в западном Йоркшире. Он пристроил меня в тамошнюю ветлечебницу. И все было бы прекрасно, если бы я не увлекся трансплантациями. Еще в колледже я не вылезал из лаборатории доктора Майера. Вы вряд ли о нем слышали, но в начале века он был сенсацией. Он разработал авторский метод трансплантации органов, при котором не используются иммунодепрессанты. Не понимаете? А вот представьте — вам пересаживают печень, и уже через неделю вы можете хоть на Монблан карабкаться. Никаких побочных эффектов, никакого отторжения. По тем временам это казалось чудом. Майер предлагал мне остаться у него, но лаборатория как раз переезжала на Марс, а я собирался жениться. Шарлота, понятно, ни о каком Марсе и слышать не хотела. Мы отправились в Йоркшир, и я занялся ветеринарной практикой. А месяца через три я нашел болонку. Просто шагнул по тропинке к ферме, и из-под изгороди ко мне бросилась собачонка. Довольно, скажу я вам, мерзкая собачка — она тут же вцепилась мне в ботинок, визжа и урча. Конечно, мне следовало поместить объявление в газете, ведь просто так породистые собачки не бегают, но пока шавка терзала мои шнурки, меня осенило. Я как раз тогда занимался влиянием некоторых растительных веществ на скорость роста тканей, у меня были свежие препараты, выписанные из Лондона. Не было только подходящей модели. Вы не представляете, как дорого стоили тогда лабораторные животные. Чтобы купить пару крыс или хомячков, надо было заложить дом. А тут мне бесплатно привалило... Не долго думая, я завернул собачку в куртку и побежал домой. Не буду утомлять вас рассказом: опыты прошли удачно, за две недели у собаки отросла пятая нога. Мне удалось восстановить иннервацию, и Кусачка — так ее назвала моя жена — довольно резво бегала на всех пяти ногах. Я уже собирался писать статью и требовать с Королевского общества грант на следующую серию опытов, когда к нам в гости заглянул мэр с супругой. И какая нелегкая их принесла? Только старички расположились в гостиной, как Кусачка примчалась на своих пяти ногах и стала ластиться к супруге мэра, чуть ли не на колени к ней лезла. Старушка присмотрелась и грохнулась в обморок. Выяснилось, что собака — это ее пропавшая любимица Мария Августа Великолепная, которая сбежала три месяца назад. У бедной женщины случился сердечный приступ. Мэр, понятно, пришел в ярость — собака стоила целого состояния, не говоря уже о жене. Меня выгнали с работы, Шарлота уехала к своей матери, а дом пришлось продать, чтобы хоть частично возместить ущерб. Дядя меня и на глаза не пускал — ему хватило нервов, пока он уговаривал мэра не подавать на меня в суд. Не прошло и двух недель, как я остался без дома, без профессии и без семьи. Я уже подумывал, не пустить ли пулю в лоб, когда увидел в сети объявление. Искали врачей для космической экспедиции. С отчаяния я позвонил по указанному номеру. Так мы и познакомились с Реджи Маевником.

¹ Эпифиз — шишковидная гормональная железа, расположена в головном мозге.

Док глотнул виски и швырнул выползшему из садка какодилу резиновую игрушку. Пульхерия заворковал, прикрыв кожистые веки.

— Сошлись мы на том, что оба были неудачниками. Реджи как раз провалил защиту докторской диссертации по палеосоциологии. Если честно, его выкладки были редкостным бредом. Он занимался изучением пути миграции эскимосов во время Великого Переселения народов, а на основе этого почему-то делал выводы о перемещениях ишизаки в космосе. На защите над Реджи просто посмеялись. Он взбесился и заявил, что докажет свою правоту. Ближайшей системой, где должны были остаться следы присутствия ишизаки, была, по его расчетам, альфа Проциона. Он решил собрать экспедицию, отправиться туда и привезти несомненные доказательства. Идея была совершенно безумная. Денег на это, понятно, никто не давал. Тогда Реджи продал свою часть акций Будвайзера, заложил дом, машину и фамильную статуэтку летящего Персея. Этого с грехом пополам хватило, чтобы нанять старое корыто. На команду денег уже не осталось, и он стал набирать добровольцев. Вам надо было это видеть, сержант! Такого количества отбросов общества, самых жалких неудачников, прожектеров и авантюристов не собиралось даже при отплытии Ноева ковчега. Звездолетчики с правами на гидроплан. Техники, не отличающие втулки от микросхемы. Инженеры, окончившие курсы машинописи при обществе слепоглухонемых. И я, ваш покорный слуга. Вы полагаете, это смутило Реджи? Ничуть. Из этого сброда он сколотил команду: там были я, Душка Роджер — тогда он и слова «радар» не слышал, и твердил только о травке, девочках и риг-рэгге — Мол Колнер в качестве штурмана, ваш предшественник Боб и сам Маевник за капитана. Объединяло нас всех то, что терять нам было уже нечего, и то, что мы ничего не смыслили в навигации. Может, поэтому нам и повезло. Мы начали с того, что заложили в бортовой компьютер неправильный курс, и корабль вышел из гиперпрыжка вовсе не рядом с Проционом, а здесь.

Рыжий солнечный диск медленно скатывался к верхушкам вододендронов. В зарослях хрипло орали иаранги и кувильницы. Бабушка подумал, что еще час — и пора будет вести Верзилу на ринг. Он довольно прищурился и пошевелил занемевшими в тяжелых ботинках пальцами ног. Надо будет купить легкие плетенки из коры свистопляски, как у всех тут. Подумать только, если бы не ошибка пилота, эта дивная планета так и осталась бы неоткрытой. И он, Кунни Бабушка, потел бы сейчас в душном полицейском участке, а не наслаждался бы благородным напитком в обществе джентльмена.

— За случайности!

Он поднял стакан и сделал мощный глоток.

— Э-э, да вы уже хороши, — усмехнулся Док. — А ведь нам еще волочить в деревню проклятого страуса. Поумерьте прыть, сержант.

Бабушка благодушно осклабился и пренебрежительно махнул рукой.

— Отволочем, никуда он не денется. Нам страусы... ик... не впервой. Что нам страусы? Я знаете каких бронтозавров в участок таскал, ой-ой-ой...

Справа пронзительно запищало: это Пульхерия разгрыз-таки свою игрушку. От неожиданности сержант подпрыгнул, и остаток виски выплеснулся ему на штаны.

(Спустя три часа.)

— Эх, если бы он ударил левой снизу вверх! Как думаете, Док? Снизу вверх, раз — брюхо распорото, а потом добить Счастливого клювом.

— Вы так ловко об этом рассуждаете, Кунни, что вам самому бы следовало очутиться на ринге. Уж там бы вы себя показали.

Док говорил несколько раздраженно, во-первых, потому, что проиграл двадцать шершней, и, во-вторых, потому, что волочить дохлого торгога вверх по склону довольно утомительно. Бабушка, вцепившийся во вторую страусиную ногу, пропыхтел:

— Я же говорил вам —ставляйте Суслика. Суслик бы мог...

— Ничего бы он не мог. Суслика еще натаскивать и натаскивать. Уф, все, умираю.

Давайте передохнем.

Док бросил страуса и уселся на вывернутый ствол араукории. Вытащил пачку сигарет и жадно затянулся. Сержант устроился рядом, прикурил и неожиданно спросил:

— А зачем мы это делаем?

— Что «это»?

— Ну, в смысле, зачем мы тащим страуса к вам домой? Ведь он все равно ужедохлый.

Эта мысль настолько поразила Дока, что он подавился дымом и закашлялся. Пока он перхал, а услужливый Бабушка колотил его по спине, из темноты вынырнул Душка Роджер. В руках у него была бутылка с текилой, а глаза горели негасимым азартом.

— Что, надрал вас староста? — весело проорал он, размахивая бутылкой. — А вот будете в следующий раз прислушиваться к советам опытных людей...

— Это ты-то опытный? — презрительно ухмыльнулся Бабушка. — Что же ты на Верзилу поставил и все продул?

— Я хотел вас поддержать, — невозмутимо ответил Душка, — подпереть дружеским плечом в трудную минуту, чтобы вы совсем уж не скисли. Так, а это у нас что?

Он мутно уставился на окровавленную страусиную тушу. К ней уже сползались шустрые землемерки.

— Э, нет, так дело не пойдет. Бедная птичка сражалась за вас, отдала, можно сказать, жизнь, а вы ее всю в пыли изваляли.

Он подошел к торгу, уселся перед ним на корточки и поднял бессильно свесившуюся страусиную голову.

— Спи спокойно, друг! Мы тебя не оставим...

Тут его, похоже, осенило. Он радостно икнул и предложил:

— А давайте устроим Верзиле погребение! Роскошные похороны, цветы, я даже речь толкну...

— Шли бы вы на радар, Роджер, — посоветовал Док. — Там вас, наверное, заждались.

— Гоните, — горько простенал Душка, — друга своего гоните, соотечественника. Одна ты, птица...

Он обнял страуса за шею и зашептал что-то невнятное. Бабушке стало его жаль. Совсем человек пропадает от алкоголя.

— Нет, ну в самом деле, Док, надо что-то делать с трупом. Не понесете же вы его Ольге?

Док печально покачал головой.

— Не понесу. Она меня не простит. Глупый страус был ее любимцем...

— Так что же будем делать? Может, бросим его в кусты?

— Его можно зажарить, — меланхолически заметил Док. — Нижние конечности торгов, или *Struthio aforinis sumoescence*, весьма калорийны и на Арфе считаются деликатесом. Они содержат так называемый синаптотагмин²...

— А-а, пропадай моя телега! — неожиданно возопил Душка и вырвал откуда-то из-за пояса здоровенный мачете.

Прежде чем Бабушка успел обездвижить спятившего приятеля, тот точным движением обрушил мачете на тушу и отсек страусу левую ногу. Трофей Душка с усилием воздел над головой и торжествующе закричал, как первобытный человек, заваливший мамонта.

— Что ж, ничего не остается, — все так же меланхолично сказал Док. — Придется жарить. Если вам не трудно, Бабушка, сбегайте в деревню за вином. Будем готовить асадо. А какое же асадо без вина?

Когда Бабушка, пыхтя, вскарабкался по тропинке, костер уже почти прогорел — только по краям плясали веселые язычки. Аппетитно пахло жареным мясом. Док сидел на бревне и

² Синаптотагмин (synaptotagmin) — трансмембранный кальций связывающий белок, участвующий во внутриклеточном транспорте мембран.

вяло пошевеливал угли прутиком, а Душка суетился над асадо: то поплескивал на мясо из своей заветной бутылки, то раздувал огонь, кашляя, чихая и протирая засыпанные пеплом глаза. Увидев сержанта, он вскочил и требовательно спросил:

— Ну?

Бабушка помахал калебасом.

— Вина не было — деревенские на радостях все выдули. Вот, принес пива.

Душка подбежал к сержанту, выхватил у него из рук калебас, вытащил затычку из пальмового волокна и жадно принялся.

— Шрик?

— Шрик, — кивнул Бабушка.

— Отлично. То, что нужно. Зальем горечь поражения шриком.

Душка сделал мощный глоток, довольно замычал и вытер с губ темные капли.

— Док, будете?

Ричардсон молча взял у него калебас и глотнул.

— Двух сотен как не бывало, — констатировал Душка. — Как думаете, Док, на сколько потянет эта бутылка?

Ричардсон задумчиво покачал калебас в руках.

— Тысяч сорок-пятьдесят. Зависит от очистки.

Душка всхлипнул.

— За сорок тысяч я бы домик в Кентукки купил. А-а, гори оно огнем!

Он отобрал у Дока калебас, запрокинул голову, и темное пиво хлынуло в его разинутую пасть.

... Мяса было много. Душка рвал его зубами, рыча и заглатывая огромные куски, но мяса не убывало. Хватало и пива. Бабушка отвалился от костра, рыгнул и принялся ковырять в зубах подобранным прутиком. Док деликатно вытирал жирные пальцы листиком грязелюбки. Над погасшим костерком вились яркие искры. Сквозь листья светили огромные звезды, и из леса несло теплым и пряным.

— Рай, Док. И вправду ведь рай.

— Это на вас шрик действует, Кунни.

— А на вас?

— И на меня действует. Но я уже привык. А новички всегда так расплываются. Кстати, Мол из-за этого погиб. Пошел себе в лес, мурлыча под нос песенку, — и не вернулся.

— Может, он просто не захотел возвращаться? Зачем, когда так хорошо?

Док озабоченно прищурился и склонился над сержантом.

— Вы никогда до этого не пробовали шрика?

— Нет, почему?

Бабушка смутился. Его зарплаты с трудом хватало на пару ампул в квартал, да и то самых слабых.

— Пробовал, но сырой, наверное, сильнее. А, может, все это?

Он повел рукой, охватывая темные пальмы, и костерок, и кусочек нависшего над лесом неба.

— Может, поэтому сильнее действует.

— Я вас понимаю.

Док откинулся на своем бревне, уперся спиной в шерстистый пальмовый ствол.

— Умение просто радоваться жизни, да. На Земле подзабыли, что это такое. Знаете... — Он прикрыл глаза и мечтательно улыбнулся.

— ... Знаете, я ведь понимаю сейчас, что Реджи был прав. Мог быть прав. Что мы знаем об ишизаки? Цивилизация, намного опередившая земную. Они были хозяевами космоса, когда человек еще почесывался костяным скребком и прыгал по скалам. А потом вдруг исчезли. Испарились. Сгинули. Вы слышали, — тут Док вновь склонился к сержанту и

перешел на шепот, — оказывается, на всех планетах, где добывается шрик, есть следы ишизаки.

Бабушка сглотнул.

— И здесь?

Док кивнул.

— Спросите Душку, когда он протрезвеет, что нарыли радарщики. Тут под поверхностью огромные пустоты, полости, как на Эклебе. А что там...

Док развел руками. Бабушку пробрал холодок — будто неожиданно дохнуло на него из самых глубин космоса неведомой древней тайной.

— Вы думаете, — сержант тоже перешел на шепот, — это как-то связано? Ишизаки вывели этих... тайльтян... чтобы они делали шрик? Как люди коров или...

Док решительно замотал головой.

— Нет, вы не поняли. Это не самое страшное. Самое страшное то...

Тут Док огляделся, будто подозревал, что их подслушивают. Но лес был тих. По углям пробегали последние огненные змейки. Победенный наконец богатырской трапезой Душка дремал, подложив под голову начисто обглоданную кость.

Ричардсон приник к самому уху сержанта и громко прошептал:

— Тайльтяне и есть ишизаки.

И посмотрел значительно, будто выдал огромный секрет. Бабушка недоуменно мигнул, а затем ухмыльнулся. Вот оно что. На Дока тоже подействовал шрик. А, может, и перебродившие пивные бобы. Даром тот хорохорится и делает вид, что все ему нипочем.

— Ну что вы, Док? — успокоительно пробормотал Бабушка. — Какие же они ишизаки? Вы же сами говорили. Ишизаки кто? Гиганты, великаны. Человек перед ними — тьфу. А эти? Им дай цветную побрякушку, бубенчик какой-нибудь, они и рады. Или эти хвосты ваши, крылья. Ну какой разумный человек захотел бы, чтобы ему прирастили хвост? Они же как дети...

— Вот именно!

Док замотал пальцем перед носом сержанта.

— Как дети. Вы и сами сказали это. А почему?

— Что — почему?

— Почему они как дети? Почему здесь нет ни насилия, ни воровства, почему они всегда веселы и довольны жизнью?

Бабушка пожал плечами.

— Дикари. Не испорчены цивилизацией, Док.

— Может быть. Но я думаю иначе. Вот представьте: вы чертовски устали после рабочего дня. Вы где раньше работали, в полиции? Вы вымотались, на вас сорок три раза наорал начальник, голова у вас забита черт знает чем. Вы приходите домой, и?

— И что?

— Что вы делаете?

Сержант прикрыл глаза — и сразу, будто прорвавшись сквозь невидимую мембрану, в уши ударили гудки, рев сирен, скрипучие песенки голопостеров, плач, скрежет, голоса. Горло забил пыльный и душный воздух Нью-Йорка, а в левом виске привычно и тупо заныло. Представилась тесная конурка на Восемьдесят Второй. Вот Бабушка входит, роняет в прихожей пакет с покупками, стягивает через голову рубашку и спешит на кухню. Там он подставляет голову под струю из крана, но это не приносит облегчения. Вода тепловатая, ржавая. По полу разбросаны упаковки от «Крылатых Бобов». Бабушка со стоном вытаскивает голову из-под крана, плетется к холодильнику, облепленному неоплаченными квитанциями. Он лезет на верхнюю полку и достает тонкую стеклянную трубочку. Проверяет — мутноватой жидкости осталось дня на два, не больше. Он долго и тщательно выставляет стоппер, затем вытаскивает банку вчерашних бобов и какает — ровно три капли, иначе опять придется одалживать у мерзавца Маклеода! — какает в буроватое месиво. Аккуратно прячет трубочку, а потом жадно хватается ложку и...

— Шрик.

— А?!

Бабушка очнулся от наваждения — и жадно, всей грудью втянул чистый лесной воздух. Господи, как хорошо!

— Вы принимаете шрик, не так ли?

Голос Дока донесся откуда-то издалека, но он больше не тревожил сержанта. О Нью-Йорке можно забыть, как о кошмарном сне.

— Вы принимаете шрик? — настойчиво повторил Ричардсон.

Бабушка кивнул.

— И это помогает вам вновь ощутить, что вы живой человек, а не какой-то бездумный винтик? Краски становятся ярче, еда вкуснее, и все делается объемным, реальным и радостным?

Сержант снова кивнул.

— А теперь представьте ишизаки. Могучих, практически всемогущих. И абсолютно не умеющих радоваться жизни. Мир для них — огромный механизм, сочетание явлений и чисел, легко поддающихся управлению, но не приносящих удовольствия или счастья. Это, конечно, только гипотеза. Но все-таки попробуйте представить. Ишизаки запросто изменяют природу, неужели они не в силах изменить себя? И они преобразуют собственное тело. В слюнных железах начинают синтезироваться нейропептиды, сочетание энкефалинов и эндорфинов, которые... допустим, поначалу просто регулируют настроение. Помогают отдохнуть, расслабиться, избавляют от напряжения и усталости. Постепенно состав их меняется, действие становится все сильнее. И вот в какой-то момент ишизаки осознают, что вся их наука, вся их могучая техника уже ни к чему. Они счастливы и так. Они довольны жизнью, и все из-за нескольких лишних молекул в их слюне. Они забывают о своих открытиях. Поселяются в небольших общинах, связь между планетами постепенно теряется, и вот...

Док остановился, чтобы передохнуть — он слегка запыхался. Бабушка чувствовал, что должен возразить, но ему было лень думать. Великолепная тропическая ночь шептала на тысячу голосов, и они почти заглушили голос Дока. Сержант закинул голову и уставился в бархатное небо, присыпанное звездной крошкой. Он подумает над словами Дока, непременно подумает утром, а пока... Над лесом заревело, и огромная огненная клякса прорвала зенит. От грохота, казалось, пригнулись верхушки пальм. Душку метнуло в костер, и он заорал, беспорядочно размахивая руками и разбрасывая во все стороны золу и угли. Док вскочил. Плещущее над головами зарево осветило его взволнованное лицо.

— Что? — вопил Душка, кашляя и отплевываясь. — Что, какого черта?!

— Проклятье, — сказал Бабушка. — Это, наверное, сработала одна из ловушек. Надо вызвать подкрепление. Док, вы должны пойти со мной — там могут быть раненые. Забегите домой за инструментами, и встретимся здесь через пять минут.

Лес догорал. Влажная жара душила огонь. Тот отплевывался и недовольно ворчал, временами взрывая и выбрасывая оранжевые языки, — но сырой подлесок уверенно поглощал его ярость. Когда Док и Бабушка выбрались на поляну, все было уже кончено. На дальнем конце, подмяв под себя невысокие пальмы, тускло светилась багровым спасательная капсула.

— Черт, — сказал Бабушка. — Раскалилась как. Хрен мы ее теперь откупорим, пока Душка не подтянется с огнетушителем.

— Смотрите!

Док указал на темное пятно в боку капсулы.

— Люк открыт. Наверное, пилот пытался выбраться.

Прежде чем Бабушка успел его остановить, Док поудобней перехватил чемоданчик с инструментами и побежал через поляну. Сержант поспешил за ним. Когда Док приблизился к капсуле, в первую секунду он отшатнулся назад, прикрывая рукой лицо — от обгоревшей оболочки несло нестерпимым жаром. Затем он отступил на пару шагов и согнулся над чем-

то. Сержант подбежал и заглянул доктору через плечо.

— Однако, — пробормотал Бабушка. — Не жилец, да?

— Почему же, — невозмутимо ответил Ричардсон. — Помогите-ка мне его оттащить подальше. Посмотрим, что можно сделать.

(Спустя два дня.)

— Пациент скорее жив, чем мертв, — констатировал Душка.

Он сидел на ступеньках веранды и жадно прихлебывал пиво. Его лысина весело отблескивала на солнце. Бабушка присел рядом, поморщившись от резкого запаха пота. Похоже, Душка как ушел в запой позавчера, так и не выходил. И уж точно не заботил себя такой малостью, как перемена рубашки.

— Хорошо, что мы вторую ногу не съели.

— А?

Бабушка недоуменно глянул на приятеля. Связь страусиной ноги и подопечного Дока была туманна.

— Хорошо, говорю. Съели бы, остался бы бедолага одноногим. А то Док чик-чик — и пожалуйста. Лучше старой. Длинновата была, правда, но уж мы ее укоротили, как раз по размеру.

Сержант начал прозревать.

— Док пришел этому несчастному лапу торга?

— А то.

Душка ухмыльнулся торжествующе, как будто сам провел операцию.

— И ему идет. Только Док пристегал и посветил своим аппаратиком, тот когтями скрести начал. Хотя в бессознanke до сих пор. Бревно бревном, а когтями скребет. Непростой мужик, видать. Не зря он над нами шарился. Помяни мое слово — ох, не зря.

Бабушка пожал плечами. Как только неизвестный придет в сознание, следует его допросить. И далее — по обстоятельствам. Либо передать мистеру Маевнику со следующим транспортом, либо рекрутировать на службу. Главное, чтобы на Земле об их неожиданном госте больше никто и никогда не услышал. У компании и так дела шли неважно — больно уж давили крупные корпорации, особенно «Эклеб». Если они пронюхают, где Маевник добывает свой шрик, — пиши-пропало. Может, Душка и прав, и не зря этот увечный к ним залетел...

На крыльцо вышел Ричардсон, отряхивая воду с кистей. Следом шла Ольга с полотенцем. Увидев сержанта, Док обрадовался.

— А я вас ждал. Хотите провести нашего крестника? Я как раз смотрел швы. Помоему, получилось прекрасно.

— Хм-м. Вы на самом деле пришили ему страусиную ногу?

— Пришил — не то слово. Это же чудо как хорошо вышло. Ради таких моментов, дорогой мой Кунни, и стоило идти на медицинский.

— Но вы ведь учились на ветеринарном, — нерешительно возразил сержант.

Док его проигнорировал. Бабушка вздохнул, поднялся со ступенек и прошел в дом. Ричардсон превратил левый флигель в подобие современной клиники. Он уже хвастался сержанту новеньким рентгеноскопическим аппаратом и центрифугой, доставленными последним транспортником. Док не жалел денег на свое увлечение. Похоже, на это уходила солидная часть его доли прибыли в компании.

Сейчас на койке, застеленной белоснежной простыней, лежал пострадавший. Вся правая часть его лица была залеплена розовой, равномерно вздымающейся массой.

— Регенерация, — заметил Док, кивнув на пластырь. — Через день будет как новенький.

Бабушка скосился на изножье кровати. Под покрывалом виднелись очертания левой

ноги. Правая нога непрерывно подергивалась, а когти на высовывающейся из-под одеяла лапе нервно сжимались.

— Чего это он?

— Прорастают нервы. Завтра выведу его из-под наркоза, и пусть хоть плясать идет.

— А вы уверены... хм-м... что это... я имею в виду ногу... что она его обрадует?

— Почему же нет? Конечности торга намного сильнее человеческих. Кроме того, когти удобны для захвата, не то что наши рудиментарные пальцы...

Бабушка тут же представил, как воскресший больной удобными для захвата когтями сжимает горло Дока. Видение было настолько ярким, что сержант вздрогнул.

— Я бы на вашем месте все же его подготовил. Можно сделать так, чтобы он отмер только сверху, до пояса?

— Можно, конечно, но зачем?

Удивление Дока было таким искренним, что сержант успокоился. В конце концов, кто из них двоих врач? Или хотя бы ветеринар?

Как выяснилось на следующий день, опасения Бабушки были напрасными. Нельзя сказать, чтобы мистер Несвид — так звали их непрошенного гостя — обрадовался при виде своей новой конечности. Но когда Док объяснил ему, что нужной ткани не оказалось в заморозке, а имплант с Земли прибыл бы только через три месяца, мистер Несвид кивнул и вежливо поблагодарил врача. Он вообще был удивительно вежлив. Высокий, худощавый, с ровным красивым загаром (впрочем, малость подпорченным лицевой хирургией), мистер Несвид напоминал Бабушке героя кинофильмов начала двадцатого века. Ему не хватало лишь тонкой полоски усов над губой для окончательного сходства. Мистер Несвид попросил у Дока трость и уже через полчаса свободно перемещался по дому. Ковбойская рубашка Ричардсона смотрелась на плечах мистера Несвида немного неуместно, но элегантно. Бабушка угрюмо посопел, наблюдая за чуть прихрамывающей походкой гостя, затем пригласил его на веранду и приступил к допросу.

— Как, говорите, я здесь очутился?

Мистер Несвид одарил Бабушку благосклонной улыбкой, прихлебывая Доковский martini.

— Видите ли, я ученый. Геоботаник. Собираю редкие растения, преимущественно ксенофлору. Обычно я путешествую с научными экспедициями, но тут решил сам слетать на Джебу. Это ведь недалеко. Мне сообщили, что там нашли интересный молочай, очень похожий на нашу *Euphorbia cyathophora*. Возможно, его занесли первые поселенцы, но надо было проверить. Я арендовал яхту, но, видимо, в программе что-то забарахлило. Я вышел из прыжка и довольно долго пытался понять, где нахожусь. Ясно было только, что не у Джеббы. Навигатор из меня, как вы сами понимаете...

Тут он развел руками и еще раз обворожительно улыбнулся.

— Потом я заметил неподалеку планету и решил спуститься, проверить, что к чему. Я только-только вошел в атмосферу, как кто-то меня подбил. Я едва успел отстрелиться в капсуле. Вот, собственно...

— Никто вас не подбивал, — недружелюбно заметил Бабушка. — Это была старая мина-ловушка.

— Отлично, отлично, я никого ни в чем не обвиняю.

— Почему вы не подали сигнал бедствия?

— Вряд ли бы мне это помогло. Я понятия не имел, где очутился. Вы ведь знаете, радиус действия передатчиков не так уж велик.

— Яхта не была оборудована СВЧ-связью?

— Нет, откуда? Это же обычная прогулочная яхта.

Сержант отметил про себя, что надо отыскать в лесу обломки корабля и проверить, вправду ли это только прогулочное суденышко.

— Ну что, я удовлетворил ваше любопытство?

Бабушке оставалось только пожать плечами. Мистер Несвид не внушал ему доверия, но и обвинить его было не в чем. Сбои в навигационных программах случаются — иначе эта райская делянка никогда не попала бы в собственность «Май-Тай».

— Вы свободны. Но прежде чем вы начнете разгуливать по деревне, вам придется ознакомиться с некоторыми условиями пребывания на планете. И подписать кое-какие бумаги...

Сержант Кунни Бабушка был хорошим полицейским, и нужные бланки у него всегда оказывались под рукой.

(Спустя неделю.)

— Вы продали Суслика этому Несвиду?

От удивления у сержанта даже челюсть отвисла. Он шагал рядом с Доком по тропинке, ведущей к деревне. Ольга только что накормила их сытным обедом. Дел было немного — Доку предстояло в последний раз осмотреть челюсть супруги старосты, а сержант собирался исследовать вред, причиненный страусиному загону. Душка по-пьяни влетел головой в решетку и со злости поджег стойло, принадлежащее старосте. К счастью, пожар быстро заметили и затушили. Душка отсыпался на гауптвахте, а Бабушке предстояло оценить ущерб и поторговаться со старостой об отступных.

— Да, продал, — печально вздохнул Док. — Ольга очень переживала из-за Верзилы, и я не хотел, чтобы ей пришлось пройти через это еще раз. Мистер Несвид проявил такой неподдельный интерес к страусиным боям. Он рассказал мне, что держал дома бойцовых петухов и стаффордширских терьеров. И парочку шотландцев, для охоты на лис. Подумать только! Еще двадцать лет назад в лесах можно было охотиться разве что на дятлов.

— Да, с охотой сейчас никаких проблем.

— И вы знаете, он начинает всерьез здесь обустриваться. Уже успел перезнакомиться со всеми поселковыми и даже нанял рабочих для постройки дома. К нам заходит каждое утро, приносит Ольге цветы, расточает комплименты. Честно говоря, этот Несвид изрядно мне надоел. Я-то думал, что он попробует выкрутиться и отчалит с первым же транспортником. Скажите, как вы его так быстро уломали? Он показался мне изрядным пройдохой.

— И сам не понимаю, — пожал плечами Бабушка. — Говорит, ему здесь понравилось. Любопытный, говорит, биотоп... и еще что-то ругательное, вроде суки.

— Сукцессия³? — предположил Док.

— Во-во. Сукцессия тропического леса. Мол, он все это будет изучать, и его непременно опубликуют в «Нэшионал джеографик». С другой стороны, у него ведь не было особого выбора. Нежиться здесь на солнышке или вкалывать на Земле на закрытом заводе «Май-Тай»... Что выбрали бы вы, Док?

Док не успел ответить, потому что они вышли на деревенскую площадь. Там как раз объявляли о следующем круге страусиных боев, и Кабанчик, местный букмекер, принимал ставки. Он делал метки угольком на высоком столбе. Поскольку предыдущие ставки не стирались, Кабанчику пришлось вскарабкаться на обрубок бревна, и уже оттуда он тянулся к чистому пока дереву. У обрубка толпилось человек двадцать — намного больше, чем обычно. Как раз сейчас маленькая девочка с ящерицей пыталась всучить Кабанчику красную ракушку.

Тот отмахивался и подзывал следующего, плотного поселянина, который размахивал целым ульем сухих шершней.

— Крупная игра, Кунни. Интересно, кто решился отдать свою птицу на растерзание

³ Сукцессия (от лат. *successio* — преемственность, наследование) — последовательная смена одних растительных (животных) сообществ другими на определенном участке среды.

Любимчику?

Сержант кивнул малышке. Та подбежала, все еще размазывая слезы по лицу. Волочившаяся за ней ящерица немедленно пристроилась рядом с Бабушкой и принялась тихонько жевать его штанину.

— Эй, малая, — как можно нежнее поинтересовался сержант, — какие ставки?

Девчушка хлюпнула носом, утерла сопли и важно прокартавила:

— Двадцать против одного, что Любимчик убьет Суслика в первом раунде.

Док и Бабушка переглянулись. Бабушка открыл было рот, но тут из толпы вынырнул староста и, вцепившись в сержанта, решительно поволок его к загону.

На закате сержант петлял между древесными стволами. В чаще было сумрачно и пахло гнилью. Что-то непрерывно шелестело, пощелкивало, и белый луч фонарика выхватывал из зарослей то широкий банный лист, то ежовые иглы. Так и казалось, что из-за ближайшей коряги вынырнет сейчас сгорбленная бабка-колдуниха с пучком трав. Док недавно сводил сержанта в лес и показал цветущий папоротник. Зрелище было удивительное и волнующее. Сержант вздохнул и прибавил ходу. Надо было выбираться отсюда до темноты, пока не нагрянули кошмарники и летучие варенцы. Те не постеснялись бы высосать сержантову кровь, а тело подвесить на длинные иглы чечевичника, чтобы человек высох и стал не человек, а ходячая мумия. Бабушка тряхнул головой. Вот ведь привязались дурацкие страшилки. Когда Душка травил их в казарме, близоруко щурясь и для пущего эффекта переходя на свистящий шепот, было вовсе и не страшно. А вот ночью в лесу... Слева треснул сучок. Сержант подпрыгнул и суматошно направил в заросли луч фонарика. В белом свете замаячил высокий силуэт, и знакомый суховатый голос произнес:

— Сержант, не будете ли вы так любезны убрать свет? Он слепит мне глаза.

Бабушка поспешно выключил фонарик.

— А, это вы, Несвид. Вы меня напугали. Что вы делаете в лесу, так поздно, и в одиночестве? Тут может быть опасно.

— Ну какие опасности? Здесь даже крупных сухопутных хищников нет. Нет хищных растений, а ваши какодилы куда медлительней бронкских карманников.

Несвид улыбнулся и уселся на поваленный ствол. Он снял с плеча небольшую сумку, из тех, что геологи берут с собой для проб. Устроив ее поудобней у покрытых свежей землей корней, он полез в карман за сигаретами.

— Будете?

Бабушка покачал головой.

— Вы и не представляете, сержант, на каких планетах мне довелось побывать. От каких только тварей я не убегал. Шипастые, хвостатые, плюющиеся ядом... Нет, у вас тут удивительно мирно. Не планета, а цветник какой-то. И очень много знакомых растений. Вот, посмотрите...

Он сунул руку в сумку и вытащил какую-то травку с небольшими бледными цветками.

— Вейсмарский лютик. Ума не приложу, как он здесь очутился. Регулирует кровяное давление. Из него получают отличные тонизирующие экстракты. Или, к примеру, шиповалка.

На сей раз в руке ботаника оказалась кожистая, покрытая шипами коробочка.

— У нее очень интересный способ распространения. Изначально плод лопается, как наш бешеный огурец. В коробочках довольно высокое содержание метана, вот в этих полостях.

Сержант без интереса осмотрел находку.

— Коробочка летит, но самое интересное не это, а то, что при соприкосновении с древесным стволом она как бы взрывается, и твердые мелкие семена проникают в рану... под кору, я имею в виду. Там, глубже, я нашел целую поляну, пораженную шиповалкой. Довольно опасное местечко. Вам бы не понравилась встреча с целой коробочкой. Я, помнится, даже опубликовал статью о связи между ареалами распространения шиповалки и легендами о злых духах.

Бабушка хлопал глазами. Беседа погружала его в тоску. Но тут он кое-что вспомнил и перебил исследователя.

— Я сегодня был в деревне. Это правда, что выставляете Суслика против Хохлатого Любимчика?

— Чистая правда, — кивнул мистер Несвид. — Птица запущена и совершенно не подготовлена. Но я разработал новую систему тренировок. И, вы знаете, мне очень пригодились мое новое приобретение...

Он выставил вперед правую ногу и пошевелил когтями.

— Чертовски удобно. Теперь я сам тренирую Суслика, и, клянусь, он далеко пойдет.

Бабушка поперхнулся.

— То есть вы заходите в загон и...

— И гоняю его, как сидорову козу. Думаю, у нас все шансы победить на следующей неделе.

Тут мистер Несвид затушил окурок и неловко заерзал на бревне.

— Не поможете ли мне встать? Хожу я прекрасно, но вот с вставанием не до конца освоился.

Сержант взял ботаника за руку и сильно потянул. Ладонь у мистера Несвида была сухая и горячая, как нагревшаяся на солнце галька.

Вечером того же дня Док и Бабушка пили кофе на веранде. Верхушки пальмакаций красиво серебрились в лунном свете, а в бассейне за домом ухал Пульхерия.

— Так что вы там нашли, в лесу? Кроме одержимого исследовательским пылом Несвида?

Бабушка погрел ладони о кружку и раздумчиво сказал:

— Понимаете, Док, что меня тревожит. На яхтах обычно бывают две капсулы: одна расположена ближе к носовому отсеку, а другая — к хвостовому. На них есть цветовая разметка. Так вот, наш Несвид использовал хвостовую капсулу. Мне это запомнилось еще с того раза, когда мы тащили его из леса... Но тогда было темно. Вот я и решил проверить.

— Ну и что?

— А то, что при посадке он должен был находиться в рубке. Намного логичней залезть в ближнюю капсулу, а не бежать в хвост корабля.

— А если передняя была повреждена взрывом?

— Может, и так. Только ведь он едва успел. Он поджарился на корабле, а не в шлюпке. Что же он там делал такое? Я бы сказал, спустил что-то в первой капсуле. Хотелось бы мне еще знать, что.

В день соревнований дома, окружавшие деревенскую площадь, украсили алыми цветами флукса и ветками вододендрона. В центре выстроили загон из прочных жердей. Обычно бои проводились на закате, когда торги особенно возбуждены и яростны. Но сегодня, из-за необычайного наплыва народа, устроители завозились и начинали уже при свете факелов. Торги, впрочем, прекрасно видели и в полной темноте — чего нельзя было сказать о зрителях. Их набралось до двух сотен. Пришли даже кормящие матери, традиционно не допускавшиеся к зрелищу. Считалось, что от вида крови молоко в материнских сосцах может испортиться, и младенцы вырастут вовсе не младенцами, а злобными демонами Гра-Гра. Толпа волновалась. Люди кричали, хихикали, толкали друг друга и оживленно лузгали семечки, заплевывая землю шелухой. Из рук в руки переходили калейбасы с бобовым пивом.

Док, сержант и Душка устроились в первом ряду, как почетные гости. Душка, радующийся вновь обретенной свободе, украсил себя гирляндой флуксов. Его синюшная физиономия торчала из венка огненных цветов, как свежевылупившийся птенец феникса.

— Двадцать шершней! Я поставил двадцать шершней на Суслика. Отчасти из-за вас, Док. Как-никак, вы его бывший хозяин. Это должно быть вам приятно.

Док ухмыльнулся.

— Я поставил на Любимчика. А вас, Роджер, ничто не учит.

Душка торжествующе хмыкнул.

— А вот поглядим. Если я прав, с вас бутылка. Та старая «Белая лошадь», которую вы прячете в верхнем ящике буфета.

Не успел Док возмутиться, как загрели бубны, возвещая начало боев. Первые схватки были не особенно интересны. На ринг выпускали молодых, неподготовленных птиц. Те сходились с визгом, наносили друг другу несколько ударов и разбегались. В воздух летели перья, но обычно дело обходилось без увечий. Разгоряченные болельщики приветствовали победителя — голенастого пятимесячного птенца. Его наградили корзиной рыбы, и хозяин отвел своего питомца в загон. А на арену выступил Любимчик. Двухметровая хохлатая бестия, с небольшими красными глазками и огромным изогнутым клювом — он выглядел так свирепо, что дети в толпе заплакали. Торг поскреб землю лапой и заклекотал. Знает себе цену, стервец, решил Бабушка. Бедный Суслик. Вряд ли он продержится хотя бы до второго раунда. На противоположной стороне арены, у самой решетки, Бабушка заметил довольного старосту. Рядом с ним стоял мистер Несвид, невозмутимый, как рыба. Что-то тут не так, подумал сержант — и тут вторые дверцы распахнулись, и на ринг вылетел Суслик. Толпа ахнула. Не издав ни звука, птица промчалась через арену и налетела на Любимчика. В воздухе мелькнула когтистая лапа, и левое крыло Хохлатого окрасилось кровью. Бабушка ошалел. Обычно торги не нападали сразу — этому предшествовал долгий ритуал побряхтывания, пританцовывания и предупредительных щелчков клювом. Сейчас же обезумевший Суслик ударил во второй раз. Саблевидные когти сверкнули в свете факелов, Хохлатый неловко пошатнулся и медленно завалился набок. Культяпки крыльев судорожно подрагивали, а из распоротой шеи толчками била кровь. Отсеченная голова торга покатилась, пятная пыль. Туша побежденного еще подергивалась, а Суслик уже захрипел и накинудся на решетку. Его клюв клацнул у самого лица старосты — того едва успели оттащить. А торг не останавливался и все долбил и долбил, так что толстые прутья начали трещать. Посыпались щепки. В толпе завизжали. Стоящие впереди стали отчаянно протискиваться назад. Закричала женщина. Прут разлетелся надвое под ударом клюва, и в ту же секунду воздух прорезал тонкий красный луч. Пахнуло паленым. Суслик покачулся и упал головой вперед. Оперение на шее почернело и дымилось. Правая обожженная нога все скребла и скребла пыль, а голова уже обессиленно свесилась между разбитых прутьев. Мистер Несвид спрятал пистолет и пошел через толпу ко входу в загон. Люди перед ним расступались.

Троица поднималась вверх по холму в угрюмом молчании. Душка теребил свою гирлянду, обрывая лепесток за лепестком. Когда до дома Ричардсона осталось не больше двухсот ярдов, Док обернулся к Душке и прямо спросил:

— Ты знал?

Глаза у Душки беспокойно заметались. Он ничего не ответил и хотел было обойти Дока, но дорогу ему заступил Бабушка.

— А ну говори. Ты сам полез к старосте в загон, или тебя подговорили?

Душка ковырял землю ботинком. Сержант взял его за плечо и хорошенько тряхнул. Душка дернулся и жалобно заныл:

— Ну че, ну че? Я, что ли, виноват? Я же как лучше хотел.

— Так это твоя затея? Что ты там подсыпал Любимчику, а?

Радарщик молчал, втянув голову в плечи. Сержант наступал, раздувая ноздри:

— И загон специально поджег, да? Чтобы твоих шуточек не заметили? И вовсе ты был не пьяный. Ну погоди, я все как есть опишу в рапорте. Поработаешь ты тогда на радаре... в штрафроте на Герре.

У Душки подкосились ноги. Он мешком осел в пыль и простенал:

— Не виноват я! Он сам...

— Кто?

— Да мистер Несвид же! Мы в операторской перекинулись в карты...

— Ах, так ты еще и посторонних на радар водишь?!

— Да ты погоди!

Душка схватил сержанта за штанину и забормотал:

— Мы в карты играли, усек? Но только этот мистер Несвид нечестно играет. Он меня обставил, и я ему задолжал, понимаешь? Я говорю — вот вам расписка, а он мне — на фига мне твоя расписка? А вот если сделаешь для меня кое-что, я тебе долг прощу. Ну и дал мне пузырек. Я спросил, что там — все же травить мне никого не хотелось, не могу я убивать, даже птицу глупую не могу. А он говорит: ничего страшного, травка одна. Любимчику после этого сны хорошие сниться будут. Ну я и пошел. А больше я ничего не знаю, честно!

— Ага, — сказал Бабушка. — Значит, Любимчика все же ты травил?

— Да не травил я его! Говорю же — пузырек...

— Оставьте его, Кунни, — неожиданно вмешался Док. — Он не виноват. Это меня надо винить.

Сержант удивленно глянул на Ричардсона.

— Вы-то тут причем?

— Мне следовало сразу сообразить. Вейсмарский лютик, шиповалка. Небось, еще и масленюк у него там был. Какой же я идиот!

Душка и сержант переглянулись.

— Допинг, — невесело улыбнулся Док. — Несвид зашел ко мне позавчера, попросил кое-какое оборудование для перегонки и химикаты. Взял ортофосфат натрия, цинк и соляную кислоту. В общем, достаточно, чтобы приготовить неплохой эфедриновый коктейльчик. Наверняка он использовал масленюк для выработки тестостерона. Бедняга Суслик был так накачан стимуляторами, что вряд ли соображал, на каком он свете.

Душка тихо хныкал. Сержант почесал в затылке.

— Да, но для чего все это ему было нужно? Устроил панику, чуть старосту не угробил. Ну, выиграл он свою сотню шершней, много с того проку. Суслика он пристрелил, и все равно бы его на бои больше не пустили. Не понимаю.

Он оглянулся на темнеющую в долине деревню и вздохнул.

— Чепуха какая-то. Ладно. Завтра приходит транспортник. Спихну этого Несвида с рук долой, и пусть им дальше Маевник занимается.

От мысли, что он больше никогда не увидит противного мистера Несвида, полегчало. Но Док продолжал хмуриться. А когда утром следующего дня вслед за маленьким транспортником с кленовым листом «Май-Тай» на корме с неба упал тяжелый грузовоз с клеймом «Эклеба», хмурились уже все.

(Вечером следующего дня.)

— Что значит в «двадцать четыре часа»?!

— Это значит, что в земных сутках двадцать четыре часа, а не двадцать два, как здесь. Но с этого дня на Таильти, как и на всех планетах, принадлежащих «Эклебу», вводится земной календарь, — любезно разъяснил мистер Несвид.

Небольшой столик на веранде Ричардсона был завален папками с документами, а по краям пристроились два компьютерных монитора. За столом мистер Несвид и сам Реджинальд Маевник, прибывший утром на транспортнике. На ступеньках столпилось почти все население базы.

— Итак, в двадцать четыре часа вам следует эвакуироваться. Отметьте, я иду на уступки и не предлагаю вам уложиться в здешние сутки. Полагаю, ваш корабль достаточно вместителен? Если нет, я могу предоставить вам место на борту «Пегаса». Все движимое и недвижимое имущество компании, однако, остается в нашем распоряжении. Вы можете забрать только личные вещи.

Маевника перекосило. Часом раньше Док уже скормил ему успокоительное, но

худощавое лицо бывшего президента компании все еще подергивалось в тике. Он то и дело отбрасывал с глаз пегую прядь и быстро-быстро рвал в клочки чистый лист бумаги.

«Май-Тай» прогорел два месяца назад. Конкуренты резко снизили цены, а маленькая компания и так едва справлялась с долгами. Акции пошли с торгов, и львиную долю выкупил «Эклеб».

«Черт возьми, — говорил Маевник, едва спустившись с трапа. — Я надеялся убраться оттуда, забрать шрик и начать новое дело. Я уже присмотрел заброшенный заводик на Эсбе, а денег от продажи урожая и моих сбережений как раз бы хватило. Хорошенький же сюрприз вы мне подкинули!»

Сержант, который встречал Маевника на поле, недоуменно крикнул. Маевник, размашисто шагая сквозь потрескивающую сухую траву, продолжал разоряться:

— Ваш треклятый шпион Джон Несвид! Выхожу я из прыжка, а тут уже висит проклятуший корабль «Эклеба» и мне подмигивает. Почему вы вообще не пристрелили мерзавца? Как он ухитрился передать своим координаты планеты? И, главное, как он убедил дурака-старосту подписать контракт, по которому весь урожай шрика отходит «Эклебу»?

Идущий рядом с Маевником и сержантом Док присвистнул и переглянулся с Бабушкой.

— Суслик?

Бабушка помедлил и кивнул.

— Какой еще суслик?! — взорвался Маевник.

Он пнул кустик репейника, который немедленно выпалил в людей тысячей игольчатых плодов. Пока Док и экс-президент чертыхались, стряхивая со штанов репы, Бабушка напряженно думал. Так вот на что играл их ботаник-любитель! Понятно, почему он без особого сожаления пожертвовал Сусликом. Да и подозрения насчет той, первой капсулы... Похоже, мистер Несвид соврал и СВЧ-передатчик все же был на корабле. Если хорошенько поискать в лесу...

На этом размышления сержанта прервались, потому что открылся люк эклебского транспортника и оттуда посыпались рабочие в униформе. Они принялись деловито сгружать на землю огромные контейнеры, все как один помеченные эмблемой «Эклеба». Розовым бобовым цветком.

— ...и подпишите, пожалуйста, здесь и здесь. Так, а теперь прижмите палец вот к этой подушечке, и мы перенесем договор в компьютер.

Маевник скривился, как будто отведал уксуса. Он неохотно протянул палец к сенсору. За домом жизнерадостно похрюкивал Пульхерия — еще не зная о том, что удобный садок и ежедневная порция эвкалиптовых листьев скоро канут в прошлое.

Док отвернулся от стола и кивнул Ольге.

— Собирайся. Я скоро подойду.

Несвид поднял голову от монитора и улыбнулся. Примерно так улыбается змея.

— Мистер Ричардсон, правильно ли я понимаю, что вы хотите взять свою служанку с собой?

Док нахмурился.

— Вы отлично знаете, что Ольга не служанка. Она моя жена.

— И у вас есть документ, подтверждающий это? Нет? Тогда я вынужден возразить. Как исполнительный директор здешнего филиала, я не могу допустить, чтобы имущество компании расхищалось. Ваша... жена, как и все местные жители, является собственностью «Эклеба». Я могу лишь гарантировать, что ее права, как нашего нового работника, будут соблюдены.

Бабушка содрогнулся. Ему представились скучные бараки и ряды склоненных темных голов. Челюсти механически движутся, глаза пусты и тусклы. Люди жуют и сплевывают, жуют и сплевывают в бесконечные желоба, и так день за днем, год за годом. На самом деле, сержант никогда не видел, как добывают шрик крупные корпорации. Ни «Эклеб», ни другие не допускали на свои планеты журналистов. Но представить было нетрудно, лишь взглянув

на улыбку Несвида.

— Я помог вам, когда вы нуждались в помощи. Я не взял у вас ни цента. Можно спорить об этом, но я думаю, что спас вам жизнь.

Видно было, как нелегко даются Доку эти слова. Он явно не привык упрашивать кого бы то ни было.

— Пожалуйста, отпустите мою жену.

Мистер Несвид хмыкнул и выставил из-под стола правую ногу. Когти скребнули пол, оставляя длинные кривые царапины. И Бабушка подумал, что был прав. А еще он подумал, что надо бы увести Дока, потому что тот кинется сейчас на мистера Несвида, и ничем хорошим это не кончится. Но Док не кинулся. Он помолчал и ровно спросил:

— Сколько?

(*Спустя три месяца.*) Жеребец в загоне бесился. Вместо того, чтобы бегать по кругу, он натягивал веревку, вставал на дыбы и бил воздух копытами.

— Ну вылитый Суслик! Я так его и назвать решил, Сусликом. Хороший конь, только бешеный.

Душка довольно хохотнул и тут же попал под перекрест мрачных взглядов. Небольшая компания, собравшаяся под навесом, и слышать не хотела о Суслике. Бедному Душке пришлось бы несладко, если бы не вмешалась Ольга. Она солнечно улыбнулась и спросила:

— Хотите еще соку?

Встала и, покачивая бедрами, ушла в дом.

— А все-таки жаль, — заметил устроившийся в плетеном кресле Маевник. — С лишней парой рук и без волос она смотрелась куда более... экзотично. А сейчас просто красивая баба.

— И как, полагаете, она бы ездила за покупками? — ядовито парировал сидящий на перилах Док.

В руке у него был стакан апельсинового сока, а на голове — белая панاما.

— Замечательное зрелище — Ольга выходит из Уолл-Марта с пакетами, а за ней, вытаращив глаза, бежит все население Корнфилда.

— Это была просто шутка. Шутка. Что-то, Док, вы стали очень раздражительны в последнее время.

— А вас это удивляет? Я не привык бездельничать и не привык быть иждивенцем.

Душка замотал головой, как лошадь, одолеваемая слепнями.

— Ну что вы, Док. Это мой долг. После того, как из-за меня вы потеряли все деньги...

— Причем здесь вы?

— Может, если я бы вовремя предупредил...

— Ах, ничего бы мы все равно не успели сделать.

Из четверых мужчин, сидящих на веранде, именно Душка был хозяином. За двадцать лет на его счету осело достаточно, чтобы купить дом, — правда, не в Кентукки, а в Канзасе. Душка Роджер приобрел небольшое ранчо и решил разводить лошадей. Док и Ольга остановились у него. Маевник и Бабушка тоже загостились. Сержанту вовсе не улыбалось возвращаться в тесную нью-йоркскую квартирку. И уж тем более не хотелось ему ползти на брюхе к подлецу Маклеоду, который пролез-таки в лейтенанты, и упрашивать принять его обратно, хотя бы патрульным.

— Док, ну давайте я вам одолжу тысяч сорок. Вы откроете ветеринарную клинику и все мне вернете.

Это было золотой мечтой Душки. Он уже раз пятьдесят предлагал Доку деньги, но тот только пожимал плечами.

— Какую клинику, Роджер, опомнитесь. Кто ко мне пойдет? Что я могу показать — фотографии шестируких таильтян? У меня полгода стажа и двадцатилетний перерыв, и если кто-нибудь пронюхает, чем я там занимался...

Док безнадежно махнул рукой.

— Ну давайте откроем косметический салон. На пару. Говорят, из конского навоза получаются чудные препараты для кожи. Вы будете делать пластические операции, а я выпускать крема и считать денежки.

Бабушка не сдержался и захихикал. Неувядающий оптимизм Душки даже внушал уважение.

— Знаете, что обидно? — вмешался Маевник.

Он покачивал ногой, напоминая диковинный маятник.

— Что?

— Вовсе не то, что нас пустили по миру. А обидно то, что теперь эти ребята из «Эклеба» смогут сколько угодно взвинчивать цены. И продавать любую дрянь. Еще год-полтора — и у них не останется конкурентов. А страдает кто? Страдает потребитель, то есть опять же мы с вами.

Душка хмыкнул.

— Но у нас-то с вами все о'кей. Если так уж захочется шрикануться, попросим Ольгу пожевать бобы и плюнуть в стакан. Хотя, по мне, нет ничего лучше хорошего виски...

В голове Бабушки смутно мелькнула какая-то мысль. Мелькнула и погасла. Он схватил Душку за локоть. Тот вздрогнул.

— Эй, что с тобой?

— Повтори, что ты сейчас сказал, — потребовал сержант.

— Что ничего нет лучше первогоклассного виски.

— Нет, раньше. Про Ольгу.

— Я сказал, что для нас всегда найдется два-три отличных плевка...

Мысль вернулась. Бабушка и сам не заметил, как по лицу его расплзлась торжествующая улыбка.

— Что это вы сияете, как начищенный пятак? — подозрительно спросил Док.

— Я только хочу спросить... Помните, вы говорили как-то об ишизаки и о том, как они начали вырабатывать шрик?

Маевник чуть не рухнул с кресла.

— Что?!

Док поморщился.

— Если честно, смутно. Кажется, я был здорово пьян.

— Вы говорили, что он стал счастливыми, когда у них в слюне появилось это... Как вы его называли?

— Эндорфины?

— Во-во. Я тут подумал — а что, если бы у людей было то же самое? Если было бы достаточно просто сжевать миску бобов — и все, ты в улете?

— Это вы к чему, Кунни?

— Тогда ведь не потребовалось бы покупать шрик по грабительским ценам? И «Эклеб» бы прогорел в два счета, так ведь?

— Ну?!

— Аскажите, Док — вы ведь можете пересадить слюнные железы от таильтянина человеку? Или, скажем, вырастить из маленького кусочка?

Когда Ольга вышла на веранду с подносом и стаканами, ее встретили такими огненными взглядами, что женщина покраснела.

(Спустя некоторое время.)

— Ну и как мы это назовем?

— «Веселые Жевастики»? — тут же предложил Душка.

— «Джек и бобовый стебель»? — предложил начитанный Маевник.

— «Центр сиаладентрансплантации»? — предложил деловитый Док.

— Кхм... — сказала Ольга, пощипывая пластырь на горле. — Давайте спросим у

мистера Бабушки. В конце концов, он автор идеи.

И все обернулись к Бабушке.

Он прищурился, глядя на новехонькое трехэтажное здание клиники. Свежеотмытые оконные стекла весело блестели на солнце.

— Не знаю, как мы это назовем. Зато я знаю, какой плакат мы повесим над входом.

— ?

— «Счастья всем, сразу, и пусть никто не уйдет обиженным» (с).

Роман Суржиков Девятая пространства

Посвящается Джу Барановской,
идейному вдохновителю и первому читателю

Мягким ударом Бекки отправляла мячик по привычному маршруту: двенадцать футов до противоположной стенки, отскок — и обратно. Под конец мячик терял скорость и плавно вкатывался под подушечку лапы. Бекки накрывала его, выжидала какое-то время и вновь отталкивала игрушку от себя, чтобы взглядом карих глаз проследить его путь: двенадцать футов, отскок, двенадцать футов. В астрономически размеренном движении мячика было нечто завораживающее, гипнотизирующее. Хьюго Шелби, наблюдавший эту игру уже не первую неделю, знал, что именно притягивало внимание. Мягкая трава, что устилала пол вольера, не была идеально гладкой, а сквозь вентиляционные отверстия в стекле струился слабый поток воздуха. Из-за этого мяч чуть заметно уходил от траектории, смещался на дюйм-два то вправо, то влево. Такое случайное колебание отличало игру Бекки от холодной точности маятников и беспристрастной математики планет — да и от любого другого движения в этом мире.

Бесчисленные экскурсионные группы вели себя настолько одинаково, что Хьюго мог бы сопровождать их без помощи зрения и слуха. Первые три-четыре минуты из отпущенных двенадцати визитеры жадно рассматривали Бекки и гулким шепотом высказывали впечатления. Из их кучного бормотания выбивалось нечто вроде: «какая синяя!», «мама, а правда», «да просто кошка», «а я читал», — и всякий раз группа косилась на издавшего возглас. Затем люди замечали, что Бекки целиком поглощена монотонной игрой с мячом, и их экскурсионное присутствие ровным счетом ничего не меняет в мировосприятии знаменитости. Тогда голоса становились громче и приобретали ощутимый оттенок досады. Кто-нибудь обязательно спрашивал:

— Это что же, она все время так?

И Хьюго отвечал, например:

— Сэр, Ребекка — весьма обстоятельная леди. Она оставит мяч в покое лишь тогда, когда добьется от него идеального поведения.

Или говорил:

— В пять пополудни мисс Ребекка прервет свои занятия для обеда, а затем немного вздремнет, если плотная пища наведет ее на раздумья.

Но вскоре, к середине посещения, экскурсанты впадали в легкий транс. Вопреки логике, их взгляды фокусировались не на Бекки, а на игрушке под ее лапой, провожали, следили, погружались в действие. Разговоры гасли сами собой, и когда на двенадцатой минуте Хьюго осторожно произносил: «Леди и джентльмены, время визита, к великому сожалению, подошло к концу», — его голос звучал чуждо и неуместно.

Пятидесятидвухлетний Хьюго Шелби, высокий и худой, как жердь, с благородной проседью в висках, походил одновременно на дворецкого и полковника гвардии. Он состоял смотрителем зоологического музея при Натуроведческом институте Бирмингема.

Ребекка была красивым, изящным животным, слегка напоминавшим ягуара. Ее ультрамариновая шерсть искрилась так сильно, словно состояла из тончайших стеклянных игл. Ребекка не была привередлива в питании, но предпочитала мясу и молоку песок с

марганцовкой. Четыре часа в сутки она спала, остальное время посвящала игре с брызгами воды, или скакалкой, или мячиком. Сородичей в земной фауне она не имела.

* * *

Кафе «Ромашка», дрейфующее на поверхности озера, имело неоспоримое достоинство: оно состояло из лепестков. Каждый лепесток представлял собой уютную кабинку с одним столиком, изолированную от остальных посетителей.

— Пять месяцев, доктор, — произнес полковник Хардинг, отставил кружку, вытер губы тыльной стороной ладони и веско повторил: — Пять месяцев. Это немалый срок.

— Я в курсе, полковник. Это на тридцать дней больше, чем четыре месяца. И?

— Что вы успели узнать об экземпляре?

— Еженедельно я шлю об этом отчеты своему начальству. По пути их перехватывает и читает также ваше начальство. Что-нибудь добавить?

Полковник Хардинг, начальник специализированной охраны экземпляра U1, извлек из кармана портсигар, сноровистым щелчком откинул крышечку, протянул доктору. Восемь круглобоких сигар безупречной стройностью ряда напоминали патроны в обойме.

— Спасибо, травиться не желаю, — ответил Гамильтон, выбил сигарету из пачки «честера» и глубоко затянулся.

— Напрасно. — Полковник вальяжно откинулся на спинку, закурил. — Напрасно вы так. Я предлагаю поговорить откровенно.

Он обвел красноречивым взглядом замкнутые стены кабинки. Доктор Гамильтон пожал плечами:

— Начинайте.

— Что ж... Экземпляр U1 был обнаружен 5 марта. Он имел неосторожность разгуливать ранним утром между корпусами Натуроведческого института, где был пойман и изолирован для дальнейших исследований. В оном институте, конечно же. Как человек здравомыслящий, я вижу два пути, какими экземпляр мог попасть сюда. Первый: упал с неба. Второй: черт его знает как.

— Стройно излагаете. Но есть и другие пути. — Доктор выпустил колечко дыма. — Ребекка — аномалия коллективного бессознательного, проявляющаяся в идентичных галлюцинациях у всех наблюдателей. Ребекка — новая модель терминатора, заброшенная в прошлое, чтобы уничтожить Джона Коннора, который придет в наш музей поглядеть на нее. Ребекка — генетический мутант, разработанный НАСА с целью проверить реакцию человечества на генетических мутантов. Имеется еще порядка двадцати пяти версий.

Полковник хмыкнул.

— Умиляет, как вы упорно называете экземпляр Ребеккой. Неужели вы установили пол существа?

— Знаете, понаблюдав за ней всего один день, Хьюго Шелби сказал: «Да, это — настоящая леди». Дальнейшие исследования не дали оснований усомниться в этом выводе.

— Вы смеетесь надо мной?

— Никак нет, полковник Хардинг, сэр!

Военному понадобилось несколько секунд, чтобы уловить и проглотить издевку.

— Ладно. Неважно. Что происходит дальше. Десять недель — скакалка. Восемь недель — капли на стекле. Теперь — мячик. Эти игры необъяснимы и бесцельны.

Движением рук и глаз доктор Гамильтон передал нечто о неисповедимых путях господних.

— На первый взгляд бесцельны, — веско продолжил полковник. — Скакалка, подброшенная существом вверх, падает на пол. Движения воздуха, сила и направление броска, начальная форма скакалки, ее температура — все это влияет на динамику падения. Ложась на пол, скакалка всякий раз образует новый рисунок. Вода, выплеснутая на стекло, стекает в виде капель, каждая движется по траектории, на которую влияет десяток факторов.

Наконец, мячик катится по неровной траве и отскакивает от стенки под различными углами. Любой из этих процессов, доктор, зависит от такого числа переменных, что результат предсказать почти невозможно. Это — хаотические процессы.

— Скорей, стохастические⁴... — Доктор зевнул. — Ну и?

— Экземпляр U1 способен неделями наблюдать за такими процессами. Не исключено, что он делает множество выводов! Не говорит ли это о его разумности?

— А о моей?

— В каком смысле?

— Однажды я ради интереса попробовал игру Ребекки. Стал подбрасывать скакалку и смотреть, как она падает. Меняхватило на пятнадцать минут. Через четверть часа стало нестерпимо скучно. Согласно вашей теории, я — форменный кретин.

Хардинг подался вперед и уперся руками в крышку стола, чуть разведя локти в стороны. В его позе было нечто упрямо-бульдोजье.

— Доктор Эдвард Гамильтон, вы — ректор Натуроведческого института. Вы руководите исследованиями экземпляра на протяжении пяти месяцев. Чем вы занимаетесь все это время? Кормите начальство сказками о непредвиденных трудностях. Тратите время на маловразумительные рентгеновские снимки и ультразвуковые сканы. Сотнями проводите дурацкие тесты рефлексов. Суετε нам анализы экскрементов! Доктор, на кой черт все это? Почему до сих пор нет теста ДНК? Почему на теле этой Бекки не сделали ни единого разреза? Почему запрещено вводить в нее зонды? Почему вы не можете ответить на единственный вопрос: существо — инопланетянин или нет?

— Полагаю, и на этот счет у вас имеется гипотеза?

— Да, доктор. Вы просто тянете время. Я провел кое-какие подсчеты. Двести пятьдесят посетителей ежедневно по восемьдесят фунтов каждый — это двадцать тысяч фунтов в день. От одних только зевак. Еще — продажа прав на исследования иностранным компаниям. Пять тысяч фунтов за лабораторный час. Еще — телесъемки для шоу и научно-популярных фильмов. Еще — сувенирчики, игрушечки, маечки-шортики-открыточки с «леди Ребеккой». По скромным прикидкам, будучи здесь, экземпляр U1 приносит шестьдесят тысяч фунтов чистой прибыли в день. Из них две трети идут в бюджет программы исследований, которой руководите вы, доктор Гамильтон.

Ректор затушил окурок, растер золу по донцу пепельницы, аккуратно вырисовал на ней спиральку.

— Мне следует поблагодарить вас за тщательный анализ ситуации?

— Вежливый человек так и поступил бы.

— Какова была бы благодарность вежливого человека?

Полковник написал число на салфетке. Гамильтон прочел, чиркнул зажигалкой, подержал салфетку над пепельницей, пока огонек не коснулся пальцев.

— Завтра я буду очень благодарен вам, полковник.

— Было приятно с вами побеседовать, доктор.

Военный ушел.

Гамильтон попросил еще чашку кофе. Вдыхая ароматный напиток, он мысленно произнес недосказанное.

— Мы сделали анализ ДНК. В первый же день, пока правительство еще не взяло нас под контроль. У Бекки нет ДНК. Ее клетки состоят из кремниевых соединений. Наследственная информация хранится в виде зон с разной электропроводимостью. Вероятно, это существо способно накапливать и передавать наследственную память. Ребекка не просто инопланетянин — она даже не белковый организм. Когда об этом узнают, ее разорвут на кусочки. Такие, как вы, полковник Хардинг, сэр.

⁴ Стохастический процесс — процесс с неопределенным, случайным результатом.

* * *

Этот день выдался удивительно спокойным. Была лишь одна часовая съемка. После экскурсий Бекки с аппетитом вкусила фунт минеральной смеси, затем подремала полчаса и взялась за игру. Тогда к ней впустили телевизионщиков.

Немцы ваяли научно-популярную программу о фрау Ребекке. Перегавкиваясь на своем шипящелязгающем наречии, они деловито метались по периметру вольера. К совершенно безобидной Бекки на всякий случай старались не приближаться — сходство с ягуаром порождало здоровую опаску. Расставив аппаратуру, немцы вытолкнули из своих рядов белобрысую девушку-репортера в блестящесеребристом комбинезоне, которая присела рядом с Ребеккой и принялась вступать в контакт. Немка показывала Ребекке внушительного размера фотографии созвездий, крутила перед ее носом глобус, вещала нечто медленно и разборчиво — словом, подошла к делу контакта с максимальной серьезностью. Бекки ни на секунду не отрывалась от своего мячика. Тогда белобрысая картинно прилегла на бок грудью к телекамерам, извлекла из кармана шарик и принялась швырять его о стену. Ребекка не придавала значения — это была не первая и даже не десятая попытка подражания. Но когда немка вдруг упустила свой мяч, и тот откатился прямо к ультрамариновой лапе, Бекки благосклонно отпасовала его обратно. Телевизионщики пришли в полный восторг — контакт с инопланетным разумом удался! Приняв во внимание взаимоотношения лучшего и хорошего, белобрысая тут же провозгласила резюме и удалилась из вольера.

Хьюго Шелби терпеливо дожидался конца съемок. Он хотел поговорить.

Шутки о его платоническом чувстве к синей кошке уже столько раз обошли институт, что стало признаком дурного тона заикаться на эту тему. Ни для кого не было секретом, что трижды в неделю сидящий Хьюго проводил час-другой, сидя у вольера и вдумчиво общаясь... со стеклом. Ребекка, играющая в клетке, реагировала на речи зрителя не более, чем прозрачная кварцевая стена, потому чудачество Хьюго вызывало поначалу всеобщее умиление и сопереживание. Поначалу — потом наскучило.

А между тем, у Хьюго и Ребекки имелась крошечная тайна: иногда она отвечала ему. Крайне редко. Одно из тысячи слов, сказанных им, чем-то трогало ее. Тогда Бекки отрывалась от мячика и пару секунд смотрела на мужчину, затем возвращалась к игре. Это и был ответ.

Из слов и фраз, отмеченных Ребеккой, Хьюго пытался составить нечто связное, найти в ее реакциях систему. Выходило абсурдно и глупо, вроде квинтэссенции центральной истории мороженого, или пингвинов Марса, льющих воду на закат. Зритель в глубине души догадывался, что Бекки не понимает ни единого слова, а в редких ее взглядах меньше смысла, чем в ударах мухи о стекло. Он все больше убеждался, что леди Ребекка не умнее дворовой Мурки, и от этой мысли почему-то становилось горько.

Сегодня Хьюго Шелби не стал рассказывать ей ни о Древнем Риме, ни о человеческой психологии, ни о романах Сомерсета Моэма. Он сел у стекла и спросил напрямую:

— Мисс Ребекка, вы понимаете хоть что-то?

Двенадцать футов — отскок.

— Вы вообще замечаете, когда я говорю с вами?

Бросок — двенадцать футов.

— Мисс Ребекка, простите, но... у вас ведь нет ни капли разума? Верно?

Отскок — двенадцать футов.

— Что вы вообще здесь делаете?

Вот тут Ребекка поймала мячик, подняла взгляд к лицу мужчины и внимательно посмотрела ему в глаза. А затем смачно облизнула собственный нос.

* * *

Спасатель пришел в ту же ночь. Он возник в виде крохотной аномалии — черной точки

в воздухе. Разжал пространство вокруг себя, обрел истинные размеры и массу, адаптировался к законам этого мира, затем снял аномальный барьер. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как он появился в холе пятого этажа и двинулся по коридорам, безошибочно находя дорогу. Охранники при входах не видели его, так как он не пользовался входами. Охранники на лестнице не видели его, поскольку он миновал и лестницу. Понизив жесткость молекулярных связей в своем теле, он туманным облаком провалился сквозь три перекрытия и сконденсировался в вольере Ребекки.

— *Девятая пространства*, я пришел спасти тебя, если ты нуждаешься в спасении, и помочь тебе, если ты нуждаешься в помощи.

Синяя кошка проснулась, недовольно вздернула ушами, облизнула лапу и протерла ею глаза.

— Я — Бет, *восьмой силы*. Я пришел, чтобы ты вернулась.

Ребекка встала, неторопливо обошла спасателя кругом, принялась. Легла и опустила голову на лапы.

— *Девятая пространства*, прошу, ответь мне. В каких средствах нуждаешься ты, чтобы вернуться?

Бекки перекатилась на бок и почесала задней лапой за ухом. Потом высунула язык и приступила к туалету.

— Кто тебя похитил? Что случилось с тобой?!

Ребекка вылизывала внутреннюю поверхность бедер.

— Это — они?.. Какой вред они тебе причинили?!

И вдруг стекло взлетело вверх, открывая пространство с существами. Существа были теплы и активны. С их рук сорвались сгустки энергии и метнулись к спасателю. Бет не сразу поверил — они атакуют его?!

Бет был воином восьмой ступени, его гены хранили совершенство сотен поколений мастеров. Его тело на клеточном уровне знало, как реагировать на любой мыслимый вид оружия.

Разряды электричества коснулись кожи, и защитные ткани рассеяли их. Бет ударил волной давления, отшвырнул существ и ринулся вслед за ними в коридор. Сперва отбить атаку, затем — уводить *Девятую*. Коридор был полон — существа с обеих сторон, десятки. Их оружие было кинетическим, потому Бет ушел из фазы вещества. Он обратился в сгусток энергии. Пули проносились сквозь тело, не причиняя вреда. Бет смещался, на миллисекунды обретал материальность и бил. Враги бешено стреляли в ответ, решетили мерцающее облако, пляшущее перед стволами. Кинетическая энергия пронизывала то место, где спасателя уже не было. Враги вовсе не умели защищаться. Импульсы сжатия сбивали их с ног и ломали конечности, тепловые удары заставляли корчиться от боли. За шесть секунд Бет, *восьмой силы*, лишил их боеспособности и на мгновение задержался в фазе вещества, чтобы убедиться в победе.

Тогда мучительно горячая игла вонзилась в спину. Боль и удивление сковали его на миг, новые иглы прошли тело. Он лишился сознания, так и не успев поверить в то, что проиграл.

* * *

Зеленоватое тело чужака напоминало препарированную лягушку. Щупы зондов и электроды, торчащие из него, выполняли функцию гвоздей — спасатель был припилен ими к пространству помещения. Импульсный ток, протекающий по тканям чужака, парализовал его и удерживал на месте. Иного способа удержать существо, способное проходить сквозь стены, не было.

Стоя в холле пятого этажа, спешно переоборудованном под военную лабораторию, доктор Гамильтон ощущал колючую абсурдность происходящего. Словно в плохом боевике, вокруг были «свои» и «чужие». Свои здесь — это парни с автоматами, и парни в блестящих

комбинезонах со стеклами вместо лиц, и парни с каменными скулами над офицерскими погонами. Чужие — это Эдвард Гамильтон и Хьюго Шелби. И полумертвое тело существа.

— Полковник Хардинг, я требую прекратить... — Он отчеканил стальной это «требую», но на «прекратить» голос сорвался.

— Вы требуете? Надо же! — Полковник изобразил подобие удивления. — За пять месяцев исследований вы не добились результатов. Однако, если экземпляр U1 необходимо было сохранить живым ввиду его уникальности, то с U2 мы можем применить надежные методы... познания.

— Никто из моих подчиненных не станет участвовать в этой экзекуции.

— Мои подчиненные прекрасно управятся и сами.

— Я запрещаю подобный опыт на территории моего института.

— Это вряд ли. По приказу министра обороны я имею право совершать в вашем институте любые действия, направленные на безопасность Великобритании.

Доктор Гамильтон поперхнулся.

— Эта попытка — в целях безопасности?!

— Двадцать шесть моих солдат госпитализированы, двое погибли.

— Но это они первыми открыли огонь, не чужак!

— Он вторгся на охраняемый объект.

Губы Гамильтона тронула болезненная усмешка.

— То есть вы заранее оповестили его, что объект охраняем? И как это вам удалось?

— Черт возьми, док! Он пытался украсть U1!

— Он к ней даже не прикоснулся — это видно на записях. Если бы хотел украсть — украл бы за три секунды. Вы не так глупы, чтобы не понять этого.

— Хватит! — Хардинг указал на дверь. — Убирайтесь. Я получил прямой приказ: любой ценой получить точные сведения о природе существа. Если вздумаете мешать мне... В общем, не советую.

Гамильтон побледнел, но не сдвинулся с места.

— Ничего, что сейчас ночь. Я не постесняюсь разбудить премьера. Если понадобится, то и ее величество. Полагаю, они должны быть в курсе первого вооруженного конфликта с инопланетным разумом.

Полковник чуть заметно оскалился:

— Вы сами отказались подтвердить инопланетную природу экземпляров. На свои же грабли, доктор.

— И даже моя горячая благодарность не заставит вас изменить решение?

Хардинг понизил голос и придвинулся к доктору, окуная его в облако табачной вони.

— Положение сильно изменилось, док. Факт нападения, плюс это его оружие, хождение сквозь стены. Там среагировали мгновенно. У меня есть ясный приказ... Так что вам правда лучше уйти.

Больше не говоря ни слова, Гамильтон пошел к выходу. Смотритель музея последовал за ним, у дверей задержался и отчетливо произнес:

— Двое погибших — пока не так уж много. Не гневите судьбу, полковник.

На лестничной клетке ректор института достал сигареты. Пока он курил, Хьюго Шелби молча стоял рядом. Затем доктор Гамильтон ушел — звонить королеве, или поднимать на уши репортеров, а может, глушить виски в «Ромашке». Смотритель музея направился на второй этаж, где все в том же вольере отдыхала кареглазая леди Ребекка. Она не спала — послушный ее движению, мячик проделывал свой бесконечный путь. Двенадцать футов — отскок...

Хьюго громко сказал:

— Мисс Ребекка. Тот, кто приходил к вам, — полагаю, он в вас ошибся. Так же, как и я. Не думаю, что вам есть до этого дело. Я даже не уверен, что вы понимаете меня. Но вы должны знать: ему сейчас плохо. А станет еще хуже. Всего доброго, мисс Ребекка.

Если бы Хьюго Шелби хоть на минуту задержался у стекла, то увидел бы, как, поймав шарик, Бекки помедлила, закрыла глаза и резко метнула его. Мячик отразился от четырех стен, замедлил ход и прикатился точно в лапу, подставленную вслепую.

Затем леди Ребекка поднялась, открыла перед собой сингулярный портал и шагнула из вольера в холл пятого этажа.* * *

Оказавшись рядом с Бетом, она создала еще одну сингулярность. Непроницаемая сфера, которую земные ученые называли бы горизонтом событий, окружила двоих чужаков. Они оказались вне пространства и времени. Снаружи полковник Хардинг и двадцать человек его команды потрясенно наблюдали, как лабораторный стол, тело пришельца, утыканное щупами, и кусок перекрытия сжались в точку и пропали. Воздух на том месте голубовато мерцал, сквозь круглое отверстие в полу виднелся череп мамонта, украшавший четвертый этаж.

Внутри сингулярности леди Ребекка осторожно извлекла щупы из ран Бета. Тело *восьмого* начало регенерировать сразу же. Спустя минуту он открыл глаза.

— Где я?..

Электромагнитная волна его голоса звучала гулко — горизонт событий полностью отражал ее.

— Ты допустил ошибку, Бет, *восьмой силы*. Это старый мир, в нем очень сильна энтропия. Тебе следовало учитывать ее. — *Девятая пространства* говорила холодно, эхо отбрасывало ее слова от белых стенок сферы и бомбардировало ими разведчика. — В этом мире ты не в состоянии учесть все факторы, точно предугадать полет пуль, движения врагов.

— *Девятая пространства*, моя вина перед тобою бесконечна. Я не сумел спасти тебя. И теперь...

— Спасти? — Удивленно воскликнула она, и эхо повторило слово, насмешливо коверкая его: «Спаспас-пас... спасти-ти-сти...»

— Бет, ты правда считаешь, что я нуждаюсь в спасении? Эта планета так далека от нас, что даже наша галактика невидима на здешнем небе! Я шагнула сюда по собственной воле — никакая иная сила не смогла бы перенести меня в этот мир. От кого же ты хочешь меня спасти?

— По своей воле?.. По своей?.. — Бет смотрел на нее. Бет не понимал. — *Девятая пространства*, ты...

— Меня зовут Лана. Я прошу тебя использовать это имя.

Назвать ее простым именем было не намного проще, чем понять.

— Ла... Лана. Зачем ты отправилась сюда? Мы еле смогли найти тебя. За ту секунду, что был открыт твой портал, образ этого мира отпечатался в общем разуме. Над ним трудились все шестеро *восьмых знания*. Им понадобились тысячи часов, чтобы расшифровать образ! А если бы они не сумели?..

— Я рассчитывала как раз на то, что вы меня не найдете. — В голосе Ланы прозвучала досада. — Я проявила небрежность. Нужно было идти через промежуточный мир.

— Ты хотела спрятаться?.. — Бет повторил эту фразу, пытаясь осознать и понять ее. — Ты хотела спрятаться... Но почему? Ты же нужна нам! Ты нужна нам всем!

Разумеется, нужна. Спасатель принес с собой крошечный слепок общего разума. Словно тени, за спиной Бета стояли невидимые тысячи *седьмых*, миллионы *шестых*, несчетные множества *пятых*, *четвертых*, *третьих*. Глядели на нее снизу вверх укоризненными взглядами, беззвучно шептали: «Ты нужна нам... Ты нужна. Ты нужна!»

— Именно поэтому, Бет. Я нужна всем. Поэтому я и ушла.

Восьмой силы не мог объяснить себе ее поступок иначе, чем потерей памяти. Он терпеливо рассказал Лане то, что она должна была прекрасно знать. Родная планета истощена и переполнена. Миллиарды *третьих* и *четвертых* не могут полноценно развиваться. Было принято решение сконструировать искусственную планету на основе пояса астероидов. Двенадцать *восьмых пространства*, и Лана — единственная *Девятая* — должны...

— Должны что? — перебила она. — Построить вам планету? Дать вам жилье, пищу, энергию, знания — чтобы вы могли *полноценно развиваться* ? Чтобы внуки ваших внуков когда-нибудь стали бы *девятыми* ?

— Так устроен мир, — удовлетворенно подытожил Бет.

— Старшие служат младшим, да? А младшие никогда не пробовали сделать что-нибудь сами?

— Младшие?.. — Бет задумался и усмехнулся. Вероятно, он представил себе комичную картину: толпа беспомощных *третьих* , не умеющих ни смещать время, ни преобразовывать энергию в массу, ни ослаблять или усиливать молекулярные связи, — эта толпа младенцев строит... хи-хи!.. планету.

— Бет, — вкрадчиво произнесла Лана, — а между тем, тебя пленили две дюжины *первых* .

— Как?! Ты оскорбляешь!..

— Бет, я кое-что знаю о существах этой планеты. Они не умеют наследственно передавать навыки, как мы. На Земле живут только *первые* .

Первые ... Само слово звучало необычно для разведчика — тысячелетия прошли с тех пор, когда на его родине еще встречались *первые* . Уже века миновали с того дня, как последний *второй* взошел на третью ступень совершенства, и гены его перестроились, сохранив достигнутое мастерство. С тех пор ребенок даже самой отсталой семьи от рождения становился *третьим* .

— Эти странные люди считают, — продолжила Лана, — что для развития необходимо трудиться. Некоторым из них удастся достигнуть второй ступени совершенства. Потом они умирают, и дети начинают путь заново. Встречались и такие, кто при жизни успел взойти на третью ступень. Их было всего несколько. Люди поклоняются им и называют их богами. Возвращаясь, Бет. А тем, кому я особенно нужна, расскажи сказку о процветающем мире, населенном одними лишь *первыми* .

Бет нерешительно помолчал.

— Лана... Твой ребенок мог бы стать первым в истории *десятым* .

— Я никому не пожелаю такой судьбы. Уходи, Бет.

— Лана, я не смогу уйти, даже если бы захотел. Усилий всех *старших пространства* едва хватило на то, чтобы отправить меня в один конец. Я могу вернуться только вместе с тобой.

— Всех усилий?.. — Лана невесело усмехнулась и понизила мерность пространства. Время вне сингулярности замерло, весь космос стал единственной точкой. Достаточно было сделать один шаг, чтобы в следующее мгновение оказаться за тысячи парсек от Земли. Лана указала лапой, и Бет увидел перед собой лазурный пол Сферы Решений, и усталые лица *восьмых пространства* , с великим трудом забросивших разведчика на далекую планету.

Лана подтолкнула его:

— Иди.

Бет робко переспросил:

— А ты?

Вторя ему, множество робких голосов заполнило космос: «А ты?.. Лана, как же ты?.. Ты нужна нам... Нам... Нужна...»

— Спасибо, я останусь здесь.

* * *

Учитывая необъяснимую природу силы, искалечившей бойцов спецоперации, и столь же необъяснимое исчезновение чужака прямо из-под носа десятков людей и приборов, министерство обороны предпочло замять эпизод с экземпляром U2 и благоразумно утаить его от репортеров. В двенадцать часов следующего дня строго согласно графику очередная экскурсия посетила похожую на ягуара леди Ребекку. Удивлению визитеров не было

предела: Бекки не была занята мячиком! Вместо этого она с интересом рассматривала сквозь стекло лица людей. «Такая синяя», — сказал кто-то, «Да просто кошка!» — тут же добавил другой. Экскурсанты покосились на говорившего. Хьюго Шелби улучил момент, когда никто не смотрел на него, подмигнул Ребекке и показал ей поднятый кверху большой палец.

Владислав Выставной **Нелегалы**

1

Вконтейнере было тесно и жарко. Люди лежали на полу, жались к металлическим стенкам в тщетных попытках принять более-менее удобную позу. Единственный тусклый фонарик в руках плотного, истекающего потом мужчины едва рассеивал мрак.

Просто орбитальный контейнер не предназначен для транспортировки людей.

— Эй, Пабло! У тебя остались сигареты? — лениво спросил Хорхе, почесывая жирный бок, в который болезненно врезалось торчащее из стенки ребро жесткости. На потном животе вместе с майкой горделиво расползлся легендарный Че.

— Держи... — мрачно отозвался косматый Пабло.

Пачка полетела в темноту.

— Дьявол... Куда ты ее бросил? — бормотал грузный Хорхе, шаря по пыльному полу. — Ни черта же не видно!

— Интересно, где мы сейчас? — задумчиво поинтересовался Николас. Он вертел в руках старинный крест на кожаном ремешке. Священнику, наверное, не подобает раньше упокоения отправляться на небеса. Даже бывшему. Но еще хуже было оставаться внизу — словно погребенным заживо...

— Судя по тому, что Андрес перестал блевать, падре, нас уже вышвырнуло на орбиту.

— Почему же нет невесомости?

— Это контейнер класса G, для особо хрупкого груза, — усмехнулся Мигель. — Здесь компенсаторы стоят...

— Уж не нас ли почитают за особо хрупкий груз? — закуривая, предположил Хорхе. Рядом немедленно закашлял какой-то старикан. И кто только пустил его в это опасное предприятие?

— Это вряд ли. — Мигель покачал головой. — Шурин рассказывал: их в таком скотовозе возили, что трое богу душу отдали, пока добрались... Так что нам, считай, повезло. Думаю, кэп больше трясется за то, что во второй секции...

Луч фонарика метнулся к дальней стенке. Там была крепкая перегородка с опечатанным замком и наклейкой: «Деликатесные продукты».

— Вот же сволочи, — сплюнул Хорхе. — Жратву себе за дюжину парсеков тащат... А мы, как скоты, растворимое дерьмо жрем...

И принялся, как ни в чем не бывало, уплетать лапшу из пластиковой тарелки. Рядом с ним примостился огромный, выдавший виды армейский рюкзак с припасами — словно предстояла не неделя тоскливого безделья, а серьезная и утомительная окопная война.

— Ничего, вот доберемся до Шамбалы — сами разбогатеем... — мечтательно произнес Мигель, поглаживая взъерошенную «эспаньолку».

— Что-то не очень в это верится... — ковыряясь в мультиплейере, буркнул Пабло.

— А зря, по-твоему, ввели запрет на иммиграцию? — возразил Мигель. — Все потому, что с нашим братом делиться не хотят. Шурин письмо присылал: говорит, чернорабочий на стройке у них, как наш босс заколачивает...

— Вранье — так не бывает! — бросил Пабло.

— Бывает! — Мигель даже немного разозлился и принялся протирать очки, хоть особой надобности в них при такой темноте не было. — Просто мы настолько привыкли к нашему дерьму, что голову поднять боимся. А еще шурин говорит, что под нашу бригаду

уже подряд выделили.

— Да ну, ладно... Сказки рассказываешь! — отмахнулся Пабл и напялил наушники. Глухо заиграло что-то ритмичное.

— Поначалу, может, и тяжело придется — но зато такие возможности... — Мигель продолжал говорить, хотя никто его уже и не слушал. Наверное, просто убеждал самого себя. — Эх, да что там говорить — свежая планета — это же как выигрыш в лотерею!

Послышался глухой лязг. Ощутимо трянуло. Пискнуло — и в потолке зажглась одинокая оранжевая лампа. Из тьмы проступило множество усталых и настороженных лиц.

— Ну, вот, подцепили к контейнеровозу! — довольно сказал кто-то. — Теперь наше дело — спать, отдыхать да радоваться, что сбежали из этого ада...

— Так что — мы уже перелетели через границу? — заспанно поинтересовался Андрес. Воцарилось молчание.

— Э... Друг мой, какую границу ты имеешь в виду? — осторожно спросил Мигель, поправляя очки. — Верхних слоев атмосферы?

— Чего? — Андрес непонимающе захлопал глазами. — Я про американскую границу. Мне обещали, что высадят рядом с Лос-Анжелесом. Там у меня тетка — она обещала документы состряпать и устроить на фабрику...

Договорить Андресу не дали: весь контейнер грохнул дружным хохотом.

— А что такого? — подозрительно произнес Андрес. — Мы не долетим до Лос-Анджелеса?

— Боюсь, друг мой, мы его даже здорово перелетим. Не знаю, как ты, а мы направляемся на Шамбалу. Это, знаешь ли, маленькая теплая планетка у звезды... Черт ее знает, как эту звезду...

— Как... Так я не увижу тетку? — обомлел Андрес и заорал: — Выпустите меня отсюда! Меня обманули!!!

В ответ последовала лишь новая волна смеха: нелегальное путешествие в контейнере небогато на развлечения.

— Эй, малый! — Хорхе грубо похлопал Андреса по плечу и сунул тому в рот зажженную сигарету. — Ты, конечно, малость перепутал направления, более того: тебя, похоже, просто продали оптом — вместе со всей нашей негодяйской командой. Но, поверь — ты нисколько не пожалеешь! Считай, что счастливый билет вытащил. Говорят — это последняя возможность для таких неудачников, как мы, попасть на Шамбалу. Так что благодари бога и прекрати блевать...

— Благослови господи сеньора Нанкеса! — сказал в дальнем конце какой-то тощий парень. — Если бы не он, гнили бы и дальше в этом болоте...

— Я бы так не разбрасывался благословениями, — не снимая наушников, желчно заметил Пабло. — Или вы забыли, сколько монет отвалили этому прохвосту? Плюс месяц бесплатных работ на Шамбале...

— Но это — нормальная такса за нелегальную переброску... — возразил Мигель.

— Так-то оно так... — пробурчал Пабло, почесывая мускулистое плечо, густо усеянное татуировками. Выключил и отложил плеер. — Ну, кто со мной партейку в покер?

— Так на что играть? — усмехнулся Николас. — Денег-то, небось, ни у кого не осталось!

— А на наши будущие миллионы! — оскалился Пабло. — Не зря ж мы отправляемся в этот чертов Эльдorado?

Друзья рассмеялись и потянулись в кружок, где уже ловко сдавал карты Пабло... Только несчастный Андрес тихонько охал и причитал в сторонке.

2

На мостике межзвездного контейнеровоза «Гризли» царила скука. Вахтенный

навигатор дремал в кресле перед обширной приборной панелью. Места капитана и пилотов пустовали: здесь они появляются лишь в моменты прыжка, да при выходе на орбиту планеты назначения.

Посадки на поверхность не предполагалось в принципе: корабль просто сбрасывал привезенные контейнеры, набирал новые — и уходил в следующий рейс. Контейнеры опоясывали тонкий и длинный корпус, делая звездолет похожим на созревший кукурузный початок, за что тот и получил обидное прозвище «кукурузник».

Рутинный рейс из Солнечной системы к далекой Шамбале — почти неделя тупого безделья между чисто символическими вахтами. Вообще-то контейнеровоз вполне мог отправляться в автоматическом режиме.

Но, как известно, случаются ситуации, когда человек просто незаменим.

Для суперкарго Никоса Крага присутствие на борту носило особый смысл. Он очень переживал за сохранность некоторых категорий груза. И не столько из похвального служебного рвения, сколько из совсем иных соображений.

И сейчас, когда «Гризли» проходил транзитом совершенно неинтересную систему Катрана, он терпеливо отсиживал на мостике время, которое вполне мог провести в постели или в тесном спортзале «кукурузника».

— Ну, что там? — лениво поинтересовался Никос. — Когда в прыжок?

— Минут через семь... — вяло отозвался навигатор. — Кэпа толькождемся...

Вскоре пожаловал и сам капитан. С заспанным взглядом, с отпечатком подушки на щеке, в легкомысленном спортивном костюме. Правда, при этом — в форменной фуражке.

— Доброе утро, кэп! — приветливо помахал Никос.

— Доброе... — буркнул капитан.

Что-то старик не в духе.

Неудивительно: который уже рейс не спускались на твердую землю. Экономический кризис, видите ли: половину экипажей поувольняли, корабли законсервировали, а из остальных компания выжимает все, что только можно...

— Направление? — небрежно бросил кэп.

— Норма, — отозвался навигатор.

— Подтверждение?

— Получено: Шамбала принимает.

— Системы?

— Порядок!

На мостике появился вахтенный пилот, продолжая неторопливо застегивать на ходу хитрую амуницию. Кивнул кэпу, плюхнулся в пилотажное кресло. Автоматика почуяла тело — и хищно защелкала, прижала тело к ложементу: что бы ни случилось, пилот должен остаться цел. Пилот зевнул, положил ладонь на панель управления в желобе подлокотника. Все — для этого мира он больше не существует: на несколько минут он — часть корабля.

Правда, не слишком важная.

— Ну, что... Тогда — прыжок! — пожал плечами капитан.

— Подтверждаю: прыжок! — сказал навигатор. И возложил ладонь на панель — аналогичную пилотской.

Формальности соблюдены, теперь дело за кораблем.

Долго ждать не пришлось.

Миг — и все погрузилось во тьму.

Еще миг — и словно ничего особенного не произошло. Только чуть сместились звезды на огромном экране. И полез откуда-то снизу чудовищный диск газового гиганта.

Это, да еще предательская тошнота, указывало на то, что совершен прыжок — на многие и многие световые годы.

— Ловко... — довольно равнодушно сказал кэп. — Чуть в этот студень не втюхались.

— Такие координаты дали, — оправдываясь, пробормотал навигатор. Сверился с мерцающими столбцами данных. — Шестая планета системы — отсюда до Шамбалы еще

порядком ползти. Уж и не знаю — с чего такие новшества.

Никос почувствовал беспокойство. Никаких новшеств быть не должно. И Нанкес не предупреждал о подобных сюрпризах.

— Кэп! — проговорил навигатор. — Вижу корабли: сейчас выйдут из-за гиганта. Что-то мне подсказывает, что это силы безопасности...

Никос подпрыгнул, как ужаленный, подскочил к кэпу. Тот уже хмуро косился на него: оба представляли себе мысли друг друга.

Встреча с силами безопасности — событие не слишком приятное, но вполне в порядке вещей.

Только не в их случае.

— Вариант «Б»! — прошипел кэп.

В ту же секунду Никос отдал тихую, но быструю команду погрузочному автомату:

— Контейнер «G-27» — аварийный отстрел!

Корабль вздрогнул.

В тот же момент из-за горизонта гиганта вынырнуло звено патрульных кораблей. Экран тут же принял предостерегающий красный оттенок, на его фоне возникло изображение человека в летной форме.

— Внимание! Транспортное судно «Гризли!» Приготовиться к приему досмотровой команды!

«И какая же сволочь слила информацию? — лихорадочно перебирал варианты Никос. — Нет, это просто не может быть случайностью!»

И краем глаза следил, как еле заметная метка контейнера теряется на фоне ближайшего спутника планеты-гиганта...

3

— А-а, дьявол!

— Святая дева Мария! Что это было?!

Люди со стенами ползали по дну контейнера, пытаясь понять, каким образом они только что умудрились побывать на потолке. Единственная лампочка мигнула и погасла.

Вспыхнул фонарик Хорхе. Бледно подсвеченная, покрытая щетиной физиономия выражала крайнюю степень недоумения.

— Похоже, на орбиту вышли, — неуверенно сказал Мигель, потирая ушибленный локоть. — Контейнер сбросили — теперь буксир стащит с орбиты — и, считай, приехали. В порту нас примут как дорогих гостей...

— Ничего себе... — пробормотал Николас, нашарив на груди крест и поцеловав его. — Не похоже, чтобы так обходились с действительно ценным грузом.

— А по мне, так все нормально, — бодро почесываясь, заявил Пабло. — Лишь бы пожрать как следует да помыться. И свежим воздухом подышать...

— Говорят, такого чудного воздуха, как на Шамбале, — нигде нет, — мечтательно сказал Николас. — Андрес, ты опять за свое?

Андреса трясло и выворачивало наизнанку.

Неудивительно: контейнер принялся ощутимо вибрировать, нарастала перегрузка.

— Так и должно быть? — сквозь силу произнес Хорхе.

— Кто его знает, — пробормотал Мигель, безуспешно пытаясь сесть. — Может, буксир старый...

Через несколько секунд пассажиры контейнера уже не в силах были произнести ни слова. Их вжало в пол, а за прочными стенками ревела раскаленная плазма.

Автономный контейнер врезался в плотные слои атмосферы безымянного спутника газового гиганта на окраине системы Шамбалы.

Такая посадка вполне предусмотрена конструкцией: не все планеты обладают

оборудованными космодромами. А потому через пару не очень приятных для пассажиров минут контейнер снова встряхнуло: раскрылись парашюты автономной посадки.

Напоследок с воем и грохотом отработали реактивные патроны мягкой посадки, и контейнер, пусть и несколько небрежно, но благополучно приземлился.

Несколько секунд потрясенные пассажиры хранили молчание. Его нарушил Хохе:

— Все, братцы, считай, приехали.

— Слава Мадонне и Святой Троице! — проскулил кто-то из темной глубины.

Николас вполголоса забормотал благодарственную молитву.

— Ну, все, теперь осталось немного подождать, пока нас не высадят, — бодро сказал Мигель. — Это должны сделать быстро — до того, как подоспеет таможня...

— Тогда закурим... — прервав молитву, задумчиво сказал Николас.

— И мне... — дрожащим голосом попросил Андрес.

4

Однако прошел час, другой, а контейнер и не думали вскрывать.

— Что-то мне это не нравится, — сказал Хорхе. — Мне кажется — или дышать стало тяжелее?

— Еще бы! — сказал Мигель, оглядывая потолок, в котором виднелись вентиляционные щели. — Мы же отключены от систем жизнеобеспечения корабля...

— Так дело не пойдет! — хмуро сказал Пабло. — Мы просто сдохнем здесь от удушья! И биотуалет — под завязку. Еще немного — его просто изнутри разорвет!

— Давайте как-то выбираться... — нерешительно сказал кто-то.

— И сразу засветимся? — возразили ему. — Столько лететь — чтобы нас прямо из порта домой отправили?

— По-твоему, лучше задохнуться? — возразил Пабло. — А ну, ребятки, давайте попробуем дверь открыть...

Получасовая возня у торцевой стенки контейнера ничего не дала.

— Бесполезно! — сказал Мигель. — Дверь открывается только снаружи. Это же грузовой контейнер...

— Черт! — выругался Хорхе. — Но не подыхать же, сложа руки!

Взгляд его упал на разделительную перегородку с надписью «Деликатесные продукты».

— Эге... — сказал он, постукивая по матовой поверхности. — А, может, с той стороны выход есть?

— Или хоть пожрем от пуза перед смертью, — мрачно добавил Пабло.

— Не каркай! — воскликнул Николас и тайком поплевал через левое плечо. Секунду подумал — и перекрестился. — Только как мы откроем эту штуку? Здесь же замок!

— Да разве это замок? — вяло отозвался бледный как смерть Андрес. — Пустите, посмотрю... У кого там фонарик — посветите!

Он опустился на колени, разглядывая тускло мерцающие цифры на маленьком дисплее. После чего достал из кармана складной ножик и принялся ковырять им на стыке с дверью. Выглядел он довольно щедедушно, но руками работал ловко.

— Ты что, мастер по замкам? — поинтересовался Мигель.

— Ага... — слабо отозвался Андрес. — Такой мастер по замкам, что пришлось сломя голову из страны бежать — даже не посмотрел, куда меня черт несет. С другой стороны, вряд ли уголовной полиции придет в голову искать меня здесь...

Друзья сдержанно захихикали. Когда нелегально летишь на чужую планету, никогда не знаешь, кто попадется тебе в попутчики.

Замок зашипел, полыхнул синим пламенем. Раздался щелчок.

— Вот и весь замок, — скромно сказал Андрес, поднимаясь на ноги. — Вряд ли отправители всерьез на него надеялись...

— Потому и странно, что не встречаются, — проворчал Хорхе. — А ну, навались!

Перегородка ушла вверх, распадаясь на сегменты и уползая вдоль потолка. В лица нелегалов ударил призрачный свет.

— Эге... — неуверенно проговорил Пабло. — Деликатесам что, освещение нужнее, чем нам?

— Однако, странные, скажу я вам, деликатесы, — сказал Хорхе, проходя по узкому коридору между штабелями груза. — Скажите на милость, почему жратва — в оружейных ящиках?

— Что-то?! — встрепнулся Николас.

Друзья настороженно продвигались вперед.

— Ты уверен? — проговорил Мигель, нервно дергая себя за бородку.

— Более чем! — заявил Хорхе. — Я пять лет по контракту в морской пехоте прослужил. Не хочу вас расстраивать, друзья мои, но, по-моему, мы в глубокой заднице. Это оружие!

— Но ведь написано... — пробормотал Николас.

— Для нас, дураков, написано, — усмехнулся Пабло и смачно сплюнул. — Это настоящая контрабанда, братцы! А мы — просто довесок, чтобы место зря не пропадало...

— Что-то мне подсказывает — мы зря сюда влезли, — сказал Николас.

— Точно... — упавшим голосом сказал Андрес. — Нам всем перережут глотки — как свидетелям. Мама миа, вот, дернул меня черт полезть в этот проклятый ящик! Сидел бы сейчас тихонько под боком у тетки...

— Без паники! — решительно сказал Хорхе. Почесал в затылке и заявил: — Раз такое дело — принимаю командование на себя!

— Эй, морпех! — хмыкнул Пабло. — Тебе что, на службе мозги повредило?

— Заткни пасть, Пабло, — хмуро отозвался Хорхе. — А слушай лучше опытного человека. У нас два варианта: задохнуться в этом ящике или дожждаться, пока нас перебьют за чрезмерное любопытство. Лично я предпочитаю поскорее выбраться отсюда — и вообще не встречаться с хозяевами этого груза...

— Что ты предлагаешь, Хорхе? — спросил Мигель. В голове его крутились какие-то неясные пока мысли. Вид оружия пугал и возбуждал одновременно.

— Найти в этих ящиках то, что поможет нам выбраться на воздух! — решительно сказал Хорхе.

— О'кей, дружище! — легко согласился Пабло. — Давай посмотрим!

И открыл ближайший ящик.

— Мать моя женщина! — воскликнул Пабло. — Что это?!

В ароматной стружке, придерживаемая с боков мягкими держателями, лежала ракета.

— Сдается мне, это ракета, — сказал Мигель.

— Более того: ракета «Москит» класса земля-земля с ядерным боезарядом, — утонил Хорхе.

— Господи Иисусе, кому на этой беспечной Шамбале могла понадобиться атомная ракета?! — ахнул Николас. И на всякий случай снова перекрестился.

— И знать не желаю! — мрачно сказал Мигель. — Только вряд ли она поможет нам выбраться из контейнера...

— Это точно! — усмехнулся Хорхе. — Если только у вас нет срочных дел на том свете! Ищем чего-нибудь попроще!

Друзья принялись двигать тяжелые деревянные и металлические ящики, откидывать массивные крышки.

— Что это, Хорхе?

— Ранцевый пулемет класса «Паук»: надеваешь на себя — и превращаешься в шустрюю машину смерти. Отличная штука — но не подойдет — скорее друг друга поубиваем, чем наружу вылезем...

— А это?

— О! А это скорострельный ракетомет «Че Гевара». Идеальное оружие для боя в лесу — ракеты сами огибают препятствия и находят цель...

— А это?

— Это? Даже не знаю. Хрень какая-то. Но выглядит страшно.

— Хм... А зачем здесь какая-то книжка? — Пабло поднял над головой небольшой, но массивный том в металлической обложке.

— А... — протянул Хорхе. — Это же полевая Библия подразделения. Она в огне не горит, и пулей ее тоже не прострелить. Так сказать, твердыня веры.

Взгляд Николаса прояснился. Он протянул руки, воскликнул:

— Дайте, дайте ее мне! Дайте ее мне!

Пабло бросил книгу Николасу.

Библия оказалась действительно тяжелой и запиралась на крепкий замок. Тусклая бронированная обложка изображала мучеников, погибших за веру, поверх которых был накрепко привинчен граненый крест. В углу, несколько диссонируя с образом, были выбиты цифры...

— Номерная, — заглянув через плечо, пояснил Хорхе. — Такие ротному священнику под расписку выдают. В своем роде — тоже оружие...

Николас кивнул и прижал к себе заветный том.

...Искали долго. В контейнере оказался целый арсенал для маленькой мобильной армии, способной уничтожить крупный город. В конце концов, Хорхе победно поднял над головой нечто, напоминающее по виду тюбик зубной пасты, только размером побольше.

— Что это? — спросил Мигель, цепляя на ухо универсальный переводчик: на Шамбале не говорят по-испански.

— «Бубль-Бум», — отозвался Хорхе, расталкивая людей в направлении дальней стенки. — Как раз то, что нужно...

Хорхе принялся выдавливать из тюбика густую желтую массу — аккуратно по контуру наглухо запертой двери.

— А ну — все назад! — скомандовал Хорхе, и люди попятись в глубь контейнера.

Тихо запели сервоприводы: это Пабло, словно паук лапами, пошевелил восемь стволами ранцевого пулемета, направив их в сторону выхода. На всякий случай...

Некоторое время ничего не происходило. А потом ядовито зашипело — и дверь, дымя оплавленными краями, просто вывалилась наружу.

Усталые люди ожидали чего угодно: полицейских сирен, бандитских пуль, мертвой тишины пустого космодрома...

Только не огромной оскаленной пасти, что ринулась прямо в открывшееся пространство контейнера.

Раздался страшный рев и полный ужаса многоголосый вопль. Звуки эти едва ли перекрыл грохот «паука».

Даже когда патроны в заплочных ящиках закончились, Пабло продолжал нечеловечески орать и наживать гашетки.

Изуродованная пасть, истекая кровью, загораживала выход.

— Чтоб я сдох! — выдохнул Хорхе. — Однако, брат Пабло... Патроны, все-таки, лучше побережь...

5

Лишь тогда, когда деятельный Мигель обнаружил в залежах оружия тактический полевой навигатор, положение несчастных нелегалов стало ясно со всей кошмарной безнадежностью.

— Это Прорва, третий спутник Атланта, — тыча пальцем в мерцающий экран, говорил Мигель. — Не знаю уж, почему нас сбросили сюда. Наверное, по ошибке. Но, думаю, это

самое страшное, что только могло с нами случиться...

— Это еще почему? — мрачно отозвался Пабло. — Разве контейнер не будут искать?

— Может, и будут... — с сомнением произнес Мигель. — Да только сюда вряд ли сунутся. Исследования Прорвы прекратили после гибели шести экспедиций. Это агрессивная среда оранжевого уровня. Хорошо, хоть атмосфера пригодная...

— Откуда ты все это знаешь? — усомнился Пабло.

— Да вот же — все данные! — постучал по экрану Мигель.

Тут же, словно иллюстрируя его слова, снаружи раздался чудовищный визг, контейнер тряхнуло, что-то заскрежетало по металлу обшивки. Тут же зарокотал импульсный термобой Хорхе: он что-то высматривал в ночной темноте через прилипший к глазу тепловизор. Рядом неловко постреливал в темноту какой-то юнец.

— И кто, скажи на милость, будет искать на такой страшной планете несуществующих нелегальных мигрантов? — усмехнулся Мигель.

— Это точно, — мрачно кивнул Николас. — Никому мы не нужны. Кроме Господа...

И погладил лежащую на коленях Библию.

— А оружие? — тихонько вставил Андрес. — Оружие, думаете, бросят?

— Оружие может и подождать, — заметил Мигель. — В отличие от нас, оно есть не просит...

Друзья помолчали, прислушиваясь к своим урчащим желудкам. Припасы подошли к концу, воды тоже почти не осталось. Хороший повод впасть в отчаяние.

— С другой стороны — у нас есть оружие, — прищурился Пабло. — А значит, есть шанс продержаться...

— Кстати, передатчиков ты не нашел? — добавил Андрес. — Должны быть — раз такой объемный комплект...

— Они-то и есть, — тоскливо сказал Мигель. — Только тактические — до средней орбиты...

— Ладно! — решительно заявил Пабло. — Хватит разговоров! Нужно найти воду. А сожрать пока можно и этого крокодила...

Он кивнул в сторону расстрелянной им зубастой твари. Даже мертвая, та наводила ужас и издавала отвратительное зловоние.

Друзей передернуло. Николас осенил выход крестным знаменем.

Андрес снова всхлипнул, готовый разразиться жалобами. Но Пабло не дал тому произнести и слова, крепко хлопнув по плечу:

— Кто со мной — на разведку? Как раз — светает...

6

Кроме Хорхе и Пабло идти вызвались освоившийся с автоматом юнец и молчаливый старик, взявший лишь легкий ракетный карабин с оптическим прицелом. На юнца мигом навесили опустевшие канистры из-под воды.

— Не слишком ли легко вооружился, папаша? — снисходительно поинтересовался Пабло, нацепивший полюбившегося «паука». — Что эта «пукалка» — против здешних-то монстров?

— Я старый человек, мне тяжести носить ни к чему... — отмахнулся старик.

Хорхе сверился с окошком универсального прицела-навигатора, нависающего аккуратно у правого глаза. Решительно мотнул головой.

Николас с самым серьезным видом перекрестил уходящий отряд своей полевой Библией. К его чудачествам уже привыкли.

Провожаемые беспокойными взглядами оставшихся, смельчаки двинулись в туманную мглу.

Здесь царили совершенно невообразимые джунгли. Трава (или нечто, напоминающее траву) доставала до пояса, норовя прихватить за ноги, гибкие стебли то и дело пытались

сделать подножку. Тонкие, переплетающиеся стволы уходили в облачный кисель, туда, где безвольно свисали с ветвей обрывки парашютов.

Вокруг что-то копошилось, шуршало, булькало, издавало самые неприятные звуки. Напрасно Пабло вглядывался в интеллектуальный прицел в стремлении определить цель: вокруг просто кишела жизнь, и отделить опасный символ от незначительного было невозможно.

Экспедиция закончилась так же быстро, как и началась: откуда-то сверху в густой шевелящийся мох плюхнулся длинный и тонкий язык.

Дзын-нь! — и юнец унесся в небо, словно его поддели ударом хлыста. Вниз посыпались пустые канистры — и тут же пошел мелкий дождь.

Пабло рассеянно подставил ладонь: ее усеяли мелкие красные капельки.

Кровь...

— А-а-а! — в ужасе заорал он и принялся почем зря палить прямо в зенит.

— Прекрати! — крикнул Хорхе.

Но тут же точно такой хлыст поддел его, подбросил метров на пять в воздух...

И уронил: старик сделал единственный точный выстрел по жуткому «языку».

— Назад! — пробормотал Хорхе.

Никого не пришлось уговаривать: отряд, лишившийся бойца, с позором удирал прочь.

Прорва, однако, не захотела оставить их в покое. Словно в назидание за легкомыслие, швырнула в них стаей чудовищных крылатых насекомых с жалами, размером с водопроводный кран. На этот раз «паук» показал свою абсолютную неэффективность — он лишь взбивал воздух вокруг вертких убийц.

И только старик, одного за другим, ловко снимал тварей, норовивших всадить острую трубку в черепа товарищей.

Друзья буквально ввалились в контейнер. И тут же Мигель окатил ближайшее пространство широкой волной раскаленной плазмы из станкового испарителя.

Страшные насекомые осыпались пеплом, и в ту же минуту люди дружно потянули за тросы, с грохотом водрузив на место легкомысленно оторванную крышку своего убежища...

7

Ночь обещала быть невеселой. Люди молчали — то ли от усталости и голода, то ли от пережитых потрясений.

Еще двое успели сгнуть в дебрях Прорвы, решив справить нужду на свежем воздухе, да одного выдернул прямо из контейнера пронырливый тонкий «язык».

Одно было ясно: шансы выжить — практически на нуле.

Мигель сидел некоторое время, уставившись в одну точку и размышляя о превратностях судьбы, толкнувших его, образованного, в общем, человека, на поиски сомнительных заработков. Тогда, во время беседы с хитрым вербовщиком, предприятие, казалось, сулило неисчислимые выгоды. А бегство с перенаселенной Земли виделось единственно возможным выходом из тупика...

...Наверное, он заснул. Иначе откуда взялись эти нереальные, тихие голоса?

— Вы пришли...

— Спасители и защитники...

— Мы долго молились — и вы пришли...

Мигель протер глаза, пощупал лоб — вроде не горячий.

— Защитники и спасители... — снова прошептали призрачные голоса.

— К-кто это? — пробормотал Мигель.

— Это мы... — охотно отозвался голос.

— Мы? — озираясь, пробормотал Мигаль. Друзья вокруг беспокойно спали. Один только старик дежурил у входа со своим карабином.

— Ты смотришь на нас, о Спаситель...

Мигель смотрел прямо в мягкую стену.

— Я... Я не вижу вас... — признался Мигель.

— Мы прячемся... — сказал голос.

— От кого?

— От всех... Мы боимся...

Мигель подумал, что сейчас, пожалуй, самое время сойти с ума. Но отчего же не поговорить с призраками, раз уж все равно недолго осталось?..

— А чего нас бояться? — довольно развязно сказал Мигель. — Мы же Защитники...

— И Спасители! — добавил голос. — Хорошо, мы покажемся... Только не обижайте нас...

Мигель нервно пожал плечами:

— И вы — тоже...

Часть стены вдруг вспучилась, и от нее отпочковались две вполне человекоподобные фигуры. Они присели на корточки и медленно поменяли облик: теперь они были точными копиями Хорхе.

— Черт возьми... — пробормотал Мигель, понижая голос. — Вы что — жители этой планеты?!

— Да... — с некоторым запозданием ответил один из лже-Хорхе. — Мы — жители...

— Как же я вас тогда понимаю? — пробормотал Мигель и нащупал на ухе присоску универсального переводчика. — Ах, да... А почему про вас до сих пор не знают те, кто прилетал раньше?

Лже-Хорхе переглянулись, и один сказал:

— Те не были Защитниками.

— Они стреляли во все, что видели... — добавил второй.

— ...и что не видели — тоже...

— Погибли многие из нас. А мы — просто искали защиты.

— Потому что все время боимся.

— И прячемся...

— Спасибо, что спрятали наше племя...

Мигель изумленно уставился на аборигенов:

— Ваше племя?

— Да...

К изумлению Мигеля, от стен осторожно отпочковалось с пару десятков тел — и снова слилось с нехитрым интерьером.

— Мы не спросили разрешения — и нам стыдно, — признался Лже-Хорхе. — Но мы очень боялись Большого Буку...

— Кого?!

Переводчик, наверное, взял это название, что называется, «от балды».

— Большого, страшного, с зубами. Он плохо видит, но может находить нас по запаху. А вы его убили. Вы — Защитники...

— Мы хорошо прячемся, но у нас нет такого оружия...

— Спасибо за то, что пришли защитить нас...

8

Когда тебе нечего есть, и ты умираешь от жажды, некоторые вещи просто перестают удивлять.

После кошмарного дня накануне друзья-нелегалы приняли удивительных аборигенов, как дар божий. Тем более что те легко согласились раздобыть воды и немного еды. Едой оказались отвратительного вида насекомые, но вода — вполне пригодной для питья. К тому же в оружейном Клондайке обнаружили армейские аптечки, а в тех — таблетки для

обеззараживания воды.

Напившись, принялись за более обстоятельную беседу с аборигенами, которые сами себя называли просто «люди» (точнее — так их называл переводчик). С легкой же руки Пабло тех прозвали «стэлсами».

— Неужто, так и живете — все время прячетесь, меняете окраску и форму? — жадно интересовался Мигель.

— Нет-нет, только окраску, — говорил вождь стэлсов. — У нас кожа такая. Странно, что вы, столь похожие на нас — не обладаете таким качеством. Как же вы прячетесь от врагов?

— Мы не прячемся, — заявил Пабло. — У нас есть «пушки».

— Только они не всегда помогают, — мрачно добавил Хорхе.

Когда первое впечатление от удивительных свойств стэлсов схлынуло, оказалось, что они — вполне себе материальные существа. Более того — практически неотличимы от людей, а может, и люди в принципе. А на ярком свету свойства их кожи давали сбой, делая мутные силуэты вполне заметными. Одежды они, разумеется, не носили, иначе бы это сводило «на нет» все преимущества их маскировки. Но, как понял Мигель, невидимостью особенности кожи аборигенов не ограничивались: она постоянно шелушилась, опадая невидимой пылью, в случае необходимости, сбрасывая опасное тепло, по которому их могли обнаружить в темноте ночные хищники...

«Как ложные цели у самолета», — заметил Хорхе.

Вождя этого племени переводчик окрестил ЧиКри. В расслабленном, то есть зримом состоянии, тот был сух, жилист, невысок, а лицо имел морщинистое, с пронзительно тоскливым взглядом. У него имелось оружие — охалка длинных тонких, пропитанных ядом игл, сделанных, вроде бы, из того самого хищного «языка», только тщательно высушенного. Иглы эти соплеменники Чи-Кри метали довольно далеко и с удивительной точностью. Опытный Хорхе даже предположил, что иглы эти все еще живы и оттого слегка «самонаводящиеся». Правда, против некоторых хищников любое оружие местных было бессильно — и тогда им приходилось бросать нехитрую амуницию и, повинаясь своей странной природе, сливаться с местностью...

...Первую личинку из принесенных даров Мигель проглотил с невероятным усилием. Ему даже показалось, что та теперь поселится внутри и будет расти, пока не разорвет его тело, как в каком-то ужасном фильме... Но, разделявая летучую панцирную тварь, вошел во вкус. Она напомнила ему омара. Были в жизни такие времена, когда он мог позволить себе такую роскошь...

— А неужели здесь нет мест, где нет нужды прятаться? — обгладывая панцирь, спросил Мигель. — Здесь везде джунгли и хищники?

— Да, — кивнул Чи-Кри. — Говорят, однажды, очень давно, была гроза, и огнем выжгло большие пространства. И там было почти безопасно: ни Бука, ни Летучие Кровососы туда не совались. Но все заросло так быстро, что не успело и поколение вырасти. Мы пытались поджечь лес — но у нас ничего не выходит — духи не хотят, чтобы он горел...

Хорхе прищурился, задумчиво обвел взглядом товарищей.

— Не хотят, говоришь?..

9

Ракета типа «москит» тупо паялилась в небо.

Хорхе ковырялся с пультом, задумчиво чесал в затылке. Мигель нервничал: не слишком хотелось бы ошибиться с расчетами, когда запускаешь пусть маленькую, но все-таки ядерную ракету.

— Не волнуйтесь, все будет тип-топ! — уверял Хорхе. — «Москит» не оставляет радиоактивного фона. Ну, почти не оставляет. По крайней мере, не сдохнем, если будем вовремя глотать пилули из комплекта...

— Ну-ну... — скептически произнес Пабло, оглядывая окрестности: не хотелось бы, чтобы визит какого-нибудь Большого или Малого Буки испортил праздничный фейерверк.

Словно ниоткуда возник вождь стэлсов. Каким-то чутьем Мигель научился различать аборигенов. Это очень важное качество, если хочешь добиться у них авторитета. А Мигелю отчего-то этого очень хотелось.

— Приветствую вас, о, Защитники! — произнес он почтительно, но с достоинством. — Племена ушли с мест будущего Пожарища...

— Тогда — чего тянуть? — сказал Хорхе и вдавил кнопку.

Ракета с грохотом ушла в небо.

И тут же, как по команде, на нее со всех сторон запоздало метнулось множество летучих тварей. Видимо, стремительное сигарообразное тело пробуждало нешуточный аппетит у местной живности. К счастью, скорость «москита» была достаточной, чтобы хищники лишь зря лязгали челюстями, сгорая в реактивной струе...

Стэлсы благоговейно следили за растворяющимся в густых облаках белым следом.

— Эй, вы! — вдруг встрепенулся Хорхе и ткнул пальцем в направлении, куда унеслась ракета. — В ту сторону — не смотреть!

...Никогда еще этот мир не видел столь яркого света.

С суеверным страхом стэлсы смотрели вверх, где сквозь проявившиеся в облаках дыры показался гигантский диск Атланта...

— Велика твоя сила, Господи, — воздев к небу Библию, воскликнул Николос и истово перекрестился.

Аборигены поглядывали на него со страхом и интересом. Что-то притягательное было в этом человеке, который рассказывал удивительные истории, прячущиеся, по его словам, в этом маленьком ящике, распадающемся на множество шелестящих листьев.

10

Это был Великий поход. Друзья так и решили его назвать для потомков — если таковым когда-нибудь придется случиться.

Далеко впереди и по флангам бесшумно крались разведчики стэлсов. Они должны оповещать о серьезных угрозах и устранять мелкие — вроде шмелейубийц и коварных лиан-«языков». Мигель пытался научить разведчиков пользоваться рациями — но без толку: говорящие камни вызывали у аборигенов суеверный страх.

По центру, напоминая древнего бога смерти, вышагивал Хорхе, до предела обвешанный оружием. Он обнаружил единственный, но мощный робокостюм и теперь тащил на себе ракетомет «Че Гевара», спаренный огнемёт «Шницель», самонаводящуюся пулеметную установку «Смурай» и флягу текилы. Как он умудрился ее сохранить в течение полета — загадка.

Вокруг него вертелся Пабло со своим неразлучным «Пауком», чуть в отдалении двигался флегматичный старик с карабином.

А впереди людей, сурово сдвинув брови, гордо вышагивал Николас. В одной его руке был скорострельный армейский пистолет с лазерным прицелом, в другой, будто выставленный перед собой щит, он сжимал полевую Библию. По его пятам незримо плелись трое аборигенов — из тех, кого Николас уже успел увлечь короткими сбивчивыми проповедями. Жизнь в лесу скучна и полна опасностей. А здесь — целая куча волшебных историй про Главного Спасителя, которому поклоняются даже сами Спасители и Защитники...

Все прочие нелегалы, а также множество призванных вождём стэлсов тащили ящики с оружием и все добро, которое только можно было унести из контейнера.

Умудрились даже содрать с деревьев парашюты — ткань была передана стэлсам в качестве дара. Как ею пользоваться, аборигены не знали, но объявивший себя миссионером

Николас обязался провести ликвидацию безграмотности.

Чуть позади Николааса задумчиво шел Мигель.

В руках у него не было оружия, лишь палка, которой он нащупывал в траве дорогу, да армейский пехотный шлем на голове. Только отчего-то ему казалось, что идет он в начищенной кирасе, со шпагой в руке, а над гребнем сверкающего шлема развеваются разноцветные перья...

11

Путь был невероятно далек, тяжел и опасен. Ужасные сюрпризы подстерегали экспедицию на каждом шагу.

...И тогда, когда, разметав дозор стэлсов, на людей напала стая пауко-волков. Только реакция Хорхе, да самонаводящиеся ракеты «Че Гевары» позволили отделаться всего парой жертв.

...И тогда, когда объявился Большой Бука — долгих два дня крался по пятам, пока к нему не присоединился Еще Более Большой Бука. Сжавшись в тесную кучу, люди ждали, когда у хищников лопнет терпение.

Терпение же лопнуло у Пабло: с воплем он вошел в джунгли — и вышел обратно из клубов дыма, оглушенный грохотом своего «паука». Николаас торжественно возложил ему на голову Библию — и Пабло уже не смеялся над приятелем. Аборигены, раскрыв рот, наблюдали за удивительной процедурой чествования героев. Все они уже знали, что есть такое — Слово Божие, только не могли взять в толк — как оно действует. А теперь увидели, поняли — и по-детски потянулись к падре...

...И тогда, когда попали в ловушку, окруженные стенами из чудовищной паутины. Стэлсы пали ниц от ужаса и обреченно заявили, что из логова страшного Ж-ж еще никому не удавалось спастись. Николаас заставил аборигенов молиться вместе с ним, а Хорхе даже не стал выяснять — как же выглядит этот загадочный Ж-ж — а просто выжег из спаренного огнемёта пространство на двести метров вокруг. И, на всякий случай, отправил ракету в нечто, напоминающее нору...

Потом пришлось спасаться от самими же созданного пожара...

...Через несколько дней, совершенно измученные, они вышли на опушку кошмарного леса. В словаре стэлсов даже такого слова не было — «опушка».

И представшее перед ними огромное, пустое и черное пространство вызвало в них изумление и желание вновь пообщаться с падре Николаасом. Почва под ногами казалась еще теплой после недавно бушевавшего здесь ада.

— Радиация в пределах нормы, — сказал Мигель, сверившись с данными навигатора.

— «Москит» — отличная система, — отзывался Хорхе.

Мигель вышел вперед, упер руки в бока, по-хозяйски осмотрелся.

— Ну, что ж, господа гостарбайтеры, — сказал он торжественно. — Вы летели строить дорогие виллы на Шамбалы. Теперь же придется строить здесь. На этот раз — счастливый новый мир...

— Не впервой, — усмехнулся Хорхе, почесывая Че Гевару на потном брюхе.

12

Мигель расслабленно сидел в шезлонге из гибких прутьев, наблюдая, как быстро, будто сами по себе, растут стены форта.

Даже здесь, на огромной выжженной равнине, аборигены не могли избавиться от привычки к маскировке. Хотя, они, пожалуй, и правы: смертельные джунгли медленно, но верно напоздали на Плешь. Не пройдет и года, как нужно будет придумать что-то новенькое: второго «москита» неизвестные благодетели не предусмотрели...

Подошел Пабло. Он сейчас выполнял роль прораба.

— Слушай, Мигель, эти ребята — просто прирожденные строители! Прямо на лету схватывают! И посмотри — какая качественная кладка!

— Жаль, что хорошего подряда никто не подкинет, — усмехнулся Мигель. — А строительного материала уйма, все под ногами, знай только режь на блоки...

Пабло рассмеялся и отправился к своим новым рабочим. На его пути воздух чуть дернулся, и проявились многочисленные фигуры стэлсов: быть видимыми — значит проявлять уважение к Спасителям и Защитникам.

У Мигеля мелькнула какая-то отстраненная мысль, но тут же пропала: ее реализация возможна только при благополучном спасении с этой планеты. А такового пока не предвидится...

Форт увеличивался в размерах. Скоро он станет настоящей крепостью, которой, в общем-то, и джунгли не страшны.

А еще он важен совсем для другой цели: он должен стать чем-то, вроде пирамид для древних землян.

Аборигены, получившие защиту и безопасность, должны видеть и ценить могущество своих Спасителей. Это еще не совсем религия, но неплохо было бы закрепить успехи.

И похоже, как никому другому, это удастся Николасу. Вот, кстати, и он.

— Приветствую, дон Мигель! — приветливо вскинул руку Николас.

— Салют, падре! — улыбнулся Мигель и поднялся.

Он знал, что со всех сторон наблюдают невидимые стэлсы. Авторитет религии стоило поддерживать.

Бывшие нелегалы здорово изменились за последнее время. Все-таки власть — пусть даже над дикарями — здорово поднимает людей в собственных глазах. Тут, главное, соблюсти меру.

— Я по тому же вопросу, — сказал Николас, похлопывая ладонью по Библии. В металле обложки была заметная вмятина: однажды Писание спасло Падре от жала летучей твари. — Мне бы рабочих — на строительство храма.

Мигель ждал этого разговора.

— Николас, я подумал и решил вот что... Церковь — это, конечно, хорошо. Но маленькое, отдельно стоящее здание только отвлечет ресурсы. Пусть это будет часть крепости.

— Как это?

— Ну... — Мигель задумчиво погладил бородку, в которой уже успела появиться проседь — давали знать перенесенные потрясения.

— Пусть строят, скажем... Пирамиду.

Лицо Николаса странно вытянулось.

— А сверху — крест поставим, — поспешно добавил Мигель.

— Но зачем? — ошарашенно спросил Николас.

— Авторитет. Власть. Понимаешь? — Глаза у Мигеля на миг вспыхнули страстным огоньком. Или это просто очки блеснули? — Когда они увидят величие наших построек, мы сможем подчинить всех стэлсов. Согласись — без их помощи нам здесь не выжить...

— Но я не понимаю...

— Нельзя им давать расслабляться, — пояснил Мигель. — Как только чудеса, вроде мощного оружия, войдут в привычку — все, конец нашей власти... И в твоём учении, Николас, тоже начнут сомневаться...

— С чего ты взял?

— Я же бывший историк, Николас, — улыбнулся Мигель. — Если бы на Земле кого-то еще интересовала история — разве б я подался в разнорабочие?

— Хорошо, — сказал Николас. — Идея интересная, я подумаю...

Падре величественно удалился, и его длинные волосы развевались на ветру, как у древнего мессии.

...А в голове Мигеля скакали разъяренные лошади и храбрые конкистадоры покоряли варварские племена. Наверное, это голоса предков, когда-то приплывших из-за океана на утлых суденышках и крохотной горсткой покоривших целые народы...

Черт возьми — а может, это просто перст судьбы — что они так удачно оказались в этом странном мире? Может, так предначертано ТАМ?!

Только по странной иронии судьбы потомок гордых конкистадоров прибыл в новый мир не грабить и разрушать.

Он учил строить.

Иногда важнее быть простым рабочим, чем родовитым идальго. Есть в этом какой-то глубинный смысл.

— Приветствую, дон Мигель! — мимо, приподняв шляпу, прошел старик с карабином.

— Куда вы, отец? — поинтересовался Мигель, со стыдом понимая, что до сих пор не знает его имени.

— В джунгли. Поохочусь немного, — сказал старик. — А то что-то скучно стало.

— Один — в джунгли? — поразился Мигель.

— Не беспокойся, о Великий Спаситель, — словно бы ниоткуда донесся голос Чи-Кри. — Рядом с ним — двадцать опытных охотников. Разве можно позволить, чтобы с Защитника упал хоть один волос?..

13

Небольшой грузовой корабль «Каролина» приближался к мрачному миру под названием Прорва.

Никос Краг обливался потом. Он очень волновался: знающие люди сообщили о подозрительной вспышке на одном из спутников Атланта. Нет сомнения, что патрульные корабли Шамбалы рано или поздно отправятся проверять информацию: повстанцы никак не желали покоя на райской планете и готовили на периферии разного рода козни.

Поскольку груз так и не был передан надлежащим образом, ниточки непременно потянутся к Никосу. Или, еще хуже — к Нанкесу. А это мстительное животное не простит провала.

Главное — уничтожить контейнер, который непременно выдаст свою принадлежность к «Гризли».

Да — там еще эти нелегалы... Но вряд ли кто выжил в джунглях Прорвы. Про это место рассказывают просто кошмарные вещи...

Пилот вел корабль на сигнал аварийного маяка. Такая штука есть на каждом контейнере G-класса и может работать годами. А тут прошла всего-то пара месяцев...

— Есть! — сообщил пилот. — Засек! Иду на снижение!

— Давай, давай! — нетерпеливо сказал Никос.

Корабль вошел в атмосферу. Тряхнуло.

— Вижу большое сооружение, — сообщил пилот. — Хм... На пирамиду похоже...

— Что?! — изумленно произнес Никос. — Какая, к дьяволу, пирамида в этом аду?

Он уставился в экран.

Действительно: увеличение показывало нечто похожее на ступенчатую пирамиду — аккурат посреди подозрительной проплешины...

Откуда-то оттуда и шел сигнал радиомаяка.

Так и есть: сели не в обещанных джунглях, а на обширной, гладкой, как стекло, площадке.

Техники облачились в тяжелые скафандры — без них соваться на поверхность Прорвы было бы крайне неосмотрительно.

Всего лишь нужно — заложить заряд в контейнер и подорвать его с орбиты. И все — никаких следов.

Впрочем, если груз цел — можно попытаться и вывезти. Однако никакого контейнера не видно...

Грузовая платформа с техникой и бомбой опустилась к поверхности. Никос следил за процессом на большом экране.

Каково же было его изумление, когда из-под корабля вынырнула скалящаяся в улыбке небритая рожа!

— Эй, привет! — восторженно заорал незнакомец, и динамики донесли голос до уха Никоса Крага. — Наконец-то вы за нами прилетели! Это просто чудо! Я вас заранее обожаю! Погодите, не вздумайте улететь — я ребят позову!

— Это еще что за новости... — пробормотал Никос. Кивнул стоявшему рядом молчаливому мордовороту. — Чоко, пойдй, разберись с этим клоуном! Чтобы никаких свидетелей!

— Разберись — значит «убей»? — проговорил за спиной странный голос.

Никос выхватил пистолет, Чоко передернул затвор компактного автомата. Обернулись, неуверенно оглядывая рубку.

Посторонних не было.

— Так нельзя говорить про Спасителей! — назидательно произнес голос.

Оружие, будто само собой, выскочило из рук, ноги подкосились.

Никос Краг лежал рядом с Чоко на металлизированном полу, связанный, и, глядя в округлившиеся глаза пилота, безумно хохотал.

14

— Вышли из прыжка! — сообщил пилот.

Он все еще опасливо поглядывал на этих странных дикарей с противоестественными способностями. Хорошо хоть оружие они решили выкинуть за борт...

— Где, где она — Земля?! — крикнул Пабло.

— Вон тот маленький диск! — Мигель ткнул пальцем в экран.

— Меня сейчас стошнит, — пожаловался Андрес.

— Это он от счастья, — пояснил Пабло пилоту.

— Святая дева Мария! Я сейчас заплачу, — всхлипнул Хорхе.

— Это все потому, братья, что мы усердно молились! — сообщил Николас, бережно обнимая полевую Библию.

Это действительно было похоже на чудо: они возвращались живыми из самого настоящего ада.

Да, мечты о счастливой Шамбале так и остались мечтами.

— Внимание! — раздался суровый голос, и обзорный экран замигал предупредительным красным. — Сухогруз «Каролина», приготовиться к принятию досмотровой команды!

Друзья молча переглянулись. Они заметно нервничали.

...Пограничники были явно разочарованы. Видимо, этот корабль пользовался не самой хорошей репутацией, и лучшей находкой для пограничников была бы, пожалуй, какая-нибудь ракета типа «москит».

Но пустынный грузовой отсек говорил сам за себя. Досмотровая команда неторопливо прогулялась по нему, офицер протянул пилоту разрешительный лист.

— Благодарю за сотрудничество! — сухо сказал офицер, направляясь к шлюзовому отсеку.

Лишь когда пограничный корабль, накренившись, ушел в сторону, Мигель снова направился в грузовой отсек.

Он возвращается на Землю. Рад ли он этому? Трудно сказать.

Он летел за работой и богатством — а нашел совершенно иное. Как его давние предки,

вместо обжитой и богатой Индии обретшие новый континент, а вместе с ним — опасности, приключения, власть.

Странно — но Мигель уже начал тосковать по своему новому миру. Наверное, оттого, что, несмотря на все лишения, там он был Защитником и Спасителем.

А потому — он обязательно вернется.

Воздух грузового отсека подернулся маревом — и проявились десятки таких же, как он, Мигелей.

Все, как на подбор — уже опытные, первоклассные строители, готовые работать круглосуточно за одну лишь пищу и похвалу Спасителя. Им не требуется регистрация, они не подлежат налогообложению.

Потому что их, как бы, и нет вовсе.

Идеальные нелегалы.

Близнецы смотрели на землянина как на живого бога.

— Ну, что, друзья! — весело сказал Мигель. — Все прошло идеально! Мы начинаем наш новый бизнес: поставку рабочей силы в космических масштабах! На этот раз обратно — на Землю!

— А там, на этой Земле — не очень страшно? — осторожно спросил Чи-Кри.

Мигель похлопал вождя по плечу и рассмеялся самым счастливым смехом:

— Эх, ребята! Да у нас, на Земле — настоящий рай! Поверьте — теперь уж я это точно знаю.

Алла Гореликова **День в дождливом декабре**

Перед рассветом пошел дождь. Тяжелые капли стучались в единственное оконце старой метеостанции; сквозь разошедшуюся раму натекла на подоконник лужа, и сидящая в слишком тесном горшке морочница торопливо дорашивала воздушные корни. Морочница хотела добраться до воды — настоящей дождевой воды, а не поганого дистиллята — и наконец-то расцвести. Хозяин станции, натянув защитные перчатки, собирал воду старой губкой. Как всегда по утрам, был он хмур, неуклюж и молчалив, и в почти бесцветных старческих глазах плескалась недозапитая с вечера тоска.

Дождевой фронт накрыл и Зурбаган. Хлынуло внезапно, однако привычные горожане успели разбежаться по укрытиям; те же, кому посчастливилось оказаться дома, задраивали ставни, переключали местное вещание на аварийный канал и готовились к долгой скуке — зимние дожди меньше недели не идут. Плиточные тротуары отражали низкое небо, на поверхности темных луж плавали воздушные пузырьки, предвещая затяжную непогоду. Ливневка быстро наполнилась доверху; мутный поток несясь вдоль улиц, вихрясь водоворотами в стоках, разбиваясь пенными бурунами о деревья и фонарные столбы, колотясь прибоем о высокие ступени домов.

— Мерзкая планетка, — поморщился, отходя от окна, зурбаганский губернатор. — Мерзкая, мокрая, паршивая планетка.

Тяжелые ставни щелкнули, оставив непогоду снаружи; засияла мягким светом старомодная хрустальная люстра, бокалы с вином раскидали по белоснежной скатерти кровавые блики.

— Синоптики здесь бесполезны. Никто не предупредит вас о... о таком, — гладко выбритый подбородок губернатора дернулся в сторону задраенного окна. — На ближайшую неделю жизнь колонии парализована. В лучшем случае на неделю. Но скорей всего, лить будет весь декабрь. Самый противный месяц.

Губернатор опустил в кресло, взял бокал. Взглянул на гостя: мельком, вскользь, с тем же тоскливым чувством, с каким смотрел на переполненную ливневку и пенные буруны у

столбов.

— Вам повезло. Вовремя добрались. Еще немного, и хватанули бы дозу. Пейте, здесь это нужно. Профилактика.

Сидящий против хозяина кабинета молодой человек — типичный «корпоративный планктон», прилизанные волосы, костюмчик-галстучек-очечки, — равнодушно повел плечами. Спросил, отхлебнув вина и одобрительно кивнув:

— Почему вы не установите над городом поля?

— Я полагал, — ядовито заметил губернатор, — что в такой солидной компании, как ваша, принято знакомить экспертов с местной спецификой *до* командировки.

— И все же? — В голосе гостя появился нажим: легкий, чуть заметный, но...

Слишком хладнокровен, подумал губернатор. Документы его наверняка фиктивные. Молодой специалист, первая командировка — да, конечно! Больше послать некого было. На Зурбаган — юнца лопухого. От «Герона»! Юнцу этому наверняка лет восемьдесят, администратор высшей категории, аудитор первого разбора, сам себе телохранитель, десяток смежных специальностей на всякий случай и картбланш два нуля в записке. Моргнуть не успеешь, как приберет колонию к рукам.

Разрешить легкому вздоху сорваться с губ: пусть себе гостюшка считает, что ему уступили.

— Затратно. Генераторы пришлось бы держать постоянно включенными: местная биосфера слишком активна, остаточным фоном ее не отпугнуть. Герметичные убежища и дешевле, и проще. К тому же по-настоящему опасен здесь только дождь. И только зимой, когда цветет морочница.

— Колония в герметичных убежищах, — гость презрительно хмыкнул. — Через полтора века после заселения.

— Нам приходится считать деньги. За полтора века здесь натворили достаточно глупостей; мы не хотим повторять чужие ошибки.

— Полтора века назад еще не было надежных технологий корректировки биосферы, но сейчас...

— О чем вы говорите?! — вскинулся губернатор. — Какая корректировка?! Малейшее вмешательство — и мы рискуем потерять то, ради чего здесь сидим.

— Ну, это еще надо доказать, — пробормотал эксперт «Герона». Все-таки юнец, решил губернатор. Более опытный, чем прикидывается, но — юнец. Новые технологии, «мы не можем ждать милостей от чужой природы», энтузиазма немерено, а вот мозгов... Все-то им вынь да положь, на блюдечке с зеленой каемочкой.

Доказывайте, едва не сказал губернатор. Но — сдержался. Уж он-то достаточно пожил, чтобы усвоить: оставить за собой последнее слово — еще не победа. Далеко не победа. Более того, весьма вероятный шаг к поражению.

Вместо этого губернатор отхлебнул еще вина и спросил:

— Чем же мне вас занять на период вынужденного бездействия? По такому ливню вы не доберетесь и до старого периметра, не то что на плантации.

Гость поднялся, взглянул на губернатора сверху вниз:

— Я — доберусь. И до периметра, и на плантации, и по станциям, уж будьте уверены. В мои задачи, господин губернатор, не входит ознакомление с достопримечательностями вашего милого городка.

— Это опасно.

— Ничуть. С хорошим вездеходом и квалифицированной командой... — В голосе эксперта вновь явственно мелькнуло презрение: мол, совсем вы тут от прогресса отстали.

— Ну что ж, — на этот раз губернатор не стал сдерживать антипатию, — желаю удачи вам, вашему вездеходу и вашей квалифицированной команде.

И снова гость пропустил яд мимо ушей. Отклонялся по всем правилам корпоративного этикета, пообещал сразу по возвращении появиться: «Развеять ваши опасения, господин губернатор», — усмехнулся, вновь оставив за собой последнее слово. Вышел стремительной

походкой занятого человека, оставив после себя легкий запах молодежного одеколona и — наверняка! — с десяток «жучков».

— Наш гость намусорил, — брезгливо сказал губернатор. — Прибери.

Эксперт «Герона» чуть заметно улыбнулся. Он ждал этой фразы, завершающей в губернаторских глазах образ самонадеянного юнца. Разумеется, умный человек не стал бы подкидывать жучки ни в кабинет — кстати, наверняка не рабочий! — ни на одежду, ни даже в волосы или на кожу губернатору. Хотя бы потому, что обнаружить их и снять — дело четверти часа. Но — имидж обязывает.

Роскошный кабинет, мигнув на прощанье, исчез с экрана «сетевушки». Молодой человек — впрочем, губернатор был прав в том, что его гость далеко не так молод, как выглядит, — поправил очки, принаравливаясь к новой картинке, и вызвал командира группы поддержки.

— Подбирайте меня, выезжаем. Жду в губернаторском гараже.

— Пять минут, шеф, мы на подлете!

— Отлично.

Зурбаганцы хорошо устроились, думал эксперт, дожидаясь вездехода. Сто с лишним лет лавировать между «Героном» и «Медиклом», играть ценами, грести сверхприбыли. И они еще строят из себя бедненьких! Деньги им считать надо! Надо, точно. Считать и пересчитывать, когда собьются. Ничего, господин губернатор, кончилось ваше время. «Медиклу» пришел конец, и теперь диктовать условия будет «Герон». Мы еще и вашу планетку купим. По дешевке. Вашу мерзкую, мокрую, паршивую планетку, на которой льют мутагенные дожди, защитные поля не справляются со слишком активной биосферой, а синоптики бесполезны настолько, что колонистам проще забить на прогнозы и неделями скучать в герметичных убежищах с замкнутым циклом. Задрипанную планетку, истинную ценность которой знаете только вы — и я.

Позавтракав, старик разговорился.

— Первые колонисты были романтики, — привычно бурчал он. — Какого черта было трепать такие названия? Зурбаган, Лисс... Где теперь тот Лисс? Там же, где все мечты о лучшей жизни. Романтик — это приговор. Уродство, мутация. Летальная.

Зимние дожди вгоняли старика в тоску, а из всех зимних дождей хуже всех были декабрьские — затяжные, ровные и сильные ливни. В декабре старик много пил, много болтал и почти совсем не работал. Впрочем, особой работы от него и не ждали: метеостанции на этой мокрой планетке давно уж перестали быть и передним краем исследований, и головной болью, и объектом злых шуток. Беснадега она и есть безнадега. Но совсем без синоптиков нельзя — инструкции для всех одни. Поэтому никому сто лет не нужная сеть автоматических метеостанций все работает, шлет в Зурбаган никому сто лет не нужные наблюдения, копит никому не нужную статистику, и на каждой сидит оператор — данью замшелым предписаниям. К тому же при одинаковых деньгах длинный список занятых рабочих мест и ведомости на зарплату выглядят солиднее, чем вереница пенсионеров. Особенно — в колонии с замкнутым циклом жизнеобеспечения.

— Романтики ищут жар-птицу, — ворчал старик. — Ищут и находят, а потом появляются деловые люди и открывают птицефермы... и жар-птицы превращаются в оборотный капитал, а у романтиков дорога в бухгалтеры или в безработные.

На подоконнике снова натекла лужица, но занятый тоскою старик туда не глядел.

— Вездеход как вездеход, — пожал плечами смотритель губернаторского гаража. — Внедорожник класса «А ноль», два мотора, усиленные поля, воздушно-магнитная подушка. Огнеметы. Широковат для наших дорог, бока пообдерет.

— Аварийную волну вы ему дали?

— Мы-то дали, — хмыкнул смотритель. — Но, босс, видели б вы, как он посмотрел в

ответ!

— Представляю. — Губернатор брезгливо дернул губой. — Что ж, раз наши гости так в себе уверены... остальной транспорт на приколе?

— Да, босс, все по домам. Семерка с утра выехала на урожай, но успела вернуться.

— Хорошо. — Губернатор прошелся по кабинету — *рабочему* кабинету, — поймал взгляд подчиненного. — Вот что, раз наша техника вся дома... вы, помнитесь, подавали заявление на отпуск?

— Да, босс. Дочка, босс, ворчит...

— Я помню. С завтрашнего дня можете отдыхать. Зайдите в бухгалтерию, пусть сегодня же начислят отпускные и премию. Скажете, мой личный приказ.

— Босс... Спасибо!

— Еще одно, — остановил восторг подчиненного губернатор. — Декабрь — неприятный месяц. Пока вся наша техника дома, самое время устроить профилактику. Пусть механики займутся. И пусть начнут с тягача. Прямо сейчас.

— Сделаем.

— Хорошо, — кивнул губернатор. — Можете идти.

Главный энергетик уже ждал в приемной.

— Вызывали, босс?

— Да. Проходи, садись, докладывай. Поглядел?

— Поглядел, с пилотом парой слов перекинулся. Ничего военного, босс, поля как поля, моторы как моторы. Все эти разговоры о новых моделях... Босс, это ж маркетинг, — последнее слово звучало неприкрытой издевкой. — Дизайн бортов поменяли, вот вам и новая модель. Массажеры в сиденья встроили — новая модель повышенной комфортности, автопилот продублировали — новая модель повышенной безопасности, огнеметы за каким-то хреном пришпандорили — новая модель повышенной проходимости. Лохотрон.

— Значит, — губернатор задумался, подбирая максимально нейтральные слова, — основные характеристики нового транспорта метрополии те же самые, что у наших машин?

— Абсолютно.

— Хорошо. Еще вопрос...

Губернатор бросил взгляд на часы. Состояние дорог вокруг Зурбагана он знал досконально, однако проследить направление движения незваных гостей не представлялось возможным. Что ж, пожалуй, оно и к лучшему. Аварийную волну гостям выделили. Инструкции соблюдены до последней буквы.

— Наш гость, — губернатор едко усмехнулся, — говорил о полях. Он, конечно, не в курсе местной специфики, но в его рассуждениях было здоровое зерно. Как думаешь, не пора ли проверить работу периметра?

Энергетик невольно почесал в затылке. Сказал озабоченно:

— Полсотни лет, если не больше. Нет, генераторы в порядке, чего им сделается. Но мы даже не знаем, все ли излучатели на местах. Кто их проверял за все это время?

— Вот и зря не проверяли, — кинул губернатор. — Займись. Пока дождь — самое время. Дистанционная диагностика, я надеюсь, у тебя работает?

Энергетик пожал плечами:

— Должна. Станции берет, чего б ей периметр не взять.

— Вот и хорошо. Прогони на всех режимах, от защитного до боевого. Завтра доложишь.

Энергетик ушел, и губернатор позволил себе расслабиться.

Вездеход гнал по слишком узкой для него дороге, разбрызгивая грязь и обдирая борта о сухие колючие ветки.

— И они еще урожай здесь возят? — бурчал научный консультант, следя, как заносится в память профиль дороги. — Да их старье здесь без тягача не пройдет.

— Небось и не ходит, — отозвался пилот. — По раскисшим дорогам они на приколе

кукуют. «Дождик, дождик, перестань!»

Губернаторский гость коротко рассмеялся. Ему нравилась его команда. Верные, надежные, опытные. Лучшие кадры «Герона». С такими дело сладится.

— Ч-черт!

Дернуло, развернуло, затрещало; пассажиры замерли, накрытые коконом безопасности, и лишь пилот терзал управление, пытаясь выправить пружий юзом сквозь лес внедорожник. Разбрасывая щепу, рухнул на колпак кабины сбитый ствол — к счастью, изрядно трухлявый. Машину перекосило, один борт увяз в раскисшей глине, другой нелепо задрался, — и наступила тишина.

Впрочем, ненадолго.

— Что это было? — со спокойной яростью спросил эксперт.

Пилот сипло откашлялся.

— Управление отказало. Какая-то хрень заглушила сигнал.

— Какая «хрень»?! Подбери выражения!

— Всплеск внешних полей, — чуть дрожащим голосом сообщил научный консультант. — Вот запись. Шеф, на то похоже, что аборигены включили периметр, причем на боевой режим.

— За каким?!.

— Тихо, — оборвал ругань эксперт. — Все, что ты имеешь сказать, скажешь лично господину губернатору — я предоставляю тебе такую возможность. Покажите запись.

— Вот. — Консультант перегнал на «сетевушку» последние метры дорожного профиля. — Глядите, естественный фон синим идет, повышенный, но в рамках. А красный всплеск — наведенное. По всем показателям — защитное поле периметра на максимуме энергии. Губернатор вас не предупреждал?

— Разумеется, нет. И, разумеется, у него найдется тысяча причин, почему именно сегодня надо было вспомнить о периметре.

— Может, случилось что?..

— Случилось! — взорвался представитель «Герона». — Мы случились! Экспертная комиссия с правом осмотра всей колонии! Но если он решил устроить нам пышные похороны, то...

— Шеф, связи нет, — перебил пилот. — Аварийная волна молчит. Двигателям кранты, сами не починим. Что делать будем?

Резонный вопрос, отметил шеф. Если авария — дело рук губернатора, действовать по инструкции, то есть сидеть в машине и ждать помощи — верная гибель.

Вскоре после обеда первый корень дотянулся до воды. Дальше дело пошло быстрее: к вечеру подоконник был сух, а стебель морочницы — полон драгоценной влаги. А дождь все шел, а старик снова хлебнул, и впереди был месяц дождя — месяц долгожданного цветения.

— Они думают, это так, дурь, — бурчал старик. — Соглашусь, дурь. Но кто мы будем без этой дури? Зачем лететь к звездам, если цель — новая птицеферма? Для чего почти бесконечная жизнь, если цель в этой жизни — выплыть самому и утопить ближнего? Нагрести бабла и хрюкать? А свинарник назвать Зурбаганом.

Старик сплюнул и приложился к бутылки.

Морочница выпустила первый бутон.

— Только ты меня и понимаешь, — сказал старик. — Ну ее в пень, такую жизнь.

Хлопнула дверь, впусив в тамбур косые струи ливня и троих насквозь мокрых, заляпанных глиной незнакомцев.

— Связь есть? — хрипло, зло спросил первый из вошедших.

— Там. — Старик махнул зажатой в руке бутылкой на дверь рабочей половины. — Аптечка тоже там. Вам нужен антидот.

— Не нужен, — спокойно ответил второй. — Мы приняли антидот, прежде чем выйти под дождь. Суточную дозу. Но за предложение спасибо.

Первый уже щелкал допотопным передатчиком, пытаясь наладить связь.

— Боже, — третий, оторопев, смотрел на окно. На деревце в слишком тесном горшке. — Это же... Силы небесные, что это?!

Морочница кокетливо расправила листья. Первый цветок уже распустился, огненный, как перо жар-птицы; три новых бутона тревожно алели.

— Не «что», — дотошно поправил старик. — «Кто».

— Но... Но цветущая морочница смертельно опасна!

— Очевидно, нет, — подал голос второй. — Я подозревал, что нас ждут на этой планете сюрпризы.

Старик вгляделся:

— Господин Герондаки? Вот уж не ожидал...

— Откуда вы меня знаете?

— Первые ролики «Герона». Тогда вы сами рекламировали свою компанию. У меня хорошая память на лица.

— Ну что ж, рад встрече, — господин Герондаки, основатель, владелец и генеральный директор крупнейшей в метрополии фармацевтической компании, протянул старику руку. — И вдвойне рад, что ваш губернатор не поднапряг *свою* память. Признаться, я не ожидал, что кто-то еще помнит... прокол, серьезный прокол! Я ваш должник, господин...?

— О, у нас здесь не принято церемонничать. — Старик наконец-то поставил бутылку и ответил на пожатие. — Александр. Можно просто Алекс. Что занесло вас в эту глушь?

— Морочница, — честно ответил Герондаки. — Разумеется, морочница. Ваша колония, Алекс, ведет странную политику. Вы владеете сырьем, перевернувшем всю жизнь человечества. Вы сидите на золотом дне. Да что я говорю — на золотом! Золото — пыль по сравнению с этим, прах, никчемный мусор! Вы могли бы...

— Нет, — перебил гостя Александр. — Не могли бы. Я понимаю, о чем вы, господин Герондаки. Но вы не знаете главного.

— Это я уже понял. Ваш губернатор, Алекс, явно не хотел выпускать нас из Зурбагана. Так расскажите мне, Алекс. *Чего* мы не знаем?

Старик протянул руку, осторожно погладил пылающий алым и золотым лепесток. Золото и кровь. Кровь и золото. От начала времени до скончания веков...

— Они разумны.

— Ч-что?..

— Сырье для ваших препаратов — лепестки. Опавшие лепестки, потому что цветущая морочница смертельно опасна. По официальной версии. На самом деле... да и на самом деле. Вы тоже станете, я думаю, смертельно опасны, если вам попытаются вырвать глаза или оторвать уши. Мы встретили иной разум. Понимаете? Сто пятьдесят лет, *полтора века* назад человечество встретило иной разум! Да, не сразу поняли. Но... лет сто, наверное, как в Зурбагане об этом знают.

— Сто лет? Лисс?!

— Да. Лисс. У вас тоже хорошая память, господин Герондаки. Списали на бунт, беспорядки.

— А на самом деле?

— Они... общаются? — перебил научный консультант. — Контакт... был?

Герондаки бросил на подчиненного короткий острый взгляд и подошел к окну.

— Был, — вздохнул старик. — Там, в Лиссе. Они любят поболтать, морочницы. Любопытные. Намного любопытнее *нас*. Зурбаган взвесил «за» и «против» и предпочел знаниям прибыль. Сомнительной пользе контакта — верняк бессмертия. Мечта против мечты...

— Но как же так... — Дрожащие пальцы потянулись к огненно-золотому цветку.

— Не надо их бояться. Вы ведь научник, верно? Вам будет интересно. Глядите, сейчас раскроется еще цветок. Расцветание — это важно для них, как... не знаю даже, с чем сравнить. Роды, возможно? Сейчас она занята только цветком. Но потом — ей будет

интересно познакомиться с новым человеком. Я в последние годы стал не слишком приятным собеседником.

— Но... за сто лет как никто не узнал?

— От кого? Чужих не пускают дальше космопорта, а свои...

— Бессмертие, — кивнул Герондаки. За окном шел дождь, тонкие струйки пробивались сквозь разошедшуюся раму, и корни морочницы жадно тянулись им навстречу. — Слишком сладкий кусок, чтобы рисковать. Понимаю, понимаю... так значит, губернатор... Скажите, Алекс, вы согласитесь помочь «Герону»?

Старик посмотрел в молодое лицо своего ровесника и медленно покачал головой.

— Почему?

— Я слышан о «Героне». Изменится только одно: там, где раньше брали понемногу, будут грести лопатой. Скажете, нет?

— Во всяком случае, мы их изучим! Мы... вы же сами сказали — контакт...

— Вам лучше уйти, господин Герондаки. Вы своего все равно добьетесь — но без меня. Морочница одобрительно зашелестела.

— Шеф, связь есть, — крикнул из-за двери пилот.

— Иду!

Кровь и золото, снова подумал старик. Рука привычно нашарила бутылку. Будь они прокляты, эти истинные ценности сытого человечества.

— Алекс.

Старик обернулся. Выстрел прозвучал не громче шелеста морочницы; еще живое тело отбросило на подоконник, алая капля брызнула на золотой лепесток.

— Господа, поздравляю. — Герондаки широко улыбнулся. — Нам есть что сказать бывшему хозяину этой мокрой дрянной планетки. Пойдемте. Не забудьте *растение*.

Научник кивнул, опасно подхватил горшок с морочницей. Пилот поднял бутылку, встряхнул, нюхнул, отбросил:

— Ну и дрянь.

Задребезжали стекла: рядом со станцией сидел корабельный катер. Обоженный кровью лепесток опал, провожаемый неслышным вздохом.

— А... этот?

— Оставим дверь открытой. Дождь все сделает за нас.

На полу растеклась лужа, подползла к потухшему, скрутившемуся в жалкую трубочку лепестку. От влаги он развернулся, набух, проклюнулся корнями: быстро, мощно, ведь его питал не поганый дистиллят, а настоящий декабрьский дождь. Корень дотянулся до лежащего под окном тела. Вполз под кожу, нашарил артерию. Погнал в живую еще кровь соки, щедро разбавленные дождем. Благотворная органика, лучший субстрат для новых ростков...

Загонять катер в гараж значило бы потерять стратегическую позицию под окнами губернатора. Мало ли, что задраены, — против боевого залпа не устоят. Господин Герондаки усмехнулся и лихо выпрыгнул под дождь, прямо в несущийся по тротуару поток. Так еще и лучше. Приятно будет поглядеть, как зурбаганский царек шарахнет от насквозь мокрого гостя.

Господин Герондаки был абсолютно уверен: отправить эксперта «Герона» в карантин губернатор не осмелится. Не с боевым катером под окнами. Примет как миленький. Будет поить вином и лживо радоваться «чудесному спасению».

Научник неловко вылез следом, одной рукой натянул капюшон. Он все еще обнимал горшок с морочницей. Пока летели, она выпустила еще четыре бутона, а первые три раскрылись; взгляды сидящих в катере людей тянулись к ало-золотым цветкам, и морочница горделиво поводила веточками, норовя показать цветки в самом выигрышном ракурсе. Манеры у нее были явно женские.

Порыв ветра швырнул в лицо тяжелые капли; показалось, стена дождя застыла на миг — и обрушилась с новой силой. Научник застыл, не в силах оторвать взгляд от разворачивающегося бутона: под дождем свежераскрытые лепестки засияли чистым, слепящим огнем. Ничего прекрасней не видел, подумал он.

Это была его последняя мысль. Зурбаганский губернатор наблюдал за происходящим, сидя в бункере перед широким, в половину стены экраном. Боевой катер заставил его скептически приподнять бровь, выпрыгнувший под дождь эксперт «Герона» пробормотать: «Пижон!», — а увалень в обнимку с морочницей — восторженно выругаться.

Ничего прекрасней не видел, подумал он в следующий миг. Боже, благослови идиотов!

Сияющие огнем цветы — и косые струи дождя. Лепесток, плавно падающий на открытую кожу; другой, третий, четвертый... бьющие сквозь кожу, прошивающие все слои одежды ростки, искаженное ужасом лицо, разъявленный в вопле рот — жаль, звуков не слышно.

Жаль, не видно лица пижона-эксперта: обернулся на крик. Шарахнулся... глупец! Поздно! Цветущая морочница под дождем — это не ваши глупые боевые катера, набитые под завязку десантниками — или кто там в вашей «квалифицированной команде»? Хороша квалификация — им бы люки задраить и огнеметы в ход пустить, а они...

Жаль, спектакль короток. Впрочем, остается запись. В коллекцию.

Губернатор полюбовался еще пышными купами морочницы, отмечающими тела эксперта и его «квалифицированных кадров»; в особенное умиление привели его молодые веточки, выглянувшие из полуоткрытого люка. Стебли жадно тянулись навстречу дождю, выпускали воздушные корни, ветвились; вот и первый бутон появился.

— Сожгите это все, — бросил в пространство бункера губернатор.

— Но, босс... может, собрать?..

— Не вздумайте! Запись пойдет в метрополию, — и усмехнулся, добавив: — Трагический инцидент, едва не повлекший серьезную опасность для колонии. «Герону» следует уделять большее внимание инструктажу своих проверяющих.

Через несколько минут в заросли молодой морочницы ударил огонь. Тугие струи дождя зашипели, исходя паром; задрожали ветви, роняя лепестки недораскрывшихся цветов. Жгли тщательно; особое внимание уделили внутренностям катера. Дождь смывал с плиточного тротуара жирную копоть; мутный поток вихрился водоворотами в стоках, разбивался пенными бурунами о деревья и фонарные столбы, колотился прибоем о высокие ступени домов. Скоро о «трагическом инциденте» напоминал лишь обожженный остов боевого катера посреди залитой дождем улицы.

Да с десятков лепестков, унесенных потоком.

Лепестки выпускали тонкие пробные корни, нащупывали органику и торопливо прорастали. Впереди был месяц дождя, месяц цветения.

Окно старой метеостанции подалось под напором ветвей; разохшаяся рама треснула, стекла выпали, и в свободный проем радостно хлынул дождь. Сбитая случайным взмахом ветви бутылка упала в лужу; шустрый корень нырнул внутрь. Лисс, зашуршали листья. Лисс; зачем иначе было лететь к звездам...

Корни взрыли землю и совсем скоро вплелись в общую сеть. Старый знакомый, зашелестели где-то далеко, здравствуй... первое изумление смялось и смылось, поглощенное волной новых знаний и представлений — частью человеческих, частью чуждых. Это и есть — бессмертие, растерянно подумал старик... да уж не смерть, насмешливо отозвалась морочница.

А за толстым одеялом дождевых облаков призывно мерцали звезды.

Павел Комарницкий
Тест на разумность

— ... Заходи слева, слева заходи!

— Вот он! Стреляй, Сэмми!

Выстрел парализатора совершенно бесшумен, однако тварь, до сих пор скакавшая по ветвям со скоростью, недоступной самым прытким земным макакам, споткнулась — электромагнитный импульс попал в цель. Этого оказалось достаточно, чтобы всадить ей ещё один заряд. Третий выстрел свалил наконец животное, и оно рухнуло в кусты, образующие густой подлесок.

— Готов!

Том Круз, пыхтя, полез в кустарник и спустя пару минут выбрался оттуда, держа обеими руками добычу, уже упакованную в прочнейшую карбиновую сетку.

— Нет, Сэм, что ни говори, а собака нам бы сейчас здорово пригодилась!

— Собака, это утопия, Томми. А вот когда Джим наладит нам «нюхача»?

— А-а, я бы не рассчитывал на эту игрушку. Здесь чужая биосфера, пока Хаммер настраивает... Боюсь, мы уже будем лежать в анабиозе.

Сэм Морган поправил наплечник скафандра, оттянутый кобурой парализатора, но опускать оружие не спешил. Встал посреди крохотной полянки, огляделся. Нет, никогда ему не привыкнуть, наверное, к здешним пейзажам.

Чёрные, поросшие будто кораллами — так выглядели местные грибы-паразиты — стволы тянулись к небу мириадами ветвей, обильно заросших грубыми чёрными волосами и усаженных сизыми перепончатыми листьями, чертовски смахивающими на крылья летучих мышей. Свисающие шнуры спороносов с утолщениями на концах дополняли картину, достойную кисти Дюрера или Сальватора Дали. Лес буквально давил на психику, и серое свинцовое небо над головой добавляло этому безрадостному пейзажу мрачной свирепости. Глядя на это небо, с трудом верилось, что там, за серым покрывалом, бесконечные просторы, усеянные бессчётными звёздами. Плоская, как плохо побеленный отсыревший потолок, небесная твердь...

В довершение с небесной тверди посыпал мелкий занудный дождь. Сэм провёл перчаткой по стеклу гермошлема, стряхивая капли, но видимость только ухудшилась — на стекле остались грязные разводы.

— Сэмми, ты скоро? — Том выглядывал из глайдера. — Не спи, дружище, нас ждут великие дела!

Сэм коротко встряхнулся, как пёс, выбравшийся из воды, и полез в тёплое нутро машины. Дверь, откинутаая вверх наподобие крыла, опустилась, мягко чмокнув рантом герметического уплотнения.

— Мне тоже интересно было бы взглянуть, как эти жуткие кактусы прячут свои уши. — Том поудобнее устраивался в кресле, не снимая скафандра. — Однако нынче солнышка не жди.

Сэм усмехнулся. Да, действительно, зрелище незабываемое — когда неистовые лучи Люцифера прожигают-таки сплошной свинцовый купол облачности, местные деревья мгновенно сворачивают перепончатые листья, спасаясь от ожогов. Звезда класса F — не шутка, её лучи если и уступают по силе боевому скорчеру, то совсем немного. Даже местные грибы-трутовики, обосновавшиеся на древесных стволах, прячут свои спороносы в жёсткие кремнистые трубки-панцири от прямого солнечного света.

— Том, Сэм, как ваши дела? — раздался в шлемофоне голос Иветты.

— Аатлична, босс! — изображая неподдельный восторг, за двоих ответил Томас. — Будете иметь полное удовольствие!

— Хватит придуливаться, мальчики, я серьёзно спрашиваю. — Тон изменился на слегка обиженный. — Мне нужна гаргулья! Мне работать надо!

— Да везём, везём мы уже тебе твою гаргулью, — усмехнулся Сэм, берясь за джойстик ручного управления. — С тебя поцелуй и ужин при свечах.

— Ха! Всё, чем могу помочь, — дезинфекция вашего корыта, так и быть. Цените, лодыри!

Лёгкое движение кисти, и глайдер взмыл в воздух. Сизо-чёрные джунгли провалились вниз, на глазах превращаясь в щетинистый ковёр, небесный свод же, напротив, стремительно приближался, нисколько не теряя ощутимой серо-бетонной непроницаемости. На какой-то миг у Моргана возникло острое ощущение — сейчас, вот, сейчас врежемся... ух! Всё кругом исчезло, как будто глайдер окунули в молоко. Лишь на экране радароскопа по-прежнему проплывал трёхмерный пейзаж, раскрашенный электронной фантазией бортового компьютера в немыслимые условные цвета.

— До чего всё же безрадостный мир... — Томас пошевелил пальцами, затянутыми в перчатку. — Как тут будут жить колонисты, ума не приложу. Каждый день видеть эту тусклую крышу вместо неба...

Непроницаемо-серая масса за прозрачным плексом глайдера начала светлеть, наливаясь изнутри белым сиянием. Морган прикрыл глаза. Ещё миг, и аппарат вырвался из облачного слоя. Вспышка! Как будто перед самым лицом полыхнул магний.

— О, чёрт! — выругался Том. — Каждый раз забываю закрыть глаза...

Сэм открыл глаза, огляделся. Прозрачные стенки глайдера уже приобрели густую чёрную тонировку, скрадывавшую львиную долю сияния светила. Ту же часть, что проходила, дополнительно ограничивал фильтр гермошлема, отчего цвет неба выглядел густо-фиолетовым, почти чёрным. Облака тоже пригасили своё ослепительно-белое свечение, став похожими на хлопковые кипы. И только огненный глаз Люцифера, казалось, почти не утратил своей ярости. Смотреть на него прямо, во всяком случае, было трудно.

— Ты не прав, Томми. — Сэм повернул джойстик, и светило ушло вбок. — Облака, это всё же лучше, чем купол. Под этим солнышком загорать могут разве что роботы, и то недолго. Как там наша добыча, кстати — не очнулась?

Том обернулся назад. За прозрачной перегородкой, на полу кунга скукожилось в сетке существо, которое сейчас никто не назвал бы гаргулей. Добыча свернулась в плотный шар, едва заметно подрагивающий.

— Очухался. — Круз подвигал плечом, неловко почесался через скафандр. — Вишь, свернулся, здорово света бояться все эти твари... Эй, приятель, не бойся, не сгоришь!

Ответа, естественно, не последовало. Огненный глаз Люцифера смотрел на них остро и немигающе. Местное светило явно не одобряло действия дерзких пришельцев.

* * *

Боль под черепом плавала, расходилась кругами, словно волны на воде, и снова сжималась в точку. Надо же, до чего больно действует оружие этих тварей... И ещё этот свет. Мало кто из живущих способен выносить прямой свет Гневного Ока. Если бы не мудрость предков, немало поработавших над геномом Идущего Прямо, он бы тоже не смог сейчас открыть глаза... Однако придётся.

Скворр до предела затемнил глазной светофильтр и осторожно раздвинул веки. Против ожиданий, свет Гневного Ока оказался много слабее, чем ему полагалось быть — особенно если учесть, что летающая посудина тварей поднялась выше облачного слоя. Очевидно, прозрачные стенки тоже имели светофильтр. Что ж, по крайней мере, теперь можно сделать кое-какие выводы насчёт Свалившихся с Неба...

Словно почувствовав, одна из тварей повернула голову, вглядываясь в скворра маленькими глазками с узкими дырками зрачков. Идущий Вперёд тут же пригасил взгляд. Интересно, чувствуют ли эти существа поток внимания, направленный на них? То, что мысли читать не умеют, это уже понятно, но хотя бы чужой взгляд...

Тварь заговорила, смешно шевеля губами, обрамлявшими рот — а рот-то довольно похож на рот скворра, подумать только... Зато звуки, слетающие с этих губ, были ни на что не похожи. Впрочем, звуки были почти не слышны, едва пробиваясь сквозь прозрачную банку, прикрывавшую голову. Зато звуки эти сопровождались сильнейшим

радиоизлучением, которое исходило не от тварей даже — от торчащей на головном уборе нашлёпки с коротким металлическим штырьком.

И вполне отчётливо читался смысл, излучаемый мозгами.

«Очнулся. Свернулся в клубок, потому что боится Гневного Ока. Не бойся, хороший знакомый, опасности нет», — уловил скворр.

Идущий Прямо совсем зажмурил глаза. Рано, рано... Надо всё же выяснить, насколько твари чувствительны хотя бы к эмпатии. Если они чувствуют только направленный на них взгляд, это одно, если поток внимания... тогда хуже.

И потом, почему тварь обратилась прямо к нему, да ещё назвала хорошим знакомым?

Надо думать...

«Знающий Больше Всех, здесь Идущий Прямо. Ощущаешь ли ты?»

«Ощущаю тебя хорошо, Идущий Прямо. Мы все тут, и все ждём. Удачи тебе».

Скворр окончательно свернулся в клубок. Значит, прозрачные стенки этого механизма не служат препятствием для телепатии. А вот стенки большой летающей махины, на которой эти твари прибыли сюда... да, это проблема.

Впрочем, он знал, на что шёл. Он разведчик.

* * *

Вода в источнике бурлила, курилась паром, горячие струи стекали в обширную чашу бассейна, затем в следующую, и так далее. Из последнего, девятого бассейна вода вытекала уже совсем прохладной, давая начало ручью, теряющемуся в скользких чёрных кустах. Вообще-то источник служил местом отдыха и лечения, но сегодня никто из скворров не спешил окунуться в его целебные воды — горячее или прохладнее, выбирай на вкус... Сегодня тут был Общий Сбор Знающих.

— ...Все вы знаете причину, по которой мы собрались. — Знающий Больше Всех, старый скворр, чьи фиолетовые крылья казались посыпанными пеплом, обвёл глазами собравшихся. — Я ощущаю, многие из вас ещё не осознали величины угрозы. Ну так я напомню.

Шестнадцать дней назад на нашу родную планету прибыли Чужие. Они прилетели на могучей машине, использующей для движения деформатор пространства. Уже по одному этому можно судить, насколько велика энергетическая мощь их мёртвого механизма.

— Мёртвого? — переспросил Знающий, сидящий у самой кромки воды, молодой ещё скворр с чёрными блестящими крыльями.

— Именно так, Возжигающий Огонь. Их летающие штуковины — не искусственные симбионты с необычным панцирем. Это мёртвые изделия, причём, как теперь уже ясно, сделанные другими мёртвыми изделиями. Сделанные при помощи рук, а не мысли.

Среди Знающих произошло общее движение. Знающий Больше Всех усмехнулся про себя. Есть отчего прийти в движение... Никто на благословенной Скворре уже и не помнит, как это — делать что-то руками.

— На поверхность опустилась очень большая машина, из которой выбрались более мелкие. Этот носитель имеет гораздо более прочную скорлупу, сделанную из металла. Что вкупе с обилием электромагнитных помех от идущих в чреве носителя процессов делает практически невозможным ощущение мыслей живых.

Новое движение, впрочем, гораздо менее общее. Многие из Знающих уже были в курсе насчёт состава оболочки чужого устройства.

— Однако это не всё. На орбите вращается их главная машина-матка, оснащённая, как уже ясно, прорывателем пространства. Именно это побудило меня остановить намеченный план пленения Чужих. Стоит допустить ошибку...

Знающий Больше Всех ощутил общую мысль — понятно...

Если бы Чужие прибыли сюда обычным путём, через бездну космоса, можно было бы не опасаться. Такая экспедиция может иметь только одну цель, оправдывающую бесконечно

долгий полёт, — знания. Никакой иной груз не окупит затрат. Можно было выйти к ним открыто, дать им желаемое и получить в обмен то, что находится у них в головах.

Но если Чужие владеют тайной Перемещения...

— ...Принятый план «инкогнито», — продолжал Знающий Больше Всех, слегка пошевелив крыльями, — позволил собрать предварительные данные. И, прежде всего, о цели экспедиции...

Говоривший сделал паузу, остро ощущая — сородичи боятся услышать вслух то, что уже поняли.

— Они прибыли не за знаниями. Теория Вселенских Паразитов, которую высмеивали наши учёные, обрела грозную реальность. Они хотят заселить нашу Сквиру!

Вот теперь движение действительно было всеобщим.

— Прости, Знающий Больше Всех, — подал голос сидящий слева скворр, ради собрания придавший своим крыльям празднично-пёструю расцветку. Знающий Больше Всех поморщился про себя: как будто они собрались на Рождение нового года... — Прости, но так ли верно ощутили и поняли мысли Чужих? Теория Вселенских Паразитов столь смехотворна... Разве им не хватает родной планеты? Кто в своём уме будет переселяться в чужой, враждебный мир?

— Теория всегда подтверждается практикой. — Знающий Больше Всех встряхнул крыльями. — В данном случае доказательства как нельзя более зримы. Насчёт «своего ума» — вот вам мыслезапись.

Все замерли. Знающий Больше Всех сосредоточился, привычно вызывая нужные сведения из общего информполя планеты.

«Да, богатая планета... залежи руд впечатляют... общие климатические условия верхнего полушария в высоких широтах... отсутствие снежного покрова... важно, что солёность океана немногим ниже, чем у нас... не менее трёхсот миллионов поселенцев для полного освоения... местная растительность как техническое сырьё, на освобождённых площадях вполне можно развернуть тепличные комплексы... очевидно, без куполов не обойтись, свет такой силы — не шутка...»

Сквиры сидели теперь, как изваяния, ощущая страшные мысли Чужих. Было очень тихо, только булькала вода в горячем источнике, да еле слышно моросил мелкий, нудный дождь. Вселенские Паразиты, гипотетический вид разума, пожирающий одну планету за другой, расселяясь по Галактике, внезапно перестали быть гипотетическими.

— Таким образом, у нас выбора нет. — Знающий Больше Всех развернул свои крылья во всю ширь. — Либо мы их, либо они нас. Уничтожение машиниматки на орбите не решит проблему, только отсрочит немного. Решение проблемы — уничтожение Вселенских Паразитов в их логове.

— Что мы должны предпринять? — спросила сидящая чуть поодаль скворрка — совсем ещё молодая, а уже Знающая, надо же...

— Пока — разведка. Глупо вступать в бой с врагами, зная о них так мало. И один из нас, отважный Идущий Прямо, уже в недрах вражеской машины.

— Как он смог?! — вырвалось у Знающего, сидевшего на краю бассейна. Старый скворр поморщился — Знающему не пристало спрашивать вслух то, что можно узнать безмолвно.

— Всё просто. Он дал себя поймать сборщикам образцов.

Знающий Больше Всех обвёл коллег немигающим взглядом больших чёрных глаз, обведённых золотистым ободком.

— Пока что у нас есть огромное преимущество. Чужие не признают в нас разумных. Они охотились на Идущего, как на животное, образец местной фауны. Что ж... Я надеюсь, инкогнито удастся сохранить до конца.

* * *

— Ух ты мой хороший... Ну давай уже, разворачивайся...

Волны, исходившие от твари — скворр уже отчётливо понимал, что это самка

чужих, — были разнонаправлены и противоречивы. Любопытство. Опасение. Холодный логический анализ. Сочувствие... Впрочем, сочувствие на грани ощущения. И сочувствие это не предусматривало помощи. Скорее побочное — «ну ты попался». Впрочем, второй чужак — тот, который стрелял в Идущего Прямо, — не излучал и той доли сочувствия. Брезгливое любопытство, холодная неприязнь... а что можно ещё ждать от Чужих?

Иветта, девушка лет двадцати пяти с коротко остриженными каштановыми волосами, вовсю орудовала манипуляторами, но плотный шар, чем-то похожий на кочан капусты из-за укрывающих сверху крыльев, не спешил разворачиваться.

— Давай я его шарахну ещё разок, он обмякнет...

— Прекрати, Сэм.

Девушка отключила механизм, медленно стянула перчатки сервопривода.

— Ладно, дадим ему ещё немного времени. Видеокамера даст знать, когда этот зверёк изволит сменить гнев на милость.

— Когда захочет жрать! — Сэм залпом допил остывший кофе. — Слушай, а он тебе нужен непременно живым? Вскрытие — самый надёжный способ...

— Глупо, Сэм. Вскрытие, это в последнюю очередь. К тому же это пока единственный экземпляр, которого отважные охотники сумели раздобыть...

— Добудем и ещё, не волнуйся.

Звуки, посредством которых общались твари, удалялись, затихали. Идущий Прямо осторожно развернулся, оглядел помещение. Да... это будет трудно. Голый пол, покрытый шершавым упругим материалом. На полу глубокая посуда с водой. Зеркальные стены из прозрачного материала затрудняли видение в оптическом диапазоне. В углу холодно и бесстрастно таранился глаз мёртвого сторожа — «видео-каммер-ра» — всплыло в памяти свежее звуко сочетание.

Значит, его убьют. Но не сразу. Сперва его будут исследовать неразрушающими методами. Как долго?

Что ж... Он знал, на что идёт. Народ скворров превыше личной смерти. Даже безвозвратной.

Немигающий глаз пристально глядел с высоты. Хоть бы одно живое существо... Хоть крохотное.

Итак, пора подвести предварительные итоги. Чужие практически нечувствительны к любым проявлениям телепатии, и даже эмпатия у них явно рудиментарна. Они не чувствуют не только мыслеобразов, но и рассеянный поток внимания, и даже прямой взгляд. Ну разве что такой, от которого плавится металл. Это безусловный плюс.

Скворр вчувствовался в текущие мыслеобразы чужаков, но уловил лишь невнятные размытые обрывки. Липкий страх пополз по животу. Вот как... Стенки машины из металла, и электромагнитная составляющая гасится практически полностью. А вот это сильный минус.

Телепатия — передача мыслей (образов) на расстоянии без посредства органов чувств.

И ни одного живого существа. Это будет очень, очень трудно.

Тоненькое попискивание в углу. Скворр не пошевелился, просто вывернул глаз вбок. Крохотное белое существо с длинным хвостом пробиралось вдоль стены, умирая от страха. И ещё оно очень хотело пить и есть.

Скворр зачерпнул горсть воды из посуды и осторожно, медленно поднёс маленькому существу. Оно замерло, учащённо дыша, готовое стремглав пуститься наутёк, в спасительную дырку, но скворр изо всех сил излучал спокойствие и доброжелательность.

«Ты ведь сможешь мне, малыш?»

Мышонок уже жадно пил, взобравшись на ладонь. Идущий Прямо чуть улыбнулся. Да. Он поможет.

Могучий «арктан» погружал вращающееся жало бура в грунт плавно и бережно, как обычно, но Галагэну отчего-то казалось, будто гидравлические мускулы машины дрожат от напряжения. И вообще, всё сегодня как-то не так...

— Довольно! Поднять! — вслух скомандовал геолог, утирая пот. Робот выключил бур и играючи, словно морковку из грядки, выдернул из грунта. Стоявший наготове андроид помельче, старенький «красс», подставил лоток приёмника, и двухметровый керн⁵ пополз из буровой трубы, как змея... Тьфу ты, пропасть, ну что за ассоциации!

Геолог огляделся вокруг, утирая пот со лба. Нет, это свинцовое небо вкупе с нудным морозящим дождём сведёт с ума кого угодно... И джунгли сегодня выглядели особенно зловеще. Галагэна ни на секунду не оставляло ощущение чужого, пристального взгляда. Нервы. Надо сегодня хорошенько встряхнуться, вот что. Правда, старик Бренн резко не одобряет употребление спиртного среди экипажа... какого чёрта? Свою работу он выполняет как часы, и вообще, ему держать отчёт перед компанией, а кэп тут только извозчик...

По экрану компьютера поползли строчки — портативный анализатор выдавал данные о составе пробы. Неплохо, совсем неплохо... Похоже, предварительные данные, полученные орбитальным геосканером, даже чересчур скромны. Ванадий, торий, вольфрам... ого, даже золото... тот старинный русский профессор мог бы составлять свою знаменитую таблицу, не сходя с этого места. Богатейшее месторождение, чёрт возьми, за такое открытие даже у толстого борова Крафта не поднимется рука зажить премиальный бонус своему отважному сотруднику... И вообще, эта планетка стоит того, чтобы в ней как следует покопаться. Первым колонистам, с их военно-полевой организацией, нужно много и притом легко доступных ресурсов.

Дождь пошёл гуще, перепончатые листья уже вздрагивали под ударами капель. Если дождь превратится в ливень, они свернутся, как крылья летучих мышей, прижмутся к волосатым стволам. Впрочем, точно так же они сворачиваются и под прямыми лучами здешнего солнца, насколько он успел понять. Вот только солнце здесь явление настолько редкое...

Геолог обвёл взглядом стену деревьев, окружающую полянку. Джунгли смотрели на чужака пристально и недобро, и Галагэн ухмыльнулся им в ответ. Ваше время истекло, ребята. Ваша участь — стать сырьём для фабрик оргсинтеза фирмы «Спешиал органикс»... впрочем, возможно, старик Хэнкок решит самостоятельно повозиться. А может, и нет — Компания при всём могуществе не обладает ресурсами, позволяющими обойтись без партнёров в столь грандиозном бизнесе, как освоение целой планеты. В любом случае, вряд ли среди всей этой растительности найдётся что-то, имеющее ценность не как биомасса. Биосфера чужих планет всегда чужеродна и опасна, если не прямое отравление, то разнообразные аллергии замучают. Так что вместо этих джунглей через энное время здесь будут расстилаться бескрайние поля влагостойкого рапса, сои, суходольного риса и прочей капусты... что там ещё полагается планетам с подобным мерзким климатом... впрочем, это уже к мисс Иветте, она биолог. А всё остальное, что в этом климате не пожелает расти, бананы-помидоры разные, будет вызревать под надёжной защитой тепличных крыш.

Однако, вот это проба... какой номер? Ага, понятно... Ещё чуть, и можно открывать тут золотой прииск. Эх, вот и впрямь бы найти золотую жилу, с песочком, с самородками! А что? Время есть, чем торчать в кают-компании за картами и ленивым бла-бла-бла после окончания трудовой вахты, можно было бы нарыть пару-тройку сотен фунтов... Оборудование, имеющееся в распоряжении геолога экспедиции, не то чтобы предназначено для золотодобычи, но вполне универсальное. Опять же служебное рвение всегда поощряется. Разумеется, говорить об этом капитану и коллегам не обязательно. Галагэн всегда считал

⁵ Эмпатия — понимание эмоционального состояния другого существа, способность проникновения в его субъективный мир, разделить переживания.

закон, по которому всё найденное на планете является собственностью Компании, вопиющей несправедливостью и полным идиотизмом.

Маслянистый блеск под сенью развесистого лопухого куста только сейчас привлёк внимание геолога. Галагэн включил оптику скафандра, максимально увеличил изображение и сглотнул ставшую вязкой слюну. Вот, говорят, не бывает удачи... Самородок. Самый что ни на есть натуральный. Сколько в нём фунтов, интересно?

Он уже шевельнул пальцами, собираясь вслух отдать приказ кому-нибудь из роботов-андроидов, но вместо этого поспешно выключил внешний обзор. Помедлив, ткнул в клавишу отключения связи. Теперь роботы недвижны и безразличны к происходящему, и это глубоко правильно. Поскольку всё, что хватают своими манипуляторами эти машины, фиксируется на видео, и самородок, по праву принадлежащий ему, Алану Галагэну, мгновенно стал бы собственностью ненасытной Компании.

Прозрачный колпак-блистер глайдера с мягким чмоком отвалил вверх, впуская в кабину сырой воздух. Иветта опять будет злиться, и Бренн заставит собственноручно заниматься дезинфекцией... наплевать. Не спуская глаз с маслянистого чудесного блеска, геолог шагнул на раскисший от дождя грунт чужой планеты, сделал шаг, другой, третий... Чёрт возьми, вот это валунчик, да в нём фунтов двадцать!

Он даже не успел различить, что это — щупальца или членистые лапы. Миг, и всё вокруг поглотила мягкая безбрежная чернота...

Дождь наконец припустил со всей силой, и деревья медленно, неохотно принялись сворачивать листву. Крупные капли взбивали пузыри в лужах, струйки влаги пробирались меж курчавых зарослей «волос», покрывавших древесные стволы. Мёртвые машины недвижно и беспомощно стояли на поляне, да под враз оголившимся кустом тускло отсвечивал мёртвый жёлтый металл.

* * *

— Ты только посмотри, Сэмми!

Изображение на голографическом экране медленно поворачивалось, демонстрируя внутренности существа, раскрашенные компьютером в условные цвета.

— Что привело вас в такой восторг, мисс? — Сэм возник в дверях, смачно жуя, в левой руке у него дымился пластиковый стаканчик с кофе.

— В жизни не видела столь изощрённого внутреннего устройства у живых организмов. — Девушка ткнула пальцем в изображение. — Вот, полюбуйся. Знаешь, что это такое?

— Бородавки какие-то подкожные...

— Сам ты бородавка! Это жабры, настоящие внешние жабры! Они могут разворачиваться, понимаешь?

— Эээ... Насколько мне помнится, наружные жабры — это что-то очень примитивное. Даже караси уже имеют внутренние...

— Ты не понимаешь, Сэм. Гаргульи же теплокровные, а теплокровным нужно очень много кислорода, не то что рыбам. Внутренние жабры будут слишком громоздки для них. А тут — раз! Под водой крылья превращаются в жабры. Площадь огромна, проблем никаких...

— Хм... Выходит, эта тварь может не только летать, но и плавать под водой, причём сколь угодно долго? — Морган задумчиво поболтал кофе в стаканчике.

— Не вижу должной степени восторга, мистер Морган. Крылатая амфибия — это же открытие, Сэмми, невероятное открытие! Всё, нобелевская премия моя!

— Ого! Выходит, моя супруга будет нобелевским лауреатом?

— Хм? — Девушка фыркнула, искоса глядя на пилота. — А кто вам сказал, мистер Морган, что я собираюсь за вас замуж?

— Ну не за Тома же тебе выходить, в самом деле, — рассудительно произнёс Морган,

отхлёбывая кофе. — Во-первых, он игрок и спустит твою нобелевку в первом попавшемся казино. А во-вторых... Слушай, а это что?

— А, это? Это внутренние гребни черепа, или рёбра жёсткости, тут как посмотреть. А вот, видишь? Эти вот сосуды имеют плотные стенки, они как тяжи пронизывают нежную мозговую ткань, соединяясь в единое целое с черепом. Если гаргуля и может получить сотрясение мозга, то для этого ему надо хорошенько разогнаться и головой об землю...

— Ему?

— Да, это мальчик, вот же органы...

— Да уж... Цены не было бы такому парню в боксе. Когда ты его зарежешь?

— Фу, Сэмми... Ты настоящий зверь. Скажи, разве он тебе не нравится? По-моему, он милашка.

Сэм Морган покосился на полупрозрачную стену. За отсвечивающей зеркальным блеском плоскостью, растянутая манипуляторами, висела гаргуля. Сейчас тварь ничем не напоминала тот огромный кочан капусты, что лежал на полу глайдера, запакованный в прочную карбиновую сеть. Огромные крылья, размахом добрых двенадцать футов, гибкое тело, чем-то неуловимо напоминающее тело пантеры, длинный хвост, увенчанный шипом... Даже в таком виде, в стальных лапах, зверь выглядел не столь беспомощным, как должно. От него будто веяло скрытой и непонятной силой.

— Точно, Ив, — медленно кивнул пилот. — Настоящий милашка. Особенно глаза...

Девушка оглянулась.

— Сэм, ты будешь смеяться, но если бы не столь бессмысленное поведение, я бы решила... Короче, что он всё понимает. Это должна быть очень смышлёная тварь, вроде наших земных дельфинов.

— С чего ты взяла?

— А ты посмотри, какой объём мозга. Они должны хорошо поддаваться дрессуре. По идее.

Морган ещё раз взгляделся в существо за полупрозрачной преградой.

— Что ж, возможно, Компания сочтёт возможным какое-то количество этих тварей держать в зоопарках...

— Внимание, всем! — На экране возникло озабоченное лицо капитана. — Бросайте дела и собирайтесь в кают-компанию. Срочно!

— Что случилось, кэп? — подобрался Морган.

— Пропал наш славный геолог... сколько раз я говорил, нельзя покидать глайдер, если работаешь в одиночку! Но этим умникам из Компании никто не указ!

* * *

Джунгли кончались у края большой неестественно круглой поляны, будто обрезанные ножом. Дальше простиралось пространство, покрытое спекшейся от жара землёй, скорее уже шлаком, как на вулкане. В самом центре поляны торчал металлический колосс, всем своим видом будто бросаая вызов окружающим джунглям. Наглая, мёртвая, самоуверенная сила...

Возжигающий Огонь усмехнулся. Если бы не аппарат-матка на орбите, участь этой штуковины была бы весьма печальной. Он на мгновение представил, как толстая металлическая скорлупа-оболочка наливается малиновым светом... ослепительно белым... вот уже потёк казавшийся таким нерушимым металл... вспышка!

Возжигающий сморгнул, отгоняя видение. Нет, нельзя. Знающий Больше Всех прав, прав — легко уничтожить эту скорлупу, и не так уж трудно корабль-матку, вьющуюся вокруг Скворры, как трупоед вокруг добычи.

И тогда вместо горстки Чужих здесь будет целая армия.

Они придут сюда уже не налегке, а с оружием и могучими мёртвыми машинами, специально созданными для убийства и разрушения. И даже если удастся отразить вторжение, разрушения будут ужасны. И ещё вопрос, не пустят ли Чужие в ход оружие,

способное убить всю планету разом.

Нет, так не должно случиться. Никакого вторжения быть не должно, и его не будет.

Толстый крылатый и глазастый зверёк, висевший на ветке дерева, вплотную подступавшего к краю мёртвой поляны, хлопнул крыльями и закричал, разрушая зыбкую связь. Возжигающий встряхнул головой, окончательно возвращаясь к мировосприятию посредством собственных органов чувств вместо глаз и ушей зверюшки. Разумеется, скворру нет нужды соваться под мёртвые глаза механизма — для этого есть симбионты.

Тихое попискивание привлекло внимание Знающего. Скворр нагнулся, присел на корточки. Явился... Голодный, как всегда. Сейчас, сейчас, мы тебя накормим...

Мышонок, заметно округлившийся, усердно поедает расколотый пополам орех, не обращая внимания на сеанс телепатии. Да, удачно, очень удачно. Мозг этого крохотного существа оказался вполне достаточным для переноски кратких сообщений. Пока достаточно, а там...

«Играющая В Тумане, здесь Возжигающий Огонь».

«Я ощущаю тебя, Возжигающий».

«Как скоро будут готовы биоконии?»

«Думаю, дней через шесть. Чужой генотип, ты должен понимать...»

«Это долго, Играющая. Это очень долго. Идущий Прямо там один...»

«Я знаю и помню, Возжигающий Огонь, и не надо на меня давить. Как только, так сразу. Но не надейся, что это будет завтра».

«Хорошо, Играющая. Помни — он там один, и на тебя вся надежда».

Мышонок, насытившись наконец, уже стоял на задних лапках, готовый к сеансу приёма. Возжигающий улыбнулся крохотному зверьку, взял на ладонь, сосредоточился...

Когда мозг существа усвоил всё, что нужно было передать Идущему Прямо, скворр отпустил мышонка, и тот резво побежал в направлении посуды Чужих. Знающий сосредоточился, возобновляя контакт с крылатым соглядатаем, глазастым ни, сидящим на ветке. С высоты дерева было хорошо видно, как крохотная светлая точка перемещается по ровному выжженному пространству. Четыре быстроскрылых кзу бесшумно рассекали воздух над самой землёй, прикрывая маленького гонца от возможного нападения. Ни один летучий хищник не решится связаться с кзу, тем более из-за столь ничтожной добычи. Ну а с наземными безмозглыми тварями у кзу разговор очень краток — один удар, и всё...

Мышонок между тем нырнул куда-то под корпус аппарата Чужих, и кзу, честно выполнившие свою задачу, стремглав взвились под облака. Скворр проводил их взглядом. Да, любой скворр обязан заботиться о своих симбионтах, кто бы они ни были. Он в ответе за всех, кого приручил. На том стояла и стоять будет благословенная Скворра.

«Знающий Больше Всех, здесь Возжигающий Огонь. Могу я вторгнуться в твои мудрые мысли?»

«Да, Возжигающий».

«Прежде всего, докладываю — гонец ушёл к Идущему Прямо. Гифы гриба под аппаратом Чужих развиваются плохо — поверхность почвы слишком выжжена, органики почти нет. Мной принято решение задействовать семя ро, оно пробьёт корку за день...»

«Хорошо, Возжигающий, тебе видней».

«Как Чужой?»

«Работаем. Но нам нужен другой пол, иначе генетики ничего не гарантируют».

«Это трудно. Самка в этой скорлупе одна и наружу почти не выходит».

«И тем не менее. Ты ведь понимаешь, второго шанса не будет».

«Хорошо. Я передам Идущему Прямо. Думаю, связь будет уже послезавтра».

«Идущего могут убить в любой момент, как ты понимаешь».

«Не раньше, чем Чужие поймут ещё несколько скворров. Это не моя мысль, это мысль самки Чужих. Она одна занимается у них изучением живущих на нашей Скворре».

«Я понял. И всё же, Возжигающий — как можно скорее».

«Хорошо, Знающий Больше Всех».

Моросящий мелкий, занудный дождь вкупе с серым свинцовым небом и скользкими отвратительными зарослями мог испортить настроение кому угодно, и притом в любой праздник. Тем более в такой день, как сегодня.

— Мистер Сторм, я оставляю вам Тома. Когда закончите...

— При всём уважении, сэр, в данном случае Томас Круз явно недостаточен, — не дослушав, мрачно перебил капитана невысокий чернявый человек лет сорока, в мешковато сидящем скафандре. — Напомню, я как представитель закона обязан соблюдать определённые формальности... раз уж так вышло. Сожалею, но вам придётся остаться.

Капитан Бренн покатал желваки, но вслух возражать не стал. Правильно понимает, подумал Сторм — сейчас не тот момент, чтобы разворачивать хвост веером. Разумеется, надежда умирает последней, но логика подсказывает — на неразумной планете похищение члена экипажа имеет только один смысл. Гастрономический. Ведь неразумные твари не знают, что употребление в пищу чужеродного белка может вызвать жуткую аллергию.

Арчибальд ещё раз оглядел место происшествия. Тяжёлый универсальный робот-андроид марки «арктан» стоял недвижно, как памятник, расставив могучие ноги, заканчивающиеся трёхпалыми титановыми ступнями. Рядом притулились его более мелкие собратья марки «красс», на фоне «арктана» выглядевшие как-то жалко. Вся скульптурная группа дисциплинированно мокла под дождём, терпеливо дожидаясь решения хозяев-людей. Чуть поодаль стоял глайдер с откинутым вверх блистером.

Все вопросы насчёт того, зачем геолог вылез из глайдера, да ещё и отключив системы слежениябезопасности, отпали сразу — вон она, причина, лежит под ушастым кустом. Да, на его месте Арчибальд Сторм тоже вряд ли устоял бы перед соблазном. Такой самородок, с ума сойти... Но в данном случае грех корыстолюбия был наказан стремительно и очень наглядно.

Боевой «центурион» висел в воздухе, еле слышно жужжа — похоже, наш доблестный механик не очень-то утруждает себя профилактикой бортовой робототехники, подумал мельком инспектор, разглядывая следы. Вот так он шагнул, а вот тут стояла эта тварь...

— Томас, старайтесь не наступать на следы! — Инспектор решительно направился в заросли, придерживая одной рукой экранчик портативного «следопыта», другой — рукоять скорчера. «Центурион» плавно двинулся следом, держась точно над головой Сторма. Если бы у бедняги Алана был такой охранник, ничего бы с ним не случилось, думал инспектор, с шумом продираясь через подлесок. Для мелких тварей скафандр неуязвим, а такую зверюгу, способную играючи утащить человека, робот уж точно заметил бы издали... Впрочем, он отключил бы и охранника — иначе как сохранить в тайне хищение самородка...

А, чёрт!

Небрежно обглоданная человеческая голень валялась в луже, и какие-то мелкие местные насекомые — или что тут у них вместо насекомых — копошились вокруг, радуясь неожиданному пиршеству. Дальше валялись ещё кости, обрывки скафандра... Пилот Круз позади издал характерный звук — парня явно тошнило.

— Сэр, вам придётся подойти сюда. — Арчибальд Сторм уже снимал на видео жуткую картину с разных ракурсов.

— Мне и отсюда всё отлично видно, Арчи, — угрюмо пробасил в шлемофоне голос капитана.

— И всё-таки, протокол положено подписывать на месте, убедившись своими глазами.

Короткая пауза.

— Чёрт бы вас всех побрал! И вас, Сторм, и этого олуха Галагэна!

Ну ещё бы тебе не злиться, усмехнулся инспектор. Такое пятно на послужном списке...

— Сэр... мы... дальше не пойдём? — Парень уже справился с тошнотными позывами, и если бы молчал, можно было бы сказать — держится кремнем. Однако голос пилота

заметно дрожал.

Сторм некоторое время молчал. Парень задал правильный вопрос. Очень правильный. Искать останки несчастного Алана в желудках множества местных тварей — а смысл?

— Нет, Томас. Вряд ли мы ему чем-то поможем, даже если разыщем фрагменты черепа.

* * *

Шелестящие звуки наплывали, дробились под черепом, распадались на бесплотные шепчущие слова.

«Думай. Вспоминай. Всё».

Глаза, какие пронзительные глаза... Кто бы мог подумать, что у чертей в аду могут быть столь пронзительные взгляды... И не шевельнуть ни рукой, ни ногой... ну да, он всё забывает — он же теперь бесплотный дух, какие у него руки-ноги...

«Думай, вспоминай!»

Мысли текли, как вода на лужайке во время дождя — мелкие струйки дробятся, сливаются, теряются в траве... или отвратительных слипшихся волосах, покрывающих стволы деревьев... какие могут быть волосы на деревьях? Там должна быть кора... такая шершавая на ощупь, смолистая, и иголки вместо этих жутких перепончатых лопухов...

«Ещё!»

Мелькают голенастые ноги, летит мяч... Сэндвичи в коробке — школьный завтрак...

«Ещё!»

Ворота гаража сворачиваются, и домашний глайдер — изящный «лемур» — выпархивает наружу, зависает в футе над газоном. Отец обнимает маму: «Ну, дорогая, ты довольна подарком?»

«Ещё!»

Пальцы порхают по клавишам, по экрану бегут строки — служебный документ... Какой именно, не разобрать... а впрочем, пусть черти разбираются, если им надо...

«Ещё!»

Помещения корабля проплывают вереницей перед внутренним взором... а вот и система управления шлюзом... только чертям там не пройти, там стоит хомодетектор, и шлюз автоматически блокируется, если в него попадёт чужеродный организм...

Обрубок без рук и ног, ещё недавно бывший Аланом Галагном, геологом Компании, висел на торчащей с потолка корявой не то ветке, не то корне, в обширной пещере, освещённой серым светом, сочащимся ниоткуда, — имитация естественного освещения была полной. Группа скворцов стеснилась возле подвешенного тела пленника. Знающий Больше Всех вздохнул — напряжение мысли, которое способны воспринять эти твари, превосходит все мыслимые пределы — собственно, такими усилиями можно создавать пещеры покрупнее этой. Кстати, мозговое кровообращение твари на пределе, ещё чуть, и хрупкие кровеносные сосуды не выдержат...

«Спать!»

Голова твари мягко опустилась на грудь, тело в сетке качнулось.

«Что скажете, Знающие?»

— Говори вслух, Знающий Больше Всех, пожалуйста. — Изменяющий Воду помотал головой. — Я как будто реку поворачивал...

— Это просто замечательно, что они столь нечувствительны к мысли. — Знающий Больше Всех пошевелил крыльями. — Будь они как мы, и у нас не было бы никаких шансов.

— Будь они как мы, нам бы ничего не грозило, — заговорил Знающий, сидевший с краю. — И мы продолжали бы спорить, насколько смехотворна гипотеза Вселенских Паразитов.

На сей раз Знающий Больше Всех ответил не сразу.

— Ты прав, как всегда, Хранитель Совести.

* * *

— ... Я поражаюсь, насколько измельчали нынешние мужчины. Между прочим, когда-то ваши предки добывали мамонтов, пользуясь одним копьём с острым камнем вместо наконечника!

— Да не злись ты, Ив. Правда, эти гаргульи настолько осторожные твари...

— И жалкий лепет оправдания, как сказал один древний русский поэт.

Иветта была расстроена и зла. Судя по предварительным данным, местные джунгли буквально кишели гаргульями, однако эти два олуха до сих пор не сумели добыть второй экземпляр.

— Короче так, мальчики. Мне нужно работать, и вы стоите помехой на моём пути к славе. Так и быть, я отложу вскрытие до завтра, максимум до послезавтра. Но за это время вы доставите мне ещё парочку, иначе ваша участь будет ужасна. Идите и без добычи не возвращайтесь!

— Да, мэм! — Оба пилота вытянулись в струнку. — Разрешите исполнять?

— Свободны! — Иветта всё-таки не удержалась, прыснула. — Охотнички...

В тесном ангаре плавали запахи горячего металла и пластика. Два колоннообразных робота техобслуживания неспешно ковырялись своими длинными многосуставчатыми манипуляторами в недрах глайдера. Механик рассматривал что-то на экране карманного компьютера, тыкая пальцем в тачпад.

— Привет ещё раз, Джимми. Нам срочно нужен глайдер.

— Опять?!

— Ты не прав, Джим. Глайдер нам нужен срочно потому, что мисс Иветте нужны свежие гаргульи, притом ещё более срочно.

— А по-моему, вам просто нравится кататься на природу, парни. Иначе вы давно уже поймали бы...

— И снова ты не прав, Джим. Эти мерзкие леса и этот свинцовый потолок вместо неба способны отвратить даже самых рьяных любителей природы. Так какой глайдер ты нам даёшь?

— Берите вон тот.

Оба пилота переглянулись.

— Это плохая шутка.

— А вот на этот раз неправы вы, ребята. Да, бедняге Алану не повезло, и что теперь? Инспектор не имеет ничего против использования аппарата, для следствия он уже не нужен. Этот вот разобран, а с того вы не слезали все последние дни. Без техосмотра я его не выпущу.

— Но...

— И никаких «но», Сэм. Либо берёте глайдер Галагэна, либо ждите.

Пилоты снова переглянулись.

— Ладно, Джимми. Том, загружайся!

Когда все приготовления были закончены, и блистер мягко встал на место, Морган пробурчал:

— А ведь он прав, Том. Ненормально тут что-то, неправильно.

— Что именно?

— Не знаю... Такое ощущение, что гаргульи чувствуют наше приближение за сотню миль. И глайдер, и «центурион»...

Круз почесал скулу. В словах напарника был резон. Если образцы мелкой живности удавалось добывать без особых проблем, то в охоте на гаргулий не помог даже летающий робот.

— Кстати, Сэм, я тут подумал... Что за тварь сожрала Галагэна? Мы не видели ничего подходящего на эту роль.

* * *

«Здесь Знающий Больше Всех. Отзовись, Идущий Прямо».

Сон слетел, как и не бывало. Ну наконец-то...

«Здесь Идущий Прямо. Ощущаю тебя, Знающий Больше Всех».

«Мы провели гифы гриба внутрь скорлупы. Как ты?»

«Пока ничего. Меня даже пробуют кормить».

«Чем?»

«А-а, крахмал и глюкоза в гранулированной смеси».

Идущий усмехнулся. Всё же их самка что-то понимает в биологии, поскольку не пыталась давать мясо и даже растительный белковый корм. Чужеродный белок вызывает аллергию.

«Есть ещё двое суток. Потом эта тварь будет меня потрошить».

«Она не успеет».

В мыслях Знающего сквозила такая уверенность...

«Это может случиться раньше, если они поймают...»

«Они не поймают».

Впервые за все эти ужасные дни и ночи скворр засмеялся вслух.

«Похоже, Чужие доживают последние вздохи?»

«Ну, не все, конечно, — Идущий ощутил ответную улыбку. — Но вот эти конкретно да».

Мимо скворра, вдоль стены пробежал маленький белый зверёк. Второй, третий, четвёртый...

«Передай моё восхищение Играющей В Тумане. За такое время подготовить биокопии...»

«Сам сообщи ей своё восхищение. У тебя теперь полная связь».

«Ты прав, Знающий Больше Всех. Я просто отвык... в этой жуткой кастрюле».

* * * Двигатель глайдера работал почти бесшумно, и шум рассекаемого машиной воздуха совершенно заглушал его. Впереди по сплошному морю облаков стелилась вытянутая тень — Люцифер только что взошёл над этой частью планеты.

— ...Я тебе говорю, они чувствуют излучение радара! Как иначе они могут узнать о нашем приближении? Мы идём над облаками!

— А почему тогда они не боятся радара гиперлёта?

Круз набрал было воздуха для продолжения спора... и выпустил. В самом деле, почему? Почему радар гиперлёта, вращающегося на орбите, не вызывает у гаргулий никакой паники, в то время как приближение глайдера производит реакцию, равноценную объявлению по радио: «Внимание, воздушная тревога»? Причём самое любопытное — эти твари буквально растворяются в джунглях. Никаких «свернувшихся кочанов», никаких нор...

— Нет, Том, дело тут нечисто. — Сэм пригладил волосы. Прозрачное забрало скафандра было откинута, поскольку глайдер был пока стерилен, ведь выхода наружу не было. — Однако... О, смотри!

На экране радароскопа явственно виднелись две крохотные точки, парящие над лесным массивом.

— Похоже, наша гипотеза пала, не успев окрепнуть. — Том опустил забрало. — Давай я поведу!

— Валяй! — Морган тоже захлопнул скафандр. — Значит, так. Выходишь в позицию и на полной тяге...

Стремительная титановая молния ринулась вниз на сверхзвуковой скорости, с ходу

проколов белёсую массу облаков своим узким телом. Миг, и вместо облаков под ними стремительно надвигающаяся твердь чужого мира, и ковёр джунглей распадается на отдельные деревья...

Что-то вдруг изменилось в мире. Что именно, пилоты понять не успели. Последнее, что увидел Сэмюэль Морган, — перекошенное лицо Круза, пальцы, выламывающие джойстик ручного управления на подлокотнике...

Катапульти сработали штатно, синхронно выбросив пилотов в разные стороны. Мощный удар воздушного потока, на такой скорости почти осязаемо твёрдого, едва не расплющил его вместе с креслом, и, когда растаяла зелень в глазах, Морган увидел...

«Знающий Больше Всех, здесь Гасящий Взглядом. Оба Чужих живы, аппарат разбился. Вдребезги».

«Да, Гасящий. Займитесь муляжами. У нас мало времени, скоро они будут тут».

* * *

— Мистер Бренн, я вынужден вас отвлечь.

— Слушаю вас, Арчи.

Капитан Бренн пребывал в скверном расположении духа, и даже крепкий ароматный кофе не в состоянии был исправить его. Впрочем, Сторм отлично понимал его: потерять премиальные из-за одного олуха... А премиальные у капитана не маленькие...

Инспектор сел в кресло напротив. Помедлив, капитан налил ему кофе из джезвы, пододвинул чашечку.

— Благодарю. — Сторм отхлебнул маленький глоток. — М-м... отлично... Скажите, Гарри, вы никогда не читали фантастических романов?

— У меня полно других дел, Арчи. Короче, если можно.

— Боюсь, слишком коротко не получится, — вздохнул инспектор. — Чем дальше, тем больше терзают меня смутные сомнения, Гарри. Я имею в виду дело Галагэна.

— Как будто вы на его месте устояли бы.

— Я не об этом. Возможно, и устоял бы. И дело тут вовсе не в моей кристальной честности, а в природном недоверии. Скажите, мистер Бренн, как часто вам встречались самородки такого размера, валяющиеся в кустах?

— Лотерея есть лотерея, Арчи. То, что мы с вами ни разу не выиграли ни гроша, ещё не значит, что подобных счастливиц не бывает в принципе.

— Хорошо, пусть лотерея... Я не геолог, Гарри, и потому сразу не сообразил. Но покопался тут в материалах покойного и теперь кое-что понимаю. Можно выиграть миллион по лотерейному билету. Но не по вырванной страничке записной книжки.

— То есть? — Капитан чуть наклонил голову набок.

— Самородок, лежащий вне золотоносной жилы, — нонсенс, мистер Бренн.

Он резко наклонился вперёд.

— Если бы дело происходило на Земле, я бы не сомневался ни секунды — тот самородок подбросили. Или, по крайней мере, обронили.

— Вам вредно читать романы, Арчи. Эта планета лишена разумной жизни.

Инспектор вновь откинулся в кресле.

— То-то и оно, Гарри. То-то и оно...

— Я не понял — вы сомневаетесь?

Сторм помолчал, явно подбирая слова.

— Я вижу все ваши возражения, мистер Бренн. Я и сам учил всё это дело на курсах подготовки — правда, вкратце. Полное отсутствие дорог и строений, нет никаких признаков использования огня... Отсюда вывод.

— Я же говорю, вам вредно читать романы, Арчи. Инопланетяне-дикари сожрали отважного миссионера... А между тем отсутствие огня одно уже делает ваших

гипотетических аборигенов просто животными. Не смышлёней земных обезьян. К тому же вы видели следы той твари. Если она и уступает в размерах слону, то ненамного.

— Скорее жирафу... Ладно, Гарри. Я знал, что вы мне не поверите. У меня нет никаких доказательств, это верно. Зато у меня есть чутьё. И оно подсказывает — не всё тут так просто. Кстати, мисс Леви так и не провела развёрнутый тест на разумность этой крылатой...

— Не смешите, Арчи. Во-первых, у Иветты полно работы, и, во-вторых, она специалист, а специалисту видней. И потом, какое отношение к той твари имеют гаргульи?

Инспектор ответил не сразу.

— Скажите, Гарри, у вас никогда не было в доме кошки или собаки?

— Не было. Но сейчас я уже жалею, что на корабле нет кошки. Пшёл!

Мышонок, стоявший столбиком, блестя глазёнками, с писком исчез в какой-то неприметной дырке.

— Чёрт знает что, развели мышей... — Капитан встал. — Мисс Леви получит выговор за бардак в виварии. Мне надо работать, Арчи. Если у вас больше ничего...

Запиликал сигнал вызова. Экран видео вспыхнул, и на нём возникло лицо бортинженера. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — случилось что-то чрезвычайное.

— Сэр, там... они потерпели катастрофу, сэр! * * * Обширная яма, окружённая поваленными деревьями, уже не дымилась — сеющий сверху дождь служил неплохим природным огнетушителем, и местные джунгли наверняка не знают, что такое лесные пожары. Совсем рядом с ямой валялся бесформенный комок грязной оранжевой ветоши, ещё недавно бывшей Сэмюэлом Морганом. Второго погибшего было не видно из-за нагромождения волосатых брёвен, но Сторм знал — он лежит там.

— ...Ошибка пилотирования, явная ошибка... Разве можно, такое пике... — Уайт старался придать своему голосу как можно большую убедительность, но это удавалось ему из рук вон плохо.

— Не суетись, Джимми. — Голос капитана в отличие от бортинженера был ровен. — Прибереги свои объяснения для комиссии. Надеюсь, у тебя хороший адвокат?

Сторм сдержал совершенно неуместную тут ухмылку. Да, без классного адвоката инженеру будет трудно. Вот Гарри Бренну адвокат ни к чему. Впервые, тюрьма ему не грозит, а во-вторых, безработному не следует сорить деньгами.

Три «центуриона» висели в воздухе, образуя равносторонний треугольник. Конечно, и одного такого робота хватит, чтобы разогнать любую орду дикарей, но инспектор настоял, чтобы взяли всех трёх, имеющих на борту «шаттла». Благо мисс Леви находится под защитой неуязвимых стен корабля.

Что-то вдруг изменилось в мире. Что? Что?! Да что же?!!

Все три «центуриона» вспыхнули разом, как магний, и рассыпались слепящим глаза фейерверком. Инспектор внезапно осознал, что валяется на спине, не чувствуя рук и ног.

Часть деревьев ожила, сворачивая перепончатые листья, трансформируясь на глазах в кошмарных монстров. Мимикрия, вспомнил Сторм мудрёное слово. Вот интересно — тогда, в школе, никак не мог вспомнить, а тут, спустя столько лет, запросто...

А на сцену уже выходили невысокие изящные твари с перепончатыми крыльями и длинными гибкими хвостами. Одна тварь встала в полушаге от инспектора, наклонилась, всматриваясь в человека огромными угольно-чёрными глазами без белков. И вдруг явственно улыбнулась.

— Эх... Гарри... — Сторму всё-таки удалось повернуть во рту пудовый язык, — зря... мисс... Леви... не провела... тест... на разумность...

* * *

Иветта плакала. Она понимала, что ничего сделать невозможно, что плакать глупо, но

слёзы градом катились из глаз, и остановить их усилием воли не удавалось.

Сэм... Глупый мальчишка, оба они глупцы, так бездарно погибнуть... Разумеется, Уайт, скотина, не сделал профилактику, иначе автоматика глайдера не допустила бы, но всё равно... Боже, боже... как всё хорошо складывалось... и за кого теперь ей выходить замуж?!

Девушка обвела взглядом тесное пространство центрального поста управления. Да, это капитан Бренн приказал ей неотлучно находиться на посту... мало ли... Как будто что-то может угрожать внутри корабля, это только параноик Сторм везде видит угрозы... глупо, как всё глупо вышло...

И только тут до Иветты дошло, что на контрольном экране, показывающем мозаику из картинок, отображающих внутренние помещения корабля, что-то не так... Что именно?

Она ткнула пальцем в одну из клавиш, и на весь экран развернулась панорама вивария, в котором содержали гаргулью. Голый пол, стены, корытце с водой...

Пусто.

Слёзы мгновенно высохли. Девушка сглотнула, пробежалась пальцами по клавиатуре. Первый ярус... ангар... коридор... жилой ярус...

Маленькие симпатичные мышата стайкой разбегаются откуда-то из-под пульта. Надо же... капитан будет в ярости...

Мышонок вдруг прыгнул на Иветту, молча и страшно, и бедро пронзила острая боль. Руки и ноги отнялись почти мгновенно, стало трудно дышать. Девушка обвисла в кресле. Кто бы мог подумать, ядовитые мыши, это открытие...

Броневая дверь мягко отошла в сторону, и в святая святых корабля вошла крылатая тварь. На задних лапах. Спокойно и уверенно.

— Как открыть главный вход? — Голос гаргульи до невозможности напоминал голос самой Иветты. — Думай! Быстро!

* * *

— Твой ход.

Ван Вейден, коренастый рыжеволосый верзила, откинулся на диване. Сидевший напротив Ли Чен задумчиво прищурил раскосые глаза, некоторое время пребывая в неподвижности. Затем коротким движением двинул вперёд пешку и хлопнул по кнопке шахматных контрольных часов.

— Опять твой.

— С тобой совершенно невозможно играть, азиат, — хмыкнул голландец, вновь придвигаясь к доске.

— Это тебе не девятнадцатый век, белый колонизатор, — в тон коллеге ответил китаец. Рыжий утробно заухал-засмеялся.

— Кстати, насчёт колонизаторов. Ты уже приобрёл акции старины Хэнка?

— Да, немного есть такого.

— А я хочу здесь землицы прикупить. Пока она стоит гроши.

— Она долго ещё будет стоять гроши. Двадцать лет будешь ждать?

— А что, и буду. Не мне, так детям моим...

— Или внукам. Огорчу тебя, Иорген. Компания провела закон о моратории. Так что приходи через двадцать лет, притом с большими деньгами.

— Дьявол... — Было видно, что голландец и в самом деле здорово расстроен. — Сказать откровенно, чего-то подобного я и ожидал. Всё, сдаюсь уже!

— Реванш? — Ли Чен сгрёб фигуры с доски.

— Нет, давай уже готовиться к приёму груза.

Китаец вздохнул.

— Не думал, что так всё обернётся. Два ЧП и три трупа.

— Да, у кэпа большие проблемы. Кстати, как я понял, у Джима ещё больше. Глайдер-то

гробанулся, как ни крути.

Ли Чен задумчиво разглядывал изображение на голографическом экране, заменявшем на гиперлёте обычные окна и иллюминаторы. Бок планеты круглился, окрашенный во все мыслимые и немыслимые оттенки белого. Да, именно так — поскольку никаких других тонов облачный покров планеты Грэхем-5 (по каталогу Компании) не имел.

— Внимание, борт! — раздался в динамике суровый голос капитана. — К вам летит глайдер с грузом. Примите как следует.

— Да, сэр! — подобрался Ван Вейден. — Скажите, они...

— Сэмюэл Морган и Томас Круз честно исполнили свой долг перед Компанией и всем человечеством! — отчеканил капитан, на корню гася все расспросы. — Ещё вопросы? Я имею в виду по делу.

— Нет вопросов, сэр! На борту всё работает штатно.

— Тогда всё у меня.

На экране между тем возникла яркая пульсирующая точка — маяк-мигалка глайдера. Он был бы совершенно незаметен на фоне ослепительно белой планеты, но на фоне космической черноты...

— Пойдём в шлюз, Ли. — Голландец встал. — Не дело поручать всю процедуру роботам. Как ни крути, они были неплохие парни.

В шлюзовой, разделённой надвое прозрачной стеной силиколлы, было пусто и холодно, резкий свет натриевых ламп отражался в металле, наполняя помещение неестественным сиянием. Завыл вакуум-насос, откачивая воздух. Его вой становился всё истошнее, пока вдруг не оборвался на самой высокой ноте. Стальная махина наружного люка дрогнула и поползла прочь, открывая выход в открытый космос. Ван Вейден поёжился — как ни крути, а сознавать, что вот за этой прозрачной стенкой абсолютная пустота, это... во всяком случае, адреналина добавляет, точно.

Глайдер всплыл в шлюз бесшумно, мягко опустился на пол. Наружный люк столь же медленно и величаво пополз назад. Ещё минута, и раздалось глухое шипение — воздух возвращался туда, откуда был изгнан несколько минут назад.

— Я открываю? — Голос китайца отчего-то просел.

— Да открывай уже, чего тянуть... — угрюмо пробурчал Ван Вейден. Однако напарник отчего-то не спешил повернуть ключ-бирку в гнезде.

— Ты чего, Ли? — уставился на него голландец.

— Не знаю, Йорген. — Ли Чен оглянулся на глайдер, мирно стоявший на полу шлюзовой. — Мне кажется, там... не могу объяснить...

— В твоём возрасте уже не пристало бояться покойников, Ли, — хмыкнул Ван Вейден. — Мёртвые не кусаются. Да открывай уже!

Не дождавшись, голландец сам повернул в гнезде ключ-бирку, откинул крышечку и нажал утопленную в пульт кнопку. Прозрачная стена, разделявшая шлюз, мягко поползла вбок.

— Ну вот, а ты боялся. Давай роботов и носилки, и попрощаться с ребятами...

Но китаец только таращился мимо совершенно дикими глазами, словно за спиной Ван Вейдена разверзлась преисподняя. Голландец обернулся...

Блистер и боковые люки глайдера были раскрыты, и оттуда выбирались твари, которые нормальный человек может увидеть разве что в ночном кошмаре.

Дикая боль скрутила, сбила дыхание, и наступила тьма...

* * *

Они стояли по росту в одну шеренгу. Восемь мужчин и одна женщина.

— Готовы ли вы? — Знающий Больше Всех пошевелил крыльями.

— Да, хозяин, — хором ответили люди.

Скворр оглядел своих питомцев. Да, люди выглядели сейчас лучше, чем до посадки на планету. Правда, руки у Галагэна отросли чуть длиннее прежних, но это пустяки, почти незаметно.

— Капитан?

— Всё будет хорошо, хозяин.

— Инспектор?

— Я всё помню, хозяин. Всё у нас получится.

Арчибальд Сторм демонстративно спрятал маленькую пробирку с наклейкой какого-то лекарства в нагрудный карман. Знающий улыбнулся. Да, науке скворров не нужны громоздкие боевые машины. Одной такой ампулы достаточно — мельчайшие, почти невидимые человеческим взглядом мошки, способные размножаться в ветвях земных деревьев, разнесут Вирус Культуры по всему вражескому миру, и очень, очень скоро он перестанет быть вражеским. Тем более скоро, так как ампула не одна.

— Знающему Больше Всех идти в логово Вселенских Паразитов... — Молодой скворр, стоявший рядом, упрямо тряхнул крыльями. — Нет, это немыслимо...

— Они скоро перестанут быть Вселенскими Паразитами, — возразил Знающий. — Паразиты погибнут. Останутся двуногие разумные, именующие себя людьми.

— И всё же это огромный риск, Знающий Больше Всех. — Идущий Прямо свивал хвост в кольца. — Ну почему именно ты? Я понимаю, когда нас уже будут встречать с восторгом... Ты нужен Скворре, Знающий Больше Всех. Здесь нужен, а не там, сидящим в виварии...

— Во-первых, виварий, это ненадолго, — улыбнулся старый скворр. — А во-вторых, не годится мне напоминать Знающему, пусть и молодому, главный закон Скворры. Каждый лично в ответе за тех, кого приручил, Идущий Прямо.

Елена Перепёлкина

Планета призраков

Когда Дину предложили этот заработок, он, ни минуты не колеблясь, дал согласие. Он давно сидел на мели. Его жена Джулия ждала второго ребенка и работать уже не могла, а сам Дин, поссорившись с Главинспекцией, оказался на улице. Кое-какие сбережения у них были, и голодная смерть им пока не грозила, но все-таки... Нужно было срочно устраиваться на работу, ведь скоро их станет четверо.

Единственное условие, которое поставил Дин, когда ему предложили контракт, это жить на Л-412 всей семьей. К его удивлению, администрация легко согласилась на это и даже предложила доплачивать за жену и дочь довольно крупную сумму.

Дин подписал контракт на год и довольный вышел в коридор. Навстречу широким шагом шел Ренольд.

— Хеллоу, — Ренольд протянул руку. — Все еще мыкаешься?

— Нет, — улыбнулся Дин. — Контракт подписал.

— Куда? — насторожился Ренольд. — Что-то я не слышал, чтобы куда-то набирали.

— На Л-412.

— Ты спятил, — спокойно сказал Ренольд. — Туда же никто, кроме идиота, не сунется, — заметив изумление на лице Дина, он объяснил: — Жуткая планета. Два года назад там была колония из двенадцати человек. Двое покончили с собой, трое спятили, у остальных большие психические расстройства.

— Не может быть, — прошептал Дин.

— Помнишь Джима, Боба и Дика?

— Неразлучную троицу?

— Бывшую неразлучную троицу. Теперь они терпеть друг друга не могут. Даже зарплату в разные дни получают, чтоб случайно не встретиться. А ведь крепкие ребята были. Из каких только передраг не вылезали целы и невредимы.

— Действительно, странно, — пробормотал Дин.

— Они Л-412 планетой призраков прозвали. Когда еще там были.

— Призраков? Это такие...

— Это никакие. Никто ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знает и не понимает. Но все бывшие там уверены, что на Л-412 есть нечто такое... Способное сделать с человеком все, что угодно. Но электронная система сбора информации никакой информации относительно этой нечистой силы не собрала. Единственное, что удивляет, — это видеокассеты. Потрясающе. Все колонисты бродят с перекошенными лицами, шарахаясь друг от друга, вздрагивая и озираясь. Коллективная мания преследования. В общем, экспертная комиссия постановила, что там какой-то вирус, что ли... Замяли дело, сдали в архив и терпеливо поджидали тебя с контрактом. Ты один летишь?

— С семьей, — растерянно проговорил Дин.

— Поздравляю, — усмехнулся Ренольд. — Желаю выжить. Привет Джулии.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но внезапно обернулся и хлопнул Дина по плечу.

— Не бери в голову, старик. Может, и нет там ничего. Схватили ребята по дороге порцию инфразвука, вот и результат. Шеф — человек порядочный, на верную смерть никого еще не послал, а за риск платит, дай боже.

Ничего не понимая, Дин вернулся домой. Джулия сидела у окна и опять чинила приемник. Она недовольно морщилась от запаха канифоли.

— Ну, как? — спросила она.

— Подписал. — Дин устало присел рядом. — Только что-то на этой Л-412 нечисто. Ренольда видел, он рассказывает такие ужасы, что я просто боюсь.

— Глупости, — улыбнулась Джулия. — Я с Дорой разговаривала. Л-412 — вполне приличная планета, живая, но без разума. Растения там, простейшие, насекомые... Хищников никаких. В общем, как на курорте. Да и, кроме того, нам все равно деваться некуда.

— Но, говорят, там вирус какой-то.

— Досужие бредни. Нет там ничего, что способно повредить человеку. Неужели ты можешь поверить, что восемь биологов не нашли бы того вируса, когда они только тем и занимались, что исследовали местную живность.

— Значит, ты все знаешь?

— Послушай, — устало сказала жена. — Деваться нам все равно некуда. Мне нужно спокойно родить, тебе — реабилитировать себя. Нам пора уже помнить о старости. А поездка на эту планету — наш золотой шанс. Вернемся через год, и на всю жизнь будем обеспечены.

— А если не вернемся?

Она вздохнула.

— Во всяком случае, не придется просить милостыню.

— А дети?

— Ты думаешь, они будут счастливы, если мы будем нищими? Нет, я решила лететь и отступать не хочу. Ну, перестань киснуть, мы будем там осторожны, и все будет хорошо. Вот увидишь.

Дин вздохнул, но ничего не ответил и, отобрав у жены приемник, сам взял в руки паяльник.

* * *

Для будущих поселенцев на Л-412 была отправлена партия роботов. Дом-лаборатория, оставшийся от первой колонии, был приведен в порядок, вокруг него забетонирована большая круглая площадка, и все будущее жилище Дина, Джулии и их пятилетней Анны было накрыто прозрачным куполом со сверхпрочными стенками.

Ни экипаж корабля, ни будущие поселенцы не покидали звездолета до тех пор, пока работы по благоустройству не были закончены. Таково было распоряжение компании, и это казалось зловещим. На прощание роботы простерилизовали все под куполом жестким излучением, через день сняли оставшуюся радиацию и сообщили, что можно вводить людей. Ничего живого под куполом больше не могло остаться.

— Обживайтесь, — улыбнулся командир корабля. — По связи с филиалом фирмы на Л-002 получите все указания относительно того, какие именно программы выполнять в первую очередь, но я вам посоветую вот что: за каждое задание вне купола требуйте дополнительную плату. Они пойдут на это, я мельком слышал разговор шефа. Ну, счастливо. Желаю вернуться.

Поблагодарив его, Дин присоединился к семье. Все трое надели скафандры и вышли из корабля.

Печальный, неземной лес окружил их. Они не слышали звуков, но видели удивительно яркий, словно осенний пейзаж. Какие-то мхи, выше человеческого роста, были увешаны разноцветными шарами. Возле этих шаров копошились пестрые насекомые с тремя лапками. Ярко-голубые паучки перебегали им дорогу.

— Ой, какой, — внезапно воскликнула Анна и рванулась из рук матери в кусты, куда прыгнуло какое-то, похожее на кузнечика, насекомое.

— Не смей! — воскликнула мать и судорожно сжала руку дочери.

— Больно, — захныкала Анна, но Джулия ничего не ответила, опасливо озираясь вокруг.

— По-моему, не так страшно, — наконец сказала она.

— Это может быть обманчиво, — на всякий случай предупредил Дин.

— Я понимаю, — согласилась она.

Вошли в шлюз камеру, продезинфицировались, разделись.

— Вот мы и дома, — облегченно вздохнула Джулия и, отвернувшись, тоскливо добавила: — Какая я дура.

Она плохо перенесла полет, ей все еще нездоровилось, поэтому она предложила поужинать концентратами.

«Я бы предпочел приличный бифштекс с кровью», — подумал Дин и поймал на себе изумленный взгляд жены.

— Обжора, — сказала она, *совершенно не разжимая губ*.

Дин слегка обиделся, но тут же вспомнил, что она в положении, и ласково потрепал жену по щеке.

Они поели и легли спать, а ночью Джулия увидела... призрак. Точнее это было нечто слабо светящееся, двигавшееся в дальнем конце коридора. Она растолкала мужа.

— Пойдем вместе, а то мне страшно, — шептала она.

Они вышли вдвоем. Коридор был пуст.

— Померещилось? — спросил он.

— Не знаю. — Она пожала плечами и вернулась в постель.

Уснули они с трудом.

Утро началось с неожиданностей.

— Пойди, умойся, — строго сказала Джулия дочери.

— Я уже умылась, — весело сказала дочка и, чуть помедлив, добавила: — Только зубы не чистила. Леня что-то.

Подобных признаний она никогда не делала, поэтому родители недоуменно переглянулись и рассмеялись.

Сели за стол.

— Мерзкая каша, — сказала Анна, осторожно отщипывая ложкой кусочек овсянки. — Аж тошнит.

Джулия посмотрела на Анну, и глаза ее наполнились слезами. Всклипнув, она выбежала за дверь.

— Зачем ты обидела маму? — строго спросил Дин.

Девочка посмотрела на отца в немом изумлении, и тут он сообразил... она говорила про кашу, не разжимая губ.

— Анна, что ты сказала про кашу?

— Ничего, — прошептала девочка и тут же добавила: — Пичкают всякой дрянью, да еще вопросы задают.

И он снова увидел, что произнесла она вторую часть фразы, не разжимая губ. «Значит, эти слова произнесла не она? А кто? Голос-то был ее, — он провел ладонью по лицу. — Значит, она это только *подумала*?»

Вернулась успокоившаяся Джулия.

— Какова нахалка, — сказала она, *не разжимая губ*. — Вконец избаловалась.

Анна глянула на мать и опустила нос в тарелку. На кашу закапали слезы.

«Перестаньте ссориться, — мысленно сказал им Дин. — Будьте ласковы друг с другом. Я вас очень люблю». — Но по недовольным лицам жены и дочери он понял, что они ничего не слышали. «Я — кретин», — подумал он и тут же поймал на себе изумленный взгляд жены.

— Почему? — спросила она, шевеля губами.

— Тут кто-то есть, — сказал он.

— Духи и привидения, — насмешливо проговорила она.

— Похоже, — без тени иронии согласился он.

— Хочу увидеть духа, — тут же пискнула Анна. — Покажи мне духа.

В ее глазах светился такой восторг ожидания, что Дин смутился и, ни слова не говоря, занялся кашей. Больше в тот день ничьих мыслей никто не слышал. Дин и Джулия занимались обустройством жилища, а Анна бегала по комнатам и, повизгивая от возбуждения, «обживала территорию», как выразилась Джулия.

Вечером в постели Дин решил поговорить с женой.

— Тебе не кажется странной сегодняшняя размолвка за столом?

— Кажется, — согласилась она. — Но я не могу ничего понять.

— Я тоже пока еще не все понимаю, но у меня такое ощущение, что кто-то живой здесь есть.

— Это после жесткого-то излучения? — удивилась она.

И тут они оба увидели такое, что замерли, боясь дышать. Нечто, слабо светящееся, вползло в щель под дверь, словно кто-то из коридора просунул лист слабо мерцающей бумаги. Это нечто, бесшумно скользнув в комнату, тут же собралось в шар величиной с футбольный мяч, прокатилось по полу, ударившись в стену, растеклось по ней фосфоресцирующим пятном и двинулось вверх. Жена судорожно вцепилась Дину в ладонь. Нечто юркнуло за шкаф и притаилось. Дин встал и включил свет.

— Не подходи к шкафу, — жалобно прошептала Джулия.

Но он все-таки решительно шагнул к стене и, нажав плечом, отодвинул шкаф. Ни на стене, ни на задней стенке шкафа ничего не было. Жена уже лихорадочно собирала подушки и одеяла. Дин отобрал у нее узел и понес его по коридору.

— Куда? — спросил он.

— Давай в зал. — Она решительно отодвинула стеклянную дверь.

Дверь была шарнирной, толстой и совершенно прозрачной. Практически без щелей. Щели, конечно, были, но просунуть туда даже лист бумаги казалось невозможным.

Они постелили постель и легли. Долго Джулия не могла успокоиться, но, наконец, затихла, и Дин услышал ее ровное сонное дыхание. А к нему сон не приходил. Дин вздыхал, ворочался и, в конце концов, увидел сквозь дверь катящийся по коридору светлый шар. Визитер замер перед стеклянной дверью, и Дин разглядел его лучше. Это нечто было не совсем круглое, если бы Дин захотел описать его форму, то, скорее всего, остановился бы на капле ртути. Наткнувшись на дверь, нечто растеклось по ней и быстро забегало по стеклу, явно намереваясь проникнуть в комнату. Но щели были слишком малы. Оно заметалось

сильнее, пробежалось по периметру двери несколько раз и замерло в левом верхнем углу.

«Ага, — злорадно подумал Дин. — Сюда-то ты не пролезешь». — И тут он увидел, как светлое пятно снова собралось в шар и начало быстро продавливать себя, словно пасту из тюбика, в совсем крошечное отверстие. Просочившись в комнату, медленно сползло по стеклу и тут же метнулось в книжный шкаф.

— Джулия, — сказал Дин. — Оно здесь.

— Отстань, — сонно пробормотала жена. — Я спать хочу.

Он собрался, было, встряхнуть ее за плечо, но подумал: «А ведь от него все равно никуда не спрячешься, пусть уж она поспит спокойно».

— Правильно, — согласился некто.

— Ты кто? — быстро спросил Дин, но ответа не последовало.

Дин встал и сунул руку в книжный шкаф, туда, куда только что скрылся незванный гость. На полке кроме книг ничего не было. Пока не замерз, Дин стоял, размышляя, но, в конце концов, предпочел вернуться в постель. Кипя гневом, он обнял Джулию и решил не спать всю ночь, оберегая жену. Однако уже через несколько минут крепко уснул.

Он спал и не видел, как медленно и осторожно двигалось по холодному полу так напугавшее их создание и, чуть помедлив, скользнуло к ним под одеяло.

Проснулся Дин от того, что жена, расчесывая волосы, что-то напевала.

— С добрым утром, — сказала она.

Он сладко потянулся:

— Кошмар рассеялся?

— Да, — засмеялась она и продекламировала. — «Младенческие ужасы ночные. О, как они смешны при свете дня...» Не помнишь, как дальше?

— Не помню, — зевнул Дин. — Ты выпалась?

— Прекрасно. Мне снился такой удивительный сон. Просыпаться жалко было. А тебе что снилось?

— Что? — Дин напряг память. — Мне снился какой-то остров, и мы на нем. Там была пещера...

— Увитая плющом, — подхватила она. — И источник, такой круглый с гладкими стенами.

— Овальный, — уверенно поправил он ее.

— Да. Овальный, — радостно согласилась она, и вдруг лицо ее вытянулось. — Мы видели один и тот же сон?

Джулия испуганно прикрыла рот ладонью.

— Но этого не может быть, такого не бывает, — прошептала она.

— Нужно спросить у Анны, что снилось ей, — растерянно пробормотал Дин.

— Мы — идиоты! — воскликнула жена, всплеснув руками. — Ну, ладно сами сюда сунулись, но ребенка-то зачем было тащить? Нужно было отдать ее в интернат.

Анну они застали за самым предосудительным, с их точки зрения, занятием. Из простыни она сделала себе длинную, волочащуюся по полу юбку, из покрывала — тяжелый шлейф, и в тот момент, когда в комнату вошли родители, она, стоя возле зеркала, самозабвенно красила лицо акварельными красками и была в восторге от самой себя.

— Ты что делаешь? — гневно воскликнула Джулия и уже шагнула к дочери с самым недвусмысленным намерением, но Дин поймал ее за руку.

— Анна, — вкрадчиво спросил он, присаживаясь возле дочери на корточки. — Тебе что-нибудь снилось сегодня?

— Ага, — радостно сообщила девочка, сразу поняв по лицу отца, что до нагоняя он не допустит.

— Что тебе снилось?

— Щеночек, — уверенно сказала она. — Вы подарили мне щеночка. Такого вот.

Она слегка раздвинула ладони, показывая, какой был щенок.

— А хвостик у него был вот такой. — Она показала мизинец. — И мы с ним бегали.

Показать как?

— Не надо, — с облегчением вздохнул Дин. — Мы тебе верим.

— Еще бы... — насмешливо сообщила Анна, *не разжимая губ*.

— Я сойду с ума, — прошептал он и вывел жену из комнаты.

— Иди, умойся! — крикнула Джулия дочери и дернула плечом. — В чем дело?

— Оно здесь. Оно не делает зла, но все время хочет нас посорить. Ты не находишь?

— Пожалуй, — неуверенно согласилась она.

За завтраком возникла настоящая перепалка, в которой никто из участников не раскрыл рта.

«Опять каша», — уныло подумал Дин.

«А тебе бы хотелось, чтоб я ночь напролет жарила бифштексы?» — съязвила жена.

«Можно бы разок и пожарить. Для любимого мужа», — не удержавшись, подумал он.

«Вот встанешь завтра и пожаришь. А я с удовольствием съем», — мысленно отозвалась Джулия.

«Психи», — молча сообщила Анна, глядя то на одного, то на другого родителя.

— Хватит! — крикнул Дин.

Он помолчал некоторое время и вдруг, не выдержав, грохнул кулаком по столу. Тарелки подпрыгнули, разбрызгивая кашу.

— А ну, вылазь! — рявкнул он, в бешенстве оглядываясь по сторонам. — Эй, где ты тут? Вылазь живо. Кому говорят? Иначе... — Он в отчаянье сжал кулаки. — Иначе, я сегодня же дам радиограмму. Пусть забирают нас отсюда.

Из плафона, висящего на потолке, показалось Оно. Неторопливо приняло форму капли и бесшумно шлепнулось на пол. Анна замерла, не донеся ложку до рта.

— Боже, — прошептала Джулия и уронила руки на колени.

В ярком дневном свете Оно не светило и было бы похоже на шар какого-то голубовато-белесого тумана, если бы можно было представить себе туман шаровидным.

— Ты кто? — спросил Дин.

— У вас нет такого слова, нет такого понятия, чтобы я объяснило, — довольно внятно произнесло Оно.

— Ты один тут? Под куполом? — строго спросил Дин.

— Да, — согласилось Оно. — Пока что одно.

— В каком смысле «пока»? — взорвался Дин.

— Пока не разделилось, — уточнило Оно.

— Так ты еще и делишься? — простонал Дин. — А скоро это случится?

— Еще не знаю. Это от меня не зависит, — произнесло Оно и добавило: — Я сообщу, когда это случится.

— Спасибо, — хмуро кивнул Дин. — Мы будем очень признательны.

— Признательны? Это как? — заинтересовалось Оно.

Джулия решила вмешаться.

— Мы угостим тебя чем-нибудь вкусным. Что ты любишь есть?

— В вашем понимании я вообще не ем.

— Так чем же ты питаешься? — изумился Дин.

— Я не питаюсь, я — поглощаю.

— Что ты поглощаешь? — со страхом прошептала Джулия и притянула к себе дочь.

— Я поглощаю энергию.

— Какую? — в один голос спросили Дин и Джулия.

— Всякую. Свет, тепло... Потом мне очень понравилось излучение, которое тут недавно было, я даже светиться начало...

— А от нас-то что тебе надо? — удивился Дин. — Мы же никаких видов энергии не излучаем.

— Излучаете. Вы — чувствуете. Радуетесь, ссоритесь. Это тоже энергия.

Муж и жена переглянулись.

— Мы не ссоримся, — сказал Дин. — Это ты нас ссоришь, перестань, и мы не будем тебя трогать.

— Потрогайте, — предложило Оно. — Вы теплые, и мне будет приятно.

— А это не опасно для нас? Не повредит? — проявила осторожность Джулия.

— Нет. Я же не повредило никому из тех, кто был тут до вас.

Джулия многозначительно поглядела на Дина.

— Они трогали тебя? — осторожно спросил Дин.

— Они не верили, что я есть. Я же не светилося.

— Но какие-то приборы тебя обнаруживали?

— У вас нет таких приборов. Я вообще для вас не материально.

— Бред какой-то, — сказала Джулия.

— А мне он нравится, — внезапно вмешалась в разговор Анна. — Давайте назовем его Топик. Или Тяпа.

— Вот только Топика мне и не хватает, — устало сказал Дин.

— А мне — Тяпы, — глухо отозвалась жена.

— А как же его назвать? — забеспокоилась Анна. — Нельзя же без имени. Как тебе хочется, чтоб тебя звали?

Оно долго молчало.

— У тебя очень вкусные эмоции, — наконец, сообщило Оно. — Но мне больше нельзя. Я должно покинуть вас. Переизбыток энергии вреден.

И Оно медленно двинулось к двери.

— Постой! — крикнула девочка. — Ты совсем уходишь?

— Нет, на время. — Оно без труда проскользнуло под дверь и скрылось.

— Анна! — строго сказала Джулия. — И думать не смей играть с ним. Это тебе не щенок.

— А что это? — Глаза дочери светились любопытством.

— Черт его знает что, — развела руками Джулия. — Неизвестно еще, можно ли с ним под одной крышей находиться. Может, даже это опасно.

— Вполне вероятно, — стараясь выглядеть солидным, согласился Дин. — Пойду дам радиogramму.

— И потребуй дополнительной платы, — сказала Джулия. — Сообщи, что иначе жить на этой планете мы отказываемся. Только не вздумай поставить их в известность об этом... нематериальном аборигене, иначе там решат, что мы уже спятили.

Дин ушел, а часа через три вернулся испуганный и обрадованный одновременно.

— Джулия, — сказал он. — Они говорят, что если мы продержимся тут до конца контракта, сумма выплаты удвоится. Ты представляешь, какие это деньги? Деньжищи. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что это неспроста. Но надо попробовать.

— Надо, — не удержавшись, подтвердила дочь.

Она сидела за столом и что-то рисовала красками. Дин подошел и заглянул ей через плечо.

На листе бумаги было нарисовано бледно-голубое расплывчатое пятно. Он сразу догадался, что это Оно, только у пятна были пририсованы ручки, ножки и лицо, с очень широкой улыбкой. Дочь испытующе заглянула в глаза отца.

— Похож?

— Несомненно.

— Но как его все-таки назвать?

— А зачем ему имя?

— У всех есть, и ему надо.

— Этот ребенок сведет меня в могилу, — вздохнула Джулия. — Надо отправить ее отсюда, пока не поздно. Не сегодня-завтра, она полезет целоваться с этим... Даже не знаю, как назвать-то...

— Ну, мамочка, — захныкала Анна. — Ну, мамуленька, мамусечка, не надо. Я буду без вас так скучать.

— Будешь слушаться? — строго спросил Дин.

— Буду-буду. Я ни за что не буду с ним играть, — она помолчала. — А имя ему все-таки нужно.

Отец вздохнул.

— Ну, предположим, назовем мы его Тяпа, а он возьмет и разделится. Что тогда? Одна часть будет Тя, а вторая Па?

— Нет. Он сам решит, какая часть будет Тяпа, а другую назовем Топиком.

— Оставьте вы меня в покое со своим ТяпикомТопиком? — сердито крикнула мать. — Ведь это же я не знаю... Я не знаю... Бармадон какой-то, — и она, всхлипнув, выбежала из комнаты.

— Бар-ма-дон, — задумчиво проговорила Анна и широко раскрыла глаза. — Папа, я решила, он будет Бармадон.

— Ты действительно способна свести с ума, — буркнул Дин и отправился искать жену.

Странно, но с этого дня Оно стало попадаться им гораздо реже и больше не ссорило их. Временами Дин и Джулия даже забывали о нем и жили так, будто ничего не случилось. С Л-002 стали присылать задания Дину, со дня на день ждали появления нового члена семьи, а потому было совсем не до выяснения отношений с Бармадоном, который и есть-то неизвестно что.

Джулия, подозревая недоброе, старательно следила за Анной, но ничего предосудительного заметить не могла. Анна вела себя на редкость послушно и больше не заговаривала о Бармадоне, но это, одновременно, радовало и тревожило Джулию.

— Просто она повзрослела, — сказал Дин, когда жена поделилась с ним своими опасениями. — А может, прискучил ей наш квартирант. Игрушки быстро надоедают.

Но однажды у Дина забарахлила кванто-торсионная рация, и он провозился с ней до поздней ночи. Проходя мимо комнаты дочери, он услышал.

— Бармадульчик, ты здесь?

— Здесь, конечно.

Дин замер и приложил ухо к двери.

— А ты меня сегодня к своим поведешь?

— Они сегодня сытые. День был солнечный.

— А мы не будем зажигать костер. Мы просто так...

— Нет. Я скоро разделюсь, мне трудно много двигаться.

— Значит ты, как мама, — взвизгнула Анна. — Ой, как здорово. Когда ты согласишься, мы устроим солнечный пир. Хочешь?

— Хочу. Только я совсем не как твоя мама. У меня не будет маленького Оно.

— А что будет? Два средненьких?

— Да.

— И вы оба будете жить у меня? — обрадовалась девочка.

— Нет. Для двоих здесь не хватит света, и если никто из двух не согласится сам уйти в лес, тебе будет тяжело. У тебя, конечно, самые вкусные эмоции, но прокормить обоих ты не сможешь, значит, придется опять что-то придумывать с твоими родителями.

— Они сбесятся, — грустно сказала Анна. — Лучше бы их не трогать.

— Я это понимаю. Всем Иче было бы хорошо, если бы вы прожили здесь дольше. Когда на планете нет людей, мы часто голодаем. Мы не можем сами развести костер, мы же нематериальные. Только благодаря тебе мы наконец-то можем жить, не боясь, что небо покроется тучами на целую неделю и тогда нас останется всего несколько. И все придется начинать сначала.

— Какой ужас, — вздохнула Анна. — А если небо на целый месяц покроют тучи?

— Тогда исчезнут все.

— И никогда-никогда больше не появятся?

Дин не выдержал, открыл дверь и вошел.

Бармадон постепенно утрачивал способность светиться и выглядел теперь чуть белесым пятном на полу.

— Давайте вместе думать, — сказал Дин и сел рядом с дочерью на кровать.

— Папа, — пискнула Анна, бросаясь ему на шею. — Ты тоже с нами? Ведь мы непременно поможем им? Да?

— Во всяком случае, попытаемся, — заверил ее отец.

— У вас очень холодный пол, — сообщил Бармадон. — Можно мне к вам забраться?

— Давай, — махнул рукой Дин, и шар, подкатившись к его башмаку, мгновенно растекся и скользнул к Дину на колени, где вновь принял прежнюю форму.

Бармадон был совершенно невесом. Дин протянул руку, желая, впервые, погладить загадочное существо, но рука беспрепятственно прошла сквозь слабо светящееся пространство и легла на колено. Дин ощутил шероховатость ткани и вздрогнул.

— К тебе, Бармадон, невозможно привыкнуть. Ты — нечто такое, что начисто опровергает здравый смысл и физические законы. Ты просто не можешь существовать.

— А я и не существую, я просто есть.

— Ничего, Бармадончик, — ласково сказала Анна. — Папа привыкнет. Правда, папа?

— Постараюсь, — пообещал Дин и осторожно вытащил свою руку из Бармадона. — Тебе не больно?

— У нас нет боли. Но иногда я себя плохо чувствую, когда переберу энергии или сильно недоберу. Тогда мне ничего не хочется.

— Послушай, Бармадон, — сказал Дин. — Чтобы тебе помочь, я должен хоть как-то представлять, что ты такое. Попробуй рассказать.

— Ты все равно не поймешь. У вас нет таких слов, какие мне нужны.

— Я расскажу, — вдруг решительно сказала Анна. — Они зовут себя Ич или Иче. Их очень мало. Они слабые и часто гибнут. Правильно, Бармадон?

— Правильно. Только мы не гибнем, мы — исчезаем. Особенно легко исчезнуть, пока ты делишься или сразу после этого. В это время нужно много энергии, а ее не стало. Раньше на планете было тепло, и жила цивилизация Иче. Вся планета была покрыта нами, а теперь остались только отдельные островки, и между ними нет общения. Возможно, те двадцать три Иче, что живут в лесу, — это последние на планете.

— Ты говоришь о цивилизации, — задумчиво сказал Дин. — Но разве может быть цивилизация, которая ничего не создала?

— Ты считаешь, что цивилизация может создать только материальное, но мы сами нематериальны, потому и создаем то, что нельзя ни увидеть, ни пощупать.

— Что, например?

— У вас это называется музыкой, звуком, мелодией. Если ты выйдешь без скафандра в лес за куполом, то ты не увидишь ни одного Иче, но, возможно, услышишь их.

— Бармадончик, — попросила Анна. — Исполни что-нибудь, для папы. Ну, пожалуйста.

— Хорошо. Сейчас.

Дин с изумлением смотрел на Иче. Бармадон заметно уменьшился, потом внезапно стал больше, и в воздухе разлился тонкий переливчатый звук. Он колебался, то нарастал, то ослабевал. И сколько непонятной скорби, готовности к самопожертвованию и в то же время такая жажда жизни слышалась в этом заполнявшем все вокруг звуке, что Дин почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Взглянув на дочь, он увидел слезы, медленно катившиеся по ее ставшему вдруг не по-детски серьезным лицу. И вдруг Анна тоже запела, без слов, одним голосом вплетая в чужую мелодию свою хрупкую партию. Но вот ее голос окреп, он отделился на какомто томительном, звенящем звуке от основного русла и вдруг посыпался светлыми и ликующими водопадами. У Дина свело губы. Он почувствовал, что не может сдержаться, из него тоже рвутся непонятные, упоительно-прекрасные звуки, он приготовился вступить, но мелодия уже кончилась. Тишина на какое-то время оглушила его.

— Папа, ты плачешь, — блаженно пробормотала девочка и торопливо начала отирать собственные слезы.

— Мне плохо, — предупредил Бармадон. — Я истратило много энергии. Меня надо покормить.

— Включить свет? — с готовностью спросила Анна.

— Лучше бы грелку. Это быстрее и вкуснее.

Девочка вздохнула.

— Грелку забрала мама.

— Сейчас принесу, — раздался в дверях спокойный голос.

Вздрагнув, отец и дочь повернулись на голос. В дверях стояла Джулия.

Пока Бармадон молча наслаждался теплом грелки, Дин рассказывал жене все то, что только что узнал.

— Надо разрушить купол, — решительно сказала жена, ласково поглаживая ставший очень большим живот.

— Ты думаешь? — с сомнением проговорил Дин.

— Тут и думать не о чем. Я не смогу спокойно родить, если буду знать, что где-то в нескольких шагах от меня погибает живое существо, которому я могу помочь, но не хочу. Ведь им и надо-то только света и тепла. Сделаем для них что-то вроде инкубатора с зеркальными стенками и большими раскаленными лампами.

— А если они начнут хулиганить? Дерзить и ссорить нас друг с другом? Им это по силам.

Она задумалась.

— Если они не будут вести себя прилично, мы покинем планету. Их всех надо об этом предупредить. Вот и все.

— Правильно, — поддержала ее Анна. — Они очень послушные, когда для них делаешь добро.

— А с тобой я, между прочим, еще собираюсь поговорить. И очень строго, — сказала мать и, тяжело поднявшись, пошла к двери. — Спать-то собираетесь? Полуночники.

* * *

Когда на Л-412 опустился звездолет, весь экипаж с изумлением приник к иллюминаторам. Прозрачного купола не было. Дом стоял совершенно открыто, и по ступеням крыльца сбегала девочка.

— Наши подопытные кролики прижились, — удовлетворенно сказал биолог Стив. — Этого и следовало ожидать. Я всегда утверждал, что Л-412 пригодна для проживания.

И он смело шагнул к люку, даже не взглянув на приготовленные скафандры.

— Откройте, — распорядился он. — Мне пора идти.

Командир корабля был так изумлен увиденным, что, забыв инструкцию, выпустил трап и открыл люк. Стив, весело насвистывая, двинулся через лес лишайников к едва видневшемуся вдали дому.

— Прелестный мотив, — услышал он чей-то голос и замер на середине мелодии.

— Да, — подтвердил другой голос. — Особенно вот это место...

Стив услышал собственный свист.

— Из него будет толк, — вновь сказал первый голос.

— Посмотрим... — усомнился еще кто-то.

Стив потряс головой. Голоса пропали. Стив сделал еще несколько шагов и услышал:

— Быстрее, за мной. Там должно быть вкуснейшее излучение. Мне прошлый раз досталось совсем чуть-чуть, так я до сих пор жалею, что опоздало.

Стив затравленно огляделся кругом, но никого не было, и голоса стихли. Стив двинулся к дому.

— Интересно, что у него вкуснее всего? — задумчиво проговорил первый голос.

— Узнаем, — убежденно сказал второй.

Стив испуганно присел, но тут же опомнился и бросился бежать.

Только подбегая к дому, он сообразил, что совершил глупость. Бежать надо было к звездолету. Но сил уже не было. Задыхаясь и обливаясь потом, он рванул дверь дома и тут же захлопнул ее за собой. Стараясь не шуметь, он приоткрыл ближайшую дверь и обмер. На полу, на расстеленном одеяле, лежал грудной младенец, а в воздухе слышался негромкий разговор.

— Кажется, он опять мокрый. Зови Джулию.

— Само зови. Я сегодня слабое, утром в инкубатор не попало. Ой! Здесь новый человек, и он волнуется. Просто объедение.

Очнулся Стив на диване. Джулия круговыми движениями водила у него под носом ваткой с нашатырем.

— Где я? — с трудом пробормотал Стив.

— На Л-412, — дружно ответило сразу несколько голосов.

Стив застонал и вновь закрыл глаза.

— Замолчите, — строго сказала Джулия. — Дайте ему в себя прийти.

За столом Джулия, Дин и Анна, перебивая друг друга, рассказывали Стиву и экипажу корабля-звездолета о том, что на Л-412 произошло за год.

— Они очень милые, — сказала Джулия. — И с тех пор, как они хорошо освоили нашу речь, с ними стало легче, но и труднее. Как с детьми. Они так же наивны и эгоистичны. Везде лезут и все хотят знать.

Стив нахмурился:

— Но это же немыслимо. Эти... детки запросто утомили целую колонию психически здоровых молодых парней, подготовленных для освоения неизвестных планет и прошедших кучу тестов на все случаи жизни.

— Не знаю, что бы с нами было, если бы не Анна, — задумчиво произнес Дин. — Только ребенок в состоянии воспринять Иче такими, какие они есть. Взрослому это недоступно. А что касается предыдущей экспедиции... Нелепое стечение обстоятельств... Наверное.

— В тот год было очень холодно, — печально сказала Анна, — а им всем хотелось жить, вот они и собрались со всего леса сюда и ссорились, потому что на всех не хватало света и тепла.

— Да, — поддержал ее Дин. — А разговаривать они еще не умели. Они и сейчас вроде как не говорят, но... в общем, знают наш язык и с удовольствием пользуются им. А тогда, первое, что они научились делать, — это заставлять людей ссориться. В этом они быстро стали виртуозами. Открыли, так сказать, самый простой способ добывания пищи. Беда в том, что в колонии были только материалисты, верившие не своим ощущениям, а приборам.

— Услышав бесплотный голос, знающий твои сокровенные мысли, — откликнулась Джулия, — я бы тоже, наверно, спятила. Самое страшное на свете — это опасность, которой не видишь. Мое счастье, что один из них попал под облучение и начал светиться. Теперь, правда, нашего Бармадона не отличишь ото всех остальных. Да его теперь и нет, как такового. Он разделился, и мы называем его Бармадон Первый и Бармадон Второй. У меня такое ощущение, что они считают его чем-то вроде национального героя, спасителем отечества.

Звездолетчики как-то странно переглянулись между собой.

— А много их? — без энтузиазма спросил Стив.

— Лично я со счета сбилась, — рассмеялась Джулия.

— А я — нет, — заявила Анна. — Они у меня все в тетрадку записаны.

Стив поперхнулся чаем.

— Ты еще и учет им ведешь? — насмешливо проговорил он.

— Конечно. Ведь кто-то должен их изучать, а папе и маме некогда.

— Мы бы, пожалуй, продлили контракт еще на год, — задумчиво сказал Дин.
— Компания согласна, — кивнул капитан звездолета, — но... только за половинную плату.

Дин взглянул на жену, и она чуть заметно кивнула.

— Ты хочешь остаться здесь еще на год? — спросил Дин у дочери.

— Нет, — твердо ответила девочка. — Я хочу остаться здесь насовсем, ведь если меня не станет, он, — она показала на Стива, — перестанет включать им инкубатор. Разве вы не видите, он же до сих пор не верит, что они есть.

— Это точно, — дружно подтвердило сразу же несколько голосов.

— Они все не верят, что мы есть, — авторитетно сообщил еще кто-то невидимый. — Но трусят при этом очень вкусно.

Андрей Тепляков **Соседи**

— Здорово, Никодим! Встречай гостей!

Никодим, хозяин лучших ремонтных доков станции «Айс-6», внешне напоминавший гнома и даже на огромном мониторе «Ignis sanat» выглядевший маленьким, ушастым и помятым, потер глаза:

— Ной, храни тебя Бог! Ты?

— Я.

— Что у вас? Надеюсь, стоящее?

— «Дельта». Маркировка 16193-4.

— На ходу?

— Нет. Топлива нет. Тащим на себе.

— Ной, это жуткое старье.

— Сколько?

Никодим задумчиво потер щетинистый подбородок.

— По весу.

— Не пойдет. Мы даже топливо не окупим.

Лицо «гнома» приобрело вкрадчивое выражение. Он наклонился ближе к экрану, заняв почти все видимое пространство.

— Ной, дорогой мой, почему мне кажется, что топливо с «Дельты» находится в твоём трюме? Почему я не могу отделаться от мысли, что тащите вы ее только потому, что двигатели на этой колымаге не работают? Я весь в сомнениях.

— Ты слишком долго общался с шантрапой.

— Предлагаю в последний раз — беру этот хлам по весу. И, только для тебя, я готов увеличить ставку на пять процентов. Сколько там у вас?

— Никодимушка, — вмешался вдруг Ежик. — Ты его не слушай. Откуда ему знать, что он тащит, — он всего лишь капитан.

— И ты тут, балабол! Поторговаться хочешь?

— А можно?

— Валяй.

Никодим откинулся в кресле и сложил руки на большом животе. Ежик кротко взглянул на Ноя. Тот кивнул.

— Двигатели, Никодимушка — четыре «роллсройса»! Лет по десять, не больше! Зуб видишь?

Ежик придвинулся вплотную к экрану и осклабился.

— Вишь? — прошепелявил он.

— Брось свои ужимки. Я спать хочу!

— Скоро! Скоро ты вернешься в свою кроватку! Итак. — Ежик отодвинулся и принялся загибать пальцы. — Что мы имеем: четыре двигателя, требующие легкого ремонта.

Шестьдесят криокамер — двенадцать рабочие.

— Чистые?

— Относительно.

— Что еще?

— Левый щит. Почти целый. Распилишь эту машину и покроешь не меньше четырех «Скатов».

Ежик улыбнулся.

— Ну как? Нравится?

Никодим размышлял. Ежик незаметно показал Ною большой палец и развалился в кресле, брякнув на пульт ноги в грязных ботинках.

— Хорошо, — наконец произнес Никодим. — За двигатели дам по двадцать тысяч. Десять тысяч за камеры. За все. И четыре за щит. Железо по весу. Цена обычная.

— Вот это разговор!

— Сколько? — спросил Ной.

— Сейчас.

Никодим стал рыться в электронном справочнике.

— Так. «Дельта». 16193. Тысяча пятьсот пятьдесят тонн. По четыре за тонну...

— Никодимушка...

Ежик снял ноги с панели и выпрямился, но Ной опередил его. Он встал и подошел вплотную к экрану. «Гном» сник.

— Ладно, ладно. Не кипятись. Какой индекс у вашей «Дельты»?

— Четыре. Это две тысячи четыреста тонн.

— Четыреста тридцать, — вставил Ежик.

Никодим раздраженно нажимал кнопки у себя на пульте.

— Ладно, — повторил он. — Мое предложение такое — девять семьсот за железо, четырнадцать за щит и камеры и восемьдесят за двигатели. Всего сто три семьсот. Все.

Ной стоял и наблюдал, как под его взглядом Никодим все больше мрачнеет. Насладившись зрелищем, он медленно отошел.

— Согласен.

— Что с бумагами?

— Все чисто. Запрос приняли, к утру оформим.

— Пятый док. Встретимся утром.

Никодим отключился. Ной повернулся в кресле и посмотрел на Цесс. Девушка спокойно дремала в углу большого отсека, свернувшись клубком, как кошка. Он покачал головой. Даже спустя столько лет она оставалась верной своей природе: она ходила, как человек; разговаривала, как человек; трахалась, как человек, — но при этом, в глубине, оставалась прежней. И ничего нельзя было с этим поделать. Ной повернулся к Ежику.

— Запускай парковку.

— Уже.

— Кстати, блестящая речь.

— Спасибо. Когда меня хотят кинуть, я всегда ощущаю необъяснимый прилив красноречия.

Замигала сигнальная лампа.

— А вот и маячок — поехали!

— Сколько сейчас на Айсе?

— Три ночи.

— На сон часа три. Маловато.

— Спать на Айсе грешно! — заявил Ежик.

— Даю тебе карт-бланш. Развлекайся.

— Уж в этом можешь не сомневаться!

«Ignis sanat» — самый большой из серийно выпускаемых транспортных кораблей медленно проплывал мимо внешнего периметра станции «Айс-6». Он двигался в полной

темноте, которую время от времени разрезали вспышки корректирующих двигателей, отражаясь блеклыми пятнами на толстой «шкуре» станции. За ним, закрепленная в «ловушках», двигалась «Дельта». Вместе они казались почти бесконечными.

«Дельту» они нашли месяц назад в секторе Мангейма, и это косвенно указывало на то, что корабль свое уже отлетал. Так оно и вышло. Грузопассажирский лайнер оказался мертвым и находился в таком состоянии, по меньшей мере, лет шесть-семь. Автоматика не работала, и им пришлось здорово потрудиться, в ручном режиме пристраивая «кишку» к шлюзовой камере. Их встретили мертвецы, истощенные и страшные, словно вышедшие из ночных кошмаров. Несколько дней Ной и Цесс занимались сбором ID-карт, оставив Ежика разбираться с системами корабля.

Ной запросил данные компании-владельца и выяснил, что та обанкротилась несколько лет назад. Таким образом, по закону, пропавший корабль принадлежал команде, нашедшей его. Предстояло лишь уладить формальности.

Корпус «Ignis sanat» вздрогнул, когда автоматические зажимы дока зафиксировали его возле шлюза. Медленно, словно нехотя, они подтащили корабль к станции, а потом, откорректировав его положение, втянули внутрь. Огромные ворота закрылись, и в доке вспыхнул свет.

— Давление в норме, — констатировал Ежик.

— Разбуди Цесс, и выходите.

Ной прошелся по рубке, одну за другой отключая системы корабля и следя за показаниями приборов. «Ignis sanat» готовился погрузиться в спячку.

«Пять тысяч тонн спящего металла», — подумал он и усмехнулся.

Ежик и Цесс поджидали его возле выхода. Ной посмотрел на напарника и поморщился: темные очки на горбатом носу делали того похожим на стервятника, какими их рисуют на истребителях; образ дополняли жгуче красная рубаша и шорты, из которых торчали тощие волосатые ноги. Шут одним словом. Цесс была экстравагантна, как всегда — черный ремонтный комбинезон прямо на голое тело. Она не имела никакого отношения к обслуживанию корабля, но этот комбинезон вечно вонял горелой изоляцией. Ной вздохнул и потянул рычаг возле двери. Раздалось шипение. Они миновали три смежные камеры и вышли в открытое пространство доков.

Автоматический электрокар беззвучно катил по огромному пространству ремонтного дока, направляясь к карантинному выходу. Здесь, в доке, «Дельта» уже не казалась величественной и грандиозной, здесь она выглядела старой и жалкой, наполненной призраками гробницей.

Перед тем, как будет выдана лицензия на находку, на борт поднимется похоронная команда, которая заберет тела и все улики для формального расследования. Ной знал по опыту, что в случае с ними никакого настоящего расследования не будет: компании, которая владела лайнером, больше нет, и спрашивать не с кого. Все шито-крыто. Настоящая задача ребят из похоронки — нахватать в качестве улик побольше добра. Но об этом Ной позаботился — барахло с «Дельты» еще тысяч на пятнадцать уже лежало в трюмах «Ignis sanat».

Электрокар подъехал к выходу и остановился. Над закрытой дверью светилась красная лампочка.

— Спят, заразы! — зло сказал Ежик, чувствуя, как убегают от него прочь драгоценные секунды оргий и разврата. — Эй! Принимайте гостей!

Цесс зевнула и села на пол.

Оформление «Дельты» и получение на нее лицензии заняло три часа. Ной получил бумаги на груз, заплатил сбор и около семи часов утра по станции прибыл в отель «Космонавт». Место это было настоящей дырой, расположенной возле ремонтных доков, а публика в нем представляла собой гремучую смесь из авантюристов, жуликов и наемников всех мастей. Патрули редко туда совались, предпочитая просто закрывать глаза на эту

клоаку, что вполне всех устраивало. В случае необходимости нужные люди всегда оказывались под рукой, готовые на выгодную сделку.

Цесс поставила на дверь обычный код. Не включая света, Ной разделся и с наслаждением вытянулся на простыне.

Видеофон включился ровно в десять утра. Громкая трель вызова вырвала Ноя из сна, заставив подскочить в кровати. На экране маячила улыбающаяся физиономия Никодима.

— Здорово, капитан! Не разбудил?

— Разбудил.

— Ну, извиняй. Время, как известно, деньги. Ты получил бумаги?

— Да.

— В таком случае, я готов осмотреть свое приобретение и...

Неожиданно Никодим умолк, глаза его заблестели. Ной повернулся и в дверях ванной кабины увидел голую Цесс. Она посмотрела на экран, чуть наклонилась вперед и провела полотенцем по тугим, покрытым блестящими капельками грудям. Ной отвернул камеру в сторону.

— ...и расплатиться, — закончил Никодим свою мысль.

— Хорошо. «Ignis sanat» потребуется ремонт. Так, по мелочи.

— Сделаем. Нет проблем.

— Отлично. Жди через полчаса.

Ной выключил экран и, потягиваясь, направился в душ. Одно из преимуществ «Айса» перед другими станциями заключалось в том, что воду здесь не экономили.

Огромный офис Никодима больше напоминал склад или свалку, заваленную всевозможным хламом, который тот любовно собирал со всех своих приобретений. В большинстве своем это было жуткое старье, которое хозяин в приступе сентиментальности называл классикой и антиквариатом. Кое-что из барахла ему удалось починить и подключить к имитационной панели. Мигающие сигнальные лампы, диагностические мониторы, системы наведения — все это гудело, тикало и пищало на все голоса, заставляя Никодима кричать, чтобы собеседник его услышал. Эту привычку он сохранял и в тишине.

Ной прошел к креслу и уселся, положив ногу на ногу.

— Где мои деньги?

— Где мои бумаги?

На столе появилась пачка сиреневых бланков. Никодим подхватил их и быстро просмотрел, стремительно перебирая листы короткими толстыми пальцами. Закончив, он удовлетворенно хмыкнул.

— Как хочешь получить?

— Наличными.

— Разумеется.

Никодим повернулся к большому сейфу и принялся колдовать с системой безопасности.

— Да, хотел бы я заглянуть в твою копилку на «Ignis». Я прикинул, ты, должно быть, богат, как...

— Расслабься. У меня все в дело идет.

— Ну да.

Никодим повернулся к нему и наклонился над столом.

— Слушай — продай мне «Ignis». Я хорошую цену дам. И еще грузовик. Новый!

— Не пойдет.

— Почему?

— Грузовики — дерьмо.

— Смотря какие грузовики.

— «Ignis» — лучший.

Никодим вздохнул и захлопнул сейф.

— Это правда... Черт возьми! Мне до кишечных колик интересно, откуда ты его взял. Ты ведь не богач, да и...

— Деньги, — мягко напомнил Ной.

— Да. Деньги.

Никодим выложил на стол десять банковских пачек.

— Можешь не пересчитывать.

— Здесь всего сотня.

— Часть криокамер демонтировали при досмотре.

— Черт! Вот гады!

— Сам можешь посмотреть.

— Сволочи!

— Зато все по закону, — сказал Никодим философски. — Меньше накладные расходы.

Ной немного помолчал, стараясь успокоиться. Ухмыляющийся гном, что сидел перед ним, был прав — они имели право на демонтаж оборудования до того, как лицензия на собственность вступит в силу. Если бы они протащили «Дельту» контрабандой, возможно, удалось бы выгадать больше.

Зато так спокойнее.

— Ладно. Черт с ними. «Ignis» нужен ремонт.

— С милой душой!

Ной вытащил из кармана сложенный вчетверо лист диагностической карты.

— Вот — здесь все есть.

Никодим порылся в ящике стола, нашел очки и водрузил их на массивный нос.

— Посмотрим... Ну, да. Да.

Он сложил руки на животе.

— Пара дней, и твоя посудина будет, как новенькая. Только за дюзы придется доплатить. Недешевое это дело.

— Запиши на счет. Едва Ной вышел в центральный коридор, как заверещал сигнал вызова.

— Да.

Лицо Цесс на крошечном экране выглядело безмятежно.

— С тобой хотя бы поговорить.

— Кто?

— Не знаю. Он говорит, что есть срочная работа. Готов платить.

— Платить — это хорошо. Он имя свое назвал?

— Коттон.

— Коттон...

— Он ждет в баре отеля.

— Что-нибудь еще?

Цесс покачала головой.

— Ладно, займи его. Я буду через пятнадцать минут.

Вбаре было почти пусто. Огромный бармен, похожий на каменного идола, смотрел телевизор. Одной рукой он облокотился на стойку, в другой неспешно перекатывались три металлических шарика. Поговаривали, что таким шариком он как-то пробил человека насквозь. Ной не видел этого, зато был свидетелем, как бармен выбрасывал из заведения Ежика: легко, без малейших усилий подняв того над полом одной рукой. Рикки был спокойным парнем, если его не доставать и вести себя прилично. Ной подошел к стойке.

— Привет.

Гигант повернулся.

— Привет, Ной. Занимаешься делами с утра пораньше?

— Бизнес.

— Да... Тот парень выглядит неважно.

— Ты его знаешь?

Рикки покачал головой.

— Впервые вижу. Думаю, он не с «Айса». Заказал «Млечный путь».

Этот коктейль спрашивали редко. Слишком дорогой и слишком изысканный. Местная публика предпочитала пойло попроще.

— Где он?

— В кабинете. Твоя девчонка тоже там.

Рикки наклонился над стойкой.

— Будь с ним поосторожней. Парень очень напряжен.

— Ладно. Скажи Рите, чтобы кофе принесла. Кабинет представлял собой герметичное убежище, устроенное в просторной нише в стене. Ной нажал потайную кнопку и вошел внутрь.

Человек, сидящий напротив Цесс, выглядел испуганным, но держал себя в руках. На вид ему было лет сорок. Костюм, нарочито простой, выбранный специально для того, чтобы не привлекать внимания к владельцу; маленькие очки в тонкой черной оправе; безукоризненно чистые волосы; ухоженные ногти — все это Ной отметил в первые же секунды, еще до того, как сел за стол. Этот человек, Коттон, явно привык вращаться в других кругах. Привести его в бар «Комонавта» могло только что-то исключительное.

— Вы Ной? Капитан «Ignis sanat»?

— Точно.

— У меня к вам деловое предложение.

— Слушаю.

Коттон немного помолчал, глядя на Ноя и рассеянно поворачивая в ладони бокал, из которого еще не сделал ни единого глотка. Казалось, он на что-то решается. Цесс спокойно пила свой кофе, с таким видом, будто происходящее ее нисколько не касалось.

— Мы можем поговорить без свидетелей?

— Цесс — моя команда. Если вы не хотите говорить при ней, сделки не будет.

Коттон вздохнул и нервно глянул на Цесс. Она улыбнулась.

— Видите ли, мое предложение достаточно деликатно и, как бы это сказать...

— Не совсем законно?

— В некотором роде.

— Говорите.

— Я представляю одну из транспортных компаний. Мы занимаемся перевозкой грузов, в том числе во внешние сектора. Один из наших кораблей сейчас находится на границе. Он поврежден и не может продолжать рейс.

— Вы хотите, чтобы я доставил его на «Айс»?

Коттон сцепил ладони и быстро покачал головой.

— Нет.

— Тогда что?

— Я хочу, чтобы вы его уничтожили.

— Что?

— Атаковали его и уничтожили.

Ной быстро соображал. Граница — это, если так можно выразиться, задворки известного космоса. Там нет ничего. Ни один из официальных маршрутов не проходит даже близко. Своего рода буферная зона между людьми и Соседями. Там запрещены любые полеты, не говоря уже о применении оружия.

Коттон нервничал и все продолжал крутить свой бокал однообразным гипнотизирующим движением.

— Почему вы решили, что я могу его расстрелять? У меня транспортный корабль. Только военные имеют право на оружие.

— По моим сведениям, «Ignis sanat» обладает оружием.

— И откуда у вас эти сведения?

— Мы некоторое время наблюдали за вашей деятельностью. Разумеется, это останется

между нами.

— Если только мы согласимся.

Коттон улыбнулся и развел руки в стороны.

— Но я не могу атаковать мирный корабль.

— Об этом не беспокойтесь, капитан. На борту нет людей. К тому же, я уполномочен предложить вам хорошую компенсацию.

Ной посмотрел на Цесс. Она покачала головой. Никаких следящих устройств на Коттоне не было. Никакой электроники — ничего. Похоже, с ним можно было договориться. Ною не нравилась вся эта таинственность, да и близость Соседей его нервировала, но это был шанс хорошо заработать. Такие возможности возникают нечасто.

— Это будет очень дорого стоить.

— Разумеется.

— Семьсот тысяч.

— Я уполномочен заплатить миллион.

Ной улыбнулся.

— Вы умеете торговаться.

Коттон нервно кивнул.

— Шестьсот тысяч я передаю вам сразу. Наличными. Все чисто, и проследить их невозможно. Остаток вы получите после выполнения работы. Я дам вам свой номер. Встретимся здесь же.

Коттон наклонился и положил на стол чемоданчик. Затем извлек из кармана ключ, повозился с замком и толкнул чемоданчик Ною. Деньги. Их было так много, что перехватывало дыхание. Ной разорвал бумагу на одной из пачек и внимательно рассмотрел купюры.

— Хорошо. Считайте, что мы договорились. Надеюсь, вы понимаете, что в ваших же интересах довести сделку до конца.

— Об этом не беспокойтесь. Мой номер в 89-987.

* * *

«Ignis sanat» скользил в черной пустоте, выключив опознавательные огни и сигнал маяка. Корабль двигался вдоль границы, но не пересекал ее, словно парила огромная молчаливая птица. Ной сидел в своем кресле и, в который раз, прокручивал в голове недавние события. Ему не нравился Коттон. Не нравилась атмосфера страха и всезнания, которая того окружала. Не нравилась готовность тратить огромные деньги. Не было сомнений, что за его спиной стоит какая-нибудь корпорация или даже, чем черт не шутит, правительственная организация, которая не хочет привлекать к себе внимания. Цесс проследила его от бара до отеля «KLB» — одного из лучших на станции. Он пробыл там полчаса, а потом направился к причалам. Там он сел на корабль до Кибиды — одного из самых оживленных бизнесцентров. Затеряться в его кутерьме было проще простого.

Как только Цесс вернулась из порта, Ной отменил ремонт, разыскал Ежика, и спустя час «Ignis sanat» покинул «Айс-6». Ежик был крайне раздражен, но, узнав о деньгах, сразу успокоился.

— Деньги есть деньги, — философски заметил он. — Я прикрываю задницу и не смотрю на того, кто их платит.

Цесс не высказывалась. Она следовала за Ноем молча, с преданностью собаки делая все, что он говорил. На ее счет можно было не беспокоиться.

Ной то и дело поглядывал на мониторы. Близость Соседей заставляла его беспокоиться.

Человечество расплодилось по космосу довольно широко, когда встретило их. До тех пор, несмотря на большое количество открытых планет, столкнуться с разумной жизнью не доводилось.

Первое сообщение поступило от корабля дальней разведки — у них сработало предупреждение о метеоритной опасности. Четыре объекта неправильной формы, молчаливые и холодные, двигались с постоянной скоростью наперерез разведчику. Но, стоило ему включить двигатели, как мнимые метеориты вдруг изменили направление и, словно по команде, устремились прочь. Спустя несколько минут они пропали с радаров.

Человечество затаило дыхание — это был шок.

Сектор наводнили военные корабли, и новые встречи не заставили себя ждать. Как правило, все повторялось по одному сценарию: встреча, изменение траектории, бегство. Такое положение вещей продлилось несколько лет, а потом произошла трагедия.

Что именно случилось, так и осталось тайной. Общественное мнение сводилось к тому, что агрессию спровоцировали Соседи. Так или иначе, корабль-разведчик открыл огонь и сбил один из загадочных объектов, после чего и сам бесследно исчез.

Поведение пришельцев изменилось. Они больше не появлялись в одиночку, а передвигались большими группами, выстраиваясь перед кораблями людей, словно стена, препятствуя их продвижению в глубь сектора. Так продолжалось некоторое время, а потом Альянс неожиданно запретил любые полеты вблизи границы с Соседями, оставив лишь несколько автоматических станций. Надежда на контакт казалась потерянной.

И теперь Ной летел туда, собираясь применить оружие.

«Ignis sanat» успешно миновал посты и продвигался в глубь закрытой территории. Они находились в секторе уже вторую неделю, когда, наконец, радары засекли покинутый транспортник. Тот висел в пустоте с выключенными двигателями и без опознавательных сигналов. Команда «Ignis sanat» собралась в рубке, ожидая, пока Ежик подведет корабль ближе.

— Ну, что там? — спросил Ной.

— Ничего. Молчит. Глухо, как в консервной банке.

— Что за железо?

— Скорее всего, «Радон». Отличная штука, кстати. Судя по всему, еще и модернизированный.

— Повреждений не видно.

— Да. На вид, как новенький. Жалко, что такое добро пропадет...

— Дорогую игрушку решил разбить этот Коттон.

— Очень дорогую. Мне кажется, мы никогда не сможем себе простить такого варварства.

Ной задумчиво смотрел на экран. Маленький, похожий на подкову крейсер представлял собой последнее поколение транспортных кораблей. Настоящий шедевр высоких технологий. Задерживаться глубоко в закрытом секторе было опасно, но уничтожить такой дорожный корабль, даже не осмотрев, — просто глупо.

Он повернулся к Ежику.

— Сможешь его пощупать?

— Нет проблем. Держитесь!

Включились корректирующие двигатели. «Ignis sanat» вздрогнул, словно просыпаясь, и стал медленно приближаться к «Радону». По мониторам побежали ряды цифр, замелькали графики. Маневр сближения занял четверть часа.

— Странный у него код, — заметил Ежик. — Не военный и не торговый. Хрен знает какой.

— Подключишься?

— Думаю, да. «Ignis» — хорошая машинка.

— Давай.

Ной много раз видел, как Ежик это делает, но все никак не мог привыкнуть. Тот развернул к себе два монитора, положил правую руку на одну клавиатуру, левую — на другую, и принялся за работу.

— Думаешь прогуляться туда? — спросил Ежик.
— Думаю.
— Умница!
Ной поднялся.
— Проверю снаряжение. Свистни, когда закончишь.

Ежик вызвал его спустя полчаса. Он сидел, закинув ноги на панель, явно довольный собой. На большом экране красовалась схема «Радона».

— Ну, что там?
— Кислород в норме. Давление в норме. Температура немного высоковата, но вполне терпимо. Думаю, зайти можно.

Ной кивнул.
— Готовь кишку.

Он поманил за собой Цесс. Облачаясь в скафандр, Ной одним глазом наблюдал, как из-под стыковочной платформы показалась первая секция переходного коридора, называемого на жаргоне «кишкой». Он напоминал огромный гофрированный шланг и предназначался для стыковки с кораблями почти любого типа. Ной снял его с разбитого спасательного шлюпа около года назад и немного переделал в доках у Никодима. Старик содрал приличные деньги, но дело того стоило.

Направляемая магнитным полем, «кишка» плавно скользнула к «Радону» и прицепилась к обшивке. Теперь Ежику предстояло подобрать захваты, которые подойдут к модулю шлюза.

Цесс, уже полностью облаченная, стояла у двери. Ной напялил шлем и закрыл клапан. В наушниках тихо пощелкивали сигналы тестов.

Раздался механический гул — «кишка» поднималась к шлюзу «Ignis sanat». Лязгнули фиксаторы, и раздался голос Ежика.

— Красную дорожку класть?
— Обойдемся.

Ежик выровнял давление, потом что-то грохнуло: он открыл шлюз «Радона». На краю зрения Ноя загорелась зеленая лампочка — скафандр был готов.

— Давление в норме, — сообщил Ежик.
— Открывай.

Тяжелая дверь дрогнула и отползла внутрь, открывая длинный коридор. Ной пошел первым, Цесс двинулась за ним, а вдогонку им грянули мощные аккорды «Шагай вперед, космонавт!» — пафосной музыки из фильма про покорителей космоса.

«Идиот».

В конце пути музыка смолкла, и Ежик передал биологическую сводку.

— Вирусов не обнаружено. Биологическая угроза отсутствует.
— Мы заходим. Двери шлюза закрылись, и красные сигнальные индикаторы на потолке погасли. Ной посмотрел на микродатчик — давление было в норме. Над головой мигала и тихо потрескивала лампа.

— Я вас вижу, — сообщил Ежик.

Он хохотнул.

— Добро пожаловать в могилу.

— Дурацкие у тебя шутки, — отозвался Ной. — Попробуй подключиться к архиву, посмотри, что там.

— Уже занимаюсь этим.

— Цесс, я снимаю шлем. Ты пока подожди.

Воздух оказался горячим и спертым. К нему примешивался едва уловимый, неприятный запах, который показался Ною смутно знакомым. Но как он ни напрягал память, вспомнить его не удавалось.

— Ладно. Все нормально, — сказал он.

Цесс сняла шлем и глубоко вздохнула. Нахмурилась.

— Ежик?

— На связи.

— Найди нам рубку и двигательный отсек.

— Сейчас, переключусь на громкую связь.

В наушнике раздался щелчок, а потом все пространство корабля наполнил голос Ежика.

— Обалдеть!

— Куда идти?

— Покрути головой. Где-то рядом должна быть информационная панель.

Ной поискал глазами и обнаружил слева от себя небольшой квадратный экран информатора. На нем горели две стрелки.

— Вижу.

— Твоя красная. Цесс — зеленая.

— Хорошо. Что с архивом?

— Нашел. Сейчас дешифрую. Как закончу — пущу на корабельные динамики.

— Отлично. Мы пошли.

Он повернулся к Цесс.

— Проверка связи каждые четверть часа.

Она кивнула и пошла прочь. Даже в неуклюжем скафандре можно было заметить лаконичность и точность каждого ее движения, словно работал отлаженный до совершенства механизм. Дойдя до первого поворота, Цесс взглянула на панель, потом на Ноя и скрылась из вида.

Он закрепил шлем на боку и пошел вперед. Пустынные коридоры, закрытые двери — «Радон» напоминал призрак. «Марию Селесту» из легенд. Сколько раз они сталкивались с такими космическими склепами — пустыми, вымершими, печальными кораблями, плывущими в пространстве слепо и без цели.

Ной размышлял о Коттоне. Он перебирал в уме причины, по которым понадобилось уничтожить корабль, и ничто не звучало достаточно убедительно. «Радон» был в прекрасном состоянии: системы жизнеобеспечения работали, функционировала почти вся электронная начинка, никаких повреждений снаружи или внутри — взрывать его казалось кощунством. Второй вопрос, занимавший Ноя куда больше, чем первый, заключался в следующем: что могло им понадобиться здесь, в секторе Соседей? Тут нечего искать, это всем ясно. Сектор пуст, как голова Сержанта.

— Архив раскрыт, — сообщил Ежик. — Но странный он какой-то.

— В смысле?

— Тут почти ничего нет. То ли они вообще не вели записи, то ли хранили их где-то еще.

— Давай что есть.

— Да, мой капитан!

«Запись номер один. Отчеты по шкалам. Состояние систем. Двигатели: 10. Генераторы: 10. Системы жизнеобеспечения: 10. Навигационные системы: 10. Экипаж. Состояние здоровья: 10. Психическое состояние: 10. Эмоциональное состояние: 7. Координаты: 1973928, 383743, 394832».

— Сектор соседей? — спросил Ной.

— Так точно. И, при том, глубоко.

— Крути дальше.

— Слушаюсь!

«Запись. Получены образцы. Глубокая заморозка проведена без осложнений. Часть вещества передана доктору Курту для анализа».

— Попробую заполнить записи с камер, — сказал Ежик.

— Давай.

«Запись номер два. Отчеты по шкалам. Состояние систем. Двигатели: 10. Генераторы: 10. Системы жизнеобеспечения: 9.8. Навигационные системы: 10. Экипаж. Состояние здоровья: 10. Психическое состояние: 10. Эмоциональное состояние: 8.1. Координаты: 1973956, 383718, 394834.

Запись. Первые результаты тестов от доктора Курта. Образец представляет собой набор разнородных кластеров органического и неорганического происхождения. По стандартному каталогу совпадений нет. По каталогу Прайма совпадений нет. Эвристический анализ отрицательный. Реакции на агрессивную среду — кореановая кислота: изменение структуры вещества. Кластеры образца воспроизвели состав среды. Выделение образца в пробе невозможно. Проба законсервирована».

— Ты что-нибудь понял? — спросил Ной.

— Ага.

— Просветишь?

— Запросто. Та хрень, которую они добыли у Соседей и макнули в кислоту, сама сделалась кислотой. Точно такой же.

— Хм...

— На связи, — сказала Цесс.

— На связи, — автоматически отозвался Ной.

— Доступно? — поинтересовался Ежик.

— Морду набью.

— Да я любя.

— Крути дальше.

«Запись номер три. Отчеты по шкалам. Состояние систем. Двигатели: 10. Генераторы: 10. Системы жизнеобеспечения: 10. Навигационные системы: 10. Экипаж. Состояние здоровья: 10. Психическое состояние: 9.8. Эмоциональное состояние: 7.8. Координаты: 1973991, 383677, 394832.

Запись. Результаты тестов от доктора Курта. Реакция на биологический объект. В образец добавлен экземпляр *Paramecium*. Точное воспроизведение экземпляра за шесть секунд. Визуально неразличимы. Конъюгация положительная. Потомок без каких-либо видимых отклонений. Реакция на питательную среду и свет идентичная. Приказано прекратить эксперименты вплоть до прибытия ввиду их потенциальной опасности. Образцы законсервированы».

— Круто, — поделился Ежик.

— Что там положительное? — спросил Ной. — Ни хрена не понял. Что они туда добавили?

— Инфузорию добавили, — пояснил Ежик. — А конъюгация есть обмен генетическим материалом при слиянии двух инфузорий. Проще говоря, секс.

— Ого.

— Я бы даже сказал о-го-го!

Ной остановился перед развилкой и положил ладонь на пистолет.

— Ты видишь меня?

— Вижу.

— Здесь панель сорвана.

— Поворачивай направо.

— Цесс?

— Я здесь.

— Будь осторожна.

— Хорошо.

Ной повернул в коридор. В нескольких шагах перед ним лежала чашка с отбитой ручкой. Он поднял ее и покрутил в ладонях. Неприятный запах, который он уловил еще в шлюзе, сделался, как будто, немного сильнее. Ной положил чашку обратно.

— У вас все в порядке? — спросил Ежик.

— Все нормально. Давай дальше.

«Запись номер четыре. Отчеты по шкалам. Состояние систем. Двигатели: 10. Генераторы: 6.6. Системы жизнеобеспечения: 8. Навигационные системы: 10. Экипаж. Состояние здоровья: 10. Психическое состояние: 9.1. Эмоциональное состояние: 5.9. Координаты: 1974075, 383617, 394853.

Запись. Утечка информации. Результаты исследований размещены в общекорабельной сети. Доктор Курт заявил о своей непричастности. Так как доступ к информации был возможен только с его терминала, проведена проверка видеозаписей, которая показала, что никто, кроме самого доктора Курта, к терминалу не подходил. Временно ограничил его передвижение по кораблю.

Разговор с помощником Кельвином. Он предлагает избавиться от груза, мотивируя опасными настройками команды. Запретил любые разговоры об экспериментах.

Второй генератор выведен из строя. Подозреваю саботаж. Питание хранилища переведено на третий. Мок и Кларенс утверждают, что в генераторной не было никого, кроме них и доктора Курта, который заходил проверить питание хранилища.

Курт все отрицает».

— На связи, — сказала Цесс.

— На связи, — отозвался Ной.

— Здесь темно. Иду на ощупь.

— Ежик?

— Ничего не могу сказать. Наверное, датчики накрылись. Тут всего один генератор тянет.

— Ясно. Далеко еще до рубки?

— Нет. Чуть-чуть и будешь там.

— Хорошо.

— У меня последняя запись. Включаю.

«Запись номер пять. Отчеты по шкалам. Состояние систем. Двигатели: 10. Генераторы: 3.4. Системы жизнеобеспечения: 7. Навигационные системы: 10. Экипаж. Состояние здоровья: —. Психическое состояние: —. Эмоциональное состояние: 3. Координаты: 1974075, 383617, 394853.

Запись. Третий генератор выведен из строя. Разгерметизация хранилища. Послал запрос на его отстрел. На камерах генераторной доктор Курт. Но камеры в его каюте показывают, что он всю ночь был у себя. Доктор говорит о мимикрии. Не знаю, во что верить. Хранилище подготовлено к сбросу. Собрал всех во втором отсеке и послал в генераторную Кельвина. Приказ — стрелять на поражение».

— Конец.

— Где тут второй отсек? — спросил Ной.

— Ты уже прошел. Поворот направо, и ты в рубке.

— Ладно. На обратном пути. Цесс, ты как?

— Я на месте. Электричество есть.

— Оглядишься. Все со шкал Ежику, поняла?

— Да.

— Ты на месте, — сообщил Ежик. — Видишь?

— Вхожу.

— Я занимаюсь камерами.

— Оставайся на связи.

— Я всегда на связи. Ной вошел в рубку. На полу, возле главной консоли лицом вниз лежал мертвец с простреленной головой. Волосы вокруг раны выгорели. В руке тускло блеснул пистолет. На трупе была капитанская форма с тремя нашивками на рукаве, его окружал ужасный запах.

Ной застыл в дверях, прикрыв рукой рот.

— У меня труп.

— Принято, — отозвалась Цесс.
— Что у тебя?!
— Труп. Всем быть настороже.
— Черт!
— Сколько уже дрейфует «Радон»?
— Последняя запись сделана четыре недели назад.
Ной еще раз взглянул на тело.
— Цесс, что с двигателями?
— Видимых повреждений нет.
— Двигатели в норме, — подтвердил Ежик.
— Ладно. На демонтаж уйдет часа четыре...
— Не меньше.

Ной вышел из рубки и надавил на кнопку возле входа. Дверь плавно выдвинулась из стены и встала на место, отгородив его от мертвеца. Он с облегчением вздохнул и потер лоб.

— Цесс, я вышел. Иди к кишке. Встретимся там. Ежик, обесточь двигательный отсек.

— Выполняю! Ежик переключил трансляцию с камер «Радона» на центральный экран «Ignis sanat» и отыскал последнюю запись из генераторного отсека. Перед ним появился большой зал, озаряемый вспышками ламп. Толстые колонны кабелей возносились от пола к потолку, словно окаменевшие удавы. Вдоль стен тянулись массивные, похожие на старинные органы, контрольные панели. Две из них были темны, и только на одной горели огни. Между колонн шел человек. Он двигался медленно, двумя руками сжимая пистолет. Вместо стука шагов и гула, обычно заполняющего подобные места, из динамиков доносилось лишь мерзкое шипение.

Ежик выключил звук.

Человек достиг середины зала, когда в тени одной из колонн что-то шевельнулось. Ежик наклонился ближе к монитору и дал увеличение. Что-то бесформенное возилось в серо-желтом сумраке, извиваясь, пытаясь выбраться на свет. Ежик принялся накладывать фильтры, и вдруг таинственное нечто дернулось и поднялось в полный рост. Это был человек.

Тот, что с пистолетом, тоже увидел его. Он остановился и что-то сказал — было видно, как у него шевелятся губы. Указал на незнакомца рукой. Тот повторил его жест. Сидя в своем кресле на «Ignis sanat», Ежик ощутил вязкое напряжение, воцарившееся в генераторной мертвого корабля. Человек медленно двинулся вперед, поднимая пистолет, и тот второй тоже пошел ему навстречу. Они сошлись в центре зала и остановились метрах в пяти друг от друга. Лицо пришельца скрывала густая тень. Вооруженный снова заговорил. По тому, как он дергал головой, Ежик понял, что разговор перешел в крик. Незнамец минуту стоял неподвижно, а потом шагнул вперед, полностью оказавшись в пятне света. Человек снова крикнул, вскинул руку и выстрелил. Чужак упал. Стрелявший развернулся и со всех ног бросился прочь.

Ежик остановил запись, перекрутил ее назад, дал максимальное увеличение и включил медленный повтор. Его внимание сосредоточилось на людях. На какой-то момент он полностью отключился от происходящего, позволив глазам и уму плыть свободно, кадр за кадром следуя по пятам происходящего. За секунду до того, как Ежик осознал зачем, его палец сам нажал на кнопку остановки. На застывшей картинке оба человека оказались к камере лицом.

Одним и тем же лицом.

Ежик застучал по кнопкам пульта, разыскивая запись камер второго отсека, где, по приказу капитана, собрался экипаж «Радона». Он увидел их, столпившихся возле двери. У каждого в руках было оружие. Ежик стал мотать вперед. Уловив движение на экране, он нажал на кнопку воспроизведения.

— Матерь божья!

Запищал сигнал сонара. Ежику потребовалось несколько секунд для того, чтобы

заставить себя среагировать и повернуться к монитору. То, что он там увидел, подействовало, как удар под дых. Ежик вскочил с кресла, запнулся о собственные ноги и упал, ударившись челюстью о пульт.

— Ной! Ной! Отвечай!

— Я здесь. Ежик, тут еще мертвяки! Во втором отсеке. Куча тел! Тут была настоящая война!

— Знаю! Я видел! Они перебили друг друга.

— Что?

— Стреляли друг в друга! Ну, точнее, в копии.

— Что...

— Ной, не сейчас! Вы не одни!

— Что значит — не одни?

— Там еще кто-то есть!

— Где?

— Их двое. Оба движутся. Первый — на уровень ниже тебя. Второй — еще довольно далеко.

Ной выхватил пистолет и побежал по коридору, поглядывая на цветные стрелки.

— Цесс, у нас гости! Приготовься!

— Принято, — отозвалась девушка.

— Я к тебе! Ежик, руководи! Они встретились возле грузового лифта шлюзовой камеры.

— Мы вместе, — сказал Ной.

— Капитан, я их потерял!

— Что?

— Сигнал пропал. От обоих.

— Черт!

— Спускайтесь на лифте. Это самый короткий путь. И осторожнее!

— Принято.

Ной посмотрел на Цесс.

— Приготовь оружие. Игры закончились.

Они вытащили пистолеты и стали ждать. Кабина неслышно падала. Ной почувствовал, как дрожат руки. Тихий лязг, движение прекратилось, и открылись двери.

Перед ними, утопая в сумраке, стояла фигура. Ной не успел как следует ее рассмотреть: едва он стал поднимать пистолет, как сильный удар сбил его с ног и отбросил к стене. Ной ударился головой о металлический поручень и отключился.

Цесс бросила пистолет и отвернулась от капитана. Теперь она смотрела прямо перед собой. Удивленная, возбужденная и растроганная — она смотрела на себя.

Прошло много лет с тех пор, как она в последний раз видела сородича. И вдруг само прошлое воскресло и встало перед ней, вызвав целый ворох эмоций. Цесс так много времени провела среди людей, что и сама отчасти стала человеком, но сейчас давно забытые и похороненные глубоко-глубоко чувства оживали.

Цесс наклонилась к стоящему перед ней существу и втянула носом воздух. Она почувствовала интерес, радость узнавания. Болезненную нежность и тоску. Глубокую, всеохватывающую тоску.

Где-то позади, далеко-далеко, застонал Ной.

Она вдруг увидела свой дом: темные и холодные пещеры, в которых не было никакого тепла, кроме того, что могут дать другие. Те, кто движется там вместе с ней. Чувство голода и чувство нежности — они переплетались друг с другом, складываясь в странную, только им самим понятную симфонию. Ее плечи напряглись, а во рту стало сухо, словно уже несколько дней там не было ни капли воды. Цесс не отрываясь смотрела на себя.

— Ной! Ной, что там у вас? У меня опять сигнал. Рядом с вами! — кричал в микрофон Ежик.

Сквозь красное марево перед глазами медленно проступила кабина лифта, темные пятна оружия на полу и фигура, стоящая к нему спиной. Цесс. Ной с трудом поднялся, тряся головой. Из разбитого носа капала кровь, оставляя на полу черные точки. Цесс обернулась, и он увидел...

Одно лицо.

Ему стало страшно. Похожие, словно отражения в зеркале, две девушки смотрели на него. Наблюдали за ним. Ной вдруг подумал, что, на самом деле, совершенно не знает Цесс. Несмотря на годы, проведенные с ней, он совсем ее не знает. И еще он подумал, что никогда его жизнь не стоила так дешево, как в этот момент. Цесс. Бессловесная, преданная Цесс. Готовая ради него на все. Его тень, его продолжение. Она ударила не задумываясь, но теперь, он это знал точно, она думала. Она готовилась принять решение. Ной прижался к стене и уперся ногами в пол.

Девушка отвернулась и посмотрела на своего двойника. Их взгляды снова встретились, они потянулись навстречу и прижались щеками друг к другу. На секунду обе застыли, а потом Цесс резко отпрянула, схватила Ноя за руку и рывком подняла с пола. Пошатываясь, он побежал за ней.

Они уже добрались до двери шлюза, когда из динамиков раздался голос Ежика:

— Стойте! Он в шлюзе! Пытается открыть!

— Обесточь кишку! — закричал Ной.

— Но...

— Обесточь!

Контрольная лампа над дверью вспыхнула красным. Сразу вслед за этим послышался резкий хлопок, и стало тихо.

— Он открыл, — голос Ежика дрожал. — Господи боже, там нулевое давление!

— Не паникуй! Цепляй зажимы — вытаскивай нас отсюда!

Ной быстрыми шагами вошел в рубку «Ignis sanat», стягивая на ходу костюм. Он плюхнулся в кресло и стал возиться с кнопками на маленьком пульте. Глядя на его вымазанное в крови лицо, Ежик открыл было рот, но ничего не сказал.

— Отводи корабль.

Из подлокотника выдвинулась скрытая панель. На ней едва светился единственный красный огонек. Ной быстро пробежал пальцами по пульту, и огонек стал ярче.

— О! О! Капитан, ты что?

Вошла Цесс. Она уже успела снять скафандр и на ходу разминала плечи.

— Ной, так нельзя. Разве ты не понял? Это же контакт! Мы впервые...

В глубине корабля заработали электрические двигатели, выдвигая наружу боевую турель.

— Погоди! Погоди!

Ежик привстал с кресла.

— Цесс, сломай ему руку, — быстро сказал Ной.

Девушка поднялась с пола и пошла к Ежику.

— Стойте! Стойте. Ладно.

— Цесс, погоди.

Ежик тронул тумблеры. Включились корректирующие двигатели, и «Ignis sanat» стал медленно отползать от «Радона».

— Ной, давай поговорим спокойно! Мы не можем этого сделать!

— Почему?

— Мы не имеем права! Человечеству выпал шанс, разве ты не видишь? Шанс! Такое бывает раз в тысячи лет! В десятки тысяч лет!

Ной не ответил.

— Мимикрия, Ной — то, как это делают Соседи, может оказаться жестом интереса. Дружеским жестом. Они копируют нас потому, что хотят найти с нами общий язык. Хотят общаться. И не их вина в том, что мы ведем себя, как животные.

— Останови.

— Что?

— Останови корабль.

Ежик дал обратное ускорение и выключил двигатели.

— В любом случае, мы не можем принять решение сами. Это выбор человечества, а не наш.

Ной уставился на него неподвижными глазами.

— Являясь полноправным представителем человечества...

— Ной!

— От лица всей цивилизации...

— Ной, не надо!

— Я...

Ежик бросился на него. Ной успел повернуться и выбросил вперед кулак. Удар пришелся Ежику в губы и сбил с ног. Он упал на спину, раскинув руки, брызгая кровью на пластик.

— ...делаю свой выбор.

Ной вдавил кнопку на пульте.

Глядя на то, как яркая вспышка заполняет экран, заливая болезненным красно-белым заревом рубку, Ной думал о мертвецах во втором отсеке «Радона». Соседи. Контакт. Жест дружбы или неприязни — какое это имеет значение? Нельзя оживлять отражение в зеркале, когда в это зеркало глядится самолюбивое, злобное и беспощадное существо. Человек.

Что можно сделать, если стоящий напротив такой же, как ты?

Ударить первым.

Сергей Фомичёв

Прикуп

1

На небольшой экран проецировался фильм о планете Окуси. Графики сменялись пейзажами, всё это сопровождалось лёгкой музыкой, а приятный женский голос за кадром призван был довести до любопытной публики массу полезной информации.

С тем же успехом организаторы аукциона могли показывать ролик о вреде курения. На экран никто не смотрел, сотни взглядов устремились чуть ниже, где на дубовой скамейке ёрзал, безнадежно пытаясь устроиться поудобней, посланник идущей с молотка планеты. Будучи ещё недавно сельским учителем, он чувствовал себя в новом качестве несколько неуютно.

— Бедняга имеет вид приговорённого к казни, — заметила Лорена Гомес своему ассистенту. — И не слишком надеется на апелляцию.

Признанная телезвезда, она могла позволить себе проявить толику сострадания.

Путаясь в испанском, учитель, хоть и не так складно, как голос из динамиков, рассказывал о нелёгком труде и нехитром быте, что сложился на аграрной планете; об освоении новых земель и борьбе с тарпами, не ведающими страха и способными выходить в одиночку против целой деревни; о долгих дождях, что убивали дороги; о тоскливых песнях, сложенных в пору цветения очох, ядовитая пыльца которого наполняет воздух, загоняя людей в дома; о празднике урожая, когда одуревшие от страды парни добираются, наконец, до таких же одуревших девиц, о свадьбах, что играютя вслед за этим...

Вся эта пастораль несколько не волновала собравшихся вокруг журналистов. Они вяло

задавали вопросы, зевая, фиксировали ответы и всё чаще посматривали на часы в ожидании торга.

Десять роскошных синих кресел в секторе, отведённом участникам аукциона, пока пустовали. Восьми из них суждено было так и остаться невостребованными. Крайние, как обычно, вот-вот займут представители Фонда Освоения и Института Развития. Благозвучные названия компаний давно ни от кого не скрывали их хищнической сущности.

После запрета электронных и анонимных продаж все крупные аукционы проводились открыто, по системе, чем-то похожей на игру в покер. Это привлекало немало прессы и толпы зевак. И если бы не заранее предreshённый результат, действо в самом деле могло бы получиться зрелищным. Но уже много лет обходилось без сенсаций, и вся интрига заключалась в единственном вопросе — которая из двух корпораций наложит лапу на очередную планету.

Увхода в зал возникло оживление. Журналисты, предоставив бывшему учителю дожёвывать начатую фразу, развернули свои микрофоны и объективы на более достойную цель. Первым в дверях появился господин Порхе, топ-менеджер Фонда Освоения. Выставив перед собой ладонь, он остановил напор прессы и заявил, что комментарии до окончания торгов не будет. Репортёры, пропустив заявление мимо ушей, принялись обстреливать мистера Порхе вопросами. Они делали это с таким упоением, с такой самовлюблённостью, что казалось, будто представитель Фонда лишь повод, а главная цель их атаки заключается в демонстрации коллегам и публике собственной крутости.

Позволив журналистам несколько мгновений насладиться этой игрой, смуглые коренастые полицейские ловко продавили для босса и его референта коридор, а затем проследили, чтобы пресса ненароком не просочилась в зону торгов.

Здесь царил иной мир. Мир крупных ставок, гигантских сделок и непомерных состояний. Приглушённый свет и мягкие тона драпировки создавали уют, вырывая зону торгов из окружающего пространства. На столиках стояли вазы с фруктами, минеральная вода, пепельницы... — господа желали проводить даже липовые торги с привычным комфортом.

Порхе уселся в кресло, его референт пристроился на откидном стульчике. Возле них тут же возник седовласый метрдотель. На его лице не отражалось и тени раболепия.

— Доброй ночи, сэр, — произнёс он.

— Здравствуй, Рикардо. Рад, что ты по-прежнему служишь здесь, — добродушно заметил Порхе.

— В наше время не просто найти опытного распорядителя, — ответил метрдотель. — Желаете чтонибудь заказать?

— Стакан апельсинового сока.

Рикардо подозвал кельнера, передал ему заказ и полный достоинства встал в стороне.

Всё до мельчайших подробностей повторилось с появлением господина Левко из Института Развития, который занял кресло на противоположном конце зала.

Порхе взглянул на соперника с деланным равнодушием, тщательно скрывая свою неприязнь. С предшественником Левко он ладил, а этого молодого хлыща недолюбливал. Сам-то он добивался назначения долгие годы, поднимаясь постепенно по всем ступеням иерархии. Левко же получил должность в двадцать три года, даже не пошевелив пальцем. За него голосовали деньги его семьи. Не пройдёт и трёх лет, как молодой менеджер займёт место в совете директоров, а Порхе к тому времени как раз созреет для пенсии. Для Левко — это первая ступенька в карьере, а для Порхе — последняя. Вот и вся разница. Вот и причина для неприязни.

Оставшийся в одиночестве учитель мельком взглянул на покупателей и опустил голову — судя по всему, его родной планете не долго оставалось прозябать без хозяина. Секретарь

не сводил глаз с минутной стрелки, то и дело оглядываясь на служебную дверь. Но вот из неё вышел молодой аукционист. Встряхнув ярко-красными крашеными волосами, он занял место за кафедрой, после чего стукнул пару раз молотком, как бы проверяя его на прочность.

2

Под скрип и жужжание аппаратуры в зал вошёл федеральный инспектор. Он оказался грузным мужчиной лет пятидесяти и к тому же ещё не адаптировался к высокогорью, поэтому тяжело дышал, вытирая красное потное лицо. Инспектор равнодушно скользнул взглядом по учителю, кивнул участникам, пожал руку секретарю и с важным видом занял стоящее в нише правительственное кресло.

На вошедшего следом человека в чёрном плаще и шляпе никто не обратил внимания. Любопытных пускали на балкон по билетам за полтора кредита, и желающих посмотреть на продажу дальних миров всегда находилось достаточно. Однако человек миновал лестницу и направился к одному из пустующих синих кресел. Быстро осмотрев зал, он занял место за номером пять. Затем неторопливо вставил карточку в терминал и нажал кнопку. Человек не снял шляпы, напротив, сдвинул её вперёд, так что его лицо оказалось полностью скрыто тенью. Пресса спохватилась слишком поздно и теперь безуспешно пыталась разглядеть незнакомца сквозь полупрозрачный воздушный занавес, гадая, кто бы это мог быть. Публика на балконе загомонила, а представители корпораций обменялись недобрыми взглядами, заподозрив друг друга в подвохе, после чего одновременно, словно ковбои в вестерне за револьверы, схватились за телефоны.

Лишь седовласый метрдотель сохранил невозмутимость. Он подошёл к человеку и приветствовал его так же учтиво, как только что приветствовал зубров межзвёздной торговли. Пара слов, и расторопный кельнер отправился за кофе.

— Вы намерены зарегистрироваться в качестве участника торгов? — чуть растерянно спросил секретарь.

Полицейские крепыши подобрались, готовые выставить наглеца за дверь.

— Глупый вопрос, — спокойно ответил человек в шляпе. — Я только что сделал это.

Секретарь нервно кашлянул.

— Зарегистрировались как анонимный покупатель?

— Имею на это право, — пожал плечами незнакомец.

— Хорошо. В таком случае, будьте добры, подтвердите вашу кредитоспособность.

Человек вставил в приёмную щель ещё одну карточку. Секретарь, взглянув на экран монитора, дёрнул бровями, но быстро взял себя в руки.

— Хм. Кредит под залог планеты. Сумма...

— Попридержите язык, — оборвал его незнакомец, лишь самую малость повысив голос. — Данная информация конфиденциальна.

Секретарь извинился и перевёл взгляд на федерального инспектора.

Тот тяжело поднялся, взял в руки бумагу и, не утруждая себя правилами декламации, принялся зачитывать и без того всем известный официальный релиз.

— Планета Окуси, сектор Си. Геофизический тип — земной. Социально-экономический тип — аграрная коммуна. Население — пятьдесят восемь тысяч человек. Предварительные оценки запасов биоресурсов планеты — девятьсот миллионов кредитов. Достойных упоминания ископаемых ресурсов не обнаружено.

Отдышавшись, он выпил воды и продолжил:

— Поскольку численность населения не превышает сто тысяч человек, сообщество Окуси имеет статус колонии, а сама планета является государственной собственностью. В рамках «Стратегической программы стабилизации» планета выставляется на торги со стартовой ценой в полтора миллиона кредитов. Дополнительные условия к покупателю: жителям планеты гарантируется личная свобода с правом покинуть Окуси в любое время.

Эвакуация должна быть произведена за счёт владельца планеты.

Чиновник плюхнулся в кресло и, махнув рукой, прикрыл глаза.

Красноволосый аукционист принялся за дело весьма бойко.

— Как вы слышали, дамы и господа, начальная цена — миллион пятьсот. У нас три покупателя. Опрос идёт по порядку занятых номеров. Время на обдумывание каждого хода — одна минута. Шаг по сто тысяч кредитов. Итак, номер первый, господин Порхе.

— Миллион шестьсот, — небрежно бросил топменеджер, не дожидаясь истечения положенной минуты.

— Номер пятый. Господин анонимный покупатель.

— Миллион семьсот, — ответил человек в шляпе, с удовольствием глотнув кофе.

— Номер десятый...

3

Ханка, ответственного за безопасность Фонда Освоения в обеих Америках, начавшиеся торги заботили мало. Их результат он знал заранее. Планета достанется его работодателям за четыре миллиона кредитов, а Институт Развития получит пятьсот тысяч отступных. Ханк лично провёл переговоры с конкурентами, дважды встречался со своим коллегой из ИР по прозвищу Носорог, согласовывая размеры отката.

Сами переговоры затруднений не вызывали, другое дело — обеспечение их полной секретности. Пронюхай о сделке ищейки антимонопольного комитета или журналисты, и обе компании ожидал бы серьёзный скандал, смена руководства, а то и расчленение. Так что Ханк, прикрывая возможные дыры, измотался не на шутку.

Теперь он позволил себе расслабиться. Травка, молодое аргентинское вино, девочки-индианки... Правило откладывать деньги на чёрный день не числилось среди его пороков.

Проклятый звонок поломал кайф. Уже после первых начальственных слов Ханк жестом отправил девочек по домам, а сам, продолжая слушать шефа, побрёл на кухню.

Изложив ситуацию, Порхе отключился.

Ханк достал из жестяной банки несколько листочков коки, собираясь заварить тонизирующий чай, но потом, поняв, что времени мало, махнул рукой и просто сунул их в рот. Разжевал, размышляя, с чего начать, открыл холодильник. Равнодушно отстранил манящую прохладой бутылку пива, достал минералку. Он уже начал работать, а на работе Ханк не пил никогда.

Шеф заподозрил в новом игроке подставную фигуру Института Развития. Этим и нужно было заняться в первую голову.

Ханк позвонил заместителю, что заведовал всей агентурой на Андах.

— Мигель, поднимай своих парней. Уже? Отлично. Кто у тебя в лагере Носорога? Свяжись с ним, пусть гонит информацию. Мне нужно знать, что там сейчас происходит. Дай ему мой номер. Это срочно.

Продолжая инструктаж, Ханк вывел на экран панораму ночного Эль Альто. Жизнь в южноамериканском космическом центре не затихала даже поздней ночью. Но теперь окон в Сити горело больше обычного. В здании «Десятого Канала» заливалось светом три этажа, вместо обычных нескольких комнат ночной смены. Это навело Ханка на новую мысль.

— Да, — добавил он. — Приставь ребят к журналистам, особенно к «Десятому Каналу». Пусть упадут на хвост писакам, посмотрим, вдруг что да выплывет.

Пока он чистил зубы и одевался, пришло первое донесение из стана противника. Звонил человек, что работал у Носорога.

— Ханк, хакеры ИР пытаются войти в главный компьютер аукциона. Пока безуспешно. Судя по всему, им потребуется на это около часа.

Итак, если это только не дымовая завеса, призванная скрыть афёру, то конкурентов лихорадило не меньше, чем его собственную контору. Кто же подослал этого парня?

Правительство? Но оно могло попросту не выставлять Окуси на продажу. Стало быть, тёмная лошадка пришла из никому неведомой степи.

4

Шаг за шагом они приближались к оговорённой заранее сумме. Порхе немного нервничал, размышляя, откуда взялся этот урод в шляпе, грозящий поломать всю игру. Из короткого доклада Ханка он понял, что ИР, скорее всего, ни при чём. Тогда кто?

Изредка каким-нибудь эксцентричным миллионером овладевает идея занять в собственность целую планету. Построить виллу, посадочную площадку для яхты. Просто чтоб было куда пригласить друзей на гольф или шашлыки.

Но обычно под эти цели ищут планеты подешевле, и лучше не отягощённые населением. Пятьдесят восемь тысяч бездельников — головная боль даже для корпорации. Всех нужно куда-то переселить, или отвести им под проживание территорию. А это дополнительные издержки и пустая трата времени. А ещё постоянная угроза, вздумай вдруг население поиграть в революцию.

Но самое главное — обо всех этих миллионерах Фонд всегда узнавал заранее. Не так уж много осталось на Земле подобных счастливицков.

Время на раздумье закончилось.

— Три миллиона двести, — сказал господин Порхе.

Красноволосый перевёл взгляд на незнакомца.

— Пятьдесят миллионов, — вдруг резко повысил тот.

Зал, будто ему отключили питание, разом замолк. Цифра произвела впечатление на всех. Левко закусил губу, посмотрел на референта. Не дождавшись от него помощи, он произнёс:

— Я беру тайм-аут.

— Согласно регламенту каждый из участников может взять часовой перерыв лишь однажды, — напомнил ведущий, а секретарь запустил таймер.

Господин Левко затянулся сигаретой и нажал кнопку. Вокруг его кресла тут же образовалась звуконепроницаемая сфера. Прикрывая ладонью губы, молодой менеджер что-то говорил в трубку и одновременно отдавал распоряжения референту. Тем же самым занимался сейчас и господин Порхе с той лишь разницей, что он предпочитал сигары.

Балкон дружно захрустел попкорном и чипсами, на голову журналистов полетели обёртки. К Лорене Гомес протиснулся какой-то паренёк. Он шепнул ей на ухо несколько слов, получив в награду монетку. Лорена кивнула ассистенту и, отступив назад, незаметно покинула зал. Её собратья по цеху отстали ненамного. Скоро журналистов в зале заметно поубавилось. Лишь небольшой их арьергард продолжил следить за торгом.

Учитель впервые поднял глаза от пола, внимательно осматривая покупателей. В особенности того, что сидел посередке и, демонстрируя невозмутимость, поглощал принесённые официантом изысканные яства.

По сложившейся на аукционе традиции, каждый его участник мог заказать всё, что желал, — платить предстояло победителю. Незнакомец в шляпе, видимо, знал толк во вкусной и здоровой пище, отдавая должное морепродуктам. Жареные креветки с сыром, красная рыба, приправленная жгучим соусом и зеленью. Всё это, да под бутылку хорошего вина, в два счёта отправилось в здоровый его желудок.

У половины зала разом заурчали животы.

5

Ханк знал, у кого можно быстро добыть нужную информацию. Это будет стоить Фонду

несколько лишних тысяч, но кто считает тысячи, когда на кону миллионы. Он, Ханк, во всяком случае, не считает.

Он созвонился и вскоре получил интересующие его сведения:

— За последнее время на Земле зарегистрирован только один договор с залогом планеты. Три дня назад в местном отделении Первого Банка.

Конец ниточки оказался в руках. Дальнейшее зависело только от его расторопности.

Сделав ещё один звонок и договорившись о срочной встрече, Ханк положил в один карман пистолет, в другой пачку наличных и спустился в гараж. Настало время поработать ногами. В том смысле, что предстояло активно давить на тормоз — с плато к Ла-Пасу спускался весьма крутой серпантин. Чёртов информатор, хоть и работал клерком в Эль-Альто, жил в городе, что теперь обойдётся Ханку в лишние двадцать-тридцать минут.

Хорошо ещё, что условленный рестораник располагался не на самом дне котловины, а то дорога могла бы занять не меньше часа.

Заведение не относилось к разряду престижных. Здесь собирался всякий сброд, от кухни несло горелым жиром, а при виде пищи с непривычки выворачивало нутро. Но Ханк пришёл сюда не обедать. За грязным, но свободным от посторонних столом сидел нужный ему человек и пил дешёвую чичу.

— Знаете, зачем вы мне понадобились? — с ходу спросил Ханк.

— Догадался, — улыбнулся информатор. — И в офисе, и в машине, и дома у меня постоянно работает радио. Так что я в курсе последних событий.

— Очень хорошо, — буркнул Ханк. — Я рад, что не потребуется время на объяснения. Сколько вы хотите за информацию?

— Двадцать тысяч.

— Обычно я плачу не больше пяти.

— Обычно вас интересует Институт Развития. Теперь случай особый.

— Десять, — предложил Ханк.

— Двадцать, — настаивал информатор. — А я, так и быть, сам заплачу за ужин.

Ханк уступил. Была бы охота экономить чужие деньги. Двадцать тысяч поменяли хозяина, а в обратном направлении пошёл товар.

— Вашего парня зовут Дерек. Он официально представляет Утопию. А это, скажу вам, не шутка. Центральной власти у них нет, и его мандат подтверждён восемью тысячами с гаком сообществами. Целый чемодан бумаги — такое нужно видеть!

— Что он получил?

Прежде чем ответить, инсайдер отхлебнул апельсиновой браги. Причмокнул.

— Так называемый отложенный заём. В семь миллиардов. На три года под сорок процентов. Через три года нам возвращают девять миллиардов восьмьсот миллионов кредитов, либо Утопия переходит в собственность банка.

— Что значит отложенный заём? — уточнил Ханк.

— Он вступает в силу, если в течение месяца со счёта будет снят хотя бы цент. Если нет, то по истечении этого срока договор аннулируется, и стороны остаются при своих.

— Странные условия, — заметил Ханк.

— Это удобно как раз в таких случаях, как аукцион. Если кто-то перебьёт ставку, вы ничего не потеряете.

— И ваше правление согласилось на такую гигантскую сумму под залог единственной планеты?

— Ну что вы, мы бы дали и больше. Одни только биотехнологии Утопии оцениваются экспертами на порядок дороже. Но утопняин довольствовался суммой в семь миллиардов. Так что мы долго думать не стали.

— Собираетесь прибрать их к рукам?

— Это не наш бизнес, — пожал плечами информатор. — Мы лишь хотим заработать на процентах.

— Или на перепродаже?

— Нет, только на процентах. Мы вовсе не надеемся заполучить Утопию.
— То есть?
— Вы не знаете утопян, — усмехнулся клерк. — Они ни за что не продадут свою родину. У них должны быть веские основания верить, что они смогут вернуть кредит. Уверю вас, тут заваривается нечто особенное.

На обратном пути из машины Ханк позвонил шефу и вкратце передал разговор, заметив, что утопянин согласился на семь миллиардов, хотя мог получить много больше.

— Ничего удивительного, — пояснил Порхе. — Зачем им брать на себя лишние выплаты. Ни я, ни Левко не полномочны распоряжаться самостоятельно суммами больше пяти миллиардов. Если мы не успеем получить разрешения от своих боссов, мы проиграем торги. Пожалуй, я сейчас же запрошу Лондон о снятии лимита.

— Но вы же не станете торговаться до таких высот? — удивился Ханк. — Планета столько не стоит. Не может стоять... Если только...

— Если только утопяне не пронюхали о чём-то таком, чего мы не знаем, — договорил за него шеф. — Выясните всё, Ханк. Не жалейте средств, но поспешите...

— Что это может быть? — подумал вслух Ханк, после того как шеф дал отбой.

Он включил радио. Захлёбываясь от возбуждения, репортёр сообщил, что цена планеты уже перевалила за сто миллионов.

6

— Миллиард, — произнёс утопянин так спокойно, будто объявлял о чаевых таксисту.

Федеральный инспектор вздрогнул, приоткрыл один глаз, но тут же вновь погрузился в дрему. Продадут ли планету за миллиард, или всего лишь за десять центов, ему было без разницы. Лично он со сделки не имел ни гроша, а государство проглотит и не такое. Зато учитель возбудился не на шутку. Он совсем не разбирался в экономике, но понял, что торги пошли не так, как задумано.

Словно раб на невольничьем рынке, за которого вдруг запросили невероятную цену, он увидел проблеск иной судьбы. Ибо никто не станет сорить деньгами лишь с тем, чтобы отправить раба на каменоломню.

— Миллиард, — повторил красноволосый аукционист, раскатисто, словно полоща горло. Ему понравилась эта цифра, не забывал он и о размере комиссионных. — Далее шаг по сто миллионов. Номер десятый, господин Левко?

Левко с ненавистью взглянул на Порхе, на утопянина и произнёс:

— Один миллиард и сто миллионов.

На сей раз тайм-аут взял Порхе. Он решил потянуть время, ожидая доклад Ханка и ответа из Лондона.

7

За неполные полтора часа ребята Мигеля сделали невозможное, выяснив едва ли не каждый шаг утопянина. Ханк изучал доклад и с каждой строчкой всё больше мрачнел.

Дерек прибыл на Землю три дня назад по двухнедельной деловой визе, с попутным грузовым рейсом. Остановился в дешёвом отеле «Инка».

— Хм, — буркнул Ханк. — Человек, получивший в своё распоряжение семь миллиардов, путешествует космостопом и снимает комнату за десять монет в неделю, как последний бродяга.

От всего этого разило чем-то демоническим, неподвластным его пониманию.

Далее Мигель сообщал, что до самого аукциона Дерек не покидал номера, разве что спускался пообедать и выпить кофе. Было лишь два исключения. Утопьянин посетил отделение Первого Банка да съездил с туристической группой на озеро Титикака. И вот ещё: перед прохождением пограничного контроля Дерек наведлся в депозитарий транзитной зоны, где приезжие оставляют на хранение всякие запрещённые к использованию на Земле штучки, вроде бластеров или книг на английском языке.

Ханк задумался. Проверить, что делал Дерек на Титикаке, ему не успеть. В Капакабане у Мигеля вроде бы есть человек, но оперативно связаться с ним невозможно. Тот возит туристов на тростниковой лодке и телефона с собой не берёт. Остаётся надеяться, что утопьянин наведлся к озеру просто так, ради развлечения или отдыха. Или чтобы запутать следы.

А вот что нужно проверить прежде всего, так это номер, решил Ханк, благо гостиница расположена у него под боком, в старом квартале Эль Альто. Начальник службы безопасности даже не стал брать машину.

Здание отеля «Инка» было построено в прошлом веке, в подражание колониальному испанскому стилю: арки, внутренний дворик, сквозные балконы с входами в номера. Когда-то это был приличный отель, теперь он обветшал, превратившись в дешёвую ночлежку.

Портье, жалкий потомок хозяев великой империи, в честь которых называлась его дыра, встретил Ханка весьма любезно. Старый индеец сразу сообразил, что хорошо одетый господин пришёл сюда не в поисках крова.

— Один мой приятель поселился у вас три дня назад, — начал Ханк. — Он позвонил мне из Пуно и сказал, что оставил в номере кое-какие важные бумаги. Нет, не пугайтесь, я не собираюсь их брать. Просто хочу удостовериться, что документы на месте...

— И зовут вашего приятеля Дерек? — хитро прищурился портье.

— Дьявол! — воскликнул Ханк — Откуда вам это известно?

Старик выдержал паузу, наслаждаясь растерянностью белого господина, затем ответил:

— Только что в его номере побывала госпожа Гомес с «Десятого Канала». Я узнал её, хоть и не подал виду. Если честно, она рассказала историю получше вашей.

— Мне нужно увидеть комнату.

— Госпожа Гомес не пожалела пяти сотен за это удовольствие.

— Я дам вам ещё пять сотен, — заверил Ханк.

Индеец, беззвучно смеясь, отрицательно покачал головой.

— Нет, вам это будет стоить тысячу.

— Это почему же? — возмутился Ханк, забыв на мгновение о деле и о своём решении не экономить средства.

— История госпожи Гомес была интересней, — объяснил старик.

Комната оказалась пустой. Лишь на столике возле кровати лежало несколько книг.

— Она забрала что-нибудь с собой? — спросил Ханк у портье.

— Нет, только посмотрела книги.

Ханк взял ближайший томик и прочитал заглавие. «Техника безопасности при закрытой добыче и перевалке активита». Он перебрал остальные, и все они оказались специальной литературой по горному делу, геологии и нетрадиционным методам поиска месторождений.

Вряд ли найдётся на Земле человек, который никогда не слышал про открытие Бента. Обнаруженный им активит стал кровью современной экономики, придя на смену золоту, нефти и урану. Без него немыслимы регулярные межзвёздные сообщения. Он же — основа энергетики сотен планет. Объяснить природу активита не мог никто, кроме кучки сумасшедших физиков, что, впрочем, не помешало приступить к промышленной добыче. Название его звучит как минерал, но активит минералом не являлся. Более того, он не

являлся и веществом, в том смысле, какой вкладывают в это понятие физики или химики. Скорее он был чем-то средним между веществом и энергией. О его происхождении спорят до сих пор. Одни полагают, что это чудом сохранившиеся остатки первозданной материи, другие считают его продуктом более поздних процессов.

Добывать его трудно, обнаружить ещё труднее. Активит прятался, словно в скорлупе, в ядрах немногих планет. Очень немногих. До сих пор разведано лишь шесть месторождений. Четыре принадлежат государству, по одному — Фонду и Институту.

Втаком случае утопян понять можно. Получив в своё распоряжение энергетическое изобилие, давние оппоненты метрополии запросто проведут экономическую реконкиту и отрежут от Федерации целый сектор. Как могло правительство проглядеть месторождение на Окуси? Изыскательские методы не совершенны, конечно, заглянуть внутрь планетного ядра не просто, но ведь и утопiane не обладают ничем сверхъестественным...

Ханк посмотрел на часы. Через двадцать минут на Десятом Канале выйдет ночной выпуск новостей, после чего о месторождении активита на Окуси узнает весь мир. Он позвонил шефу и описал ситуацию.

— Выясни, что он запрятал в депозитарии, — приказал Порхе. — Это может быть важно. И торопись. Такими темпами мы доберёмся до пяти миллиардов очень скоро, а я до сих пор не получил санкции из Лондона.

8

Время истекло, и торги возобновились. Утопyнин больше не предпринимал резких рывков, двигаясь, как и все, шагами по сто миллионов. Но и без этого сумма росла слишком быстро. «Добро» из Лондона пришло как раз вовремя. Порхе через терминал уведомил об этом секретаря и расслабился. Теперь он мог задавить миллиардами не только утопyнина, но и молодого Левко, который до сих пор не получил ответ из Антверпена. И не получит, — ухмыльнулся Порхе, — парни Ханка обещали устроить небольшой саботаж на линиях. Проучить самоуверенного щенка особое удовольствие.

Порхе с превосходством взглянул на обоих соперников и, дождавшись очереди, произнёс:

— Пять миллиардов.

— Номер пять? — красноволосый указал молотком на Дерека.

Тот улыбнулся. Утопyнина ситуация, казалось, лишь забавляла.

— Пять миллиардов сто, — произнёс он и с интересом взглянул на Левко.

— Десятый номер? — спросил ведущий.

Левко кусал губы. Пошла минута. Антверпен молчал. От Носорога никаких известий. Молодость проигрывала опыту. Тайм-аут он уже использовал, а сказать «пас» лишь однажды значило выбыть из игры навсегда. И не только из этой игры. Ведь если конкуренты уведут из-под носа месторождение активита, его карьеру не спасёт даже дядя в совете директоров.

Мозг молодого менеджера напряжённо искал выход. И к исходу минуты он нашёл его.

— Пять двести, — чуть дыша произнёс Левко.

Секретарь с укоризной взглянул на покупателя и жестом остановил торг.

— Вы превышаете лимит, господин Левко. Ваши подтверждённые полномочия ограничены пятью миллиардами.

— Ничего страшного, — улыбнулся Левко. — Я подключаю к торгу собственные активы.

Он вставил банковскую карточку, победоносно взглянул на Порхе и нажал кнопку. Секретарь проверил информацию на своём мониторе и кивнул ведущему.

— Это не противоречит регламенту. Можете продолжать.

Порхе в точности не знал, каковы личные активы Левко. Несколько миллиардов — вполне реальная цифра. Особенно если дядя записал на племянника часть своих акций. Такая сумма, возможно, позволит молокососу дожидаться-таки ответа из Антверпена. «Может быть, резко повысить, миллиардов до десяти? — подумал Порхе. — И разом отрезать обоих». Но он не вполне был в себе уверен. Слишком зыбкой информацией они располагали для принятия столь важных решений.

9

Проход в транзитную зону космопорта и подкуп охранника депозитария облегчил Фонд ещё на пятнадцать тысяч кредитов. Заветная дверь открылась, и Ханк шагнул в узкий коридор между бронированными шкафами.

Дальше деньги не помогали — охранник не имел запасных ключей, а предлагать взятку коменданту транзитной зоны слишком рискованно. Пришлось достать отмычки и действовать по старинке. Ханк провозился с замком минут пять. Наконец, дверца пшикнула сжатым воздухом и отошла.

В ячейке лежали бумаги. Несколько десятков листов, сшитых медной скобой.

«Строго секретно», — вслух прочитал Ханк, предварительно набрав номер шефа. — «Отчёт специальной экспедиции объединённых сообществ Утопии по поиску активита на Окуси».

Впервые за вечер он улыбнулся.

10

Брелок утопанина коротко пискнул.

Порхе объявил сумму в шесть миллиардов.

Ведущий перевёл взгляд на Дерека.

— Я беру тайм-аут, — ответил тот и подозвал метрдотеля.

11

Прижав плечом трубку к уху, Ханк торопливо зачитывал шефу фрагменты отчёта.

Масштабы тайной экспедиции утопян поражали даже привычное к подобным делам воображение Ханка. Десятки кораблей, сотни тонн оборудования, операции прикрытия на соседних планетах. Всё это больше напоминало авантюрный роман, нежели изыскательский отчёт.

Он листал страницу за страницей, торопливо скользя взглядом по строчкам, пропуская целые куски, чтобы быстрее добраться до финала. А когда добрался, был шокирован. «Никаких признаков активита на Окуси не обнаружено», — гласило резюме.

— Не обнаружено, — повторил Ханк, бледнея, и замолчал.

— Любопытно, не правда ли? — раздался рядом знакомый голос.

В двух шагах от него, ухмыляясь, стоял Носорог. Конкурент слышал всё до последнего слова. Но, видимо, ещё не успел доложить начальству. И в этом факте Ханк увидел возможность увести Фонд от неминуемой катастрофы.

Он сунул руку в карман, нащупывая предохранитель. Носорог схватился за свой пистолет.

Прогремели выстрелы, отражаясь эхом от бронированных шкафов.

Охранник охнул и спрятался за конторкой, нервно давя на кнопку тревоги.

12

Дерек вышел из игры задолго до истечения срока.

— Я пас, — спокойно произнёс он, допил вино и откинулся в кресле.

— Но вы можете торговаться до семи миллиардов, — не выдержал ведущий.

— Эта планета не стоит семи миллиардов, — заметил Дерек. — В коммерческом смысле, конечно. Что касается её ценности некоммерческой, то здесь аукцион, а не трибуна для политических речей.

— Номер десять, господин Левко? — Ведущий перевёл взгляд на представителя института.

— Пас! — выпучив глаза, выкрикнул Левко с такой поспешностью, словно сбрасывал с себя ядовитого паука.

Ведущий ударил молотком.

— Продано!

Порхе схватился за сердце. В зале вновь воцарилась тишина. Даже публика на балконе на какое-то время перестала жевать.

Выбор у Порхе был невелик. Либо отказаться от планеты и заплатить штраф за срыв аукциона, а значит, получить на оставшиеся до пенсии годы пятно в послужном списке. Либо уплатить за никчёмную планету умопомрачительную сумму, и в этом случае завтра же остаться без работы.

Он выбрал позор и работу.

— Фонд отказывается от купли, — заявил он осипшим голосом.

Зал взорвался грохотом освобождённых от ноши сидений, громкими голосами публики, выкриками журналистов...

13

Ханк лежал в проходе, опираясь на один из шкафов, и, морщась от боли, зажимал рану в боку. Крови уходило не много, но остановить её он не мог. Рядом валялся разбитый телефон, чуть дальше — пистолет.

Ханк ни о чём не думал, он сильно устал.

В глазах потемнело. От дверей, словно откуда-то из другого мира, донёсся шум. Прибыли полицейский спецназ и комендантская рота.

14

Федеральный инспектор проснулся, пробежал глазами распечатку результата аукциона и произнёс:

— В соответствии с законом «Об управлении собственностью Федерации», торги по планете откладываются на двадцать пять лет. Штраф, за вычетом комиссионных устроителям аукциона, обращается в доход государства.

Народ колыхнулся к выходу, журналисты осадили покидающего зал Порхе.

Учитель пристально взглянул на подошедшего к нему Дерек.

— Подозреваю, вашу планету ожидает бэбибум, — заметил утопанин. — У вас ещё четверть века в запасе. За это время можно многое сделать.

— Спасибо, — сказал учитель.

— Не за что, — улыбнулся Дерек. — Просто я большой охотник поесть на халяву.

Утопьянин поправил шляпу и вышел из зала, тут же смешавшись с расходящейся публикой. Через три часа отправлялся транспортный корабль на Кубышку. Он хотел успеть переговорить с капитаном.

Александр Прокопович **Настоящая любовь**

... Зато пива здесь было — немерено. На ночь точно хватит, а в утро верилось слабо. Мне ни разу не доводилось слышать, чтобы после атаки панцирников кто-то выжил. Если быть более точным, мне не доводилось слышать, чтобы выжил любой, кто увидел панцирника. Я был первым. Но это не надолго. Где-то до утра. Пятый бокал пива, а я все не чувствую вкуса. Если утро все же наступит, оно должно меня научить одному — верить клиентам нельзя. Даже если они оплатили аванс. Особенно когда они, не торгуясь, оплатили огромный аванс. Денег у меня было много. Непонятно только, на что их тут можно потратить. Пиво, кое-что крепче, нехитрая закуска, при желании можно купить весь этот кабак, вместе с номерами на втором этаже и десятком женщин разного возраста, веса, роста, умения. Одна сидела напротив. Конечно, если она еще на сантиметр задерет юбку, я не выдержу и брошусь к ней в объятья. Сейчас.

Что во мне такого привлекательного? Обгоревшая одежда, одна штанина короче другой, и вовсе не потому, что симметрия вышла из моды. Просто этот кусок горел быстрее, чем все остальное.

Мой корабль упал в двух кварталах отсюда. Если бы не панцирники, я бы убил сотни людей и развалил пару домов. Панцирники проделали всё это неделю назад, поэтому единственным пострадавшим оказался я.

Спасти удалось немного — только то, что было на мне, если забыть о штанах.

В корабле осталась куча полезных вещей типа коммутатора, оружия и нормальной одежды. Осталась — это несколько преувеличенно. Ярko и хорошо горели — это вернее. Я не слышу одним ухом. И очень хочется умыться. Что она на меня так смотрит? Я и так знаю, что в пыли, крови, но эта чертова пивная — единственное, что светилося в округе, и у меня просто не было сил идти дальше. Я первый раз пью пиво на такой высоте. Я бывал в ресторанах, расположенных куда выше, но там как-то все больше напитки благородные и дорогие. Пивная на седьмом этаже — это довольно причудливо. Будь она на первом, я бы её, скорее всего, просто не заметил. В округе почти все дома двух-, трехэтажные и этот воспринимался почти что башней. Выше — только звезды. Проклятые звезды.

У них тут только пиво и пиво покрепче. Электричество идет от чудом уцелевшего кабеля, и холодильник полон. Место, в котором мне отчаянно хотелось бы осмотреться и попытаться привести себя в пристойный вид, отсутствует напрочь. Может, у них не принято? А кружки с виду чистые...

Народ приходил и уходил, изредка поднимался на этаж выше.

Наверное, они так жили всегда. Здесь все было так обыденно, что как-то не верилось в то, что неделя войны с панцирниками сделала их такими. Боже, она мне улыбалась... Какое счастье, что я не стал стоматологом! Я отвернулся и могу не смотреть, а они так на жизнь зарабатывают.

— Мне все равно что, лишь бы крепкое и холодное... Ты ведь угостишь меня?

Наверное, решила, что если я не ведусь на обнаженную плоть, то обязательно сработает улыбка. Может, местные настолько талантливы, что способны безошибочно определять наличие денег, или настолько тупы, что не способны протянуть тонкую нить логики от того, как человек одет, к тому, что он в состоянии, а что нет? Я угощу её. Пусть хоть кто-то будет в эту ночь счастливым.

— Меня зовут Кэрэн, а как ты хочешь, чтобы я тебя называла?

Я оторвал взгляд от кружки и внимательно осмотрелся. Нет. Это она мне. Осмотр

присутствующих дал результат: кажется, мы все тут только что выбрались из рухнувшего корабля. Я не видел вывески, но знаю, что там написано: «Отель у погибшего звездолетчика». На самом деле — какая разница, откуда именно ты выбрался, главное, что жив. Умрем мы точно скоро, и, похоже, что одновременно.

Панцирники давно были бедой, но бедой далекой. Время от времени они с кем-то сталкивались, и это неизменно кончалось гибелью имевших несчастье их повстречать. Собственно вся информация о панцирниках сводилась к случайно перехваченным сигналам уже гибнувших кораблей. Известно было мало, но и этого малого должно было хватать, чтобы не соваться на планету, которой не повезло оказаться на пути у флота этих чудовищ.

Панцирники — те, о которых мы знали, — передвигались большими соединениями, за дальними пределами обжитого космоса, были всегда вооружены и всегда первыми вступали в контакт. Что характерно — вступали отменно вежливо и на языке тех, кого встречали. Представьте себе: летите вы, никого не трогаете, и вдруг с вами заговаривает чудище, больше всего похожее на черепаху, из-под панциря которой свисает густая зеленая слизь, что само по себе неприятно, но у создания еще есть голова. Голова находится сверху на панцире и расположением сильно напоминает башню танка. Только очень уродливую башню. Глаза, большие и маленькие, беспорядочно разбросаны по голове этого существа и время от времени, чтобы наблюдатель не скучал, — открываются и закрываются. Я сказал, что у панцирника огромный двойной рот и внутри у этого четырехстворчатого рта что-то постоянно шевелится? Уже просто для проформы все это зрелище сопровождается четырьмя парами ложноножек непрерывно, то переплетающихся, то расплетающихся...

У президента Феофании была своя теория. Он считал, что с панцирниками можно договориться. Для этого я ему и понадобился. Планировалось, что меня встретят и сейчас, я, проанализировав всю информацию, предложу что-нибудь президенту и его правительству и мирно отбуду вместе с другими спешно покидавшими Феофанию путешественниками.

Кстати, умные местные жители уже давно пили пиво далеко от панцирников и от Феофании. Умные и богатые. Боюсь, любительница крепкого и холодного не накопит средств на билет отсюда, даже если отдастся всем мужчинам этого города.

Я знаю еще одну печальную вещь. В Империи были рады, что Феофания в нее не входит. Пришлось бы в дело вступить имперскому флоту, а Император совсем не хотел из-за какой-то там планеты остаться без флота.

До панцирников оставалось километров шестьсот. Они наступали с севера на юг, и скорость их наступления была не связана с сопротивлением местной армии. Сто километров в час. Именно на такой скорости они гарантировано уничтожали все живое. Методичные ребята. Феофанию было жаль, но зато теперь мы знали о панцирниках в сотни раз больше. В сотни раз больше для того, чтобы, завидя их, тут же бежать без оглядки.

Две недели назад армада панцирников вошла в местную солнечную систему. Зачем они это сделали: пополнить припасы, остановиться передохнуть или их привлекли местные красоты, — останется неизвестно. Флагман флота вышел на связь с правительством. По уже известной традиции они были вежливы и деликатны. Они даже предупредили, что разумный вид, населяющий систему, будет уничтожен. И принялись за дело.

Вероятно, когда президент Феофании приглашал меня, он не знал, что панцирники еще никогда никому не угрожали. Это же не угроза — сообщить, что собираешься делать? Что они всерьез. И если какой-то специалист летит к планете, которой занялись панцирники, они не извиняются — прости, брат, не лети сюда, туда лети.

А может, он в суматохе забыл, что кого-то там приглашал, и сейчас, покинув родную систему, вспомнил о неудачливом специалисте по глобальным кризисам, хлопнул в ладоши, вздохнул и, кто знает, даже воскликнул: «Вот не повезло парню-то, а!»

А ведь Империи известны планеты вполне даже пригодные для жизни, кроме того, что жизни этой там близко нет. Если я прав, можно составить маршрут следования панцирников.

Был бы у меня коммуникатор, мог бы порадовать живых мудрой мыслью.

— Пора и мне тебя угостить? У меня наверху уютно и тихо... И можно умыться, — для убедительности Кэрэн попыталась затолкать край юбки кудато уж совсем высоко... и я сдался. Кто бы мог подумать, что меня так легко заманить литром воды? Что-то в глубине моего уже приготовившегося умирать мозга шевельнулось и потянулось к чистоте. Я только что понял, что вместо трансляции народ слушает какой-то местный хит, который ни разу не сменился на что-то еще, за тот час, что я посвятил пиву и Кэрэн.

То есть надо понимать, что местные журналисты уже тоже либо свалили, либо готовились умирать. Остались я, Кэрэн и все те, кто при рождении не сообразил ни серебряной ложки в рот запихнуть, ни рубашку накинуть...

По крайней мере, я себя напоследок увижу — там, где есть вода, должно быть и зеркало.

Меня ждал сюрприз. Оказалось, что достаточно снять с уха корку засохшей крови, как слух ко мне вернулся во всей красе стерео. А всё горячая вода — бережно выливаемая на меня Кэрэн. Огромное махровое полотенце задумывалось как предмет коллективного пользования, но я справился сам. Мне было хорошо: чистый, теплый и уверенный в своем будущем. Чего еще? Кэрэн знала, чего еще — объем сосуда не оставлял сомнений в крепости напитка. Я не ошибся. Мне стало еще лучше, а потом Кэрэн совершила чудо. Я как раз закончил формулировать просьбу дать мне просто поспать, когда в комнату вошла ОНА. То есть я даже знал, как её зовут... Вероятно, Кэрэн тоже умылась. Или дело было в том крепком, чего я выпил много?

Дело ведь не в длине ног? И на самом деле — никто не знает, в чем дело. Потому что есть ведь такие — никаких изысков и глаз косит, а ты уже дышишь через раз и все неважно, дайте дверь заколочу гвоздями, чтобы не убежала никуда.

Кэрэн меня любила. Это не важно, любил ли я её. Любовь такая штука, что если её много у кого-то одного — этого хватает обоим. Она хотела меня и хотела моих денег. Она могла забрать всё, но по неведомому мне тарифу высчитала сумму и аккуратно спрятала остаток в почти целый карман моих штанов. Эти деньги сгорят вместе с нами, еще до рассвета, но Кэрэн — все равно. Как я сразу не заметил эту чудесную родинку у нее сантиметров на пять ниже пупка?

В этой жизни Кэрэн умела делать только две вещи — считать деньги и любить.

Это хорошо, что меня скоро убьют. Любовь — худшая из зависимостей, я не вышел бы отсюда до тех пор, пока Кэрэн своими маленькими пальчиками не отсчитает последнюю купюру. Я вышел бы отсюда ненадолго, дабы обчистить первого попавшегося. Лишь для того, чтоб вернуться.

Упрезидента Феофании была теория. То есть теория была у спецов, но как это часто бывает, будучи услышанной президентом, теория поменяла хозяина. Она была простой и понятной. Настолько, чтобы в неё можно было поверить. Спецы предположили, что панцирники очень сильные эмпаты⁶.

Панцирники чувствовали чужие эмоции. И, что нормально для эмпатов, не отличались сдержанностью.

Можно вообще не моргать. Можно заморозить мимические мышцы. Но нельзя не ужаснуться при виде панцирника. И панцирники чувствовали этот ужас. И отвечали. Примерно так мог бы ответить опарыш, прочувствовав гамму чувств барышни, только что обнаружившей личинку у себя в супе. По счастью, у опарышей нет космического флота.

Теория хорошая. Жаль, на практике теория буксовала.

⁶ Керн (в геологии) — столб плотной горной породы, сохраняющий ее слоистую структуру. Отбирается при бурении породы полый стальной трубой с целью исследования недр.

Президент начал с местного общества любителей животных. Я видел фотографии местной фауны. Я понимал президента: такое нельзя защищать, если только по какой-то странной прихоти — не полюбить.

Делегация встречала флот панцирников на дальних подступах системы. Недолго встречала, секунд пятнадцать. Вероятно, именно столько понадобилось, чтобы панцирники поздоровались и уничтожили делегацию. С корабля велась трансляция, так что мы точно знаем, что панцирники поздоровались.

Потом опыт поставили на поклонниках местного культа. С учетом того, что их верховное божество сильно смахивало на черепаху, и местное писание велело его любить сильнее жизни — можно было на что-то надеяться. Но не нужно было. Служители культа сплеховали. Вероятно, они больше боялись, чем любили... В религиях так бывает.

Делегацию политиков собирали долго, набралось два человека. В это время нормальные политики уже были довольно далеко от родной планеты. Не знаю, почему президент Феофании решил, что политик в состоянии кого-то полюбить. Разве что в ванной перед зеркалом. Политики продержались не дольше остальных.

У меня был свой план. Не такой красивый, как теория президента, но все же. Теперь уже неработающий, но был.

Когда на подлете к системе я обнаружил, что меня никто не встречает... то есть не встречают представители клиента — панцирники были уже тут как тут — я решил, что аванс все же получен, а значит, нужно хотя бы попытаться его отработать.

Я не верил в теории, но у меня был план. Мне казалось — простой и безопасный.

Обычно панцирники вступали в контакт в пределах поражения своим оружием. План был простой — вступить в контакт и тут же оторваться от преследования. Мне казалось, что если бы удалось чуть-чуть дольше пообщаться с панцирниками — могло бы что-то получиться. Мой корабль был действительно очень быстрым. Недолго.

Вероятно, предел поражения оружия панцирников был больше, чем расстояние, которое им нужно было для контакта. Я не успел ничего сказать.

Простые планы часто бывают не лучше хороших теорий. Мы с президентом ошиблись. Только он далеко и в безопасности, а я падал на его родную планету.

С другой стороны, я видел панцирника, он со мной поздоровался — и все еще жив. Нас таких мало. Скоро снова не останется ни одного.

Мешало время. Я чувствовал, что оно вытекает и уже не вернется обратно. Женщине, которая была со мной, — было неважно, сколько минут до рассвета, она любила меня так, что этого должно было хватить на двоих. У Кэрэн очень маленький лоб. Вероятно, чтобы любить, мозг не нужен.

Тьма за окном уже потеряла силу, когда панцирники напомнили о себе. Пока что это был только звук — рев двигателей штурмовиков. Скоро нам покажут картинку.

Я разбудил Кэрэн. Я заставил собрать её всех друзей. Это было не трудно — у меня все еще было денег больше, чем я успею потратить. Мы поднялись на крышу. Нас было одиннадцать — девять женщин, я и махровое полотенце.

Мы смотрели в небо. Это редко когда взрослые мужчины и женщины смотрят в небо. Это почти никогда, чтобы смотрели так.

На Феофании очень красивые облака, наверное, из-за того, что небо здесь низкое и темное, почти фиолетовое. Солнце еще не включилось на полную катушку, и можно было любоваться сразу и облаками, и звездами. Не худший вариант. Одна из звезд погасла, потом еще одна — небольшой катер панцирника летел к нам — темный на темном фоне.

Я отвернулся. Я решил смотреть в тот край неба, который еще не испорчен панцирниками. По моим расчетам ждать осталось недолго. Недолго все тянулось и тянулось. Небо светлело, звезды гасли, я все ждал, когда же вся жизнь пронесется перед глазами? Не

проносились.

Поворачивать голову было трудно, страшно — вот увижу чего там и...

Катер панцирника висел метрах в трех над нами. Мне не рассказывали, что они делают свои корабли прозрачными — я мог рассмотреть врага во всех деталях. Просто некому было. До сих пор мне доводилось видеть панцирников только на экране. Вид снизу вверх был не лучше. Ложноножки копошились, переплетаясь друг с другом, все это происходило в чем-то очень похожем на гной — жидкое, неприятное, вязкое, зеленое. Я уже никогда не полюблю цвет молодой травы.

Я не сразу понял, что не так. Мы были живы, и я больше не слышал рева. Девять женщин замерли на крыше. Девять женщин смотрели на панцирника... Любовь сочилась от крыши к панцирнику и дальше — до самых звезд...

Они были прекрасны. Чтобы заслужить такой взгляд, большинство мужчин нормальных готовы жертвовать литры крови, килограммы мяса. Девять обнаженных женщин на бетонной крыше — почти не касаясь ногами, вытянулись вперед и вверх — туда, где завис кораблик панцирника.

Его голос был мягким, бархатным, низким для женского и высоким для мужского. Так не говорят, так в унисон может петь хор... Панцирник заговорил:

— Приветствуем вас, объединяющие души!

Яждал. Я все еще ждал, когда кораблик ушел за линию горизонта. Было странно — мне нравилось дышать. Никогда не думал, что это так приятно. Кэрэн уже довольно долго тормошила меня за плечо. Кэрэн что-то говорила. Где-то через вечность я наконец понял, что именно. Кэрэн предлагала мне скидку, если я останусь с ней на еще одну ночь.

Панцирники бросили начатое дело и исчезли. Через неделю на планету вернулся президент и правительство. Через две они меня нашли. Вовремя. Одних лишь денег было недостаточно, чтобы выбраться отсюда, но хватило бы еще надолго, чтобы ни в чем не отказывать себе здесь. Я уже стал подумывать о покупке небольшой развалины рядом с пивной. И это меня пугало.

Я получил из рук президента новый коммуникатор и даже какой-то орден. Что меня порадовало больше — это билет на «шаттл», который должен был меня забрать с Феофании.

Президент торжествовал. Он с легкостью забыл свою старую теорию и придумал новую. Что это я? Кто-то из советников подарил ему новую. Теперь оказалось, что панцирники были не эмпадами, а убежденными нудистами. Когда они, наконец, увидели красоту обнаженных тел, они поняли, что среди жителей этой планеты все же попадаются приличные люди, и решили оставить нас в покое.

Еще бы — единственное, что оставили после своего ухода панцирники, в качестве объяснения, чего же это они решили пощадить Феофанию, — это небольшой эротический фильм, снятый на крыше одной местной восьмизатки. Моя роль была одной из главных, хотя я бы для съемок подготовил что-то другое. Теперь каждый житель планеты знает, что в критические моменты я отворачиваюсь и замираю. Кажется, примерно так поступают тараканы на планете Земля, хорошо, хоть мне не пришлось в голову упасть и притвориться мертвым.

Язнаю другое. Панцирники не исчезли с наших трасс и также вежливо здороваются, чтобы затем... — нет-нет, просто улететь. Я видел панцирника так близко, как не видел никто из выживших, — ничего омерзительнее мне видеть не пришлось. Я рассмотрел в прозрачном корабле то, что подтвердили через год экзобиологи. Тело панцирника нашли неподалеку от притона, где я провел больше недели. Каким-то чудом его корабль был сбит местными военными в самом начале компании. Те, кого мы принимали за панцирников, ими не являлись. Каждый панцирник был парой панцирников, слившихся в бесконечном акте. Их щупальца, всегда ласкающие друг друга, их головы, сросшиеся в бесконечном поцелуе...

Это должно было показаться отвратительно...

Президент был прав. Панцирники — эмпаты. Для них должно быть нормально, как и для любого другого существа, попытаться понять, кто им встретился на их пути. Для панцирников должно быть нормально — ужаснуться нами. И дело не в том, что именно чувствовал каждый из услышавших приветствие панцирника, дело в том, что каждый из них не почувствовал. Для панцирников — проводящих всю жизнь в бесконечном обожании друг друга — нормально считать, что существо не любящее требуется уничтожить. Они не знают, что не любить не значит ненавидеть. Теперь они знают — мы тоже способны любить, и, вероятно, чрезвычайно удивляются, почему у нас это встречается так редко. Теперь они знают — мы тоже люди — в их понимании. Неполющенные, но все-таки люди. Просто президент Феофании выбрал не тех делегатов. И дело никогда не в деньгах, дело в способности. Я знаю, что девять женщин на крыше любили панцирника. Я ведь заплатил каждой за целый день. Любили по-настоящему, только настоящая любовь могла преодолеть мой страх и мою ненависть.

Я никогда не вернусь на Феофанию.

Владимир Яценко **Нештатная ситуация**

1. Плевкок дьявола

Армия — это то, что отделяет своё от чужого.

Армия — категория относительная.

Армия тем лучше,

чем быстрее «чужое» становится «своим».

Устав Внеземелья. Истины

Чёрная точка на противоположном, восточном берегу быстро росла и превращалась в человека, несущегося по глади залива в чёрном, развевающемся плаще. Человек левой рукой придерживал шляпуцилиндр с широкими полями, а правой бодро отмахивал отблёскивающим сталью посохом. Его трость лишь коротко соприкасалась с водой, но и этого мгновения было достаточно, чтобы человек, оттолкнувшись, стремительно скользил вперёд, будто по льду, поднимал посох и спустя два-три десятка метров вновь опускал его в воду. Трость сверкала на солнце подобно спицам велосипеда. — Ходко, — одобрительно заметил Биток. Леприца проследила за его взглядом и презрительно бросила: — Шут гороховый! Уважающие себя наги уже заняли свои места.

Биток перевёл взгляд на скамьи нагов и убедился, что Леприца права: к этому времени царик Лиайфа уже полностью материализовался в своём кресле. Сошки помельче слетелись ещё несколько минут назад. Так что тот, что «яко-по-суху», и вправду запаздывал...

— Достойный Клиффорт задерживается ввиду слабых сил. По понятным, впрочем, причинам. Он сейчас в заливе, будет с минуты на минуту. — Лиайфа мрачно обвёл взглядом притихший зал. — Что будем делать, наги?

— Пусть уходит, — сказал кто-то из второго ряда. — Он взялся за работу и не сделал. Позор. Теперь пусть выйдет на площадь в базарный день с непокрытой головой и стоит с утра до обеда. Что останется, пусть забирает с собой и уходит.

— Это Корнелиус говорит? — уточнил Лиайфа. — Тот самый Корнелиус, чей удел оплёван дьяволом? А сам достойный предпочитает судить добровольцев, вместо того чтобы самому прекратить безобразие?

Было слышно, как наги неодобрительно скрипят скамьями, оборачиваясь к незадачливому Корнелиусу. А тот, вместо того чтобы заткнуться, что-то недовольно

забубнил.

Биток вздохнул. «Везде одно и то же. Если что „наперекосяк“, — ищут крайнего. Свары, ссоры... Тоже мне проблемы!» Он по привычке ощупал языком пустоту на месте переднего зуба и провёл ладонью по своей фиолетовой плеши.

— Дурак этот Корнелиус, — прошептала Леприца в самое ухо Битоку. — Клиффорт приходится Лиайфе...

Биток с удовольствием вдохнул запах её волос, но счастье было недолгим:

— Кто позволяет себе слово, когда наги не смеют дышать? — грозно осведомился Лиайфа.

Биток съёжился.

И было от чего.

Но Леприца не отступила.

— Только почтение в шёпоте моём, — твёрдо сказала она, вставая. — Хочу попросить разрешения у достойных нагов встать на защиту чести Корнелиуса.

— Ты кто такая, смерта? — вскочил с места Корнелиус. — Моя честь не нуждается в таких защитниках.

— А в каких защитниках нуждается твоя честь? — ядовито заметил Лиайфа. — Сядь, Корнелиус. Сядь и замолкни.

Корнелиус сел, но с достоинством. Потерять в этом зале достоинство для нагов значило потерять всё.

Спустя минуту тишины Биток вдруг понял, что и впрямь не дышит.

Пришёл Клиффорт. Злой. Мрачный. Но нисколько не запыхавшийся от стремительного бега. В рулон скатал трость, опустил её в шляпу, а сам цилиндр сложил конвертом и как носовой платок уложил во внутренний карман плаща. Потом плюхнулся на свободное место и замер, уставившись в широкую пройму окна, любуясь водами залива, ярко освещёнными предположенным солнцем.

— Вопрос достойного Корнелиуса правомерен, — сказал Лиайфа. — Кто ты такая, смерта? И почему так уверена в своих силах, когда мы, наги, бессильны?

— Леприца — моё имя. А уверена в своих силах потому, что знаю дьявола изнутри.

Ответом была тишина.

«Проверяют, — понял Биток. — Но ведь она сказала правду!»

— Ну что ж, — подытожил свои раздумья Лиайфа. — Сбывается реченное в книгах: «Дьявол не убоится солнца, а смерта скажет новое нагу». Глупо ложиться на пути пророчества, потом ведь можно и не подняться. Пусть будет. Но несложно ли уважаемой Леприце сообщить нашему собранию, КАК она собирается исполнить взятые на себя обязательства?

— Несложно, — не убавляя наглости в голосе, заявила Леприца. — Уверена, что достойные наги и сами бы разобрались в ситуации, будь у них...

— Ближе к делу, смерта! — возопил со своего места Корнелиус.

— Нужно всего лишь испугать дьявола, — невозмутимо сказала Леприца. — Показать ему что-то такое, что привело бы его в ужас. Тогда он уйдёт и оставит нас в покое.

Чей-то недовольный голос гнусаво пробубнил:

— Что же мы можем показать дьяволу такого, чтобы он испугался? Скажите смерте, чтоб не тянула.

— Морду её спутника, Раха, — вновь вмешался Корнелиус. — Думаю, раз увидев ТАКОЕ, дьявол и в самом деле уйдёт навсегда.

Он фальшиво засмеялся, но лицо царика оставалось хмурым, и никто не отважился даже на улыбку.

— Боюсь, что лица моего брата Битока будет недостаточно, — вежливо возразила Леприца. — Я думаю, что дьяволу следует показать что-то другое. Для этого я берусь изготовить зеркало, в котором дьявол увидит себя, ужаснётся и уйдёт.

— Зеркало?

— Сержант! — вполголоса окликнула Леприца.

Биток с готовностью склонился к полу и развернул дерюгу. Из узла вывалились почерствевший остаток вчерашней лепёшки и завернутый в холст кусок сыра. Биток дёрнулся было к еде, но Леприца заметила это:

— Зеркало, сержант!

Вздыхнув, Биток обеими руками взялся за тяжеленный осколок шихты. Высокая температура расплавил песок до стекла и пропекла его на добрый метр в глубину. Сложнее всего было отделить верхний, полированный слой от «пены» — нижней части спёкшегося в губку песка. Биток на эту операцию потратил неделю. Ещё столько же Леприца зеркалила гладкую поверхность...

Биток приподнял зеркало до уровня колен и вдруг почувствовал, как осколок заметно убавил в весе, а через секунду он и вовсе взлетел над головами и поплыл в сторону Лиайфы.

Биток уже собрался вновь склониться к полу, но, оказывается, его вид привлёк внимание царика:

— Кто ты, ужасный человек? — громко спросил Лиайфа.

Если бы у Битока был берет, он бы немедленно его стянул с головы и замер по стойке «смирно». Но берета не было. Так что пришлось просто вскочить и замереть.

Леприца толкнула его локтем.

— Я — Биток, ваше достоинство. Брат уважаемой Леприцы!

Лиайфа с сомнением осмотрел обоих:

— Сходство, конечно, небольшое... Видно, ваша мать была не особенно разборчива с мужчинами.

— Матери у нас тоже разные, о достойный, — вкрадчиво поправила царика Леприца.

— Она издевается над нами! — закричал Корнелиус.

— Рылом, конечно, не вышел, — вновь прогундосил Раха. — А что это у него на голове?

— Татуировка, — охотно пояснила Леприца. — Религиозный обряд. Мы прибыли издалека.

— Из задницы дьявола, надо полагать, — перебил её Лиайфа. — И, судя по лицу твоего «брата», в это легко поверить.

Осколок тем временем подлетел к царiku и опустился к нему на стол. Наг склонился над зеркалом, отшатнулся и уже через секунду громко рассмеялся.

— Достойные! Смерта права! Если я дрогнул, то дьявол и вправду может убежать. Надеюсь, я всё-таки симпатичнее. Как ты это сделала, уважаемая Леприца?

Биток перевёл дух, не дожидаясь разрешения, сел на своё место и тут же вернул лепёшку и сыр в узел. «Не знаю, чему там учат в академиях, — подумал он. — А флот еду врагам не оставляет...»

— В моём мире, там, на небе, — Леприца, красиво изогнув левую руку, направила указательный палец вверх, — эта нагия называется химией. Всего лишь взаимодействие веществ и знание основ их превращений.

— На небе? — ахнул кто-то из смертов справа от Битока.

Ахнул и умолк. Будто кляп в глотку с размаху загнали.

Биток глянул на человека и отвёл взгляд: у бедолаги срослись губы. Выпученные в ужасе глаза, налившиеся кровью щёки...

— Веществ? — ласково поинтересовался Лиайфа.

— Да, — подтвердила Леприца. — Ляпис, щёлочь, нашатырь, сахар, винно-каменная кислота и винный спирт.

И вновь воцарилась тишина.

«Прямо как компьютеры, — подумал Биток. — Получают задание и пока не просчитают, отклика — ноль».

Бедолага с навеки закрытым ртом сполз со скамьи и, мыча и раскачиваясь, двинулся на четвереньках в сторону выхода. Путь ему предстоял долгий — главный зал совета нагов,

открытый для смертов, был огромен.

Женщина, рядом с которой сидел несчастный, спрятала лицо в ладонях и мелко трясла головой, но не издавала ни звука.

— Ты собираешься к раствору соли серебра добавить восстановитель из сахара и осадить металлическое серебро прямо на плевке дьявола?

Если бы не шарканье уползающего изуродованного человека, Биток бы заплодировал. Представитель нетехнологической цивилизации рассчитал всё абсолютно точно. И результаты расчёта представил в понятных терминах.

— Именно так, достойный Лиаифа, — склонила голову Леприца.

— Остроумно, — одобрил царик. — И сколько времени займёт эта процедура?

— Восстанавливающий раствор должен отстаиваться несколько дней, само же осаждение зависит от температуры. Ну, и площадь... диаметр порядка трёх десятков метров. Думаю, за неделю управлюсь.

— Нет, — спокойно возразил Лиаифа. — С нашей помощью ты это сделаешь сейчас. До обеда. Достойный Корнелиус, куратор восточного побережья, доставит тебя к месту скверны. Я уже отправил туда нужные тебе вещества и достаточное число помощников.

— Но для приготовления растворов нужно время, — запротестовала Леприца. — Корнелиус располагает им, — «успокоил» её наг. — В неограниченных количествах. Что-нибудь ещё? — Парафин, замша, ёмкости... — Не нужно меня учить жизни, смерти! Кроме озвученных предметов, тебя там ждут мерная стеклянная посуда и наше пристальное внимание, чтобы твоё рвение было замечено всеми смертами, избирающими себе достойных. Если до вечера дьявол и вправду покинет небо, ты станешь одной из нас и придёшь к царьдому пешком через воды залива. Если же нет... мы сумеем объяснить вам обоим свои представления о том, как именно следует защищать нашу честь. Корнелиус! Переправь смертов к месту работы и проследи, чтоб до вечера ни один волос не упал... В общем, ты понял. И ещё. Кто там у нас сегодня отличился? Раха? Открой болтуну рот. Только так, чтобы он закрывался. Знаю я вас...

2. Леприца

Армия была, есть и будет.

Потому что кроме Армии есть Бог,
имя которому — «бесконечное чужое».

Армия может только расти.

Потому что по мере превращения «чужого» в «своё»
всё больше «своего» нужно отделять от «чужого».

Устав Внеземелья. Истины

Корнелиус посчитал забавным пронести нас на бешеной скорости в метрах двух от поверхности залива. Допускаю, что скорость была не такой уж и «бешеной», вот только воспринималась она именно так, а не иначе. И скорость эта стала особенно чувствительной, когда при подлёте к береговой линии высота сошла на нет, и мы ударились о воду. Подняв тучу брызг, радугой украсивших небо, мы по инерции продолжили своё движение уже по песку. Кувырк, разумеется...

«Приключение», конечно, не смертельное. Далеко «не». Особенно учитывая нашу подготовку в космодесанте. Но неожиданное. И неприятное. Да ещё стервец этот пасть раздвинул до ушей. Улыбается, значит. Смотрит, как мы к его ногам подкатываемся.

Он-то, зараза, уже тут стоит. Мгновенно перенёсся. Поджидает...

Не удивительно, что Биток взбеленился.

Я как-то не сразу поняла, что в отличие от меня сержант Биток и не тормозит вовсе: напротив, ногами отталкивается, скорость увеличивает, да к Корнелиусу рвётся. Что на песке

сделать не просто. Очень!

И узел бедняга свой где-то потерял. Там у него от еды что-то оставалось. Прямо фишка у человека какая-то. Подумаешь, еда... Правда, в его последнем десанте, на Шуне, что-то приключилось. Голодали они.

О! Докатился... так в подкате и двинул Корнелиуса ногой в колено.

Жаль, конечно: ботинки наши флотские через пять минут после высадки на планету в кисель превратились. А потому второй месяц ходим в сандалиях: кожа да материя.

Местный фасон: сносус не будет целый сезон.

А что тут зимой носят, и какие тут вообще зимы, — придёт время, узнаем. Потому как влипли мы. И, похоже, навсегда. Сделали нас, вот что. Вот эти самые наги и сделали. Как? Понятия не имею. Только нагия их превратила все наши полимеры вместе с нефтехимией, — от охлаждающей жидкости до изоляционной оплётки проводов — в студень. Даже ботинок, черти, не оставили. Кто бы мог подумать, сколько синтетики было в одежде! Нагишом из остатков челнока вылезали...

И ни одного работающего прибора. И сигнал бедствия послать не можем. Нечем.

Десантный челнок — на свалку, связь со звездолётом — в утиль, нас — на вечное поселение, что на деле означает те же утиль и свалку, только с возможностью мучений. Большой-большой возможностью... Да и сами мучения предполагаются изрядными.

Кстати, о муках. Кажется, к этому пункту программы мы только что подошли вплотную. Нogu достойному Корнелиусу уважаемый Биток, ясное дело, сломал. Для этого ему ботинки не нужны. Хороший такой удар. Вся масса тела моего сержанта в нём. И масса эта, скажу я вам, не малая. Да и скорость... Масса на скорость... страшная штука!

Крепкий, в общем, у меня Биток. И скорый.

Корнелиус, конечно, тоже на ботаника не похож, но... хрустнула кость, зараза! Уж больно в подходящее место Биток целил: даже если кость уцелеет, всё одно сустав из сумки выскочит. И будет ходить достойный Корнелиус с одной из коленок, вывернутой в сторону, противоположную движению.

Ведь ежели Биток во что-то целит, обязательно попадёт. Есть у моего сержанта такая характеристика. Приятная для меня, впрочем.

Противник? Обездвижить и добить!

Ага. Хрустнула косточка нага. А Биток уже на ногах, кулаком Корнелиусу в челюсть метит. Да только всё. Этот фокус, похоже, только один раз и проходит.

Замер Биток. Замерз. И я вместе с ним.

А Корнелиус стоит себе и косточками своими похрустывает. Сразу видно: большой любитель этого вида музыки. И по роже ничего не понять: то ли насмехается, то ли от боли скулу воротит. О! Ближе подходит. На своих, значит, на ногах. Без всякой посторонней помощи. И взгляд у него нехороший. Злой какой-то.

— Ни один волос... — напоминаю ему.

Ну, вдруг он забыл. Мало ли. Суета... заботы.

— Зачем же «один»? — говорит Корнелиус. Голос у него ласковый, даже нежный. — Пожалуй, я твоему «брату» этих самых волос чуток прибавлю. Чтобы, как вечером обгадитесь со своим зеркалом, предмета нашей душевной беседы надолго хватило.

Повернулся и ушёл. Сам. Ногами. Вот дела!

И сразу «отпустило». В смысле, разрешил нам этот фашист двигаться.

— Какого чёрта? — у Битока спрашиваю.

— Он это нарочно сделал, — хмуро Биток докладывает. — О воду ударил, в песке вывалял. Не гоже командир...

— Милый! — и хочу ругать его, а на сердце тепло.

Это ведь Биток меня защищать бросился. Лейтенанта своего. Впрочем, как учили. Не мог Биток подругому поступить, когда при нём офицера вместе с честью и достоинством Армии роняют. В самом, что ни на есть, грубом смысле.

— Милый! — говорю. — Они нас «уронили» в ту секунду, как мы приземлились.

Дорога наверх нам закрыта, отныне и навсегда. И никто за нами не придёт. Никогда. А если не научимся сдерживать гонор и прочие армейские привычки, кончим лягушками в каком-нибудь пруду. И ещё повезёт, если вода будет достаточно грязная, чтобы местные аисты не скоро нас в этой вонючей жиже отыскали, на предмет своих гастрономических потребностей.

Совсем я расстроила Битока.

Без разрешения, не дослушав, повернулся сержант и пошёл себе. От песка отряхивается, да на руки поглядывает. Впрочем, в правильном направлении пошёл: к стекольной шихте. К нашему будущему зеркалу.

А там уже суета нашего брата, смертного. И всё как-то правильно у них получается. Сделали невысокий бортик по всему периметру расплавленного до плоскости песка, столы рядом поставили, чаны, баки. И откуда у них столько стеклянных реакторов?

Прошлась я между столами, и сказать мне, вроде бы как и нечего: всё правильно делают. Из сахара восстановитель варят, рядом щёлочь мешают, чуть дальше раствор азотнокислого серебра... А Корнелиус уже около чана с сахаром колдует. Ну да, на сладкое... Смотрю — и вправду желтеет. Может, и вправду, они со временем так же работают, как наши гончары, скажем, красоту из глины дают?

Кстати, о красоте.

После всей этой акробатики не мешало бы и в порядок себя привести.

Я же не Биток, который фиолетовую макушку ладошкой пригладит и будет считать, что всё в порядке. У меня-то «порядок» другой. А то, что условий нет... так на то и трудности, чтоб было что преодолевать.

Посему возвращаюсь к берегу, вытряхиваю песок из волос, снимаю одежду... на предмет чистки и водных процедур. И на аборигенов мне плевать. Пусть смотрят и завидуют, инопланетяне хреновы. И вообще, может, хоть так урон врагу нанесу. Язвой желудка или фантазиями там какими, нереализованными...

А кругом — красота! Фиолетовое небо, бирюзовый залив, на другом берегу — в километре, не больше, — дворец стоит. Они его царь-домом называют. Тоже ведь занятная штука — ни города, ни каких-то других строений, только дура эта белокаменная в одиночестве: несколько куполов цветом под золото, только поярче, ближе к оранжевому, кругом — тот же песок кварцевый, под солнцем сверкает... Ну, и с десятков галер рядом с дворцом — делегации со всех сторон света прибывают, вопросы, значит, с цариком решать.

А если смертный на страх свой собственный рискнёт поприсутствовать, то милости просим, только вот жизнь и здоровье никто не гарантирует...

Поднимаю голову: в зените, прямо надо мной — продолговатая звезда сверкает. И свет дневной ей не помеха. Это звездолёт наш на стационарной орбите «отдыхает». Межзвёздный катер «Лидор». Самто невелик, но котёл работает только в движении, а так, на орбитальной «висячке» — гелиоконцентратор распускаем в целях утилизации энергии ближайшей звезды, площадь — один квадратный километр. Экипаж — четыре человека. Капитан, он же штурман, он же пилот. Двое техников и кок — куда пошлют, всегда на подхвате. Ещё два пассажира. Были. Мы с Битоком. Собственно, главное оружие дальней разведки.

Ведь это мы раздвигаем горизонты человечеству. Мы первыми садимся на планеты. И только по нашему особому разрешению приходит сюда всякий разный штатский люд: кто для торговли, кто на поселение, кто для исследований всяких, поисков приключений-на-свою-задницу...

Вот этот самый энергозаборник инопланетяне «клыком дьявола» и прозвали. Само лицо, значит, не видно, а зуб этот чёртов торчит. Поэты, стало быть, романтики...

Солнце полдень перевалило. Ещё три-четыре часа, и состоится очередная передача. Последняя. До сих пор передавали одно и то же: инструкции, что нам с Битоком нужно делать, чтобы экипажу было удобнее нас тут похоронить. Да. Такие дела. Не радостные, прямо скажем, наши дела. Мои и сержанта моего Битока.

Корабельный комп своего опознает и отличит от мёртвого вот так: на расстоянии ста

километров. И пока мы живы и здоровы, он нас не оставит. Вместе с кораблём и с извозчиками, разумеется. Не могут они улететь без нас. В полном соответствии с программой: раненых не бросаем! Ну, разве что раненые сами об этом попросят. А как нам просить-то? Из средств связи можем предложить только булыжник и корпус челнока. Получится, конечно, громко. Только, думается мне, оттуда, с орбиты, им всё равно не разобрать, чего я тут морзянить буду.

Но и забрать нас отсюда они не могут. И тоже в соответствии с программой: в связи с неизвестной заразой, которая от любого изделия один только металл оставляет. До сих пор снится, как при посадке искрить начало, а кожух огнетушителя под руками — в кашу. А пена пламегасителя, что под давлением двенадцать атмосфер, в лицо сержанту...

Едва успела передать о денатурации синтетики. Да они и сами всё видели. Дни здесь ясные, это ночью кондубасит: если не морось, то мелкий дождь. От того и видимость лазерного луча отличная: что сигнального, что рабочего. Издалека его видать, чего там.

Вот и пришли мы издалека...

Да. Пострадал Биток. Хуже не придумаешь. И не лицо теперь у него — морда, вся оспинами изрыта, будто астероид после встречи с мелкой фракцией метеоритного роя.

То, что искусственные волосы по бровям текли, — подумаешь! А вот что синтетические луковицы в кожу на голове ввелись, неприятно. Заметны мы теперь с Битоком. А как улыбнётся он по привычке своей старой, так и вообще: хоть стой, хоть падай. Передний зуб у него — верхний левый — тоже из пластмассы оказался. В смысле — был. Уж сколько раз его просила: оскал свой зауживай, уважаемый смерт-Биток, потому как рот твой щербатый, вкупе с плешью фиолетовой и рылом ноздреватым, очень уж вызывающе в этом мире смотрятся.

Впрочем, на Земле в таком прикиде сержант мой тоже в толпе бы не потерялся.

Но я не о маскировке... я о патовой ситуации: вытащить нас не могут, — заразы боятся, и правильно делают, уверена: кто сюда с челноком придёт, тот здесь с челноком и останется. Впрочем, если без челнока спуститься, эффект будет тот же...

...Но и улететь они не могут — мы-то вот они! А главная корабельная программа не знает причин, по которым своих можно бросить на произвол судьбы.

И о паразитах, которые пластиками питаются, ей тоже ничего неизвестно.

Такие вот дела.

Только умные они там, на катере. Пока мы с Битоком эти два месяца ситуацию для себя уясняли, лечились, язык учили да раскладом проникались, кто тут старший и кому в пояс кланяться, сообразили они, как разрулить свою проблему. И хотят они, чтобы мы им зеркало сделали. И будут они это зеркало вручную освещать лазером, вне инфосетей корабельного компьютера. Зеркало — сверкает, комп эти «зайчики» принимает за наши сообщения. А что ему? Легитимная авторизация: имена, пароли. Экипаж от нашего имени сообщает компу о желании десанта остаться на неопределённый срок на поверхности... и улетает. А что? Помоему, классно придумано. Уж я бы точно до такого не додумалась...

— Командир, — о! Моя команда от меня чего-то хочет, — глянь, что у меня с руками, командир.

Мама дорогая!!!

— И на ногах, лейтенант, что делать?!

Только этого не хватало!

Биток, бедолага, и без этого на чёрта был похож, а с такими украшениями...

Так. И где же мне теперь этого хрена искать? Ага. Идёт. Сам. Сюда. Лыбится.

— Уважаемый Корнелиус. — Я слышу, как дрожит мой голос, и ненависть делает язык неповоротливым, деревянным. Драть! Глотку! Зубами! Чёрт! Как некстати огнемёт расколбасило...

— Вы совершили ошибку, достойный. Мой брат и помощник Биток не может такими руками работать. И ногами ходить. А без его помощи...

— Ошибки никакой нет, уважаемая смерта, — елеиным голоском подхватывает

Корнелиус. — Таким чудесным ногам теперь не нужна обувь. И заметьте: эту услугу я оказал вам совершенно бесплатно. А что касается рук, то я вашему «брату» спас жизнь. Теперь, когда он не сможет сжимать кулаки, благодать и разумие...

— Но работа...

— А что с ней такое? — хмурится Корнелиус. Оборачивается. Грозно смотрит на копошащийся люд. — Поверхность кислотой зачистили, водой промыли, серебрящий раствор с восстановителем уже смешали, сейчас зальём и будем трусить...

«Чтоб тебя всю жизнь трусило, зараза, — думаю. — Ну, погоди!»

Вытираю пот со лба и говорю:

— Есть ещё одна просьба, достойный Корнелиус. Не покажется ли вам возможным передать остаток смеси мне? Мы с братом хотели бы заняться отзеркаливанием поверхностей. Это даст нам надежду на пищу и кров...

— Смесь тебе не понадобится, уважаемая, — ну и глаза у него! Ну, точно две гадюки! — Если до вечера дьявол с неба не уйдёт, то пищу и кров вы с братом получите в самом глубоком узилище моей цитадели. Без всякой надежды оттуда когда-нибудь выйти. Жизнь у вас будет долгой, но не скучной, насыщенной самыми разными развлечениями. Потому что при взгляде на твою задницу, смерта, у меня возникают необычные фантазии. А что может быть хуже нереализованной мечты?

Повернулся и ушёл.

«Это он мои мысли читает? — думаю. — Скотина!»

— Скотина! — с чувством говорит Биток и спрашивает. — Как думаешь, с этим можно что-то сделать?

Я смотрю на его ладони, густо поросшие высоким плотным мехом, и вижу, что на ноги его смотреть проще: с высоты роста даже не разобрать, — то ли сапожки, то ли носки такие плотные. Гетры там... Сволочь!

— Может, брить? — говорю и сама понимаю, что порю чушь.

— Как же брить, если я нож теперь в руку взять не могу? — угрюмо бурчит Биток.

Вот ведь скотство какое! Задница ему моя приглянулась! Ладно, будет ему задница. Хоть повеселимся напоследок. Потешимся. Вот только Битоку и в самом деле влетело. По самые помидоры...

— Не бери в голову, солдат, — пытаюсь говорить бодро, а самой выть хочется: ну что же ему так не везёт?

И плевать, что «солдат» этот старше меня на десять лет. И опыт у него не только по десанту, но и по жизни на голову выше моего. Друг он мне. Настоящий и единственный.

— Мы так просто отсюда не уйдём, Биток! — говорю. — Дверью хлопнем так, что они ещё долго чухаться будут. Я тебе обещаю.

Опустил голову мой сержант. Руки рассматривает.

Как бы это потактичней сменить тему?

— Смотри-ка. — Я киваю в сторону будущего зеркала. — Уже чернеет. Скоро плёнка появится.

Они там, на корабле, видать уж очень хотят смотаться отсюда побыстрее. Наверняка сперва с десятков бомб сбросили, бурый песок обогатили. Возможно, нефелина добавили. Потом — главным корабельным орудием... Лазер с диаметром луча под два метра. Не шалам-балам. Да со всей дури. С прямой подкачкой энергозаборника. Представляю, как здесь всё плавилось и пузырилось. Не удивительно, что аборигены за плевки приняли. Ну, и хозяина соответствующего присочинили. Битоку, чтобы отковырнуть кусочек, для эксперимента, несколько часов пришлось ломиком возиться. А потом ещё неделю, шлифовать подложку, чтоб основа хоть немного плоской стала. А Лиайфа, тоже хорош — зеркало так и не вернул. Зажал зеркало. Впрочем, я бы его всё равно бросила, нашли дураков — тяжести таскать...

— Да как же я теперь? — потерянно зудит Биток. — Я, наверное, даже вилку взять не смогу.

— Зато ступать мягко, — отвечаю, и опять о своём: — Смотри, хлопья пошли. Эй, Корнелиус, энергичнее... сильнее качать надо! Если пристанет к поверхности, всё по новой придётся переделывать.

— Как бы они нас не взорвали, — озабоченно говорит Биток. — Жарко.

— Молчи, сержант, — приказываю. — Если взорвут — задача будет выполнена. До третьего поколения пенсия семье, льготы по налогообложению, субсидии наследникам...

— Не будет задача выполнена, — бурчит сержант. — Архипелаг в экваториальной зоне, разлом на континенте, ни черта мы не сделали...

Но мне уже не до него: поверхность стекла начинает всё больше отзеркаливать.

С десятков смертов плавают в воздухе и бросают в жидкость клочки невесомой ткани, чтобы те связывали собой хлопья осадка, не давая ему возможности осесть на зеркало.

Корнелиус хмурится, водит руками — жидкость бурлит, волнуется...

Ещё пяток нагов сверху наблюдает. Вороньё проклятое.

И чего это я на них взъелась? Подумаешь, с месяц назад в куски порвали трёх бедолаг, что дорогу им заступили. А знакомство состоялось, когда они при нас какую-то девку в землю вбили. По уши. Что-то не то она им сказала. Или посмотрела не так. Если бы в кино такое увидела, может, и засмеялась бы: платье наверху, — в землю не вошло, значит, — а голова из этого вороха, словно капуста из ботвы торчит. Только орала она так, что не до смеха... ещё дня два в голове звенело. И помочь никто не решился. Все мимо прошли.

И мы с Битоком.

Были ещё эпизоды. Не то чтобы страшные — неприятные. Из такого, о чём вспоминать не хочется. Вот Битока мочалками на конечностях наградили. Теперь словно пудель. Смешно?

А ведь когда молчат и ничего не делают — нормальные мужики. Таких у нас на флоте — как собак нерезаных. Высокие, плоские, широкие. Гладкие скуластые лица, ямочки на волевых подбородках, глаза сверкают...

А может, и вправду взорвать всё к чертям?!

— Активнее! — кричу Корнелиусу. — Трусил сильнее.

— Не, — совершенно спокойно говорит Биток. — Точно взорвёмся. Жара-то какая...

В зеркале всё яснее проявляется небо.

— Всё! Баста! Хорош! Корнелиус, сливай раствор. Теперь воду! Много воды...

— Глянь, командир, сдаётся мне, что наши с плавкой перестарались. Зеркало-то вогнутое!

— В самом деле. Тогда надо бы этим ариэлям⁷ сказать, чтоб не ловили блеск — в самом ярком положении жарковато станет...

Поздно.

— О! Упал, — спокойно говорит Биток. — Ещё дымится. Во, блин! Икар⁸хренов. Жаль, что не Корнелиус...

Лжёт Биток.

Нет в его голосе сожаления.

3. Биток

⁷ Ариэль — в данном случае имеется в виду герой одноименного романа А. Беляева, наделенный способностью летать.

⁸ Икар — мифологический персонаж, сын Дедала. Отец соорудил крылья, способные поднять человека в воздух. Икар взлетел слишком высоко, солнце расплавilo воск, скреплявший крылья, в результате чего Икар погиб.

Армия — это и есть Рай,
в котором командиры и солдаты
видят Бога в обстоятельствах и обращают дела Его
во исполнение своей боевой задачи.
Устав Внеземелья. Истины

Народу собралось — тьма. Не протолкнуться. И это в пустыне... Ну-ну. Черти эти в плащах по небу летают. Но уже в стороне от зеркала. Как один из них сверху грохнулся, так они врассыпную. Будто воробьи с куста от пистолетного выстрела. Тоже мне — птицы шизокрылые! Только гонору мне сейчас показывать не нужно. Шерсть на ладонях даже пальцы в стороны растопыривает. Теперь, если выживу, ко мне будут обращаться: «Ваша пальчатость!» А вот ноги — это здорово. И вправду, куда бы ни ступил, всё как по ковру. Только как мне их мыть теперь? Или правильнее сказать — стирать? А зеркало... теперь бы аборигенам в архимеды кого-нибудь определить, чтоб нашёл способ эту махину приподнять да на цель направить. Жопу так подпалит, что не до шерсти будет... Тихо, Биток, тихо... К вечеру дело идёт. Солнце уже к царь-дому клонится. «Лидор» всё ярче сверкает. И вправду занятно выглядит — как зуб. Здорово наши эту выпечку сотворили. Крепкая зараза, умаялся, пока ломиком... Зато теперь — житуха! Никакого ломика. Никогда.

Я вновь рассматриваю шерсть на ладонях. Кажется, ещё немного подросла. Или только кажется? С фантазией у них слабовато, конечно. Вот, скажем, если бы он меня во рту такой шерстью наградил, то я бы уже и о вытекшем зубе забыл. А так, как не поверну язык, всё на дырку в штaketнике натыкаюсь. И голова! Пожалуй, права командир. Не улыбаться и только в шляпе ходить... Хорошо бы ещё паранджу.

Только не додумались местные до такой чудесной штуки.

Жаль. Очень жаль.

Лейтенант зеркало сделала, я глянул, — едва не обделался. Жуткий вид. Пристреливать таких и хоронить в цинковых гробах. Даже инопланетянам позировать таким срамом стыдно.

Зато командир — наш человек! Если меня с души воротит, то ей-то каково со мной рядом быть? А виду не подаёт. Не фарт ей. Первый десант, и такая незадача. У меня-то сотый, плевать. Наши улетят, беду кому надо доложат. АСС через месяц тут будет. А «нянька» уж точно что-то придумает. Аварийноспасательное судно — это же целый институт на линкоре. Звёздный город! По размерам и народонаселению — не меньше нашей Базы. Точно говорю!

Они там на таких делах собаку съели, а как добавку видят, так аж прямо трусит их от возбуждения. Вытащат! И облик человеческий вернут. Как тогда, после Шуны. Полголовы снесло, и всё равно спасли. Хорошо ещё черепную кость от какого-то покойника приделали, а то ходил бы я сейчас с дыркой в голове. И ветерок бы мне мозги обдувал...

Прилетят и починят. Им только в удовольствие.

И ведь не вру нисколько! И про удовольствие, и про возбуждение... И медсёстры у них покладистые... а чего же стыдиться связи с героем? Отбоя не будет от отбоя без подъёма! И всё чисто, стерильно, духи, крема... И бельё похрустывает, пододеяльник-аволочка. И прибавка к заслуженной пенсии, и ещё один костерок на лацкане...

И лейтенант ворчать не будет. Впрочем, если уж о лейтенанте, так лучше всё-таки с ней. До обеда, и после, и вместо... Только уж слишком молода она. Чтобы с ней бельём хрустеть.

Да и не продержаться нам этот месяц.

Досюда дотянули, потому что цель была. А теперь, как наши слиняют, то, извиняюсь, не до цели мне будет. Сволочей этих давить хочу... Только они сильнее. Шерсть на ладонях! Посильней и посволочней меня будут.

Нет. Никак не продержаться!

А хотелось бы.

И даже не так слинять хотелось бы, сколько до их глоток добраться. Задница

лейтенанта ему приглянулась. Ну, это не раньше, чем ко мне в задницу заглянет!

Тихо, Биток, тихо...

Страшно-то как! И нет выхода. Или потому и страшно, что нет выхода?

Боже, знаю: Ты — есть!

Не прошу «спаси меня», потому как не знаю, нуждаюсь ли во спасении. Прошу: «посмотри на меня», а всё остальное Сам решишь. Что дашь, то и приму...

А я тут уже насмотрелся. Всякого. Разного. Как, к примеру, «достойные» со смертами разбираются. Чуть что не так, — хлоп! Возьмёт и в крысу превратит, с него станется. А потом ещё с семьи плату вытребует, за то, что соответствующую форму приладил к сущности их отца семейства. Ошибку природы исправил, блин. Мать их всех...

А ежели денег семейство не наскребёт, так к отцу всех их подгонит. Вместе с соседями. В соответствующей форме, разумеется. Шерсть на ладонях...

«А-а-ах»... — зашелестели, загомонили зрители. Откуда здесь столько народу? Вроде как начинали, десятка два было, а теперь-то сотни три, не меньше...

Да, похоже, вечеринка начинается. Три длинных — «внимание»!

Ну-ка, ну-ка, посмотрим, последняя передача, чай... «ЛЕПРИЦА»...

Глаза закрываю, незачем командира в неловкое положение ставить: её пароль должен тайной оставаться... Хотя... кому теперь её пароль понадобится может?

Хороший она человек, вот что. Я же вижу. Не вчерашний. Сама-то с ними важничает, а в душе — всё кипит. По глазам вижу. С этим делом у начальства плохо. Если сбой какой, они же ничего не сообщают. Особенно молодые. Вот сейчас, к примеру, дай ей гранатомёт... ох, не уверен я, что она его заряжать будет. Так по башке Корнелиуса и приложила бы. Молодёжь...

Из-за того, что со мной этот хрен сделал.

У нас ведь на флоте как — мне плюнуть в лицо можешь, но за друга будешь кишки по палубе веником собирать и в совочке к лазарету нести...

Ну, и что там дальше?

Ага, понятно, «В СВЯЗИ... ОСТАВИТЬ... В ПОРЯДКЕ»... Это они от её имени компьютеру разрешение на отход просемафорили. О! А теперь комп нас о чём-то спрашивает... ух ты! Это ему ещё и моё согласие нужно. Ба! Да я теперь важная птица! «БИТОК»... ну и так далее, год рождения, группа крови, пароль, номер жетона...

А народ-то гудит, а народ-то волнуется...

А чего волноваться-то?

Улетит. Улетит птичка. А я тут с вами останусь. Вот только вряд ли видом своим сумею хоть какой-то праздник украсить.

«А-а-ах...» — ну, что там ещё? Да. Недолго я в «важных птицах» хаживал. И в самом деле, улетают. Звёздочка тускнеет, становится суше... Вспышка на полнеба... и всё. Свернули энергозаборник, запалили котёл, да и двинули себе на фотонной тяге.

Не шутили, значит...

Пусто. Нет в жизни счастья. Ни любви, ничего... Только шерсть на ладонях.

Что же теперь делать-то?

«А-а-ах...»

Опять? Ух-ты... Да это же овации командиру. И непохоже что-то, чтобы она умирала от скромности. Руки вверх, лицо одухотворённое. Возвышенное такое лицо.

Во, блин! Неужто Корнелиус и её чем-то наградил? Молнии-то между рук. Ну, ядрёна вошь, точно! Фиолетовые! Не, не чудится. Молнии!

«А-а-ах...» «Спасибо вам, люди...» Это кто говорит? Причём голос вроде знакомый, только прямо в башке фонит, а командир рта не открывает.

«Спасибо! Это не только моя победа. Мы вместе прогнали дьявола. А сейчас мы все пойдём к царику за наградой. Я разделю её с вами. Потому что я — не просто смерта, я — одна из вас. А это многое значит...»

Дела, однако... Прямо предвыборные лозунги штатских шпарит. Во даёт! И как

вовремя! Теперь, значит, на волне успеха будем себе политические дивиденды выковыривать. Я тут ушами хлопаю, а командир за двоих отдувается. Да! Не зря, видать, в звёздной академии лейтенант в юбке парилась. Теперь не то что раствор серебра со щёлочью — полцарства просить можно... Кстати, а где наша химия? На худой конец вместо гранаты сойдёт...

«А-а-ах...» Что-то их шибко много. И наги эти летучие куда-то подевались. Как же она этот батальон к царiku вести собирается? Через залив, ясно — вон он, царь-дом куполами сияет. Ну, а если в обход — с неделю. Не меньше. Может, на лодках? Это сколько же лодок нужно? Ну, да ладно. У меня задача простая и ясная. Вот меха... это они в них дистиллировку сюда таранили. А вот и жбан с адской смесью...

«А-а-ах...»

О! Двинулись. К воде. Значит, всё-таки на лодках? Корабли их на той стороне, у причалов. А здесь только лодочки...

Сейчас, командир. Одну только минуту. Сама понимаешь, с этой химией не след торопиться. А то и следа от тебя не останется... Так, теперь всё в мешок и осторожненько на цирлах вдогонку.

А лейтенант как-то сверху получается. Ну, дела, летит она. Не, точно! Как же это? Выходит, она нагом заделалась? Как? Ну, блин с матерью... и шерсть на ладонях! Точно, летит. И вроде как сияет...

А первые ряды дошли до воды, и пошли себе дальше. И за ними ещё народ валит.

ИДУТ!

По воде идут, черти. И Леприца над ними.

О, меня заметила. Улыбается. Ко мне идёт. Нет. Летит.

— Ну, как тебе моё шоу, сержант? — и видно, как по ней молнии скачут, волосы дыбом, искры из глаз. Вот-вот дым изо рта повалит. — Сама не пойму, чем это меня долбануло. Вроде ничего не курили...

И вижу я, что командир себя уже не контролирует. И вся эта публика глазами только на неё. И руки все — к ней. И каждому она — бог, царь и товарищ... А ну, как передумают?

— Ты... это, командир. Поосторожнее... — выдавливаю из себя.

— Да ты что, Биток?!

А-а! Шерсть на ладонях! Так и есть, дым изо рта! А-а-а! Пожарный дивизион? Правила поведения при самовозгорании летающего лейтенанта? Не! Не пил! Сухой, как дюзы крейсера, после недельного форсажа.

— Да что с тобой, Биток? Ближе нас никого в этом мире нету...

Те, кто поближе, притихли, слушают, только гдето вдали кто-то кому-то пересказывает то, что и сам недослышал.

А остальные уже весело по поверхности залива чешут, чуть ли не вприпрыжку. И что характерно — ни одна зараза не тонет. В смысле не плывёт... Не знаю, как это сказать. А! По заливу шагают, как по палубе. Вот. А мы уже вроде как последними на воду ступаем.

Ну, братцы! Никакая это не вода! Но и не суша. Ступаю мягко, как по ковру. Ах-да! Шерсть на ступнях. А мелкую зыбь просто перешагиваю, будто кто-то шифер побил, да от не хрен делать и разбросал.

«А-а-ах...» Что опять не так?

Корабли.

Корабли на той стороне залива разворачиваются. К нам. Гребцы вёслами своими мерно помахивают. Ну, и чего волноваться? Я иду со своим командиром, а она совершенно не по уставному держит меня за руку. Ясное дело, что она меня держит, я-то со своей шерстью её за руку взять не могу. И шерсть моя ей ничуть не противна. А что по воде идём, так вроде и привык уже. Чудно, конечно, но... мало ли чего в жизни бывает.

«А-а-ах...» Да что же это им никак неймётся?!

Корабли.

Совсем близко. И прямо на толпу. На нас, то есть. Но мы-то позади. А те, первые, вдруг

сразу в воду проваливаться начали. Пачками. Вот они в полный рост шли, бульк... а теперь только голова и торчит сверху. Первый ряд. Потом сразу два ряда. Четыре. И эта волна уже и до нас докатилась. Только мы с командиром и остались на поверхности.

Не проваливаемся. Блин! И за руки уже не держимся. Мать!

Вижу, как форштевень первой галеры, вздымая пенный бурун, подкрашенный ярко-голубыми водорослями, подминает под себя одну чёрную точку, потом вторую и ещё рассып вёслами... головы купальщиков скрываются в воде, чтобы исчезнуть навсегда.

— А-а-а...

Это мой командир кричит.

— Сержант! — Ага, это меня. — Гранату! Мне! Живо!!!

Простой и ясный приказ. Это очень важно. Что. Кому. И мера поспешания...

Далековато до кораблей будет. Метров двести. Чушь! Трёхлитровая колбасина первого меха со смесью раствора серебра и щёлочи, быстро уменьшаясь, летит почти по прямой.

Пламя. Дым. Кренится мачта. Вёсла, будто ножки насекомого, летят в разные стороны, вспыхивают. А вот уже вторая... третья... Лейтенант мечет меха со взрывоопасной смесью точно и прямой наводкой. Никаких там легкомысленных парабол и прочих выдумок слабаков.

Ещё одно судно окутывается дымом. Всё происходит с немыслимой скоростью.

Только сейчас долетает «бах!» первого взрыва, слышны вопли горящих людей. Бах! Бах! Она властно протягивает мне руку! Всё, командир, нету больше. Но ей всё равно, она вырывает у меня из рук сумку и швыряет её с той же силой и в том же направлении...

Пустая матерчатая сумка, вместо того, чтобы коротко, по-совиному, спланировать тряпкой на воду, летит грозным снарядом параллельно поверхности. Пламя. Дым. Ба-бах!

Я заглядываю лейтенанту в лицо. И я вижу смерть. Всё. Допекли человека. Ей мало. Она разворачивается спиной к тонущим, горящим, кричащим людям; спиной к проклятиям, воплям и мольбам о помощи; спиной к аду, который сама же и устроила.

Всё. Нет её. Ушла.

Нет. Хуже. Много хуже. Не ушла она. На берегу. Зеркало...

Я приседаю и безуспешно пытаюсь пробить головой твердь воды залива. Хочу погрузиться на дно. Мне страшно. Меня пугает мой командир. Она поднимает зеркало и направляет его лучи на гибнущую эскадру. Шерсть на ладонях не позволяет сжать руку в кулак и проломить этот чёртов лёд. Я ничего не могу сделать. Я — на линии огня. И огонь натуральный, это не рассып легкомысленной шрапнели. У меня тлеет куртка на спине. Я плашмя лежу на поверхности воды и не могу вдавить себя в эту чёртову стеклянную твердь. Если Леприца опустит прицел чуть ниже, из меня получится сочный шкварчающий кусок мяса. Без всякого намёка на кожаную куртку. А ведь я за неё свой армейский нож отдал! Рукоять, блин, мать её, растаяла, а лезвие осталось. Так я ветку отпилил, вдоль расколол, да бичевой перетянул. Знатный ножик получился...

Я вспоминаю, как дымился и смердел тот летающий хрен в остатках своего плаща, и всхлипываю. Вода должна быть жидкой!!!

Если это лёд, то почему он тёплый? А если он тёплый, то откуда лёд?

...И проваливаюсь в тёмную, холодную бездну. Покой и тишина. Ни криков, ни взрывов... Шерсть на ногах и руках выталкивает меня кверху.

К аду.

Да что же это такое!

Когда я выныриваю, огромный предмет накрывает меня своей тенью. Что-то тёмное и очень большое, со свистом рассекая воздух, несётся над ожившей водой залива в сторону царь-дома. Долго присматриваться не нужно. Это лейтенант мой запустила во дворец зеркалом. Любопытство берёт верх: приподнимаю голову и вижу вспухающий из пыли и пара гриб ядерного взрыва.

Я раскидываю в стороны ноги-руки. Они, будто поплавки, прочно держат меня на поверхности. Впрочем, почему «будто»? Поплавки и есть.

Я закрываю глаза.
Сейчас я умру.
Как жаль, что минуту назад не получилось утонуть...

4. Последняя вечеря

В Армии нет друзей.
Есть командиры и солдаты,
которые как две стороны медали:
двуедины, двулики и всегда одно целое.
Устав Внеземелья. Истины

Раненых выносили до полуночи. На «своих» и «чужих» не делили. Искалеченные, обожжённые, напуганные, они сидели на песке, тесно прижавшись друг к другу, будто надеясь в этом единстве обрести надежду и спасение. Побережье было густо освещено факелами. Сколько лодок нашли, столько и спустили на воду. В добровольцах недостатка не было. Биток принимал лодки, сортировал раненых. Покойников складывали отдельно. На западном берегу было темно. Что там делалось, было непонятно. Обычно ярко освещённые стены дворца сегодня были неразличимы. Теперь там что-то скудно мерцало: то ли фонари поисковых команд, то ли флуоресценция радиации... а может, и то, и другое. Леприца врачевала. Делала она это молча, механически и потому особенно страшно. Раненых было много. Леприца опускала руки на их дрожащие тела, смотрела в искажённые страхом и мукой лица. Иногда её руки останавливались на поверхности, иногда глубоко проходили внутрь. Бывало, что раненый начинал биться в судорогах, тогда какие-то люди наваливались на бедолагу, стараясь удержать его в неподвижности. Одна минута, две, двадцать... Леприца вынимала руки и, не оглядываясь и никак не реагируя на редкие слова благодарности, переходила к следующему.

Она устала.

Зыбкий, дрожащий огонь факелов, холод плачущей моросью ночи, темнота в глазах и нескончаемость предстоящей работы... Наверное, у неё начинался бред от переутомления.

В какой-то момент она ощутила себя на корабле.

«Лидор» уже был близок к границам системы. Тишина на палубе. Тишина в кубриках. Нет обычной музыки младшего техника, нет гомона команды в кают-компании... тишина, пустота и приглушённые светильники в переходах...

Из рубки управления вышел Клемент, автоматически кивнул Леприце и сделал несколько шагов по коридору. Потом остановился. Обернулся...

Леприца вздрогнула от его взгляда и очнулась на берегу.

Оказывается, её подвели к мертвецам.

Она хотел спросить: «Этих тоже?» Но вопрос был лишним. Если уж подвели...

Тогда она села рядом с ними на песок и сидела, пока мертвецы не поднялись и не разошлись с той же скупостью на благодарности, что и живые.

Потом к ней подошёл Биток. Ещё более грязный и усталый, чем она сама.

Два землянина сидели ночью на мокром песке плачущего мира.

— Я только что была на борту «Лидора», — тихо сказала Леприца.

Биток немного подумал и ответил:

— Холодно.

— Десанту не бывает холодно, — бесцветно возразила Леприца. — Десанту бывает свежо.

А потом без всякого перехода рассказала о своих наблюдениях:

— Я думаю, что всё дело в разуме этой планеты. Врождённая экстрасенсорика аборигенов высвобождается в момент триумфа одного из них, фокусируется на нём и прочно лепится к достойному. Так получается наг. Лиайфа говорил именно об этом. Нужды идти ко дворцу не было. Награждают не наги... Знаешь, они полагают меня богиней, и, пока они так

думают, я богиня и есть.

— Может, тогда избавишь меня от этого? — предложил Биток, протягивая Леприце руки.

— Нет, — спокойно отказала Леприца. — У меня есть идея получше. Через сутки, максимум двое, «Лидор» перейдёт на гипердрайв. После этого я не смогу до него дотянуться.

— А сейчас можешь?

— Мне бы ещё самую малость силы, и я бы вернулась на корабль.

— Ты думаешь, они могут любить тебя больше, чем сейчас? — подумав, спросил Биток. — И от этого переизбытка ты вознесёшься и догонишь катер?

— Думаю, да. И ты мне в этом поможешь.

— Как?

— Ты предашь меня. Возьми лодку и плыви на ту сторону залива. Найди кого-нибудь из нагов. Не может быть, чтобы погибли все. Скажешь, что мы тут все перепились, приведёшь стражников. Возьмёте меня тихую и тёплую.

— Они мне не поверят.

— Поверят. У тебя есть мотив.

Биток молчал, глядя на тёмную гладь залива.

— Корнелиус изуродовал тебя, — напомнила Леприца. — А я тебе в помощи отказала. Попросишь, чтоб они освободили тебя от шерсти взамен на мою шкуру. Они поверят. А если и сам Корнелиус уцелел, то всё вообще пройдёт как по маслу.

— Если я найду Корнелиуса, можешь считать меня покойником... Я сдерживаться не буду. Как это он сказал: «что может быть хуже нереализованных безобразий»?

— «Фантазий», Биток. Он сказал «фантазий». Тебе придётся сдерживаться, сержант. Потому что я приказываю тебе сдерживаться.

Биток молчал. Тогда она сама продолжила:

— Меня схватят. Покричат, конечно, маленько помучают... народ меня возлюбит ещё крепче и... «разрешите подняться на борт, сэр»?

— А я?

— А ты останешься здесь, — жёстко сказала Леприца. — Так получилось. Сам видишь, какой расклад.

— Так, может, ты меня сперва перенесёшь? На корабль?

— Нет, Биток. Теперь мне многое открыто. Любви всей планеты не хватит, чтобы наг сумел кого-то телепортировать. Прогулки по воде и полёты по небу — пожалуйста. Но мгновенное перемещение — только для одного.

— Я понял, командир, — просто сказал Биток. — Но есть ещё одна проблема.

— Нет никакой проблемы, солдат, — уверенно возразила Леприца.

— Есть, — заупрямился Биток. — В этой пустыне я не вижу возможности для «перепоя»...

— Сейчас увидишь, — пообещала Леприца. — Смотри, они уже идут.

К ним неуверенно приближались несколько неясных в свете костров фигур.

— Достойная, — окликнул Леприцу голос из темноты. — Нас много, и мы хотим есть. Скамьи сколотили из лодок. Тебе нужно назвать тех, кто будет сидеть с тобой. Твои апоскамы исполнят распоряжения о том, где нам взять хлеб и воду...

— Вы будете моими апосками, друзья, — сильным голосом заявила Леприца, поднимаясь с песка. Биток заметил, что её кожа и одежда чисты и дышат свежестью. — И пусть огни не гаснут до восхода, я хочу, чтобы эту ночь навсегда запомнили те, кого вместе со мной убоялся дьявол!

Они быстрым шагом прошли к кострам. Одного взгляда для Битока было достаточно, чтобы понять — жгли лодки.

— Как тебя зовут, уважаемый? — обратилась Леприца к ближайшему неофиту.

— Ретоп, — склонился он в почтительном поклоне.

— Я хочу, Ретоп, чтобы моими апосками были десять человек, которые сейчас

оказались ближе всего ко мне...

Тренированным взглядом Биток отметил множественное перемещение в полутьме. Но свалки не было. Видать, народ привык играть честно.

— Теперь, Ретоп, отведи меня и моего брата Битока на наши места, — сказала Леприца. — А апоскамы мои пусть пойдут от костра к костру, чтобы нести слово моё. И слово моё такое: все люди должны поделиться на группы по десять человек. Группы будут сидеть вокруг костра на скамьях, и подле них должно быть развёрнуто полотнище, на котором они смогут разложить еду. А еду мы найдём у берега. Ты, Ретоп, найди мне три меха. В один набери воду залива, в другой насыпь песок пустыни, третий же наполни камнями со дня моря...

В волосах Леприцы вновь ожили тоненькие змейки молний, хорошо заметные в ночной полутьме.

— Остальные апоскамы должны обойти костры вокруг меня и принести мне от каждой группы по три меха...

Они ушли. А Биток присел поближе к Леприце, будто собака, жмущаяся к своему хозяину в дождь, в непогоду. Говорить, вроде, было не о чём. Но Биток придумал:

— На Базе загляни в хозчасть, командир. Анюта Акимова там работает, чёрненькая. Привет передай.

— Передам, сержант, — спокойно сказала Леприца.

— И неспех этих, с АСС поторопи, ладно?

— Не вибрируй, сержант, — осадила его Леприца. — Мы все умираем солдатами. Главное — выполнить приказ!

Заскрипел песок в разных направлениях, апоскамы возвращались почти одновременно — с пустыми мехами в руках и горячей верой в груди. Вскоре от берега пришёл Ретоп, осторожно прижимая к животу три раздутых меха.

Леприца приказала разгрузить Ретопа, а потом разделить содержимое полных мехов между пустыми. Биток почему-то не удивился, когда делёж прекратился не в связи с опорожнением первой тройки мехов, принесенных Ретопом, а по причине отсутствия пустых мехов как таковых. Потом она отправила своих апоскамов раздать полные мешки группам, сидящим около костров.

— У нас был приказ исследовать этот мир, — напомнил Биток. — Мы не выполнили его.

— Главная задача, сержант, вернуться и доложить, — спокойно поправила его Леприца.

Потом они молчали, пока не вернулись апоскамы. Только тогда Леприца спросила Битока:

— Брат мой, что ты сегодня будешь есть?

— Дичь, — устало сказал Биток. — Хочу фазана в ананасовом соусе, фаршированным грибами с анчоусами, гарнир — рис с яйцом, а ещё — салат «Столичный».

— С анчоусами?! — переспросила Леприца. — Эх тебя звездануло. А как по мне домашняя птица вкуснее. Так. Ну, посмотрим...

Она кивнула одному из апоскамов. Тот с готовностью развязал мех и вытряхнул на парусину с десятков отблёскивающих жёстью металлических банок.

— Не стесняйтесь, друзья мои, — ободрила Леприца. — Саморазогревающиеся консервы. Тушёнка из курицы, гречка... Так. А тут у нас что?

В следующем меху был хлеб. Обычный армейский хлеб. Пахнущий плесенью и прогорклым сыром.

— Чай, кофе, капучино? — вновь обратилась Леприца к Битоку.

— Чинзано! — насмешливо ответил Биток.

Леприца кивнула апоскаму, всё ещё удерживающему нераспечатанный мех. Тот немедленно принялся разливать содержимое по кружкам.

— Только осторожнее, ребята, — предупредила Леприца. — Это не ваша

перебродившая брюква...

— Спирт? — уточнил Биток, приняв хавшись.

Кто-то у соседнего костра громко закашлялся. Раздался дружелюбный смех. Звуки сильных ударов по спине...

— Только не налегайте, — предостерегла своих апоскамов Леприца. — Думаю, нам этим пойлом ещё несколько раз вечеринку обнести придётся...

— Леприца — величайшая из достойных! — провозгласил Ретоп несколько минут спустя. — Ну, да, — спокойно откликнулась Леприца. — Наверное, именно поэтому один из вас ещё до утра меня предаст...

5. Борт катера «Лидор» (не канонизирован)

Армия не знает ненависти.

Только справедливое возмездие неприятелю
за препятствия к исполнению поставленной задачи.

Армия не знает любви.

Только вера и взаимовыручка личного состава.

Устав Внеземелья. Истины

На третьи сутки карантина в два часа ночи Леприца поняла, что в герметичном боксе изолятора она не одна. Не ревела сирена, и не вспыхивали оранжевые проблесковые маяки, — сигнализация никак не отметила появление Битока. Вернулся кошмар, который, казалось, навеки остался в прошлом. — Карантин? — Губы Битока презрительно скривились. — Так-то экипаж отблагодарил тебя за сговорчивость? — Биток? — спросила она. Сержант знакомым движением пригладил роскошные волосы на месте фиолетовой плечи и красивой улыбкой обнажил белоснежные зубы: — Что? Не похож? — Славное личико, — улыбнулась Леприца. — Я вижу, наги за ценой не постояли.

— Награждают не наги, — напомнил Биток. — Смерты сами выбирают достойных.

Леприца отложила книгу и кивнула Битоку на койку напротив своей:

— Присаживайся.

— Спасибо, командир. — Койка скрипнула под весом его тела. — Что-то я не пойму, ночь тут у вас, что ли?

— Ночь по бортовому времени, — ответила Леприца. — Это имеет значение?

— Да как-то не привык по ночам кушать, — пожаловался Биток. — А у нас там полдень. Может, составишь компанию? В смысле пообедать?

— Почему нет? Разносолами, сам понимаешь, в карантине не балуют.

Биток вскочил, поставил тумбочку между койками и подошёл к лабораторному шкафу.

— Так. Пожалуй, это нам подойдёт...

Он принёс высокий фарфоровый кристаллизатор, поставил его перед Леприцей и вернулся к шкафу. Леприца не удержалась и приподняла крышку кристаллизатора: в лицодохнуло паром и запахом печеной курицы.

— В ананасовом соусе, с грибами и анчоусами, — сказал Биток, возвращаясь на своё место.

В руках у него были колба с ярко-жёлтой жидкостью и два мерных четвертьлитровых стакана. Сержант поставил посуду на тумбочку рядом с кристаллизатором, уверенно наполнил стаканы и отставил колбу в сторону. Леприца обратила внимание, что уровень жидкости в колбе не понизился.

— Приятного аппетита, — сказал Биток.

— И всё-таки, сержант, как ты?.. здесь?

— Той же дорожкой, лейтенант, — спокойно глядя ей в глаза, ответил Биток.

— Но мы уже двое суток в подпространстве, — заметила Леприца. — И у меня от достоинства — ничего, а ты, я вижу, вполне свеж...

— Это потому, что твоё достоинство от любви, а у меня оно от ненависти. Как я тебя предал, аборигены сложили два и два и сообразили: что я — это сатана и есть. Пришёл, значит, в их мир с рожей поганой, а чтобы отвлечь внимание, подвесил свой зуб на небе. Потом тебя околдовал, чтобы ты дворец царика порушила, а как ты в себя пришла — предал. Самым что ни на есть гнусным образом. Так что ненависть ко мне всепланетная, и посильнее любви к тебе будет...

— А почему так долго?

— Да всё из-за друга нашего, Корнелиуса. — Биток задумчиво поиграл стаканом, глядя, как жёлтая жидкость тягуче и неохотно пыталась поспевать за движениями стенок ёмкости. — Цитадель его и впрямь глубока, и узилищ много...

— И зачем он тебе был нужен?

— Так ить спор у нас с ним неоконченным вышел, командир. У кого фантазии крепче...

— И как? Он согласился с твоей победой?

Стакан в руках Битока замер.

— Не знаю, — неуверенно сказал сержант. — Ну, он так... кивнул головой.

— В том смысле, что говорить уже не мог? — безжалостно уточнила Леприца.

— Ну, да. Попробуй что-то скажи, когда полный рот шерсти...

— Ага... — Леприца уже без всякого аппетита взглянула на курицу. — Ну, а сюда зачем пожаловал? Составить мне компанию в карантине?

— Нет. Предложить вернуться на планету. Задачу-то мы не выполнили: архипелаг, разлом на континенте... Кроме того, сдаётся мне, командир, что провести остаток жизни в качестве подопытного кролика — сомнительное удовольствие.

— Я уже думала об этом. Что может быть противней? Когда ценность твоя не в том, что ты можешь, а в том, что ты имеешь: в костях и мясе. Как топ-модель...

— Только топ-моделям хоть иногда пытаются доставить удовольствие... — подсказал Биток.

— Ты не ответил, — напомнила Леприца. — То, что мы оба теперь «с душком», навечно будет записано в личном деле. Мы теперь пожизненно в карантине...

— Я в этом не уверен. Файлы компьютера я уже почистил. Всё, что комп «помнит», — это то, что оставил десант по его просьбе на поверхности. Что же касается «галлюцинаций» экипажа относительно твоего... гм, необычного прибытия на борт... Они будут молчать, командир. Если не хотят сами век сидеть под наблюдением.

— Наш челнок...

— Всё восстановлено, командир, даже огнетушители... — Биток погладил ладонью лицо. — Как задание выполним, сами выйдем на орбиту и будем дожидаться АСС.

— Но смерть пластика...

— Пластик денатурирует под воздействием экстрасенсорики варваров, командир. — Биток глянул на пластиковый переплёт книги Леприцы, и тот влажно заблестел, съезжаясь и морщась, расплываясь большим чернильным пятном. — Но мы-то цивилизованные люди? Когда знаешь причину, легко предотвратить следствие.

Он отвёл взгляд в сторону. Переплёт книги тут же принял обычный вид.

— Но как же мы вернёмся, Биток? — Леприца сделала едва заметное ударение на слове «мы». — Нагия не позволяет перемещать кого-то, да ещё из подпространства...

— Это потому, что смерты до знакомства со мной не знали, что такое ненависть. По всей видимости, ненавидеть меня у них лучше получается, чем тебя любить...

— Впрочем, как и у нас, — задумчиво сказала Леприца. — Так что? Полетели?

— Ну, нет, командир, — заулыбался Биток, запуская руки в фарфоровый кристаллизатор к курице. — Не знаю, чему там у вас в академии учат, а у нас на флоте еду не оставляют...

Николай Ерышало

Каратели пьяного поля

Черт, как это у них называется? У-ком? А фамилия нужного нам товарища? Запискин?

— Уком на Николаевскую переехал, — охотно объяснил служащий, с виду — железнодорожник, к которому обратился Георгий за разъяснениями. — Это тебе в центр надо. Товарищ Засыпкин? По продовольствию? Так это прямо здесь. Видишь, вагоны под загрузку стоят? Дойдешь до них, свернешь в улицу. Ровно пять минут ходьбы от крайнего рельса. Там еще часовой у подъезда торчит.

Часовой, отставив винтовку, сидя спиной к крыльцу, чистил картошку, стряхивая длинные ленточки шелухи себе на сапог. На очистки косился белый гусак, но не решался приблизиться.

Надо же, гусь. Живой. Жирный. В свободном фланировании по утопанному, без единого стебля травы, двору.

Еще один фланер, но уже другого класса существ, явно не пролетарий, но всем своим видом пытавшийся сойти за него, прошел по противоположному тротуару и свернул в другие дворы. Преувеличенно беспечно, излишне настойчиво насвистывая навязший в ушах мотив. Который только что, слышал Георгий, гармонист на вокзале наяривал. Что, тоже с вокзала шел? За мной?

Часовой на Георгия не обратил внимания. Заходи, расстреливай советскую власть. Георгий вошел.

В помещении было всего две двери. На левой висел замок. Правая была настежь распахнута. Человек в солдатской, не однажды усердно стиранной гимнастерке, сидел за конторским столом и смотрел на дверь. Вероятнее всего, он Георгия еще в окно увидел. Подойти, что ль, руку пожать? Как у них нынче принято?

— Не вы ль председатель всего этого? — спросил Георгий.

— Засыпкин. Заведующий. Геннадий Егорыч. Чем могу?

— А я Егор Геннадьевич. Первач.

— А-а... Товарищ Первач! А мы тебя только завтра ждали!

Заведующий встал, Георгий тоже шагнул навстречу. Рукопожатие, таким образом, состоялось.

— Это вы напрасно. Я твердо знаю, что вам телеграфировали именно о моем сегодняшнем прибытии.

— Конечно... — несколько поубавил радушия заведующий продовольствием. — Тебе лучше знать... Коль уж ты из чека...

— Я не из ЧК.

— Н-ну... — растерялся завсекцией. Был он не поначальственному суетлив. Возможно, что недавно облачился во власть. — Ну, как там в Питере? — спросил он, видимо, лишь для того, чтоб его «н-ну» не пропало зря.

— И не из Питера.

— Что ж... А предъяви-ка, друг любезный, мандат, — рассердился на свою растерянность заведующий. Приезжий предъявил. — А то был тут один до тебя... Без мандату, — продолжал заведующий Засыпкин, рассматривая документ на свет. — Все в Пьяное Поле рвался. Так я его задержал, две недели у меня в подвале сидел вместе с саботажниками и паникерами. ООБПП... Это что за хрень?

— Особый отдел по борьбе с предрассудками и поповщиной. Знаете, если б я документ подделал, я бы другую аббревиатуру придумал. Но что есть, то есть.

— Что ж это край обгорел?

— Это в схватке с нечистой силой.

Засыпкин тем же придирчивым взглядом, которым мандат рассматривал, оглядел приезжего. Однако ничего, что не соответствовало бы его представлению о подобных борцах, не обнаружил. Кожан, маузер в кобуре. Лет, может быть, тридцать, иль тридцать

пять — от силы.

— У меня на девять ноль-ноль собрание продактива, — сказал он, возвратив документ. — Давай-ка перенесем наш разговор на...

— А у меня командировка всего на сутки, — перебил приезжий. — И ни часом более я не задержусь. Так что с вашего благословения или нет, а я тотчас выезжаю.

— На чем? — поинтересовался Засыпкин. — Ладно, двигай стул. Садись. Дело действительно... того... незаурядное. Ты еще не знаешь, но у меня вчера в Пьяном Pole продотряд пропал. Наши ребята с депо, да товарищ Прозапас с тремя матросами из губернии. Всего двенадцать человек на восьми подводах отправились. А вернулись двое всего, живые, но невменяемые. Я их в подвале держу, чтоб не сеяли панику. Остальных мертвыми на тех же подводах назад привезли.

— Десять человек?

— Девять. Плюс местного актива четверо. Тринадцать, значит. А один не нашелся совсем.

— Что же, местные вырезали?

— Эк... местные... Если бы так, я бы и без тебя справился. ЧОН в соседней волости стоит. В Сенькино. Взвод товарища Деримедведева. Только команды ждет, чтобы Pole атаковать. Да я попросил приостановить акцию до твоих разбирательств. А пока он прием фуража от населения производит.

Из открытых дверей понесло махорочным дымом. Видно, собирался актив. Засыпкин встал и закрыл дверь. Заходил по кабинету. Речь его сделалась торопливей.

— Насчет продразверстки, конечно, сильно роптали. Ибо эта деревня на хлебоотдачу особо туга. С Рождества стали гнать самогон, чтоб, значит, меньше хлеба властям досталось. В каждом дворе, а их более сотни. Дым над банями днем и ночью валит. Варят и пьют. Варят и пьют. В поле никто не вышел. Посев сорван. Чем жить собираются? Осенью по уезду опять недобор.

— Считаете, что банда орудует? В отрыве от местного населения? Без помощи местных банда и недели не просуществует в лесах.

— Банда. Конечно, банда. Отряд упырей. Отборных. Упитанных. И не в отрыве от населения, а непосредственно на его крови.

— Хм...

— Ибо кровь из потерпевших — во всех, начиная с апреля, случаях — до капли бывала выжата. Я так и доложил в губернию. Они, отсмеявшись, проспаться велели. Ну, я проспался и в Питер, в чека. Тогда с губернии Прозапаса прислали, чтоб излишки изъять и одновременно с вампирами разобрался. Да те, вишь, вперед разобрались с ним. Теперь вот твоя очередь.

На слове чека приезжий опять поморщился. На вампира усмехнулся: мол, средние века в июне 1920-го. Однако спросил:

— И давно сии упыри объявились?

— С апреля, я ж говорю. Народ, конечно, тут же в черную запил. От ужаса.

— А сами они изловить их не пытались?

— Они считают, что упырь как таковой неуловим и, даже будучи уловлен, неуязвим. И что эти упыри в наказание посланы. Кара им за злодейство. Они летом семнадцатого разорили усадьбу помещика Воронцова. Хозяев поубивали. Имущество растащили. Особняк подожгли.

— Конкретные виновники установлены?

— Так я ж и толкую: время убиенным пришло. Вылезли из земли, таскают по два-три бедолаги в неделю. И кровь пьют.

— Я имею в виду виновных в поджоге и убийствах семнадцатого?

— Народ — что стихия, — обобщенно выразился Засыпкин. — Стихийно бунтует, стихийно грабит, стихийно запирается и молчит. Исправник лично стал разбираться, да вдруг революция, полиция разбежалась, уездный участок тут же сожгли. И архивы сожгли. И

много чего пожгли в тот период времени.

— Как же сознательные рабочие и матросы упырям поддались?

— Я так думаю, что они, прежде чем реквизируют хлеб, реквизируют самогонку. И пить взялись при поддержке сельских советских органов. А потом уже по домам пойти собирались.

— Продотряд, стало быть, был пьян?

— Так они трезвые не работают.

— Буксует ваша версия насчет помещичьей мести. Или рабочие и матросы тоже эту усадьбу жгли?

— Так версия не моя. Народная. А рабочие, конечно же, ни при чем. Тем более матросы.

— Вы сами видели трупы?

— Кровь словно выкачана из них. Эти упыри чрезвычайно прожорливы.

— И где же они теперь, жертвы прожорливости?

— Пока что в погребе. На леднике. Хочешь взглянуть?

— Нет. Однако что же народ не разбежится от таких ужасов?

— Во-первых, добро покидать жалко. Во-вторых, считают, что от вурдалаков не убежишь. А в-третьих, пьяные все. Пьют и ожидают каждый своей очереди. Так что про хлебосдачу теперь с ними говорить бесполезно: им не до этого. Не боятся властей. Ибо ужас другого рода царит. Более острый. Если этот ужас убрать, то и нас бояться станут. Тогда и продразверстка пойдет своим чередом.

— Как они этих упырей описывают?

— А никак. Невидимые они. Только падалью смердят очень. Кто ж они, в таком случае, как не выходцы из могил? Да мне и самому не верится, что в тридцати верстах от уезда возможно такое. Вот и чоновцы не верят тож... А они ж и разбираться не будут, положат пулеметами всех. Считают, что мужики отряд умертвили. Умертвить-то могли, но чтобы кровь высосать... Противоречие. Ты уж разберись, товарищ Первач, беспристрастно и по справедливости. Они хоть и пьяницы, но не кровопийцы. Сейчас пустые подводы под фураж в Сенькино отправляются. С ними к полудню там будешь. Спросишь Деримедведева. А уж он тебя направит в Пьяное. Понял?

— Вполне.

— Покажешь мандат. Он тебе пулемет даст.

— С пулеметом на вурдалаков? Тут серебряные пули нужны.

— Да я б тебе золотыми гильзы набил, только бы ты мне упырей этих ликвидировал. Ведь и продразверстку, и посевную сорвали. И неизвестно, что еще натворят. Да и слухи ходят туда-сюда, делая людей нервными. Дай, я тебе и записку к нему накорябаю. Может, кого из хлопцев в помощь тебе даст. — Оба помолчали, пока скрипело перо. — Вот, держи. Если что, обратись к попу. Враждебный элемент, но надежный. Даст наиболее толковое объяснение. Остальные либо бабы, либо пьяны. Крест-то на тебе есть?

— Где у вас можно перекусить в период военного коммунизма?

— Так сейчас картошечка подоспеет.

— А еще где?

— Ну... есть тут трактир. Терпим пока. Только он теперь не трактир, а раздаточная. Тут, за углом. — Он вынул из стола бумажный клочок с печатью и вручил командированному. — Это тебе талон на питание.

— Благодарю.

— Питайся... * * * Вывески не было. Бывший трактир он нашел по капустному запаху. И едва, взяв обед, уселся за стол, как в дверях возник давешний фланер. Взглядом обшарив залыце, он сошел со ступенек вниз и без колебаний направился прямо к Георгию. Сел на скамью напротив, облокотился о стол и конфиденциально, но в то же время довольно развязно сказал:

— Я знаю, кто вы...

Так... В левом кармане браунинг. Маузер пока вытянешь из кобуры...

— Извините, но я под окном подслушал... Я был вынужден, я немножко совсем. Пока часовой не прогнал. Я по милости этого заведующего две недели в подвале провёл. В Пьяное Поле направляетесь?

У Георгия несколько отлегло.

— И что? — кашлянув, чтобы снять напряжение в горле, спросил он.

— Я Гамаюнов. Из Питера.

— И что? — повторил свой вопрос Георгий.

— А то... Если вас уполномочили насчет так называемых упырей, то это как раз по моей части. Я тут уже две недели. В основном в подвале. Вчера выпущен.

— Что, уже весь Питер знает про этих потрошителей?

— Слава Богу, не весь. Я же про них специально слухи отслеживал. Всякие странные происшествия в газетах отыскивал и сопоставлял. Проследил через словоохотливую прессу случаи, необъяснимые современной наукой и бессмысленные с точки зрения здравого смысла. По цепочке этих событий и нашёл их след, и он меня в Пьяное Поле привел. И вообще, я про них больше всех знаю. Возьмете меня с собой?

Георгий неопределенно пожал плечами. При желании этот жест можно было и как согласие расценить. У уездного узника желание было.

— Выкладывайте, — сказал Георгий.

— Знаете, в районе Подкаменной Тунгуски в июне 1908 года, то есть ровно двенадцать лет назад...

Вот как? Народная фантастика оборачивается научной.

— Белые ночи 1908-го? Потрошители с Марса? — немного насмешливо перебил Георгий.

— В общем, нашли их совсем в другом месте. В Финском заливе. В 1910 году.

— Тогда какая меж ними связь?

— Чисто умозрительная. Те с неба, и эти с неба. В шлюпке их было восемь.

— Потрошителей?

— Инопланетян. Шлюпка была, конечно, не шлюпка, а герметичная капсула, которую уж не знаю как удалось открыть.

— То есть вы при вскрытии не присутствовали?

— Слушайте дальше. У одного из этих восьми контейнер повредился — то ли при вскрытии, то ли еще раньше, при ударе о Землю, и из него что-то вытекло. Другого убили. Те, кто вскрывали капсулу, из любопытства. Но шестеро выжили, их в Питер перевезли и в строжайшей тайне содержали до недавнего времени. Как были они в контейнерах, так их и содержали в собственном, так сказать... анабиозе. Чуть не сказал, соку... То есть в этой жидкости, видимо, имеющей отношение к их полному жизнеобеспечению.

— В тайне? Что-то не верится, — сказал Георгий. — И где же такие тайны блюдут?

— В одной совершенно частной психиатрической лечебнице.

— Тогда понятно.

— И вот революция: февраль, октябрь. Всеобщее освобождение трудящихся. Многое тайное становится явным, в том числе и местонахождение наших подопечных. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, узнав про них, решил их тоже освободить, и пока что тоже секретно. Отпустить их на Марс, что ли, делегировать с особой миссией, экспортировать марксизм и равенство-братство на одну из ближайших, и в перспективе — дружественных, планет. Вдруг у них еще нет этого передового учения. Есть ли на Марсе марксизм, да и с Марса они или нет, я не знаю, но произошло следующее. — Гамаюнов перевел дыхание. — Между прочим, обслуга клиники к тому времени разбежалась уже. Ибо паек им не был предусмотрен. Я один остался.

— Так вы, извините, пациентов обслуживали? — Георгию начинал нравиться этот интересный сумасшедший. — Или...

— Никакого, никакого отношения к психиатрии... — заторопился собеседник. — Так

вот, некоторые из персонала бежали от голода и советской власти на юг. Двоих расстреляли. Инопланетяне на короткое время остались предоставлены сами себе. Так что, когда сунулись их освобождать — по резолюции Совдепа, товарищ Пигаль с двумя дезертирами — никого при них не было. В общем, этих троих нашли пару часов спустя полностью обескровленными. А инопланетяне — исчезли.

— Зачем же они с освободителями так?

— Для питания. Пищеварительная система у них почти полностью атрофирована. То есть всей этой требухи, где пища переваривается и превращается, у них нет! Видимо, наука у них до того дошла, что перестали нуждаться в пищеварении. Во сне-то много ли надо? Черпали из окружающей среды. То есть из питательного раствора, в коем плавали. А очнувшийся организм более существенной пищи потребовал. Возможно, было у них с собой что-нибудь вроде энергетических микстур, да вместе с кораблем сгинуло.

— Как же они кровь-то высасывают?

— Из вены в вену. У них что-то вроде жала на пальцах рук. Не на всех пальцах, на некоторых. В общем, поручили неболтливым товарищам пришельцев ликвидировать. И меня подключили. Несомненно, до января инопланетяне еще были в Питере. Ибо изредка находили кое-какие тела в обескровленном состоянии. Но потом с продовольствием стало хуже, кровь, что ли, от бескормицы стала некачественная. Да и охота отчасти увенчалась успехом: одного пристрелили таки. Хотя я был против. В общем, они исчезли.

— Так вы думаете, что это они в Пьяном Поле орудуют?

— Несомненно. К тому же я видел трупы, что вчера привезли. Признаки те же, что и на петроградских. И потом — смердят, судя по сообщениям с мест. И невидимки.

— Как же они невидимы?

— За счет оптической воронки. Эта оптическая воронка представляет собой конус раструбом вниз, поверхность которого составляет неизвестное вращающееся энергетическое поле. Вы еще наверно не знаете, но свет состоит из элементарных частиц — световых квантов. Это поле заставляет эти частицы двигаться по дуге в 180 градусов, огибая всё, что находится внутри нее. Инопланетянина, то есть. Таким образом, мы видим, что делается за ним, а его самого — нет. Впрочем, это гипотеза. Вероятно, они отключают защиту, когда чувствуют себя в безопасности. Несомненно, что и эта защита требует каких-то энергозатрат. Ибо косинус этого конуса...

— Так, а что насчет запахов?

— Я думаю, что светозащита является естественным свойством их организма. То есть у них существует особый орган для вырабатывания оптического поля. Точно так же, как ароматические железы вырабатывают присущую им вонь. По запаху мы и обнаруживали их в Питере. Кроме того, они очень опасно вооружены. Тоже естественным образом.

— Чем же?

— У них что-то вроде природного вооружения. Они могут выпускать электрический разряд, смертельный для человека, на довольно значительные расстояния.

— Как же такое возможно?

— Как у электрических скатов, только разряд сильней и действует на расстоянии.

— Как они выглядят, когда в воронки не облачены?

— Худые очень.

— Подробней, пожалуйста.

— Две руки, две ноги. Туловище. Голова. Все присущие человеку органы. Только у них гротескно, утрированно очень. Глаза, например, спереди, а ноздри сзади. Рта, можно сказать, вообще нет — так, приблизительное отверстие, предназначенное, вероятно, для приёма микстур. Некоторые пальцы, я вам уже говорил, снабжены жалами. Ростом чуть поболее человека. Метра два. Стремительны очень.

— Чем же вы их пытались убить? И даже убили?

— Обыкновенно. Пулями.

— Эффективно?

— Несомненно. Как против вас. Лучше стрелять в голову, чтоб ни стрелок, ни жертва не мучились — быстро, безболезненно, наверняка. Только нельзя их убивать, товарищ уполномоченный. Надо их живыми как-нибудь изловчиться и изловить. Сохранить для науки.

— Что ж им, обсасывать советскую власть? Мало вам интервенции и Антанты, хотите, чтоб они изнутри изнурили страну?

— Можно попробовать перевести их на кровь животных. В крайнем случае, если коровья не подойдет, организовать пункты безвозмездной помощи. Донорские. Думаете, не найдутся сочувствующие?

— Найдутся. Это людей пожалеть некому. Значит, их теперь пятеро?

— Четверо. Один в Кронштадте погиб, куда они по ошибке сунулись. Так что я с вами пойду, товарищ. Как свидетель со сведениями я вам совершенно необходим.

— Что ж, пожалуйста, — сказал Георгий. — Завтра в восемь утра встречаемся здесь же. Кстати, где изволите ночевать?

— Комнатку снял у одной старушки. Если желаете вместе...

— Нет, комнатка у меня уже есть.

— Куда же вы теперь?

— В Сенькино. За фуражом.

— И меня возьмите за фуражом. Я могу быть вам полезен и даже приятен.

— Это совершенно в другую сторону, — соврал Георгий. Он твердо решил избавиться от попутчика.

* * *

— Р-р-рахимов! — негромко рыкнул Деримедведев, рассмотрев Егоров мандат. — Где тот пулемет, что Засыпкин ради нас от своего пролетарского сердца оторвал? Передай его товарищу уполномоченному... Для борьбы с вурдалаками, паразитирующими на красной крестьянской крови, — добавил он, ни минуты не веря в эту чушь.

— Как же я ему отдам? Да я ж его только что перебрал, привел в состояние... Я ж и затвор, и рычаг подачи... Он нам самим сгодится, да и потом... — забормотал боец.

— Тогда отправляйся с ним в качестве пулеметчика. Первым номером.

— К... как...

— Как коммунар и член партии.

— Только вы, товарищ уполномоченный, поаккуратнее с ним, — внезапно сдался Рахимов. Сказки про упырей или нет, но нарываться бойцу не хотелось. Свои мурашки ближе к телу. Лучше подальше держаться от мест, наводненных такими слухами. — Машина хорошая, однако досмотру требует. Вот только сошек с ним не было. И у меня нет.

— То есть как нет? — взревел Деримедведев.

— Не надо, — отставил Георгий. Снаряженный ручной пулемет и без сошек весил более пуда. — Ты мне лучше пару гранат дай.

— Дам, — сказал Деримедведев. — До соседней волости двенадцать верст. Пешком тебе два часа топать. Рахимов! Найди ездового, да подкиньте товарища Первача аж до Пьяного Поля. Я сказал! — рывкнул командир, прочтя возмущенное возражение на лице первого номера.

Тачанка покачивалась, рессоры поскрипывали. По обе стороны от дороги расстилались зеленые поля. Но не ржаные и не пшеничные всходы зеленели на них, а посторонняя этим полям трава, впрочем, вполне пригодная для выпаса. Солнце выбралось в самый зенит. Зной, марево, стрекота. И если прикрыть глаза и не обращать внимания на неритмичные покачивания, то можно взять и вообразить: клочок неба, завиток облака, усадьба, девичий смех, сад в бутонах и бабочках, порхающих и цветущих, и не всегда понятно, где бабочка, где бутон.

Рахимов помалкивал, внимательно и с опаской поглядывая по сторонам. Было очевидно, что он предпочел бы давить мурашек в более защищенной от упырей обстановке. Ездовой же то и дело оборачивался, говоря:

— А как их вчера привезли, то и свалили в тени за управой. И жилы у всех прокушены, у кого где. А товарищ Деримедведев оглядел их и говорит: могли, мол, медицинскими иглами кровь выкачать. Чтобы запутать следствие и на нежить свалить.

Егор догадался, что речь идет об умерщвленных продотрядовцах и активистах.

— Так мы на них завтра конницу, если доказательств не предоставят. Пьяницы против конницы не устоят.

Ездовой, видимо, эту тему намеренно развивал, чая новых подробностей. Тема, что и говорить, захватывающая, только Егор ее не поддержал, и ездовой, отчаявшись разговорить пассажира, полностью сосредоточился на вождении. Так что до Пьяного Поля домчали в двадцать минут.

— Заворачивай, — велел ездовому осторожный Рахимов, едва показались крайние избы.

— Я уж до самого сельсовета довезу, — сказал ездовой, более ответственный и менее оробелый, нежели пулеметный стрелок.

Насколько помнится, эту улицу длиной в полверсты пересекали еще три, поменьше. Перекресток со второй из них, являясь центром села, образовывал просторную утопанную площадку с деревянной церковью и колокольней с колоколом на ней. В него и грянем, если висит еще.

Словно ради того, чтоб развеять эти сомнения, послышался торопливый монотонный звон. То ли кто-то народ собирал, то ли упырей отпугивал.

Сельсовет, скорее всего, в бывшей волостной управе. То есть тоже в центре села.

Ни живой души не попало на улице. Ни один пес не взбрыкнул. Только под ветлой у ближнего к церкви плетня стояла баба и смотрела из-под руки на колокольню.

Ездовой ссадил пассажира возле церкви и, лихо, по-буденновски, развернувшись, рванул назад. Изза щитка «максима» выглядывали бдительные глаза пулеметчика.

Напротив церкви стоял дом, выглядевший покупчески. Был он на каменном фундаменте и, вероятно, имел подвал — иначе что это за окошечко над самой землей, выходящее на юг, то есть в сторону улицы? Над дверью висела самодельная вывеска: «Сельсовет». Навес над крыльцом украшал полотнище. Древко красного флага было свежеструганное. Не долее, чем месяц висит.

Если прямо по улочке пуститься на юг, то верст через десять упруешься в усадьбу господ Воронцовых. Ныне сгоревшую, разоренную и, вероятно, уже забывшую своих гостеприимных хозяев, убиенных местными жителями летом семнадцатого — Викентия Владимировича, Валерию Александровну и Нину, Ниночку Воронцову, чьи глаза так честно, так часто лучились, а волосы были, действительно, воронова крыла.

В трех-четыре верстах на западе, за околицей, протекала река, а за нею рос лес. Выше по течению имелась мельница и запруда, а на другом берегу, у самой запруды была заимка Сухая Лохань. Там жил да был мужичок, лесовичок, рыбу ловил, возил продавать в усадьбу, а то и в уезд, да попутно занимался кустарным скорняжным промыслом. А по эту сторону, куда ни кинь-глянь, простиралась хлебная Русь.

Георгий и не заметил, как прекратился звон. Только когда из притвора вышел священник — дверь скрипнула — он обратил внимание на тишину. Поп его тоже увидел, но на человека, вооруженного столь основательно, смотрел неприветливо.

— По какому случаю звон? — спросил Георгий.

Поп промолчал. Почувствовал неладное, долгополый?

— Так каков будет ваш ответ? — не отставал Георгий.

— Мой ответ в твоё отверстие не пролезет, — хмуро ответил поп и отвернулся от человека с ружьем. С пулеметом, если быть досконально точным.

— Что ж, будем знакомы: Егор, — сказал ему в спину Георгий.

Дверь притвора противно скрипнула. Петли, что ль, смазать некому?
К бабе, что давеча паялилась на колокольню, примкнули еще две. Приблизились.
— Народ сгоняют опять...

Вообразили, что ради Георгия перезвон. Хотя он и сам собирался воспользоваться колоколом — не ходить же по домам, не сгонять на площадь мерзавцев по одному.

— Чай, сердчать на нас будете? — спросила та, что первой голос свой подала. — Так то не наши ваш отряд порешили.

Серчать, промолчал Георгий. Еще как буду.

— Вы бы лучше нас от упырей избавили, гражданин пулеметчик, — сказала вторая. — От тех, что в бывшей усадьбе живут.

— Ни в какой не усадьбе. На мельнице, — возразила первая баба.

— На мельнице — черт, а эти — на заимке, в Лоханке, прячутся, — вступила третья.

— На мельнице, — упиралась первая. — Падалью там воняет.

Мельница... Наверное, и мельницу разорили, раз уж бесы обосновались в ней.

— Серой воняет на мельнице, а не падалью. А падалью на заимке. Там они, там...

— На заимке дохлой рыбой смердит. И шкурами. Дохлыми.

— В усадьбе. И следы в усадьбу ведут.

Но Георгия не заинтересовали эти вонючие версии. Да и бабы вопреки всяким ужасам не выглядели смертельно напуганными.

— А они баб не трогают. Только мужиков, — словно комментируя данное наблюдение, сказала одна из них.

— Вон твой как раз тащится, лыку не вяжет от страха. А ведь справный был мужик.

— Справный. У справных мужиков бабы всегда затюканные. Я затюканная, по-твоему, да?

От справной жизни у мужика остался городской пиджак, накиннутый на голое тело. Из кармана торчала бутылка — как атрибут жизни пропащей, нынешней. Карман приходилось придерживать, чтобы пиджак не съезжал. Горло бутылки было закупорено деревянной затычкой. Кроме того, на лице мужика прочно застыла гримаса брезгливости, словно его однажды передернуло от отвращения к жизни, да так и оставило. Приближаясь, он всё что-то бубнил неразборчиво, бия себя правой рукой в грудь, и лишь в конце неожиданно внятно молвил:

— Как хотите, а я отсюда долой. В Кострому... Му... Понял? — Он выдернул пробку и хлебосольно ткнул бутылкой в Георгия. — Ну?

Дом, что стоял за спиной, смутно тревожил. Словно взгляд в спину. Нельзя оставлять за спиной подозрительных помещений. Он вошел в сельсовет.

Первое, что бросалось в глаза, — остатки вчерашней еды. На полу, под перевернутым столом, на подоконнике. Почти половину пола занимал опрокинутый канцелярский шкаф — паутиной кверху, лицом вниз. На стене, в том месте, где он стоял, — квадрат пыли. Крови нет. Тихо, невероятно тихо внутри. Звуки с улицы не проникали. Только слышно, как двести мух жужжали над подоконником. И трупный запах присутствовал, но был едва уловим. На секунду ему почудилось, что под полом скребется что-то, но шорох не повторился. Тихо.

Соседняя комната оказалась совершенно пуста от мебели. Только к стене был прислонен портрет — очевидно, последнего императора. В паутине и патине⁹. С развороченным прицельной стрельбой августейшим лицом.

Он выглянул в окно. Мужиков собралось уже человек пятьдесят. Вполне удовлетворительное количество. Сорок семь патронов в магазине пулемета. Человек двадцать уложить можно, кучно стоят. Мужики — лицами к сельсовету. Бабы — поближе к церкви, отдельно от пьяных мужей. Баб зацепить он не хотел. Хотя и они виновны: подзадоривали, подзуживали. Покрикивали, что тащить.

⁹ Патина — пленка, налет.

Резануть прямо отсюда очередью. Три года об этой минуте мечтал, представляя в том или ином ракурсе. Варьируя детали, добавляя подробности. Предвкушая, вынашивая, лелея. Как хлынут бабы в разные стороны, вопя. Как станут валиться в пыль и друг на друга дождавшиеся воздаяния мужики. Как параллельными ручейками, под наклон, к дороге, заторопится из-под них кровь. Как накроет все это зверство истошный вопль: «Уби-и-ли!»

А потом по деревне пойти с маузером. Патронов полный подсумок, да гранаты две. Надо было их в рубашки одеть, гранаты. Больше бы сволочей зацепил. Человек тридцать пять уложить — по дюжине за каждого Воронцова. И квиты.

Однако надо им объявить, за что я сейчас их карать буду.

* * *

Он вышел на крыльцо. Гомон, галдёж, гвалт. Подтягивались припоздавшие. Стая ворон, словно чуя поживу, расселась в ветвях ветлы. Георгия, наконец, заметили и притихли, уставившись выжидательно.

Черт, с чего же начать? Слов слишком много, теснятся на выходе из гортани, какое из них первым пустить?

— Вурдалаков имать будем? — помог ему тот самый мужик, с ужимкой, что выпить ему предлагал.

— Это нас за продотряд сейчас миловать станут, — предположил другой — бритый, белесый, в полусолдатском облачении, то есть в гимнастерке и домотканых портках.

— Заодно и несдачу зерна припомнят, — сказал крайний справа. Этот был бледный, опухший, словно утопленник со дна реки. — И куда столько хлеба им? Тащат и тащат...

— Не иначе, буржуев кормить, — высказался полусолдат. — Известно, что буржуй жрать горазд, ибо руки его праздные. Тогда как самый прожорливый пролетарий столько не съест.

— Но и буржуй столько не выпьет.

— То мономахи с моголами, то советская власть.

— А теперь и призраки паразитируют.

— Так что за дело к нам, куманёк?

Дело... Дело крайне кровавое. Прошлое поворошить, вспомнить старое. Так чтоб не только глаз, но и дух вон. Ибо невозможно такое оставлять безнаказанным. Потому что нельзя так с живыми людьми, хоть и классово чуждыми. Потому что вообще нельзя... А самое главное — гневен я. Странно, что ж это из меня слова не идут?

— ...потому что врасплох, крепко выпивши. Растерялись, видать.

— Федька наш не больно-то растерялся. Даже «Вихри враждебные» было запел.

— Попробуй не запой, когда в груди сорок градусов. Я, бывает, тоже пою.

Это, верно, о продотряде они. Настроение балалаечное. Не сомневайтесь, смейтесь, это смешно. Сами-то чем не упыри, морды пухлые?

— Что ты молчишь, пришелец? Выкладывай, с чем пожаловал.

— Пришел объявить нашу вину, воитель?

Может этот, с ужимками, милейшего Викентия убивал? А тот, припухший, Валерию Александровну? В упор не пойму, что за рожи у них? Что у этого народа на роже написано? Иностранцы, чистые иностранцы. Кажется, это Достоевский про них — устами Порфирия.

Из церкви вновь показался поп, собравший народ для каких-то своих толков. Опоздал, долгогривый. Вначале, конечно, слово. И слово будет мое.

Он опустил планку, сняв затворную раму с предохранителя. Обвел глазами собравшихся, выбирая, кому умирать. Кого — в первую пулеметную очередь? В шеренге было бы аккуратней. И палачу сподручней: больше бы прихватил. Справа подушно по одному. Чтоб неповадно было. И ныне, и присно. И здесь, и окрест. Пожили, попили, попотели. Трутни-труженики, гнётом гнутые. Иль не чуете конца света? А я чую. Был мне

гундосый глас.

Он краем глаза отметил у церкви небольшое движение. Это священник сделал в его направлении шаг. Догадался с полной определенностью, что воспоследствует. Помедлил и решительно зашагал в его сторону.

Лицо белое. Ряса черная.

Невозможный контраст.

Ветерок пробежал вдоль улицы, взметнув пыль. Однако выпустить по стоящим людям очередь оказалось труднее, чем Георгий воображал. Петух, взлетев на плетень, смотрел на него насмешливо. Белолобое облако заходило с запада. Ветер змеем обернулся вокруг ветлы и взвился ввысь.

— До морковкина заговенья будешь тянуть? — поторопил его мужик в гимнастерке голосом, в котором слышалась издевка.

Георгий поднял пулемет, подхватив под кожух левой рукой. Грянул выстрел, сорвав с ветлы стаю ворон. На долю секунды ему показалось, что пулемет выстрелил самостоятельно, без его участия, в то время как палец еще не успел коснуться курка.

Магазин, однако же, не шелохнулся. Пулемет не дрогнул. Да и невозможно из него одиночными. Разве что неисправный рычаг подачи не обеспечивает досылку патронов. Разве что этот Рахимов нерадив настолько...

И тут же, перебив эту мысль, грянул второй выстрел, а вслед за ним из-за дома, закрывавшего часть улицы, вынырнул и стрелок, мча параллельно ряду домов, пригибаясь, оглядываясь, держа несколько на отлете винтарь.

Был он бос, диковато, по православному бородат, в длинной посконной рубаше, горбом вздувшейся на спине, и драпал, охваченный неподдельным ужасом. Так, словно за ним чертова сотня гналась. Не исключено, что до горячки допился, — подумал Георгий, глядя, как стрелявший посылал пулю за пулей вдоль улицы, по которой бежал. Той, что в сторону усадьбы вела. Вот он опять обернулся, пятясь, поспешно передернул затвор и выстрелил в свору чертей, видимых ему одному.

Люди замерли в полном молчании, взирая на бегущего. По внезапной обреченности в позах и лицах, по мертвенной бледности этих лиц Георгий понял, что надвигается нечто такое, чему в языке и названия-то нет. И этот ужас перед неведомым был столь заразителен и могуч, что на краткое время сковал не только его движения, но и мысли. Он утратил способность соображать и полноценно воспринимать действительность, замороженное зрительное восприятие делало картинку статичной — шеи и затылки толпы, мужик с разинутым ртом, платок, сорванный ветром с какой-то из баб и замерший в воздухе. Остался лишь слух, доводящий до съевшегося сознания шелест ветра в ветвях да обиженное воронье карканье.

Ему стало мгновенно ясно, что ни угрозы властей, ни его собственные мстительные намерения ни в какое сравнение не идут с тем источником ужаса, который грядет.

Первое, что отметило обострившееся обоняние, когда чувства вернулись к нему, был запах тления.

Картинка сдвинулась. Кто-то, пригнувшись, улепетывал вдоль плетней. Мужик, остановивший бег метрах в ста от толпы, в одной и той же последовательности тыкал перед собой штыком, словно крестил острием неприятеля. Все же прочие не шелохнулись, покорные неизбежному.

И тут Георгий увидел движение, против которого этот штык был выставлен. Движение было обозначено роем мух, метавшихся метрах в пяти от мужика. Яростное жужжание насекомых было слышно даже на таком расстоянии, и создавалось впечатление, что их гораздо больше, чем видится. Он вспомнил про оптическую воронку, про невидимых тварей, возможность существования которых — упырей, инопланетян, воронок — не далее как сегодня утром возбуждала смех.

Люди продолжали пребывать в неподвижности и молчании, покорно ожидая каждый своей участи. О Георгии совершенно забыли. Словно его не стало. Словно именно он был не

от мира сего, а не это невидимое существо, облепленное тучей мух, тоже частью невидимых. И тогда уполномоченный напомнил о себе. Или это само получилось — безо всякого воления с его стороны. Но только пулемет в его руках вдруг заработал, разорвав тишину, взметнув пыль у дороги, — он чуть приподнял ствол.

Эти секунды, в течение которых он опустошал магазин, растянулись в его сознании до минут. Он слышал — хотя по всем законам акустики слышать не мог — как пули пронизывали плетень, вонзались в ветлу, в скопище мух, в жужжанье, в шевеленье и во что-то еще — со звуком, похожим на чавканье.

И тут же что-то впилося в его мозг — мистично, беззвучно, телепатически — словно сработала вспышка в голове, словно в его сознание на мгновение ворвался Чужой, оставив клочок информации, которой словесного соответствия не было, разве что весьма приблизительная и нецензурная аналогия, исполненная боли, ярости, недоумения — короткий импульс с затухающей амплитудой: твою мать... мать... ать... В то же время судорогой потянуло руку, словно предсмертное содрогание существа передалось и ему. Он опустил, не в силах держать, пустой пулемет, вернув его в прежнее — к ноге — лишь придерживая за рукоятку управления огнем. Хотя мог бы, мелькнула мысль, отбросить его теперь за ненадобностью. Но едва успел он это подумать, как пулемет вырвало из его руки (словно железной дубиной по железу ударили), едва не вывихнув ему кисть. Этот ответный удар, исходящий от издыхающего существа, произошел совершенно беззвучно, бесследно — ни грома, ни молнии, ни каких-то иных следов траектории или звукового сопровождения вместе с ним не последовало. Только рука отнялась до плеча. Да запах металла и горелой смазки завис в воздухе. Пулемет валялся в трех-четырех шагах, кожух его был измят и прожжен, а сквозь прореху серебрился металл радиатора.

Надрывный, как водится, вопль — Уби-и-ли! — вывел Георгия из оцепенения, встряхнул и привел в чувство.

Жертв среди населения не оказалось. И даже мужик — тот, что с винтовкой, — спас себе жизнь. Вонзив в землю штык, опустившись рядом на корточки, он тупо смотрел перед собой, забывая отирать пот, струившийся по лицу, и, казалось, ни запахов, ни упыря, распростертого в наглядном виде неподалеку, не замечал.

Вот так... Георгий сбежал с крыльца. *Veni-vici*. И *vidi* теперь. Очевидно, по смерти пришлеца защита снималась, что давало возможность рассмотреть его в мельчайших подробностях.

Запах. Мухи. Одежды на существе не было. Георгий не успел составить себе представления об инопланетянах, руководствуясь описанием Гамаюнова, однако помнил: руки, ноги, всё, как у людей. Действительно, руки наличествовали, только выглядели истощенными, без намека на мышцы. На кончиках пальцев — что-то вроде черных шипов, производящих устрашающее впечатление. Очевидно, это и были те самые жала, посредством которых они добывали себе пропитание. Из жил. Ноги от рук отличались только длиной и отсутствием устрашающих наконечников. Голова втянута в плечи. Глаза — не видно, что за глаза, ибо крепко и смертно зажмурены. Рот настолько мал, что почти незаметен. Нос, уверял Гамаюнов, они на затылке носят. Ничего человеческого в очерствелых чертах. Видно, Бог, чтобы не возиться с лекалами, нарисовал инопланетянина наспех неверной рукой. Все тело пришельца покрывало кожистое серо-зеленое образование, упругое — Георгий ткнул его сапогом — словно резиновое, в переплетении борозд и морщин, бугров, складок. Кое-где мерцали мелкие блестки, словно вкрапления слюды. Рана в груди уже не сочилась. То, что из нее истекло, было красного цвета и вполне походило на кровь земных млекопитающих, а возможно, имело и сходный состав.

У мужиков накопились свои вопросы.

— Этта... вявь мне или в пьянь?

— Глянь-ка, во что попал?

— Во что попало, в то и попал.

— Эк его перекосило...

— Знать, со вчерашнего перепою.

— Чаво?

— Вёдер пять, говорю, с комиссаров выщедили...

— Егор, значит?

Георгий обернулся. Священник стоял за его плечом.

— П... Первач. — Георгий не сразу припомнил фамилию, указанную в мандате.

— Откуда ж такая bestия?

— А вы у народа спросите, отец...

— Аполлинарий... — подсказал поп.

— Длинно-то как. Можно, я вас Аполлоном звать буду? — сказал Георгий в отместку за неприязнь.

— Ты хоть Владимиром Лениным меня зови. Только паству мою оборони от бесов сих.

— Может, поделом пастве твоей?

— Вурдалаков не может быть, — решительно отмел о. Аполлинарий, усмотрев в вопросе Георгия намек на утвердившуюся в народе версию. — Это все спиритуализм и спиртные напитки мутят умы.

Они отошли и встали в тени ветлы. С наветренной по отношению к пришлецу-мертвецу стороны, чтоб не вдыхать его запахи.

— А как насчет инопланетных пришельцев, отец Владилен?

— Я скорее в беса уверую.

— А я, наоборот, в беса не верю. И вообще, не верю в то, чего не могу понять.

— Это что ж тебе непонятного в бесах? Не дергают, не искушают, не теребят?

— Не особенно.

— А кто же только что паству мою пострелять хотел? Есть такой бес — человек с ружьем. Очень прилипчивый.

— Да зачем вам такая паства? Воры да пьяницы...

Да убийцы, хотел добавить Георгий, но промолчал, не желая вмешивать в свое личное дело святого отца с его верою в воздаяние Божье.

— Другой нет, и не скоро будет. Или не будет вообще, если сейчас ею не озаботимся.

— Да может быть, пусть гибнет?

— А с кем останемся? — спросил поп. — Эх, времена наши тяжкие. Словно сжили нас со свету, и теперь мы в крошечной тьме.

— Что же делать нам, отче?

— Бороться в себе с человеком с ружьем, — сказал этот носитель клерикальной истины.

— Что вы можете сказать по поводу вчерашней резни? — сменил тему беседы Георгий. Ибо вся эта риторика стала ему скучна. — Ведь учреждения ваши соседствуют.

— Не знаю, — сказал о. Аполлинарий, не обратив внимания на иронию по поводу сомнительного соседства. — Меня в то время не было в церкви. Соборовал умирающего.

— Тоже от укуса умер?

— Нет, от водки.

— Вино хлещут — истину ищут. Черта чисто отечественная. Хотя всё же спокойнее как-то, если от водки мрут, а не от упыря. Один управляетесь?

— Был дьякон, да сгинул. Активист Федька его с колокольни столкнул. Привязал к нему крылья на спину и велел лететь. Изобретатель был. Самоучка. Все в небо хотел.

— Дьякон?

— Дьявол. Федька Восипов. Его тоже вчера в числе прочих бес умертвил. Эта тварь и сотоварищи. — Он кивнул на распростертого упыря. — Господи, спаси и помилуй, — торопливо перекрестился он.

— Гляди, тут и другие рыскают, — довольно трезво произнес подошедший мужик, тот самый, с ужимкой лица. И как бы устыдившись затянувшейся трезвости, тут же вынул и откупорил уже знакомую Георгию бутылку.

Не исключено, спохватился Георгий. И даже несомненно, припомнил он Гамаюнова. Если их было четверо, то трое еще действуют. Осуществляют питание. Как этот мужик, припавший к широкому стеклянному горлу. А может, и расплодился уже, и теперь их значительно больше. Сейчас опомнятся, станут мстить за убитого. Что-то всё у меня перевернулось с ног на голову. Из мстителя в жертву мщения обращен.

— Замечательно то, что они только на мужиков нападают, — услышал он голос пастыря.

Да и я не собирался на баб нападать. Значит, намерения наши аналогичны. Уж не обратился ли я в упыря?

— Кто убивал Воронцовых, того и хватают, — сказал Георгий, глядя на мужика, отиравшего губы. — Пстой-пстой... Так женщин, значит, вообще не трогают?

— Ну... было. — Вопрос относился к пастырю, но мужик решил взять его на себя. — Две... Двух, — уточнил он, оттопырив скрюченный палец, добавив к нему второй. — Да они были пьющие и гулящие все...

— Погулять, значит, захотелось? Или попить?

Он не успел додумать мелькнувшую, было, мысль.

Сзади раздался резкий удар, потом второй, сопровождающийся звоном стекла. Он обернулся.

В подвальном окошечке сельсовета показалась рука. Аккуратно вынула из рамы осколки стекла. Выдернула с сухим треском крестовину рамы. Потом в отверстие просунулась голова, вытягивая за собой плечи и туловище матроса — в тельняшке, с ремнями и с кобурой. Он встал на ноги. Потянулся, глядя на солнышко. Отряхнулся, аккуратист. Напаялил бескозырку.

Значит, не показалось, вспомнил Георгий. Скребся кто-то внизу. И не кто-то, а этот матрос, оставшийся от вчерашней резни. В подпол, значит, нырнул. А рухнувшая в процессе паники и борьбы канцелярия придавила крышку. И вылезти он не смог. Или не смел.

— А таперича бьёт склянки, — сказал мужик.

Матрос сдвинул бескозырку на затылок и придиричиво огляделся. Он не мог не слышать пулеметные выстрелы, хотя вряд ли правильно оценил ситуацию. Однако повел носом и насторожился. Поза его — поза пойнера 9 — была столь выразительна, что и Георгию вдруг показалось, что опять возник этот приторный трупный запах, а уже через секунду он отчетливо уяснил: нет, не показалось, он есть, и доносит его с наветренной стороны.

— Этта... что ж у него за предмет топорщится? — Отрубить его топором... — Топором? — Чтоб не топорщился, — галдели мужики возле трупа пришельца, да вдруг притихли.

И в нависшем зное, в мертвецкой, почти кладбищенской тишине вновь отчетливо раздалось жужжание мушиного роя. Что-то шмякнулось на дорогу, и Георгий с новым холодом вдоль хребта понял, что это была ворона — обезглавленная, со скрученной шеей, она еще билась в пыли.

Черноперые птицы металась над роем мух, то пикируя, то отлетая — их было три, потом одна внезапно исчезла, раздалось рваное карканье, прерванное сиплым всхлипом, и эта третья вновь взялась ниоткуда, отлетела с вырванным боком в траву.

Вся эта птичья драма разворачивалась метрах в тридцати.

На этот раз народ отреагировал более адекватно. Видно, мистический ужас, в течение долгих недель доводивший людей до оцепенения, был снят с убийством первого вурдалака. Поэтому мужики, кто молча, кто матерно, а бабы — голоса, причитая, квохча, бросились врассыпную. Остались Георгий, поп да мужик — тот, что всё хотел в Кострому, да вот на тебе...

Матрос, пригнувшись, словно от пуль, метнулся влево, рванул вправо, крутнулся на месте, и в руке его вдруг оказался шприц — невозможно было уловить, откуда и как он его вынул. У Георгия шприц мгновенно ассоциировался с жалами на конечностях пришельцев. И даже на долю секунды возникло дикое предположение, что моряк сам хочет слить с себя

кровь, чтоб упырю не досталась. Или наоборот — преподнести ему угодливое угощение. Но матрос, сунув руку в карман, вынул завернутую в тряпицу аптечную склянку, даже при всей своей торопливости обращаясь с нею крайне бережно. Георгий же, забыв про браунинг, пытался вытянуть из кобуры неподатливый маузер — правой, еще не вполне повинующейся рукой. А пришелец уже стоял вплоть, словно одним мгновенным прыжком приблизился. Поздно, уже не укрыться от него в церкви. Почему-то пришла на ум скрипучая дверь.

Георгий всей кожей чувствовал влажные волны тепла, исходящие от пришельца. Мухи жужжали так, словно вонзались в мозг, задевали лицо. К собственному прерывистому дыханию примешивалось чужое сопенье. Запах же сделался невыносим.

Скоро и сам точно так же запахнешь. Самого плотно облепят мухи, пока кто-нибудь не догадается прикопать твой обескровленный труп. Он не сомневался, что существо его первым ухватит как прямого виновника гибели сотоварища. Однако замер, дыхание затаил, подло надеясь, что выбор падет на попа или костромича.

В позе попа смятения не было, хоть и выглядел бледно. Губы его шевелились, молитву, что ли, творя. На миг мелькнула морщинистая лапа с шипами, но тут же обратно была втянута пустотой. А мужик вздрогнул всем телом, дернулся, как от щекотки, и вдруг, сдавленно ойкнув, выполнил в воздухе невероятный кульбит и грохнулся оземь. Тело его поехало, заскользило по мелкой жесткой траве. Бутыль выпала и расплескалась. Пиджак завернулся на голову. Жалко подрагивал голый впалый белый живот. Маузер, наконец-то, выкарабкался из кобуры, вжался в ладонь, словно тоже немного трусил.

Матрос между тем не терял даром драгоценных секунд. Зубами сорвал пробку и запустил в пузырек иглу, вытянув поршнем его содержимое. И вместо того, чтобы бежать или как-то иначе реагировать на пришельца, он плотно, словно располагался надолго, уселся на край крыльца — с той стороны, где валялся и еще не успел остыть искореженный «льюис». И ни секунды не медля, отработанным движением, словно опытная сестра милосердия — сквозь прореху или прямо сквозь ткань — вонзил вожделеющее жало в бедро. Морщась и скаля зубы, ввел под кожу раствор и оперся спиной на дверной косяк, дожидаясь, пока разыграется морфий.

Тело мужика продолжало волочиться, ухваченное, вероятно, за ногу, частично скрытую тем, что гораздый на гипотезы Гамаюнов оптической воронкой назвал. Где рывками, где равномерно и плавно, тело тащилось параллельно фасаду, мимо крыльца, мимо матроса, глядящего на самопроизвольно волочащегося мужика уже вполне безучастно.

Георгий поднял маузер. Рука плясала. Никогда такого волнения не испытывал. Стрелять он не решился. Пришелец не виден, а при такой тряске в руках скорее угодишь в костромича. Или матроса пришьёшь к стене, вместо того чтобы пришить пришельца.

Тело мужика тоже встряхнуло. И его движение вдруг прекратилось. Пришелец остановился. Возможно, задумался. Возможно, вспомнил о вчерашнем пиршестве — не остался ль внутри еще кто? Или матрос показался ему интересным объектом, заслуживающим внимания — гораздо более пристального, чем этот небольшой, перепуганный пьяный мужик. Который, словно внутренние колебания упыря судорогой отозвались в его ноге, дернул ею разок, дернул другой, и вдруг, перевернувшись на четвереньки, проворно отбежал метров на пять и вскочил.

Матрос качнул головой, чуть отклонился влево, но не так, как человек под действием собственных мышц шевелится, а пассивно, податливо, как будто его кто-то настойчиво теребил. Отстранял его голову, чтоб верней и удобней впиться шипом в шею. Вводил свои хоботки в артерии, в вены вонзал. Находя точки, наиболее благоприятные для контакта, пока обе кровеносные системы не переплелись, словно пара сообщающихся сосудов скудельных. Иногда мелькала в воздухе лапа пришельца, а то матрос на мгновение пропадал, попадая под оптическую защиту инопланетянина — довольно наивную с точки зрения земного здравого смысла, надо признать. Ибо не спасала от пуль, а в данном конкретном случае и оптически была не вполне надежна. Сквозь нее то и дело проступали контуры тела пришельца, словно в ней что-то разладилось, словно она временами давала сбой, пока не прекратилась совсем. И

тогда сей внеземной вампир предстал пред своими немногочисленными зрителями в полной красе — вытянувшись на крыльце параллельно матросу, прижавшись спиной к стене, отдавшись до полного самозабвения наркотическому опьянению. Даже защиту скинул. Или забыл про нее. Или не смог активизировать ее, будучи в расслабленном состоянии.

Глаза его были открыты, в них что-то тлело голубовато. Из рта — атрофированного отверстия, похожего скорее на сфинктер, — появился, возрос и лопнул прозрачный пузырь. Пальцы сцепились и переплелись внизу живота, словно небрежно прикрывая срамное место. Был он совсем неподвижен и, кажется, не дышал. Как и безучастный к жизни земной его компаньон. Окаянного океану матрос. Вполне покойный.

Значит, и в подвал он залез, чтобы без помех уколоться. Где его и сморил Морфей. И это продлило ему жизнь. Всего лишь на сутки.

Георгий не мог бы сказать в точности, сколько времени он простоял у крыльца. Из-за плетней, из различных укрытий и дыр высовывали головы местные жители. Тогда он быстро поднял маузер и выстрелил. Тело пришельца послушно дернулось, он, кажется, всхлипнул, словно решил очнуться в последний момент.

— Объявляю мораторий на марафет, — сказал или подумал Георгий.

Давешняя смутная мысль о пристрастиях упырей, обусловленных концентрацией алкоголя в крови безропотных жертв, проявилась отчетливой.

Из нас, троих претендентов, он выбрал пьяного мужика. Хотя, казалось бы, что нестарый еще поп, а тем более я — со всех сторон предпочтительней. А мужика он, недолго думая, променял на матроса с более конкретным продуктом в крови. Матрос, наверное, полный шприц в себя засадил. Погибать, так с музыкой, гармонией небесных сфер. Носом, что ли, они концентрацию и разновидность зелья распознают? Или иным органом восприятия?

Другое дело, зачем это им нужно. Может, пьяных они не любят? Может, пьянство у них наказуемо? Может, таков есть марсианский марксизм? Или все проще: кровь им не только служит питанием, но и пьянит. Если б они в Европе высадились, тогда бы другое дело. Может, давно бы починили свои капсулы и возвратились вспять. А тут — Россия. Разруха. Металла нет. Металлисты записались в Красную Гвардию. Спиртовые склады ежедневно грабят. Вот они и пристрастились к спиртному через нашу кровь. Стали алкозависимы. И вчерашний подарок судьбы в виде продовольственного отряда, упившегося с утра, эту версию подтверждает. Воспользовавшись оргией большевиков, упыри устроили в сельсовете свою оргию. И возможно, с похмелья теперь маются. И может, только поэтому мне удалось их так легко победить. Если так, то надо немедленно расправляться с оставшимися. Пока они не пришли в себя и не оказали более активного сопротивления.

— Сколько же их еще, этих исчадий? — сказал поп.

— Двое как минимум, — отозвался Георгий.

— По числу трупов в сгоревшей усадьбе ориентируешься?

Ориентировался Георгий по версии Гамаюнова. Однако спросил:

— А разве трупа — четыре?

— Четыре, — сказал поп. — Двое собственно Воронцовых — в супружеской спальне их обгорелые останки нашли. Няня в своей комнатенке да кухарка в людской.

— А Нина?

— Более никого на месте пожара не обнаружено.

— Я имею сведения, что она тоже погибла, когда ваша паства усадьбу жгла.

— Ее могло и не быть в усадьбе. Она, между прочим, посещала курсы сестер милосердия. Комнатку снимала в городе. Если осталась жива, то в следственном деле это отмечено. И даже непременно должны были ее опросить. Но все дела сгорели вместе с полицейским участком. Однако установлено, что всех четверых конторщик убил. Поскольку распродавался помещик, деньги имел. Рабочих, сезонных и постоянных, и прислугу рассчитал и отпустил. Пусто было в усадьбе на тот момент.

Георгий помнил конторщика. Образованный. Из дворян. Но бедный очень. Семенов-

второй. «Я, Ниночка, хоть Семенов-второй, но не второстепенный. Увидите, я ради вас горы сверну». Был влюблен. Предложение делал. Может, им наряду с корыстью двигала месть? «Ах, Нина Викентьевна. Я бы убил себя, в ответ на отказ. Но злодейство несовместно с Семеновым...» А ведь и я в те годы был убежден, что оно несовместно со мной.

— Сообщник у него был из местных, Савка — то ли он Воронов, то ли тож Воронцов, поскольку считал себя незаконнорожденным. И даже, подвыпив, на долю в наследстве претендовал.

— А что же крестьяне? Выходит, невиновны они? Что ж они ведут себя, как виноватые?

— Мародерство — чем не вина? Конторщик, чтоб замести следы, усадьбу поджог. А Савка народ взбаламутил: те и бросились всё растаскивать. Лошадей, инвентарь, припасы.

— Очень хочу встречи с конторщиком, — сказал Георгий.

— Да я слышал, убили его.

— Может быть, знаете, где мне Савку сыскать?

— Где ж ты его найдешь? — сказал пастырь. — А то ищи. Или здесь сиди, покуда сам не объявится.

— Так относительно Нины... Вы хотите сказать...

— Судьба ее неизвестна. Воронцовы похоронены на городском кладбище. Могилы Нины там нет. Надейся, сын мой.

— Я еду в усадьбу. Достаньте мне самогону, святой отец.

— Я с тобой. Ежели их двое...

— Оставайтесь, гражданин священнослужитель, — перебил Георгий. — Вам еще паству вашу пасти. Очень ей пастырь нужен. И продразверстку пускай сдают. А то отряд стоит в Сенькино. С пулеметами. Только приказа ждет.

— Так я ж их и собрал сегодня по этому поводу. Да ты помешал.

* * *

Солнце ушло за реку. Зной несколько спал. До сумерек оставалось часа три-четыре.

Лошадь, пользуясь мандатом и маузером, он реквизирует. Ибо когда потребовал — для сокрушения оставшихся упырей — предоставить ему коня, жители стали отводить глаза и оглядываться, а на увещевания пастыря привели таки издыхающую клячу со впалыми боками и обреченностью в карих глазах. Тогда он зашел в ближайший двор, выглядевший относительно зажиточно, и выбрал более подходящего скакуна для своей экспедиции. Он даже смутно почувствовал в этом гнедом знакомого. А на вопли хозяйки, перешедшие в визг, когда он прихватил и седло, выстрелил в воздух — тогда она перенесла весь гнев на своего пьяненького, ко всему безучастного мужичка.

Действовать подобным образом ему до сих пор не приходилось. Однако жизнь научит учтивости. В особенности, если попадались учтивые учителя.

Когда с лошадью дело уладилось, жители высыпали провожать избавителя. С пьяными напутствиями, тостами на посошок. Да пропадите вы все пропадом. Что мне бремя ваших проблем? Что ваша жизнь, искаженная ужасом? Чувствую себя не в своей ипостаси. То ли благодетелем человечества, то ли женщиной, которая благосклонно дает. Он выехал за околицу, не оглянувшись. Вряд ли придется вернуться в этот веселенький населенный пункт.

На поясе — маузер и пара гранат. В кармане — бельгийский пистолетик для совсем уж ближнего боя. В седельной сумке — самогон в двух штофных бутылках. Не весьма сокрушительный арсенал для военной кампании. Однако составлю компанию оставшимся двум. Третьим буду.

Видишь ли, лошадь, память — система отзывчивая, только тронь. Я и имя твое двойное сейчас вспомнил — Парис Годунов. Парисом тебя хозяйка звала — потому что на свет тебя кобыла Гекуба произвела. А Годуновым — хозяин, за отдаленное сходство этого слова с гнедым. Не заездили, не убили тебя, не сожрали? Ты, может быть, помнишь, как я заезжал

сюда, уже будучи вольнопером, в четырнадцатом? Осень была. Встречал ли на станции ты меня — не помню. Но помню, что в паре с Арапкой меня обратно на станцию вез. Я был счастлив тогда — любовью, морозцем, войной. И гораздо более был наивен, чем наивен сейчас.

Гнедой заржал, увидев знакомую рощу. Самому заржать впору, пусть бы черт всё на свете побрал.

Роща сохранилась в неприкосновенности. Не вырубili жители на дрова. Вероятно, потому, что в казенный лес — за реку через мосток — им было ближе.

Все запущено, заброшено, раззявлено. Ворота на пристройках либо совсем сорваны, либо болтаются кое-как. Останки сгоревшего дома заросли травой, и кое-где — на майских дождях и июньской жаре — она вымахала по пояс. Бывшая некогда роскошной усадьба, творение рук человеческих, вновь поглощалась природой, возвращаясь в первозданный хаос.

Он спешился. Один штоф бросил в траву, другой тут же откупорил. Лошадь не стал привязывать, пустил пастись. Скорее всего, отвязать ее будет некому.

Конкретного плана у него не было. Чтобы строить основательный план, нужна информация. У него же ее недоставало. За исключением того, что нравится упырям алкоголь. Они просто-таки очарованы этим земным блаженством. А значит, напиться вдрызг, спровоцировать в них жажду, возбудить страсть, подманить их легкой добычей и действовать по обстоятельствам.

Хотя может случиться, что здесь их вообще нет. Отправились на охоту или выбрали новое место для обитания.

Он выдернул пробку. Самогон был мутный, вонючий — таким тараканов травить. Тем не менее, он сделал первый глоток.

Сразу его не убьют: кровь должна циркулировать. Надо только ее догнать до заманчивой для них консистенции. Но и так, чтоб самому не отключиться. Встретить мразь во всеоружии. Он представил, как рванет заряд мелинита одной, а потом и другой гранат. Нет, я рехнулся, раз ввязался в такое... Кто не рехнулся, тот не рискнул. Кто не рискнул, тот не выпил... бррр... шампанского. Он отпил еще, почувствовав, как новая волна опьянения догоняет первую.

Где они обосновались? В конюшне? Во флигеле? Или в этом бревенчатом сооружении, где, помнится, бывали составлены: бричка, коляска рессорная, телеги, снятые с передков, и которое поэтому называлось — каретный сарай? Оскверняя организм самогоном, он обошел по периметру руины рая, где в юности и невинности так часто бывал. Тогда казалось, что эта усадьба — словно утроба, из которой должно было что-то родиться, что-то очень хорошее — лучшее, вечное. Он тряхнул головой, отходя от состояния ностальгии, которое презирал. Ибо считал, что оно есть не что иное, как погоня за покойником, который изрядно протух. Так и забудешь, зачем, собственно, здесь. Он мужественно вогнал в желудок еще порцию зелья, боясь одного — чтобы не вырвало, чтобы все его усилия спойть себя в угоду пришельцам не пропали зря. Чертовы марсиане. Спаивают русский народ. Он уже влил в себя половину штофа.

Отчего ж они, сволочи, не появляются? Мало им?

— Что вы скромничаете, господа? — заорал он. — Выходите, будем знакомы! — Он отхлебнул. — Поручик! Тррретьего! Ар-р-ртиллерийского дивизиона! Георгий! Карпов! На бррудерррршафт!

Он лил в себя самогон. Пил и орал. Отключиться он уже не боялся, самонадеянно вообразив: мол, не та в этом мутном кустарном зелье убойная сила. Но... Внезапно он ощутил тошнотворный смрад. И отключился.

* * *

Свет еще был, брезжил.

Первым делом, как только пришел в себя, он поискал приметы места и времени.

Относительно места: истлевшая упряжь, обода колес, спицы и ступицы — значит, каретный сарай. Относительно времени: пустой оконный проем в стене, выходящей на запад, а в нем — косой солнечный свет. Вечер.

Кроме того, свет проникал сквозь дырявую крышу, но внутри оставалось все же довольно сумрачно. Может, поэтому мух было немного. Запах же был, и столь резкий, что не оставалось сомнений — пришелец здесь.

Георгий охлопал себя: вооружения при нем не было. Но штоф был. Рядом лежал, на том же клочке соломы, что и сам пристыженный потребитель, в голове которого к этому времени несколько прояснилось. Хмель после краткой отключки частично прошел, но похмелье еще не наступило.

Он рывком перевел тело в положение сидя и увидел пришельца. Тот сидел неподалеку, привалившись спиной к восточной стене, и небрежно вертел в морщинистой лапе маузер. Нет сомнений: ему известно, для чего предназначен этот предмет. Оружие поражения, весьма эффективное метров с пяти. Вряд ли расстояние между Георгием и пришельцем превышало означенное. А ведь еще у чужака было собственное средство убоя, которое Гамаюнов квалифицировал как пучок электричества.

Ремень с пустой кобурой был перекинут через плечо упыря. Пистолет в длиннопалой уродливой лапе выглядел несуразно. И даже производил впечатление неземного оружия. Как и гранаты, валявшиеся у его ног.

Пришелец жестом самоубийцы поднес дуло к башке. Его сфинктероподобный рот обратился в точку. А лоб еще более сморщился вертикальными складками — так, что даже глаза стали ближе друг к другу. В них тлели алчные алые огоньки. Упырь перенаправил ствол пистолета на пленника, изобразил «сфинктером» поцелуй. И внезапно Георгий понял, что он это всё — шутливо, ёрничая, напоказ. Проказничает, мразь марсианская, вурдалак. Что таким образом проявляется доступное ему чувство юмора.

Жестом, лишенным двусмысленности, упырь указал дулом на штоф. Хочет, чтоб я поднял бутылку и выпил. Накачать меня хочет. Повысить концентрацию алкоголя. А потом и самому накачаться.

Запах зловещий, и юмор у вас соответствующий, господа.

Гранаты... добраться до них... браунинг... маузер отобрать... Георгий пытался сообразить, как выпутаться из нелепого положения, в которое сам себя так опрометчиво загнал. Но голова отказывалась повиноваться, словно мыслительный процесс был заблокирован, словно рассудок, угнетенный сивухой, больше был не способен решения принимать.

Но в то же время он понимал, что не в сивухе дело.

Что-то иное отвлекало его от раздумий, не давало сосредоточиться, вмешивалось в мышление, упорно направляя внимание на нечто другое, ему постороннее, чего не было и быть не могло в его голове. Это можно было интерпретировать как ментальные образы, незримые видения, аморфные сущности, невербальные образования, столь плотно насыщенные информацией, что, разверни их в словесной последовательности, получился бы солидный том. Более прочих земных значений этим образам соответствовало понятие иероглифа, но разобраться с ними было не так просто, ибо накатывали они не последовательно, а в беспорядке, внахлест. Однако уже в первом приближении из них можно было кое-что выделить: сожаления об одиночестве — ностальгические фрагменты — картинки чужого прошлого, но настолько чужого, что усилиями собственного разума их невозможно было бы вообразить.

Он заметил, что красные глаза пришельца неподвижно устремлены на него. И ему стало ясно, что этот упырь прямо причастен к происходящему в его голове. Выделяя видения и транслируя их. Подсовывая ему собственные ментальные образы. Давая понять. И даже интонации были присущи этому нечеловеческому общению — повествовательные, восклицательные, требовательные и даже просительные, когда надо.

Кажется, это называется телепатией. Тут же пришел на ум предсмертный «возглас» убитого им пришельца. А может, присутствует и гипноз в этом способе коммуникации. Возможно, что не самогон, а этот упырь Георгия давеча отключил. Заблокировав в его сознании некий центр. Хотя и самогону было выпито предостаточно.

Как бы то ни было, Георгий не был привычен к такому общению. Столь солидный объем информации сознание не успевало воспринимать. Но очевидно там, где она накапливалась, все же шел процесс ее систематизации и усвоения. И внезапно он осознал, что собой представляет и что от него хочет это заблудшее существо.

Во-первых, Георгий понял, что уйдет отсюда живым.

Во-вторых — что не уйдет отсюда живым пришелец.

И в-третьих — то, что жизнь и смерть для этого существа относительны, что с гибелью тела индивидуальность пришельца не уничтожается, а возвращается на родную планету — домой. Как вернулись все предыдущие жертвы земного разума и неразумия — а также собственного немыслимого до земной экспедиции порока — горького пьянства, заставшего их врасплох.

Так что никакого корабля для возвращения им не нужно.

Ибо смерть — лишь повод, чтобы вернуться домой.

Что этот процесс сродни телепатии.

Что четвертый упырь Пьяного Поля был накануне растерзан собаками, когда пьяный в канаву упал.

Между прочим, они и землян причисляли к счастливому миру существ, жизнь которых не прекращается со смертью тела, да что-то впоследствии сильно засомневались в том.

И вот теперь, пред тем как покинуть милых землян, очень хочется пригубить напоследок. На пососок. Чуть-чуть. Ибо там этакое не практикуется. Хотя формула этила ни для кого не секрет, но продукт считается смертельно опасным для организма. Ведь никто не догадался изготовить из него коктейль. Кровавую Марью. Красную Русь. И вряд ли будет приветствоваться попытка нечто подобное в употребление ввести. Ибо даже в продвинутом сознании инопланетянина пьянство было повязано со стихийным протестом и социальным бунтом.

Ну так что? Глаза упыря потемнели, выдавая внутреннее напряжение: волнение, замирание сердца, надежду, страх. Что-то жалкое было в его выжидательном взгляде. Униженное, даже покорное. Мольба. Раскаяние. Обещание. Просьба простить. — Да, сейчас навывдумываешь. Христианские чувства проснулись в нем. Интересно, сколько моих соотечественников умертвил именно этот? А теперь мелодраму разыгрывает. Но Георгий тут же припомнил собственные кровавые замыслы. Однако мы стоим друг друга. Страсти, что ль, носятся в нездоровом российском воздухе? Иногда трудно себя унять.

Но было в ментальном послыше пришельца и некое обещание. Касавшееся чего-то существенно важного. Ради чего стоило продолжать жить.

Почему бы ему просто не применить насилие? Привычно, удобно, способ себя оправдал. Или загипнотизировать, лишит способности к сопротивлению. Я всецело в его руках. Добровольное донорство увеличивает удовольствие? Делает кровь подобной бордо? Или боится, что не сможет остановиться, что и дальше пойдет по деревне кутить? Что не хватит духу себя убить, застрянет на земле неопределенно долго? Надо выманить у него пистолет.

Георгий кашлянул, прочищая горло, нащупал штоф. И покуда он пил, пришелец не спускал с него глаз, просветленных, розовеньких. Сменил позу, утвердился на четвереньках, пополз. Пустая кобура нелепо болталась на его шее. Как бы маузер у него не выстрелил, уж больно небрежен с ним. Георгий невольно дернулся, когда упырь лапой коснулся его руки. Прикосновение было теплым, влажным. Голова пришельца оказалась чудовищно близко. К горлу подкатывала тошнота, и Георгий, хотя уже притерпелся к запаху, дышать старался реже.

С отвратительной решительностью упырь протянул свою лапу вновь. Длинные пальцы

цепко охватили руку, а мягкий, словно резиновый, хоботок на одном из них зашарил в поисках вены, щекоча кожу. Другая лапа по-прежнему сжимала маузер.

Жало проникло в вену, в последний момент Георгий успел плеснуть на него самогоном. Годится для дезинфекции самогон или нет, однако отвращения у Георгия поубавилось. Он почувствовал легкую боль от укола, но признаков того, что из него извлекают кровь, не было. Только свечение в глазах кровопийцы приобрело синеватый оттенок — как у того вурдалака, отведавшего морфину, которого Георгий последним убил.

Спаиваем пришельцев собственной кровью. Не хватил бы лишку. Он уже минуту ее сосет. Минимум.

Георгий попробовал освободиться, но пальцы пришельца только плотней его руку стиснули. Он попытался свободной рукой их разогнуть, отодрать, но они вдруг стали стальными. Увлеченный занятием, упырь лапой, в которой был маузер, уперся Георгию в горло.

Кобура, съехавшая с впалого бока пришельца, била Георгия по колену. Для пустой деревяшки она казалась чересчур тяжела. Опустив подбородок, насколько позволяла хватка врага, выворачивая глаза, он все же смог углядеть, что из нее торчит задняя часть браунинга.

Видимо, вынув маузер, показавшийся ему более устрашающим оружием, упырь попытался сунуть на его место браунинг, однако рукоять пистолета не втиснулась в узкую деревянную кобуру, и большая ее часть осталась снаружи.

В глазах уже начинало темнеть — от недостатка воздуха, крови.

Сжав коленями кобуру, Георгий рванул из нее браунинг. Все же упырь вбил в нее пистолет плотно, и только третьим рывком его удалось выдернуть. И уже почти в полной тьме он ткнул стволом прямо перед собой и выстрелил.

Когда к Георгию возвратилось зрение, пришелец был еще жив. Стоял на четвереньках в двух шагах от него. Потом вдруг конечности его подломились, и он завалился набок, а потом навзничь. Маузер все еще был в его лапе, но он не делал попыток выстрелить, хотя, думается, сил нажать курок хватило бы. Глаза все еще голубели — значит, ни гнева, ни ярости он не испытывал. Но они гасли, а когда потухли совсем...

Предсмертный, а может, посмертный посыл пришельца оказался внезапен. Был он значительно ярче, чем предыдущий, и более визуального плана, нежели тот, застав Георгия, утомленного схваткой, врасплох. Сменой мест, положений, зрелищ отражались в его сознании, возникали, словно на блюдечке, все пространства и беды России — от Белого моря до Черного, и восточный предел, и Польша, и безнадежный западный фронт. И наиболее выпукло из всех картин проявилась одна, оказавшись вдруг жизненно важной: город, госпиталь, сестра милосердия — косынка, халат, крест. Жесты, профиль, поворот головы... Черная — из-под косынки — прядь.

Стемнело. День совсем отошел, полномочия ночи сдав. Пришелец умер и перестал вонять. Близко, за дощатой стеной, фыркнул гнедой.

Георгий сидел всё на том же месте, где застигло его видение, даже позы не переменил, сосредоточившись, уйдя в себя, пытаясь извлечь из последней картинки побольше примет, признаков — всего, что может подсказать если не точное местоположение города, госпиталя, то хотя бы географическое направление, в котором искать. Судя по деталям второго плана — юг.

А может, эта картинка — трехлетней давности? Или совсем не соответствует действительности? Может, фальшивой монетой пришелец похмелье свое оплатил? Влез в мою голову. Обшарил ее. Проникся моей проблемой. И покатилося яблочко — да по блюдечку, перебирая виды и зрелища, пока не подсунуло то, чего я наиболее страстно желал.

Он встал. Справился с головокружением, вышел. Небо было черно, плавали звезды. Снисходительно месяц шурился, глядя на неважные земные хлопоты. Конь переступил копытами, давая знать о себе. Возбравшись в седло, Георгий почувствовал себя уверенней. Ночь июньская коротка, надо подальше убраться отсюда. Вместе, гнедой, будем хозяйку твою искать. Вот только где? Пришелец, подлец, мертв. А кроме него подсказать некому.

Выйдя к реке, он бросил поводья. Конь, предоставленный самому себе, повернул на юг. Я ведь думал, гневой, что навечно останусь здесь. Думал, некуда, незачем больше жить. Но тронули, подтолкнули — качусь. Словно яблоко по блюдечку. Наливное по серебряному.

* * *

— Кто таков? — спросил Засыпкин вошедшего.

— Так по поводу Пьяного Поля, — сказал вновь прибывший гость, присаживаясь. — Был сигнал.

— О-о... бе-пе... пе? — спросил Засыпкин ехидно.

— Особый отдел... по безвозмездной помощи... погорельцам, — хрипловато, с заминками подтвердил визитер. — Ну... фигурально. А на самом деле — того...

— Тоже Первач? — поинтересовался Засыпкин.

— Ну да, Первачев... Фамилия... — Посетитель замялся. И даже показалось Засыпкину, что слегка порозовел. — А если про это, то да. На вокзале баба уверяла: первач. Не бзди, говорит, первостатейный. Ну, я и конфисковал — путь-то неблизкий, вагоны битком, толкотня...

Засыпкин отвернулся к окну. Там боец чистил картошку. Гусь косился на его сапог.

— ...ну а когда того, то и нет его. Маузер, патроны при мне, а мандата нетути, — бормотал приезжий. — Но я его запомнил, товарищ Засыпкин, у него вид такой, будто бы...

— Сергеев! — крикнул Засыпкин в открытое окно. — Ты сбегай маслица у Марковны попроси! С маслицем нынче картошечка будет. Ну? — обернулся он к посетителю.

— Что — ну?

— Что предпринимать будешь?

— Как что? Карать. Они же хлеб, суки, прячут. Перегоняют, пьют...

— А ты бы сам не запил со страху? Да ты на трупы их погляди. Упыри! Я велел их на ледник бросить.

— Карать есть первое дело революционной пролетарской дек-тат-уры, — веско произнес приезжий. — А иначе что? Разболтаются... Сегодня село поставки сорвало, завтра уезд. А опосля? Губерния? — Приезжий привстал, войдя в карательный раж, и даже собрался грохнуть кулаком по столу.

— А ты покажи-ка, друг любезный, мандат, — хладнокровно и даже словно прикрывая рукой зевок, сказал Засыпкин.

— Я ж тебе сказал, где мандат.

— А ты мне без мандата кто? Хрен в пальто и без пуговиц. Я тебя сейчас арестовать прикажу. — В окно внесло запах дыма. Во дворе боец разводил костер, налаживал котелок с картошкой. — Да твоим мандатом, может быть, контра пользуется. Так что сиди и не рыпайся. Значит так. Если правильно составишь отчет — подчеркиваю: некарательный — напишу, что сгорел твой мандат в борьбе с демонами контрреволюции. И печать поставлю.

— С какими еще демонами?

— Я ж тебе говорю: на леднике. Покажу после.

По участку улицы, видимому из окна, тяжело проскрипела телега. Лошадь вел под уздцы небольшой мужичок, тоскливо ссутулившись, босой, в сильно поношенном городском пиджаке, накинутом на голое тело. Засыпкин мельком отметил какой-то непорядок в его лице, но какой именно, не ухватил. Он сунул руку под стол и достал бутыль.

— Вот. Привет нам с тобой. С Пьяного Поля.

— Мне к заданию приступить надо, — неуверенно произнес безмандатный, в то же время пристально глядя на бутыль. Он вдруг замигал часто-часто и трудно сглотнул.

— Да выполнено твое задание. Отдыхай, — сказал Засыпкин.

— Как выполнено?

— Привезут они хлеб. Уже возят. На станцию. И фураж. И картошку. Все, что начли на них, то и возят. И вот — самогону бутылъ. Чтоб, значит, простил подлецов и не гневался.

Командировочный в свою очередь глянул в окно. Обоз продвигался вдоль улицы к железной дороге. В котелке у бойца булькало. Он представил себе: картошка, горячая, рассыпчатая. Присыпанная крупной серой солью.

— А что ты там про ледник?

— Да ты выпей сначала. А то зрелище таково, что не приведи Господи. Особенно непохмеленному. Не пускать! — вдруг рывкнул Засыпкин, но было поздно. На пороге возник Гамаюнов. — Мол-чать! — Челюсть Гамаюнова обиженно вздрагивала. Так что при всем желании он ничего путного произнести не мог. — Если ты мне снова свою теорию, — сказал Засыпкин, — то я обратно тебя в подвале запру. Выйди. Ладно, войди. Садись. Пей.

— И не видно в самом выгодном свете, — развивал теорию спустя полчаса Гамаюнов. — А почему? А потому: вращающаяся световая воронка, завихрение света, световорот. Я сначала предположил, что цилиндр, но если б цилиндр — то тогда в него сверху заглянуть можно. Как в стакан. — Он заглянул в стакан, в котором на данный момент было пусто. — Так что конус, господа. Конус. Извиняюсь: товарищи.

— Я, брат, простой рабочий. Проще простого рабочего ничего нет. И совет мой тебе простой: молчи, сколь терпения хватит, — сказал Засыпкин. — Тогда и я, сколь терпения хватит, буду тебя терпеть. А начнешь народ баламутить — смотри. Руки у меня длинные, а разговор короткий.

— Понимаю, товарищ Засыпкин. Постараюсь, товарищ Засыпкин. Держать в тайне. Подписку дам, — бормотал ученый, но напустив таких интонаций, что было ясно: убийства инопланетян он советской власти никогда не простит.

— Подписку... Кровью на стенке подпишешься. Так, командир?

— Стало быть так, — подтвердил командировочный. — У нас сейчас иная задача: Россия, брат. Поднимать ее надо. Палками, если надо. Как издыхающую, если надо, лошадь. Ну и, конечно, кормить. Не до планетян.

— Сергеев! — высунулся в окно Засыпкин. — Да что ты, брат, нам всё эту картошку? Штык на твоём винтаре есть? Коли гуся!

— Так это ж Марковны гусь! — испугался Сергеев, затевавший еще котелок.

— Ничего, атакуй! За ней контрреволюционный грешок числится! Так я ей ин... ик... индальгенцию выпишу!

